

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ**

МАМЕДАЛИ ГУСЕЙНОВ

**ДРЕВНИЙ ПАЛЕОЛИТ
АЗЕРБАЙДЖАНА
(по материалам пещерных стоянок)**

Баку 2010

Монография печатается по решению Ученого Совета Института археологии и этнографии Национальной Академии Наук Азербайджана в рамках Международной конференции "Карабах в каменном веке", посвященной пятидесятилетию открытия многослойной палеолитической пещерной стоянки Азых в Азербайджане.
Монография подготовлена к печати А.А. Зейналовым.

Мамедали Гусейнов. Древний Палеолит Азербайджана. Баку, "ТекНур"-2010, 220 стр.

Книга является первым обобщающим трудом по раннепалеолитическим культурам на территории Азербайджана, основанным на палеолитических материалах, выявленных автором.

В результате археологических исследований под руководством автора открыт ряд пещерных стоянок, относящихся к различным эпохам палеолита. Это дало возможность впервые для древнейшей истории Азербайджана установить периодизацию палеолита, включающую эпоху куручайской культуры (олдувай), ашель (ранний, средний и верхний), мустье и поздний палеолит.

В пещере Азых выявлены и изучены остатки очагов, датируемых ранним, средним и поздним ашеlem, что является значительным вкладом в археологию, так как очаги с различными конструкциями в столь древних отложениях фиксируются впервые. Высказано мнение о существовании искусственного способа добывания огня уже в начале ашеля (миндель). Представлена детальная технико-типологическая характеристика каменного инвентаря стоянок древнего палеолита Азербайджана, на основании которой выделено и обосновано существование культуры Куручай, датируемой автором более 1,2 млн. лет назад.

Объектами исследования явились палеолитические пещерные стоянки Азых, Таглар, Дамджылы и Дашсалахлы. Работа основана на материалах собственных исследований автора, проведенных в 1956 – 1983 гг.

Книга предназначена для археологов, этнографов, историков, преподавателей и студентов вузов.

This is the first work summarizing Early Paleolithic cultures in the territory of Azerbaijan. The work is based upon Paleolithic materials discovered by the author.

As a result of archeological excavations carried out under the author's guidance, there have been discovered a series of sites of caves dating back to different epochs of the Paleolithic. This has provided the first ever opportunity to identify, for Azerbaijan's ancient history, periodization of the Paleolithic, including the epoch of the Kuruchay culture (Early Paleolithic), Acheulian (the Early, the Middle, and the Late ones), Mousterian, and the Late Paleolithic.

In Cave Azykh, there have been discovered and examined remains of hotbeds dating back to the Early, Middle and Late Acheulian, a substantial contribution to the archeology because hotbeds with different constructions in such ancient sediments have been registered for the first time ever. It is opined that the artificial way of making fire existed yet in the Early Acheulian (Mindel). There is given a detailed technical-typological description of stone tools of the Old Paleolithic sites in Azerbaijan. On this basis, there has been identified and substantiated the existence of the Kuruchay culture dating back to approximately more than 1.2 million years ago.

The study aimed at the Paleolithic cave sites of Azykh, Taglar, Damjili and Dashsalakhly. This work is based upon materials of the author's own studies conducted in 1956 – 1983.

This work is designated for archeologists, ethnographers, historians, and higher school teachers and students.

ISBN: 978-9952-445-11-4

**© МАМЕДАЛИ ГУСЕЙНОВ
© ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ НАНА**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2010 году исполнилось 50 лет со дня открытия палеолитической пещерной стоянки Азых в Азербайджане. Первооткрывателем стоянки, посвятившим 25 лет ее изучению, был основоположник палеолитоведения в Азербайджане Мамедали Мурад оглы Гусейнов (1922 – 1994).

Представленная на суд читателей монография, является докторской диссертацией Мамедали Гусейнова, успешно защищенной в Киеве в 1985 году. К сожалению, эта диссертация не была опубликована в виде монографии. Однако за прошедшие годы она не только не утратила актуальности, но и в свете последних антропологических и археологических открытий на сопредельных территориях: в Грузии (Дманиси), в Дагестане (Айникаб I и Мухкай I) – стала еще более востребованной. И это естественно, статус "уникального археологического памятника", присужденный Азыху такими высокоавторитетными специалистами, как И.П.Герасимов, А.А.Величко, В.П.Любин и Н.Д.Праслов, почти 30 лет назад, сохраняется до сих пор.

В работе рассматриваются материалы палеолитических пещерных стоянок Азых, Таглар, Дамджылы и Дашсалахлы, открытых и исследованных автором. Основная часть работы посвящена памятнику мирового значения пещерной стоянке Азых, одному из важнейших археологических открытий XX века. Многие из найденного в Азыхе – будь то жилые конструкции, очаги, "тайник" и даже каменный инвентарь может сопровождаться эпитетом впервые, что, бесспорно, обосновывает утверждение М.Гусейнова об особом, исключительном значении этого памятника.

В палеолитоведении никогда не было недостатка в научных гипотезах, как о возникновении человека, так и появлении его в различных регионах Земли. Касательно большей части Евразии, то на протяжении многих лет, включая не только обобщающие

энциклопедические издания 70-х годов XX века, но и сводные археологические труды, предназначенные для специалистов, датировали время заселения первобытным человеком этой территории максимум 600 тыс. лет, то есть не выходили за рамки плейстоцена. Открытие в пещере Азых дало достоверные данные не только о присутствии олдована за пределами Африки, но и об ее отличительном, местном автохтонном характере, позволившем М.Гусейнову выделить новую – куручайскую культуру.

В мире много памятников эпохи палеолита, многие известны только узкому кругу специалистов, а некоторые вообще становятся объектом внимания, даже специалистов, только лишь в силу обнаружения там, пусть и очень незначительной, но антропологической находки. В Азыхе же наряду с такими феноменами ашельского времени, как появление огня, первые каменные конструкции и т.д., в пятом среднеашельском слое была обнаружена уникальная антропологическая находка – фрагмент челюсти азыхантропа, жившего около 400 тысяч лет назад.

Безусловно, первостепенный интерес представляет каменный инвентарь нижних VII – X слоев – собственно куручайской культуры. На первых этапах апробации каменного инвентаря нижних VII – X слоев Азыха перед М.Гусейновым стояла достаточно сложная задача доказать преднамеренность обработки этих артефактов. Задача была сложной, так как, в силу ограниченной доступности артефактов такой древности широкому кругу специалистов палеолитоведов на постсоветском пространстве, они нередко интерпретировались как случайные эолиты. Действительно, древнейшие каменные артефакты VII – X слоев Азыха, пусть даже залегающие в безукоризненно стратиграфических условиях, но увиденные впервые, даже у специалистов высокого уровня порой вызывают сомнения. Слишком

они были аморфны, грубы и для того, чтобы увидеть в них привычные для археологов устойчивые типы, закономерности обработки необходимо было время. В настоящее время преднамеренность обработки каменной индустрии VII – X слоев Азыха принята наукой.

Другой сложнейшей задачей, стоявшей перед М.Гусейновым, было обоснование выделения новой куручайской культуры и характеристика этапов ее развития. Детальная технико-типологическая характеристика каменного инвентаря VII – X слоев – собственно куручайской культуры, а также вышележащих VI, V и III слоев (ашельского и мустьерского) позволила не только обосновать выделение новой куручайской культуры, но и доказать, что вышележащие слои, базируясь на собственно куручайской культуре, продолжили линию развития местной автохтонной индустрии.

Не менее важна и изложенная 30 лет назад гипотеза М.Гусейнова о развитии палеолитической культуры в долине реки Куручай. Согласно этой гипотезе, Куручайская долина, где расположена пещера Азых, и в целом Южный Кавказ были обжиты гоминидами 1,5 – 2 миллиона лет назад. Наличие в самом нижнем – X слое каменной индустрии со следами преднамеренной обработки, то есть заселение пещеры гоминидами, с уже сформировавшимися навыками изготовления орудий, было достаточным основанием считать, что эти навыки были приобретены задолго до заселения пещеры в долине реки Куручай. Антропологические и археологические находки в Грузии (Дманиси), возрастом 2,0 – 1,8 млн. лет, а также открытие раннепалеолитических стоянок в Дагестане (Мухкай I и Айникаб I), стали косвенным подтверждением гипотезы Гусейнова о заселении региона древними гоминидами 2 млн лет назад.

В силу вышеизложенного, а также учитывая востребованность данной работы, Институтом археологии и этнографии Национальной Академии Наук Азербайджана было принято решение опубликовать докторскую диссертацию М.М.Гусейнова

"Древний палеолит Азербайджана".

При подготовке работы к печати редакцией было принято решение сохранить текст в его авторском изложении. Из текста убраны только обязательные для диссертационных работ изложения. Откорректирована дата границы эпох Брюнес-Матуяма. Согласно последнему постановлению МСК (вып.38, 2008), она составляет 780 тыс. лет, против 690 тыс. лет в диссертации.

Редакция также решила сохранить преднамеренную двоякую интерпретацию автором некоторых каменных орудий, что позволяет читателю не только отследить ход мыслей автора, но и самому сделать выбор. В частности, каменный артефакт на рис.47, 2 интерпретируется и как архаичный лимас, и как двояковыпуклое скребло; на рис.61, 3 – как трехкраевой чоппинг с поперечным выступом и как поперечное скребло с обушком. Таких интерпретаций очень мало и вызваны они были, видимо, трудностью выбора.

Работа М.Гусейнова, а также открытие столь же древних палеолитических памятников на сопредельных территориях, подводит мощную теоретическую базу для нового этапа палеолитических исследований, как в Азербайджане, так и в регионе.

Азад Зейналов

ВВЕДЕНИЕ

Проблема возникновения и развития первобытного человека и его материальной культуры является одной из сложных проблем современной науки.

Азербайджан, расположенный в районе крупных и самобытных очагов раннепалеолитических культур Закавказья и Передней Азии, играл важную роль в древнейшей истории.

Хотя изучение палеолита Азербайджана начато лишь недавно (немногим более четверти века назад), на его территории открыты и исследуются 16 палеолитических местонахождений. Часть из них представлена подъемным или переотложенным археологическим материалом, в связи с чем не может быть точно геологически датирована. Поэтому изучение памятников, в которых сохранились ненарушенными палеолитические культурные отложения, имеет важное значение. В этом отношении исключительный интерес и научную ценность представляют результаты исследований палеолитических пещерных стоянок Азербайджана (Азых, Таглар, Дашсалахлы) с ненарушенными слоями эпохи галечной культуры, ашеля и мустье. На основании исследований этих пещерных стоянок впервые на постсоветском пространстве открыта стратиграфически точно доказанная галечная культура. Примером является знаменитая пещерная стоянка Азых, где в стратиграфической последовательности зафиксированы разновременные культурные слои, охватывающие почти весь палеолит, кроме позднего, включающего огромный хронологический диапазон, начиная с олдувайской эпохи (галечная культура, 1,5 – 2 млн лет) до начала позднего палеолита. Материал, добытый при исследовании этой стоянки, представляет первостепенный интерес для проблемы появления древнейшего человека на постсоветском пространстве. Результаты исследований позволяют проследить картину развития палеолита на территории

Азербайджана от эпохи галечной культуры до мустье включительно, восполнив пробел, выражающийся в отсутствии стратиграфии древнейших этапов палеолита. Не менее важны материалы, позволяющие дать детальную реконструкцию среды обитания первобытного человека на территории Азербайджана.

Многослойная пещерная стоянка Таглар приобрела широкую известность среди мустьерских памятников благодаря богатейшим находкам каменных орудий и четкой стратиграфии культурных отложений значительной мощности. Тагларский мустьерский комплекс, изобилующий эффектным серийным материалом, дал возможность выявить локальные особенности развития мустьерской культуры и проследить этапы ее эволюции. Тагларский мустьерский комплекс впервые представил надежный материал для установления древнейших культурных контактов Кавказа с соседними территориями, что позволяет установить подлинные пути расселения древнего человека, направления древнейших культурных влияний и связей.

Главной целью исследования является изучение, систематизация и обобщение материалов по археологии раннего и среднего палеолита Азербайджана, установление времени первоначального заселения территории Азербайджана первобытным человеком, выявление связи разновременных палеолитических стоянок как Азербайджана, так и сопредельных стран. В связи с этим в работе, являющейся результатом двадцатипятилетнего труда автора, поставлены следующие задачи: изучение и классификация каменных изделий, их технико-типологическая характеристика, выявление местного своеобразия каменного инвентаря, его ближайших аналогий и параллелей; определение специфических особенностей изучаемых памятников, установление их места и роли среди синхронных памятников Кавказа и Ближнего Востока; обобщение и

систематизация материалов комплексных исследований палеолитических пещер Азых и Таглар, проведенных на стоянках палеонтологами, геоморфологами, палеогеографами и другими специалистами с целью получения точной датировки культурных отложений, установления хода развития и изменения природно-климатических условий. Поставлена также задача: на основании подлинных археологических материалов раскрыть тайны социальных отношений древнейших обитателей стоянок, появление искусственного огня и его роли в развитии древнего общества, возникновения идеологии и др.

Объектом исследования явились многослойные палеолитические пещерные стоянки Азых и Таглар, расположенные в Нагорном Карабахе, а также стоянки Дамджылы и Даш-салахлы в Газахском районе. Представленная работа основана на материалах собственных исследований автора, проведенных в 1956 – 1983 годах.

В процессе работы использована современная методика полевых исследований; характеристика каменных орудий выполнена по системе, общепризнанной в археологической науке в настоящее время.

В результате археологических исследований на территории Азербайджана под руководством автора открыт ряд пещерных стоянок с непотревоженными культурными слоями, относящихся к различным эпохам палеолита. Это дало возможность для древнейшей истории Азербайджана впервые установить периодизацию палеолита, которая

включает галечную культуру, ашель (ранний, средний и поздний), мустье и поздний палеолит.

Наиболее важным является открытие и изучение уникальной палеолитической пещерной стоянки Азых, которая должна стать эталоном для палеолита Кавказа и других стран. Значение стоянки Азых определяется еще и тем, что здесь были обнаружены останки пренеандертальца (азыхантропа) – одна из древнейших находок гоминид на постсоветском пространстве. Здесь же выявлены и изучены остатки очагов, датируемых ранним, средним и поздним ашеlem, что является значительным вкладом в археологию, так как слои такого древнего возраста с очагами фиксируются на постсоветском пространстве впервые. Обнаружены и всесторонне изучены остатки фундамента жилищ, высказано мнение о существовании искусственного способа добывания огня уже в начале ашеля. Впервые рассматриваются вопросы, касающиеся духовной жизни ашельских охотников, вопросы зарождения религиозных представлений у ашельских людей.

Впервые дана детальная технико-типологическая характеристика каменного инвентаря стоянок палеолита Азербайджана, что позволило выявить местное своеобразие орудий. Доказано существование на постсоветском пространстве древнейшей галечной культуры, до последнего времени оспаривавшееся многими исследователями.

ГЛАВА I ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Изучение каменного века в Азербайджане началось очень поздно. Первые собственно палеолитические исследования относятся к 1950-м годам, в связи с чем вопрос о существовании палеолитического человека и времени его появления в Азербайджане долгое время оставался среди ученых дискуссионным (Гусейнов, 1956). За отсутствием раскопанных палеолитических памятников Азербайджан выпал из поля зрения специалистов по каменному веку. Были известны только единичные находки кремневых и обсидиановых изделий неолита и более поздних эпох (Гусейнов, 1957). В археологическом фонде Музея истории Азербайджана хранятся коллекции разновременных каменных изделий, представленных кремневыми пластинами, скребками ножевидного типа, кремневыми наконечниками, ножами, каменными молотами и относящихся к довольно позднему неолитическому периоду (Никитин, 1882; Поляков, 1882; Пахомов, 1937, 1938; Гуммель, 1938, 1939, 1941, 1948; Джафарзаде, 1938, 1944, 1949; Джафарзаде, Алиев, 1956; Казиев, 1951; Гусейнов, 1956, 1957, 1960; Асланов и др., 1959). Эти орудия собирались на протяжении десятилетий и представляли собой случайные находки, точно датировать которые до последнего времени не представлялось возможным. Обнаружение на территории республики разнотипных каменных изделий помогло шире осветить древнейшую историю Азербайджана, а также расширить ареал обитания людей эпохи неолита (Курковский, 1916; Ниорадзе, 1934, 1937; Замятнин, 1936, 1949, 1950; Киладзе, 1944; Паничкина, 1950; Любин, 1953; Сардарян,

1954; Тушабрамишвили, 1955; Абибуллаев, 1959). Однако пока не было ни одного доказательства освоения территории Азербайджана в палеолитическое время, в то время как в соседних республиках Закавказья были обнаружены и изучены богатые палеолитические стоянки, дающие возможность предположить наличие аналогичных материалов и в нашей республике.

В Джейранчеле, Эльдарской степи и в Бинагады (на Абшеронском полуострове) были обнаружены богатейшие палеонтологические находки третичного и четвертичного периодов, изучение которых в научной литературе (Богачев, 1940; Пиотровский, 1949; Замятнин, 1957) доказало наличие здесь благоприятных климатических условий, богатейшей фауны и флоры, что положительно решало вопрос о возможности существования людей палеолита в Азербайджане (История Азербайджана, 1958).

Во время инженерно-геологических изысканий в селении Гырах Кесемен Газахского района, на левом берегу реки Куры, были обнаружены каменные отщепы, о которых сообщили в Институт истории АН Азербайджана. На рекогносцировочное обследование местности был направлен автор данной работы. Это был первый целенаправленный поиск памятников палеолита на территории Азербайджана.

В мае 1953 года были обследованы левый берег реки Куры и ущелье Шорсу, находящейся в Джейранчельской степи. На поверхности 30-метровой террасы было собрано небольшое количество базальтовых, доломитовых и

обсидиановых отщепов и сколов достаточно архаичного облика. Однако отнести их к какому-либо определенному хронологическому периоду не представлялось возможным. Недалеко от места сборов камней была найдена нижняя берцовая кость южного слона (Гусейнов, 1955).

Указанные находки вызвали большой интерес у специалистов, занимавшихся древнейшей историей Азербайджана. По инициативе Института истории АН Азербайджана в начале ноября 1953 года в Баку был приглашен один из крупнейших специалистов по палеолиту С.Н.Замятнин. Под его руководством и при участии автора были обследованы пещеры в окрестностях селения Мараза, Гянджачайская долина в Ханларе и окрестности горы Авейдаг в Газахском районе.

Наиболее значительная работа по выявлению палеолита на территории Азербайджана была проделана в окрестностях селения Дашсалахлы Газахского района. Здесь в плотных мезозойских известняках находится довольно большое количество пещер, гротов и навесов. Так, в гроте Дамджылы был заложен стратиграфический шурф и, несмотря на значительные разрушения, в отложениях были выявлены культурные слои, где зафиксированы каменные изделия, относящиеся ко времени позднего палеолита (Замятнин, 1958).

Два года спустя после первого обследования при Музее истории Азербайджана была организована специальная палеолитическая археологическая экспедиция, которая под руководством автора продолжила поисковые работы в том же районе.

Начиная с 1956 года, под руководством автора палеолитическая экспедиция стала

планово проводить исследования и поиски памятников палеолита по всей территории Азербайджана.

В 1956 – 1957 годах были полностью раскопаны и изучены отложения в гроте Дамджылы, где выявлены частично разрушенные слои среднего и позднего палеолита, а также мезолит-неолита (Гусейнов, 1959).

В 1957 – 1958 годах недалеко от грота Дамджылы была открыта и изучена еще одна пещерная стоянка – Дашсалахлы с хорошо сохранившимся мустьерским культурным слоем (Гусейнов, 1959а). Изучение каменного материала, полученного в результате раскопок, дало возможность автору этой работы установить относительный возраст случайных находок, которые хранились в фонде Музея истории Азербайджана.

Следует отметить, что до открытия вышеуказанных пещерных стоянок точные границы распространения человека каменного века в нашей республике определялись трудно. Имевшие место случайные находки относились к позднему каменному веку и находились далеко друг от друга и для их сопоставления не было ни одного раскопанного палеолитического памятника.

С обнаружением и детальным исследованием пещерных стоянок Дамджылы и Дашсалахлы был положен конец дискуссии о существовании палеолита в Азербайджане (Гусейнов, 1960).

Датировка раскопанного кремневого материала не опускалась ниже среднего палеолита, несмотря на то, что среди каменных изделий в гроте Дамджылы были встречены единичные орудия более архаичных

форм. Для того, чтобы определить самые глубокие пласты культур древнего палеолита, требовались многослойные пещерные стоянки, где сохранились бы в нетронутом виде культурные слои в их хронологической последовательности. Выявление памятника такого типа, бесспорно, представляло бы значительное событие не только для археологии Азербайджана.

К сожалению, не только в Азербайджане, но и на всем постсоветском пространстве до недавнего времени нижние границы раскопанных многослойных палеолитических стоянок не датировались древнее среднего палеолита. А палеолитические местонахождения в Закавказье, относящиеся к более древнему – ашельскому периоду, были представлены без стратиграфической документации и потому датировка их основывалась исключительно на типологии (Любин, 1969).

Более двадцати лет назад на постсоветском пространстве были изучены две пещерные стоянки, где сохранились культурные слои второй половины ашеля и позднего мустье. В этом большая заслуга принадлежит В.П.Любину, который впервые на постсоветском пространстве зафиксировал ашель и мустье в стратиграфической последовательности в пещере Кударо I в Юго-Осетии Грузии (Любин, 1959). А несколько позже подобный памятник выявил на той же территории А.Н.Каландадзе в пещере Цона (Каландадзе, 1960). На основании материала указанных палеолитических памятников был сделан вывод об освоении древним человеком Кавказа в среднем ашеле (Любин, Колбутов, 1961).

В 1960 году в Азербайджане автором была открыта уникальная древнепалеолитическая стоянка в пещере Азых (Гусейнов, 1963). Многолетние раскопки, проведенные в этой пещере, показали, что она является единственной в мире многослойной древнепалеолитической пещерной стоянкой, охватывающей по хронологическому диапазону огромный отрезок первобытной истории человечества.

За период с 1961 по 1964 год в результате раскопок выяснилось, что в пещере под слоями с орудиями раннемустьерского времени находятся пласты, содержащие изделия более примитивной культуры. Их облик и изготовление соответствовали среднеашельскому этапу палеолита. Наличие в Азыхе мощных слоев с ашельской культурой сразу же привлекло к этому памятнику широкое внимание археологов.

Раскопки 1965 – 1967 годов позволили выявить культуру, относящуюся к еще более древней, раннеашельской эпохе. В Азыхе раннеашельские орудия вместе с костными остатками древних животных впервые в нашей стране найдены в непотревоженном слое пещерных отложений, имеющих четкую стратиграфическую характеристику.

Особенно интересную находку дал раскопочный сезон 1968 года. В четвертом горизонте слоя V, вместе со среднеашельскими орудиями и остатками крупных млекопитающих, был найден фрагмент челюсти древнего человека (Гаджиев, Гусейнов, 1970). Значение этой находки трудно переоценить, поскольку она является самым древним остатком

покупаемого человека на постсоветском пространстве. На протяжении длительного времени было неясно, человека какого физического типа являлся творцом ашельской культуры, так как нигде в мире не был обнаружен антропологический материал в одном слое с орудиями ашельского типа. Лишь в последнее десятилетие в Северной Африке, Западной и Центральной Европе вместе с ашельской культурой были найдены фрагменты костей древнего человека. В Африке им оказался телантроп, в Европе – люди, близкие к питекантропам.

Изучение нижней челюсти человека из Азыха показало, что она наряду с примитивными чертами несет целый ряд прогрессивных признаков, знаменуя промежуточный этап между питекантропами и неандертальцами, и может быть отнесена к пренеандертальцам.

В 1971 году на уровне слоев со среднеашельскими орудиями в скальной стенке пещеры был обнаружен "тайник", в который намеренно были уложены черепа пещерных медведей (Гусейнов, 1974). На одном из черепов имеется восемь насечек, нанесенных первобытным человеком на прямую теменную кость молодого пещерного медведя. Факт преднамеренного укладывания черепов с насечками в "тайник", учитывая такой древний возраст, как средний ашель, представляет редкое и исключительное явление. Возможно, это свидетельствует о зачаточной и во многом загадочной для исследователей духовной жизни первобытных людей, находящихся на стадии поздних питекантропов. Не здесь ли лежат истоки магических верований, получивших более яркую выраженность на значительно более поздних стадиях формирования палеоантропов?

До 1972 года в отложениях пещеры Азых неоднократно находили обугленные кости различных животных, а также большое количество крупинок угля. Это свидетельствовало о том, что древние обитатели Азыха были знакомы с огнем и подвергали мясную пищу термической обработке. Однако самих очагов, которые окончательно подтвердили бы способность обитателей пещеры разжигать и поддерживать огонь, найти не удавалось.

В 1972 году на разных стратиграфических уровнях пещерных отложений, содержащих ашельскую культуру, было обнаружено пять очагов различного диаметра (Гусейнов, 1974а). Среди них имеются простые, в виде углублений в породе заполненных древесным углем и пеплом, а также с довольно сложной конструкцией. Так, стенки очага, выявленного в третьем горизонте слоя V, обложены мелкими известняковыми плитами, а дно выложено камнями. Эти находки свидетельствуют о том, что человек на довольно ранних этапах своего существования не только был знаком с огнем, но и постоянно пользовался им, строя для этого в своих пещерных жилищах специальные очаги. Таким образом, мы приобретаем еще один аргумент в пользу пиротической гипотезы антропогенеза.

Во время раскопок 1973 года во втором горизонте среднеашельского слоя была обнаружена примыкающая к очагу каменная кладка полукруглой формы, высотой 30см. Назначение этого сооружения заключалось в ограждении жилого участка в пещере (Гусейнов, 1974б). Очаги и элементы жилой конструкции ашельского времени обнаружены на постсоветском пространстве впервые.

В 1974 – 1975 годах при продолжении раскопок были вскрыты наиболее глубокие слои, расположенные на скальном дне входа в пещеру. В этих слоях найдены наиболее примитивные орудия труда галечной культуры, предварительное изучение которых показало, что они относятся к наиболее ранней орудийной деятельности человека, известной в настоящее время (Гусейнов, 1976). Галечная культура Азыха по своему облику и технике изготовления содержит много общих элементов с древнейшими орудиями труда, найденными в знаменитом Олдувайском ущелье в Африке.

Наконец, при раскопках наиболее древних отложений пещеры Азых среди галечной культуры найдены необычно большие орудия, не имеющие аналогов среди других столь же древних палеолитических стоянок мира.

Таким образом, даже беглый, хронологический перечень открытий и результатов раскопочных работ последних лет достаточно наглядно показывает исключительное значение Азыхской палеолитической стоянки для познания ранних этапов формирования человека и его материальной культуры (Гусейнов, 1977, 1979).

Вместе с тем очевидно, что изучение пещеры Азых выходит далеко за рамки только археологических исследований. Раскопки в пещере Азых, наряду с одновременными каменными орудиями труда, выявили большое количество костей ископаемых животных, характеризующих фауну палеолита не известную в Азербайджане (Гаджиев и др., 1979). Ярко выраженная стратиграфическая последовательность и многочисленность

костных остатков животных определяют важную роль данного памятника не только в изучении фауны древнекаменного периода, но и в уточнении возраста других плейстоценовых фаунистических комплексов, найденных на территории Закавказья (Гусейнов, Гаджиев, 1965; Алиев, 1969). В связи с этим с 1961 года в полевых работах вместе с археологами принимал активное участие член-корр. АН Азербайджана, палеонтолог Д.В.Гаджиев. Под его руководством С.Д.Алиев проводил исследования по фауне палеолита Азыха. Кроме того, автор совместно с Д.В.Гаджиевым на основе стратиграфии слоев Азыха обосновали относительный возраст отдельных слоев, включающих разновозрастный археологический материал и ископаемую фауну, и определили место азыхантропа среди палеоантропологических находок мира.

В 1975 году стоянку Азых посетили сотрудники Института географии АН СССР, палеогеографы д.г.н. А.А.Величко и к.г.н. Т.Д.Морозова, которые отобрали образцы и сделали детальное описание разрезов. Работа на разрезах была продолжена М.Б.Сулеймановым, проходившим целевую аспирантуру в отделе палеогеографии Института географии АН СССР. Палеомагнитные исследования образцов пещерных отложений провел сотрудник Геологического института АН СССР, к.г.-м.н. М.А.Певзнер. Кроме того, собранный полевой материал был подвергнут в Москве под руководством А.А.Величко комплексной лабораторной обработке, включавшей следующие методы: гранулометрический и химический (Г.В.Антонова, М.Б.Сулейманов),

минералогический (Т.А.Халчева), состав и морфология крупнообломочного материала (М.Б.Сулейманов), микробиологический (А.К.Маркова), палинологический (Э.М.Зеликсон). Результаты этих комплексных исследований позволили детализировать и уточнить возраст отдельных культурных слоев, обосновать возраст наиболее древних из них, вмещающих орудия галечной Куручайской культуры, дать детальную характеристику среды обитания первобытного человека в отдельные эпохи палеолита.

В раскопках стоянки участвовали сотрудники отдела каменного века Сектора археологии и этнографии Института истории АН Азербайджана М.М.Мансуров, А.К.Джафаров и др.

В пещере Азых геолого-геоморфологические и палеогеографические исследования проводили сотрудники Института географии АН Азербайджана: д.г.-м.н. А.В.Мамедов, д.г.н. Н.Ш.Ширинов и к.г.н. М.Б.Сулейманов.

После открытия пещеры Азыха археологическая экспедиция под руководством автора еще шире развернула поиски и исследования памятников палеолита.

В 1960 году автором была открыта еще одна палеолитическая пещерная стоянка Таглар, расположенная недалеко от пещеры Азых (Гусейнов, 1973).

С 1963 года параллельно с раскопочными работами в пещере Азых, началось изучение пещеры Таглар. Здесь

исследование продолжалось более десяти (1963 – 1964, 1966 – 1967, 1973, 1977 – 1980) полевых сезонов (Джафаров, 1979).

В результате археологических раскопок в пещере открыта и изучена многослойная мустьерская стоянка (несколько тысяч кремневых орудий с преобладанием леваллуазской техники обработки материала, многочисленные ископаемые костные остатки различных животных). Здесь же следует отметить, что данный объект является уникальной многослойной стоянкой среди известных мустьерских памятников постсоветского пространства.

Следует также отметить, что в пещере Таглар, как и в Азыхе, проводились комплексные палеогеографические исследования, давшие неоценимый материал для датировки и характеристики палеогеографических условий обитания стоянки. Наряду с Тагларской стоянкой обнаружены следы палеолита в пещере Шуша (Джафаров, 1973).

Палеолитическая археологическая экспедиция, руководимая автором, уделяла большое внимание поиску и изучению подъемного палеолитического материала в Газахском районе, где выявлено и изучено более семи палеолитических местонахождений, относящихся к ашельскому и мустьерскому периодам (Любин, 1960; Мансуров, 1973, 1978). Были и отдельные случайные находки каменных орудий, относящихся к эпохе мустье.

ГЛАВА II ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА В АНТРОПОГЕНЕ

Территория Азербайджана имеет глубокую геологическую историю. В обширной литературе (Вартанян, 1943; Кашкай, 1945; Хаин, 1953; Мильков, Гвоздецкий, 1958; Думитрашко, 1959, 1961, 1974; Азизбеков, 1961; Милановский, Хаин, 1963; Антонов, 1963, 1966, 1972, 1976; Шихалибейли, 1964, 1966; Мусеибов, 1968; Ширинов, 1975 и др.) рассматриваются вопросы неотектоники, истории развития рельефа, древнего и современного оледенения, изменения климата и многое другое.

Прежде чем говорить о природно-климатических условиях антропогена, следует остановиться на характеристике природы доантропогенового (третичного) времени.

Известно, что в третичном периоде (плиоцене) на территории Азербайджана были благоприятные природные условия. Не случайно и в настоящее время в некоторых районах республики сохранились отдельные представители третичной флоры (Богачев, 1924, 1926, 1927; Гроссгейм, 1928, 1929, 1936; Касумова, 1955; Гаджиев, 1959; Мусеибов, 1975). На основании геологических и палеонтологических данных можно предположить, что в конце третичного периода в Закавказье могли существовать далекие предки человекообразных обезьян и антропоидов. Ярким примером может служить находка остатков одного из родов человекообразных обезьян в местечке Удабно (Бурчак-Абрамович, Габашвили, 1945), получивших название "удабнопитек". Эта уникальная находка говорит о возможности расселения на территории Закавказья не только древних человекообразных обезьян, но, возможно, превращения их в человека.

Начало формирования наиболее крупных элементов рельефа относится к миоцену и более древним эпохам. Рельеф приобрел современные черты на последнем, сравнительно коротком (около 3 – 3,2 млн лет), отрезке геологического периода – на протяжении конца третичного и четвертичного

времени, основой хронологии которого для территории Азербайджана служит эволюция Каспийского моря-озера и его фауны. В течение позднеплиоцен-четвертичного времени развития территории Азербайджана намечается несколько основных стадий, различающихся по режиму тектонических движений, геоморфологических процессов и осадконакопления, а также климата (Мамедов и др., 1976).

Первая стадия соответствует акчагыльскому веку. Для территории Азербайджана были характерны мощные поднятия и складчатость, что обусловило осушение морских и озерных водоемов, существовавших до этого в осевой полосе Куринской впадины, а также формирование обширных аллювиальных и аллювиально-пролювиальных равнин. Большой и Малый Кавказ в это время были довольно крупными горными системами, имеющими абсолютные высоты, близкие к среднегорьям.

Климат преакчагыльского времени (раннего и среднего плиоцена) продолжительно был сухим и жарким в депрессионных зонах и относительно влажным и прохладным – в горной части территории.

Широкое распространение получила гиппарионовая фауна (трехпалые лошади, антилопы, жирафы, носороги, гиены и др.), видовой состав которой отражает формы лесного, лесостепного и степного биотопов и характеризует теплые и влажные климатические условия.

В начале акчагыла отмечается широкая трансгрессия Каспия, обусловленная общим опусканием исследуемой территории. Акчагыльский бассейн в пределах Куринской впадины достигал на западе почти меридиана г.Тбилиси. В связи с трансгрессией происходит резкое повышение базиса эрозии, в речных бассейнах ослабевает глубинная эрозия, что приводит к планации рельефа и формированию поверхностей выравнивания в горных системах Большого и Малого Кавказа.

О палеоклиматических условиях акчагыльского века можно составить представление по палеофаунистическим и палеоботаническим материалам.

Фаунистические остатки показывают, что по сравнению с преакчагыльским временем в субтропическом климате акчагыла произошли изменения в сторону похолодания и иссушения, приведшие к большому развитию открытых ландшафтов (Ализаде, 1954; Гаджиев и др., 1976).

По палеоботаническим данным в составе акчагыльской древесной флоры отмечается значительное содержание типичных субтропических форм. Верхний пояс лесов Восточного Закавказья составляли темнохвойные леса (пихта, тсуга, ель, кедр, сосна), средний пояс охватывали широколиственные леса умеренного типа (каштан, бук восточный, дуб и др.), а нижний пояс – смешанные субтропические леса (ольха, ива, восковник, гикори) (Джабарова и др., 1976).

Из описания видно, что в горных районах климат акчагыльского века был теплым и относительно влажным. В это время закладывается начало формирования современной фауны и флоры, четко оформляется их дифференциация по вертикальным ландшафтным поясам.

Следующий за третичным антропогеновый (четвертичный) период является уникальным в истории развития природы Земли, так как связан с происхождением и эволюцией человека. В отличие от предшествующих периодов его называют антропогеном, т.е. периодом происхождения человека. Отсюда и важность комплексного – с применением палеогеографического, археологического и других методов – исследования каждого географического региона.

Человек жил и развивался в постоянно меняющихся географических условиях, связанных с неоднократными ледниковыми периодами на протяжении всего антропогена. Неоднократно изменялись природные ландшафты, климат, животный и растительный мир, неодинаково и своеобразно влияя на расселение и эволюцию человека, а также на

его культуру. В течение антропогена происходило формирование человеческого общества, возникновение и совершенствование производственной техники в процессе трудовой деятельности, зарождение мышления, изменение физического облика человека и приобретение им современного вида.

В течение антропогена природные условия на территории Азербайджана неоднократно менялись, хотя общим фоном оставалось прогрессирующее похолодание и иссушение климата.

Как известно, антропогеновый период подразделяется на плейстоцен, эоплейстоцен и голоцен.

В эоплейстоцене (абшерон) произошли существенные изменения природных условий, которые проявились в прогрессирующем изменении темпов поднятий гор, увеличении контрастов рельефа. В конце абшеронского века морские условия сохранились лишь в синклинальных прогибах крайней восточной части Куринской впадины и на Абшероне. Реки продвигали свои русла за отступающим морем, образуя широкую сеть сложно разветвленных долин.

Горные системы Большого и Малого Кавказа к этому времени достигли высоты около 2500 – 3000 м, что обусловило возникновение высокогорного нивального пояса. Поднятие гор сопровождалось локальными горно-долиными оледенениями, что было связано также с общим похолоданием.

В абшеронском веке отмечается и значительная активизация и вулканической деятельности.

В позднем абшероне вертикальная дифференциация ландшафтов достигает полного развития. В это время имеют место резкие различия климатических условий отдельных физико-географических областей. Состав фауны из абшеронских отложений свидетельствует о жарком и сухом климате равнин. В условиях аридного климата на равнинах широкое распространение получили открытые пространства и лесостепи саванного типа (Гаджиев и др., 1976). В горных областях климат был сравнительно холодным и влажным.

В плейстоцене произошли наиболее существенные изменения всей природной обстановки. В раннебакинское время в результате похолодания и увлажнения климата отмечается новое поднятие уровня Каспия, вследствие чего значительная часть Куринской депрессии, юго-восточная часть Гобустана, Абшеронский полуостров и Самур-Девичинская низменность покрывались водами Каспия.

Сводовые поднятия горных систем привели к усилению глубинной эрозии, увеличению высоты гор.

Похолодание климата в первой половине бакинского времени довольно четко фиксируется обеднением состава фауны и флоры. Среди позвоночной фауны бакинских отложений уже не отмечаются обитатели саванн (страусы, газели), впервые появляются многочисленные остатки четвертичных животных. Из состава флоры вытесняются вечнозеленые древесные породы. Лесная растительность занимает довольно обширные площади.

В позднебакинское время выявляется вторая фаза трансгрессии раннеплейстоценового Каспия. Климат меняется в сторону потепления. В результате интенсивного таяния горных ледников, образовавшихся еще в раннебакинское время, увеличивается речной сток. Предполагается, что климатические условия позднебакинского времени были близки к современным (Мамедов и др., 1976, с.6 – 17).

В предхазарское время горные системы Большого и Малого Кавказа испытали интенсивное вздымание, которое продолжалось и в раннем хазаре (среднем плейстоцене). Поднятие сопровождалось изменением климата вновь в сторону похолодания и оледенения. Последнее носило горно-долинный характер. Ледниками были покрыты высокогорный и часть некоторых долин среднегорного пояса (Антонов, 1959, 1971; Будагов, 1969).

В раннем хазаре наблюдается тенденция к опусканию Кура-Араксинской депрессии, что обусловило покрытие ее водами Каспийского моря. Последнее образует заливы до долины реки Куры и в низовьях реки Аракс, достигая на западе устьев рек Алазани и Гянджачай, и

менее крупные заливы в Джейранкечмезской депрессии и Гусаро-Девичинской низменности.

Горное оледенение и снижение снеговой границы привело к снижению вертикальных ландшафтных поясов по сравнению с их современным положением. Можно предположить, что нивальный пояс охватывал высокогорный, а горные луга (альпийские и субальпийские) занимали сравнительно большую площадь. Горно-лесной же пояс охватывал среднегорный и предгорный пояса.

Остатки флоры, обнаруженные в раннехазарских отложениях бассейнов рек Шамхорчай и Дзегамчай (Малый Кавказ), указывает на холодный и влажный климат. Время формирования раннехазарских отложений характеризуется на Малом Кавказе развитием березового редколесья с участием в растительном покрове единичных широколиственных деревьев, расширением открытых пространств (Мамедов и др., 1974).

В позднем хазаре (первая половина позднего плейстоцена) продолжали интенсивно расти горные системы Большого и Малого Кавказа. Резко сокращаются контуры Куринского залива, расширяются площади предгорных наклонных равнин. Еще отчетливее вырисовываются вертикальные ландшафтные пояса. В высокогорном поясе в связи с потеплением климата происходит некоторое отступление ледников и сокращение их площади (Музейбов, 1964).

Судя по фациально-генетическим особенностям отложений, климат позднехазарского времени был близок к современному, на что указывает также состав ископаемой фауны и флоры, обнаруженных в позднехазарских отложениях Абшеронского полуострова (у пос. Бинагади).

В Бинагадинском захоронении обнаружено более 8750 видов животных. Палеонтологи полагают, что здесь погибло около 411 животных, в том числе 154 лошади, 73 бинагадинских осла, 31 бинагадинский носорог, 52 оленя, 82 бинагадинские сайги, 11 бинагадинских свиней, 6 бинагадинских быков. В

общей сложности в Бинагади обнаружены кости, принадлежащие 32 видам млекопитающих. Помимо этого, обнаружены остатки более 100 видов птиц, значительное количество насекомых (Бурчак-Абрамович, Джафаров, 1953; Верещагин, 1947). Здесь же найдены остатки флоры (можжевельник, гранат, фисташка, тамарикс, солянка и др.), характерной для теплых и сухих климатических условий (Петров, 1936; Ширинов, 1973).

Все это свидетельствует о том, что территория Абшеронского полуострова в позднехазарское время была более облесенной, чем в настоящее время. Можно предположить, что на полуострове и в прилегающих областях существовали благоприятные природные условия.

В хвалынское время (вторая половина позднего плейстоцена) в горных системах Большого и Малого Кавказа продолжается поднятие, которое происходит в условиях общего похолодания и аридизации климата. Похолодание и большая высота гор способствовали развитию оледенения наиболее высоких горных участков, что вызвало значительную перестройку высотной поясности. Изменения проявились в снижении и более широком распространении горно-лугового

(альпийского и субальпийского) и горно-лесного ландшафтов. Возможно, лесной пояс занимал не только среднегорную и низкогорную полосы, но и значительную часть предгорных равнин.

В конце хвалынского века, в результате регрессии, предопределенной как климатическими факторами (аридизацией), так и активизацией позднехвалынских поднятий, море покидает всю территорию Кура-Араксинской низменности.

В голоцене (новокаспийское время) аридизация климата продолжается. На территории Азербайджана устанавливаются природные условия, характерные для современного этапа. Во время климатического оптимума голоцена климат был теплее и суше, чем современный.

На равнинах значительное распространение получили представители сухих степных и полустепных стадий.

Таким образом, природно-климатические условия территории Азербайджана в течение антропогена неоднократно и довольно значительно изменялись на общем фоне прогрессирующего похолодания и иссушения климата.

ГЛАВА III ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И КОМПЛЕКСНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК АЗЕРБАЙДЖАНА

I. Географическое положение палеолитических стоянок Азербайджана

Известные нам памятники палеолита на территории Азербайджана сосредоточены на восточных склонах Малого Кавказа (в Газахском, Агдамском, Физулинском, Гадрутском районах), в низменных районах Прикаспия

(Баку, Алят), а также в пределах Джалилабад-Лянкярана (рис.1).

Эти памятники изучены и зафиксированы в виде наземных стоянок и случайных находок. Многолетние археологические исследования показали, что материальная культура эпохи палеолита Азербайджана подразде-

- нижний палеолит
- средний палеолит
- ▲ верхний палеолит

- 1-Азыхская пещера; 2-Тагларская пещера; 3-Шушинская пещера;
4- Пещера Дашсалахлы; 5-Пещера Дамджилы; 6- Местонахождение Каялы;
7- Местонахождение Мараллы; 8- Местонахождение Чахмаглы

Рис. 1. Карта распространения палеолитических памятников в Азербайджане

ляется на три стадии – ранний, средний и поздний палеолит. Ранний и средний палеолит очень четко определяются стратиграфически в пещере Азых. Находки среднего палеолита (мустье) зафиксированы в пещерах Таглар, Дашсалахлы, Дамджылы. В связи с наибольшей древностью археологического материала отсчет палеолитических стоянок Азербайджана следует начать с пещеры Азых.

Пещера Азых расположена в юго-восточном окончании Карабахского хребта и его отрогов. Карабахский хребет представлен здесь той частью юго-восточного окончания, которая расположена между вершинами Беюк Кирс (2725 м) и Зиарат (2480 м). По высоте эта часть хребта охватывает среднегорья, занимающие обширную территорию и интенсивно расчлененные густой сетью маловодных рек (Мамедов и др., 1982). Отдельные отрезки хребта имеют высоту более 2000 м и облик высокогорного рельефа. Основные орографические элементы района пещеры Азых состоят из хребтов, расходящихся веером от горного узла Беюк Кирс на северо-западе района. В юго-восточном направлении хребты постепенно понижаются, образуя в крупном плане ступени на высотах

тектоническим уступом переходят в Приараксинскую предгорную наклонную равнину. По мере расхождения водораздельных хребтов и гряд расположенные между ними речные долины довольно заметно расширяются, приобретая местами формы обширных котловин – Тугской, Тагларской и др. (Сулейманов, 1982).

Одной из наиболее крупных внутригорных котловин является Тугская (рис.2), простирающаяся в широтном направлении на 15 км и в меридиональном – на 10 км. Абсолютная высота ее колеблется от 550 до 850 – 900 м. На юге и севере котловина ограничена Аргюнашским (1470 м) хребтом, Салакетинской и Трактикской (750 – 1100 м) низкогорными грядами. Южные склоны Салакетинского хребта, обрамляющие котловину с севера и сложенные известняками юры, в значительной мере обнажены и скалисты, в них развиты карстовые пещеры. Так, на северном борту котловины, на абсолютной высоте 800 м, расположена пещера Азых (рис.3).

На западе Тугская котловина обрамляется Тугским (1500 м) и Тагларским (1300 м) хребтами. В верхнеюрских известняках, слагающих Тагларский хребет, на абсолютной высоте 700 м расположена другая палеолитическая стоянка – пещера Таглар.

К востоку и юго-востоку от Тугской котловины расположена Приараксинская равнина, которая занимает предгорную зону, заключенную между юго-восточной оконечностью Карабахского хребта и долиной р.Аракс. Абсолютная высота Приараксинской равнины в пределах предгорий достигает 450 – 500 м и постепенно понижается в южном и юго-восточном направлениях. Тугская котловина дренируется

Рис. 2. Общий вид Тугской котловины

2500 – 2700, 2200 – 2400, 1600 – 2000, 1200 – 1400 и 600 – 1000 м, и эрозионно-

р.Куручай и ее притоками. В долине реки, в пределах Тугской и смежной с запада

Тагларской котловин, прослеживаются 12 террас высотой 1,5 – 2, 5 – 6, 10 – 14, 22 – 32, 40 – 46, 64 – 75, 106 – 108, 120 – 123, 136, 151 – 160,

Рис. 3. Пещера Азых. Общий вид

180 – 200 и 260 – 270 м. Наиболее высокие террасы врезаны в верхнеплиоценовую (акчагыльскую) поверхность выравнивания, фрагменты которой сохранились в современном рельефе вдоль бортов Тугской и Тагларской котловин на абсолютной высоте 900 – 1000 м. Террасы особенно хорошо развиты на левом склоне реки, где на уровне 180 – 200 м террасы расположена пещера Азых, а на уровне 31 м – пещера Таглар (Сулейманов, 1982, с.5).

Другая группа палеолитических пещерных стоянок – Дашсалахлы и Дамджылы – расположена на горе Авейдаг, на западе современного Азербайджана.

По характеру рельефа на западе Азербайджана выделяется несколько зон, которые соответствуют определенным геологическим структурам. Наиболее южная зона – это полоса разновысотных предгорий северо-восточных склонов Малого Кавказа. Среднегорная полоса сильно расчленена широкими и глубокими речными долинами. К северу интенсивность расчленения уменьшается, уменьшаются и глубины эрозионных врезов. В

предгорьях северо-восточных склонов Малого Кавказа, а также к западу от р.Дзегамчай местами хорошо сохранились миоценовые отложения.

К востоку от реки Товузчай предгорья и зона средних гор сложены в основном юрскими вулканогенными образованиями, среди которых осадочные отложения занимают подчиненное положение. Меловые же морские и вулканогенные отложения, образуя неширокую полосу и окаймляя юрские отложения с севера, занимают более низкую часть предгорий.

Гора Авейдаг находится в предгорьях северо-восточных склонов Малого Кавказа, сложена

меловыми и вулканогенными породами. Третичные отложения на северо-восточных склонах Малого Кавказа зафиксированы к югу от г.Шамкир и на западе, в пределах Газахского района, недалеко от горы Авейдаг. Обнаружение миоценовых отложений с фауной на высоте 700 – 1000 м над уровнем моря дает возможность судить о темпе поднятий за плиоцен-четвертичное время.

Между предгорьями северо-восточных склонов Малого Кавказа и долиной р. Куры расположена широкая полоса аллювиально-пролювиальной наклонной равнины, которая сложена главным образом галечниками, лессовидными и песчаными отложениями и делювиальными образованиями. Высота этой равнины колеблется в пределах 270 – 450 м. Долина расширяется к востоку, достигая 15 – 19 км. В пределах Газахского района, по левобережью реки Акстафачай она так же широка, к северу же от горы Авейдаг равнина суживается и расчленяется оврагами и балками.

К северу от долины реки Куры расположена Джейранчельская и Гаразская степи.

Горы здесь сложены в основном сарматскими и более древними третичными (на севере) и акчагыл-абшеронскими (на юге) отложениями. В межгорных понижениях широко развиты четвертичные и аллювиальные и делювиальные образования. Абшеронские отложения здесь начинаются мощной пачкой базальтовых конгломератов, свидетельствующих о большом размахе тектонических поднятий в области Малого Кавказа.

Основные черты и детали рельефа северо-восточных предгорий Малого Кавказа начали формироваться с концами плиоцена. Глубоко выработались речные долины, развитие эрозии отделило гору Авейдаг от соседних гор, и хотя эти процессы начались значительно раньше, своего максимума они достигли именно в абшеронское время.

Гора Авейдаг, где обнаружены палеолитические стоянки, сложена вулканическими и осадочными породами мелового периода (Мусеилов, 1959). Обращенная к северу часть горы сложена известняками турона, которые представлены мощными пачками, образующими крутые отвесные склоны и карнизы. Известняки подстилаются маломощными пластами конгломератов, содержащих мелкую гальку и гравий с известковым цементом, которая в свою очередь подстилается глинами. Южные склоны горы состоят из вулканогенных скальных пород турона.

Окружающий гору Авейдаг рельеф слабо выражен. К востоку и северо-востоку он представляет собой слабонаклонную к северу равнину с пологими и невысокими увалами. Северный край, сильно изрезанный оврагами и балками, обрывается к долине Куры. К северо-западу от Авейдага рельеф отличается сильной расчлененностью, изрезан сетью балок, долин и возвышенностей. Более своеобразны в геоморфологическом отношении южные и юго-западные окрестности Авейдага.

Склоны Авейдага, имеющие к северу уклон до 7 – 20°, сильно изрезаны (глубина врезов достигает 25 – 50 м), а к югу и востоку обрываются крутыми уступами. На склонах его имеются многочисленные гроты, карнизы и ниши, образовавшиеся как в вулканических,

так и в осадочных породах. Среди многочисленных пещер горы Авейдаг только в двух были обнаружены стоянки древнего человека – это пещеры Дашсалахлы и Дамджылы.

2. Комплексная характеристика пещеры Азых и ее отложений

а) Морфологическая и морфометрическая характеристики

Пещера Азых расположена на левом склоне долины р.Куручай, на абсолютной высоте 800 м (над урезом реки – 200 м). Являясь наиболее крупной и сложной по строению пещерой на территории Азербайджана, она выработана в зоне контакта доломитизированных известняков и известковистых аргиллитов, которые служат водоупорным горизонтом. Пещера расположена на южном крыле Салакетинской антиклинальной складки. Падение пластов на этом участке превышает 20 – 24° на юге крыла, а непосредственно на участке расположения пещеры составляет 8 – 12°. Южное крыло Салакетинской складки прорезано небольшой долиной (рис.4). На склоне долины сохранились террасовые ступени, одна из которых образует ровную площадку шириной до 15 м, откуда открываются оба входа в пещеру. Другая терраса расположена на 10 – 15 м выше первой, образуя четко выраженный карниз (шириной от 1 до 8 – 10 м) в эрозионно-тектоническом обрыве (рис.5, а и б) (Мусеилов, Гусейнов, 1961; Султанов, 1965, 1973; Сулейманов, 1979).

Пещера Азых относится к горизонтальным сквозным пещерам коридорного типа (Сулейманов, 1979) и представляет собой систему залов и ходов, расположенных примерно на одном гипсометрическом уровне. Общая протяженность пещеры превышает 200 м, площадь – около 2150 кв.м. В пещере выделяются два входных коридора и пять залов, соединенных горизонтальными и наклонными проходами (рис.6).

Главный (южный) вход в пещеру ориентирован на юго-запад. Высота его достигает 20 м, ширина основания равна 2,2 – 3,5 м (рис.7). Длина коридора равна 37 м, ширина изме-

няется в пределах от 4 до 10 м и достигает максимума в 25 м от входной арки. Эта часть коридора имеет овальную форму и куполовидный свод. На стенах его отмечаются эрозионные уровни в виде карнизов, полок и ниш. Наиболее четкий карниз (ширина 0,5 – 0,7 м) прослеживается вдоль южной стенки, на уровне условной нулевой горизонтали.

Низкий проход (длина 6 м, ширина 2,6 м, высота 1 – 1,2 м) соединяет привходный коридор с первым залом (гротом), имеющим в плане сложную подковообразную форму. Длина этого зала (получившего название "сталагмитового") достигает 50 м, ширина – 17,7 м. Высота зала колеблется в пределах 2 – 6 м, а в отдельных частях его потолок куполообразный. Отмечается три куполовидных свода, высотой до 15 м. Стены корродированы, на них наблюдаются мелкие карровые борозды и каверны, а местами покрыты коркой натёков.

Хемогенные новообразования в первом зале представлены сталактитами и сталагмитами. Один крупный сталагмит (высотой 1,8 – 2 м) расположен у южной стенки, в 17 м от входа в зал. У северной стенки зала расположена сталагмитовая колонна высотой 2,5 м, шириной 0,4 м. Небольшие сталактиты свисают с потолка в пониженных частях, а также с полок и карнизов.

Мощность рыхлых отложений, покрывающих пол первого зала, превышает 2 м. Пол приподнят в юго-восточной части и слегка понижен к северу и к югу. На полу восточной половины зала имеется несколько ям (диаметром 0,5 – 1,3 м, глубиной 0,4 – 2 м). Формы и величина их различны и свидетельствуют об их антропогенном происхождении.

В зале прежде всего привлекают внимание отмеченные выше натечные формы и огромные естественные полки, как бы прилепленные к стенкам. Находясь на разной высоте от пола (1,8 – 2 м), полки составляют одну из важных скульптурных особенностей пещеры. Длина полок достигает 3 – 5 м. Одна из них, находящаяся слева от входа в следующий зал, как бы подвешена к потолку. Полки сложены более твердым, трудно растворимым пластом

окремнелого известняка.

Из "сталагмитового" зала низкий (высотой до 1 м) проход ведет в следующий, меньший по размерам зал, имеющий в плане продолговатую форму. Его западная часть имеет ширину порядка 30 – 35 м, а восточная – около 15 – 20 м. Пол слегка наклонен в восточном направлении. Потолок западной и центральной частей зала представляет сложный рельеф, выраженный круглыми углублениями и выступами, и возвышается на 10 – 12 м от пола. Более узкая восточная часть имеет высокий куполообразный свод высотой до 20 м. Под куполом на полу имеется конусовидный холм, высотой около 2,5 м, состоящий из гуано летучих мышей.

Второй зал, как и предыдущий, сравнительно узким коридором соединяется с третьим, наименьшим в этой пещере залом. Разница в высоте пола северо-западной и юго-восточной частей зала достигает 2,5 м. Ширина грота достигает 20 м, к востоку он суживается до 2 м, затем вновь расширяется до 4 м. Пол имеет сравнительно большой уклон к востоку. Самая юго-восточная часть его представляет собой колодец, наполненный рыхлыми отложениями. Высота купола в этой части зала достигает 15 м. У стены зала на северо-западе имеется скопление обвалившихся обломков известняка и мелкозема. По всей вероятности, колодец, находящийся на поверхности горы, был связан с этим залом.

Проход в следующий зал очень узкий и значительно понижен. В последнем зале размером 30x25 м, пол с большим уклоном и только его восточная часть сравнительно ровная. Стены зала в большинстве случаев вертикальны. С потолка, имеющего весьма сложный карровый рельеф, достигающий высоты 7 – 15 м, опускаются массивные занавеси длиной от 1 – 2 до 3 – 4 м. В северной, более низкой части зала виден контакт двух мощных пачек известняка. В восточной части пещеры также имеются естественные полки. У подножья северной стены виден ход, закрытый обвальным материалом.

А последний зал соединяется с древней поверхностью входным узким, извилистым и

Рис. 4. Ущелье Азых

Рис. 5(а). Пещера Азых. Общий вид 1960 год

Рис. 5(б). Пещера Азыл

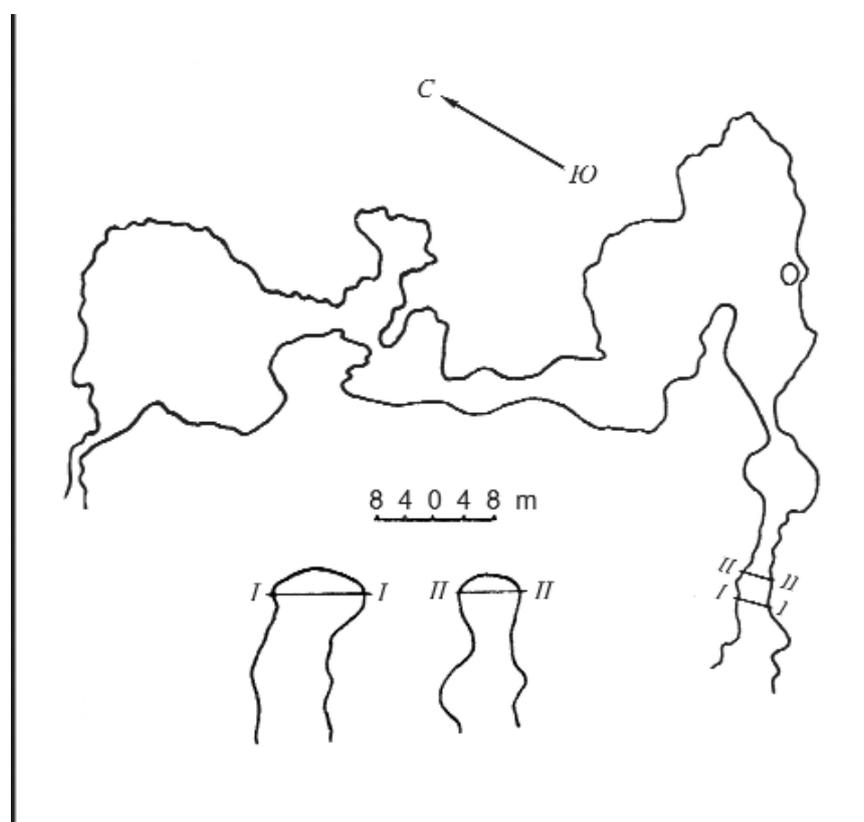

Рис. 6. План пещеры Азыл

ступенчатым коридором (юго-западным), длиной 10,5 м, шириной 1 – 1,2 м и высотой 1,2 – 2 м. Вход частично завален крупными глыбами известняка.

Морфологические исследования карстовой полости, проведенные палеогеографами, в совокупности с данными по региональной геологии и геоморфологии позволяют предположить, что пещера Азых образовалась в акчагыл-среднеабшеронское время, а ее заселение стало возможным в начале второй половины абшерона (Сулейманов, 1982, с.5 – 6).

б) Стратиграфическая колонка, выявленная археологическими раскопками (рис.8 – 12)

В течение продолжительного времени в пещере Азых были выявлены и изучены довольно мощные культурные напластования, охватывающие почти весь древний и средний палеолит (Гусейнов, 1979; Сулейманов, 1979, 1982). В этом отношении пещера Азых приобретает особое значение среди всех известных палеолитических пещерных памятников в мире. Если обратить внимание на стратиграфическую колонку, то очень четко видна последовательность всех культурных слоев, начиная от галечной культуры и до первой половины мустьерского периода включительно. И в этом отношении пещера не имеет аналогов среди палеолитических памятников мира (Величко и др., 1980; Герасимов и др., 1981).

В результате археологических раскопок в главном (южном) привходном коридоре выявлено десять разновременных слоев пещерных отложений, начиная с кровли отложений до скального дна пещеры. Среди них только верхний слой I является современным (голоценовым), III – VI слои относятся к плейстоцену, а VII – X датируются эоплейстоценом. Все слои очень четко отличаются друг от друга не только по литологическим характеристикам (цвету, составу, мощности и т.д.), но и по составу найденного в них археологического материала (Гусейнов, 1980, 1981).

В результате исследований можно дать следующее описание последовательных слоев пещерных отложений (сверху вниз).

I слой (современный) – гумусный. Поверх-

Рис. 7. Вход пещеры Азых

ность его покрыта сплошным тонким слоем пыли сероватого цвета. Ниже подстилается слой очажной золы, смешанной с черновато-перегнойной землей. Очажные прослойки не горизонтальны. Всюду обнаружены ямы, которые прорезают прослойки. Все ямы разной формы и глубины. Неправильно лежащие очажные прослойки показывают, что I слой, начиная с энеолита и вплоть до позднего средневековья разрушался и перемешивался. Гумусный слой содержит малочисленные обломки средневековой (IX – XV вв.) глазурованной керамики и костей мелкого рогатого скота. Только в нижнем горизонте, под южной стенкой у входа в пещеру было найдено несколько фрагментов грубого глиняного сосуда и одна проколка, тщательно выполненная из трубчатой кости мелкого животного. Аналогичные изделия встречаются в верхнем современном слое мустьерской стоянки в пещере Таглар, в

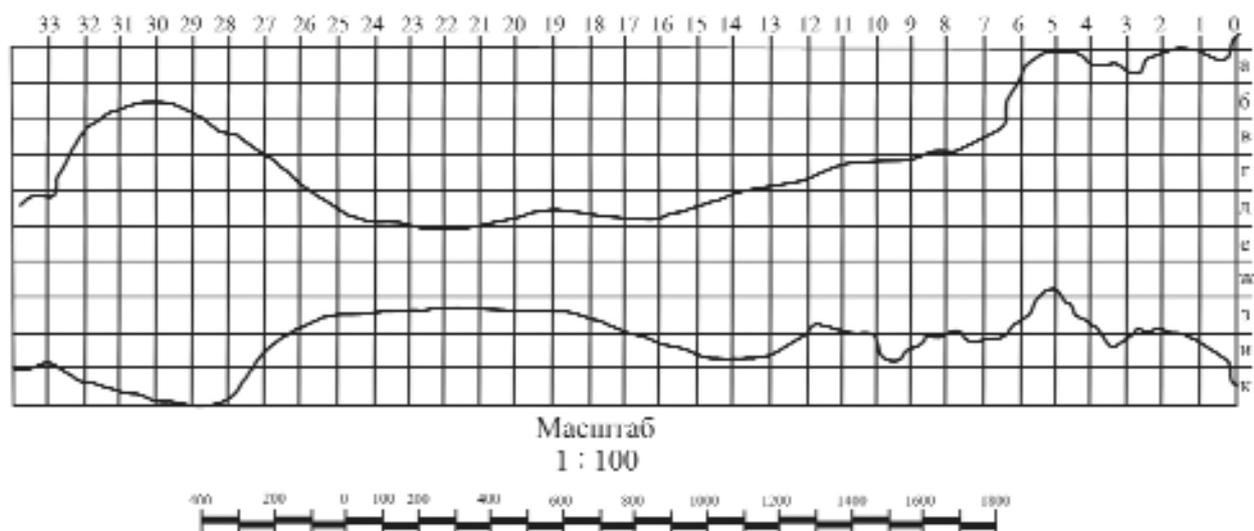

Рис. 8(а). Пещера Азых. План раскопок привходного коридора пещеры Азых

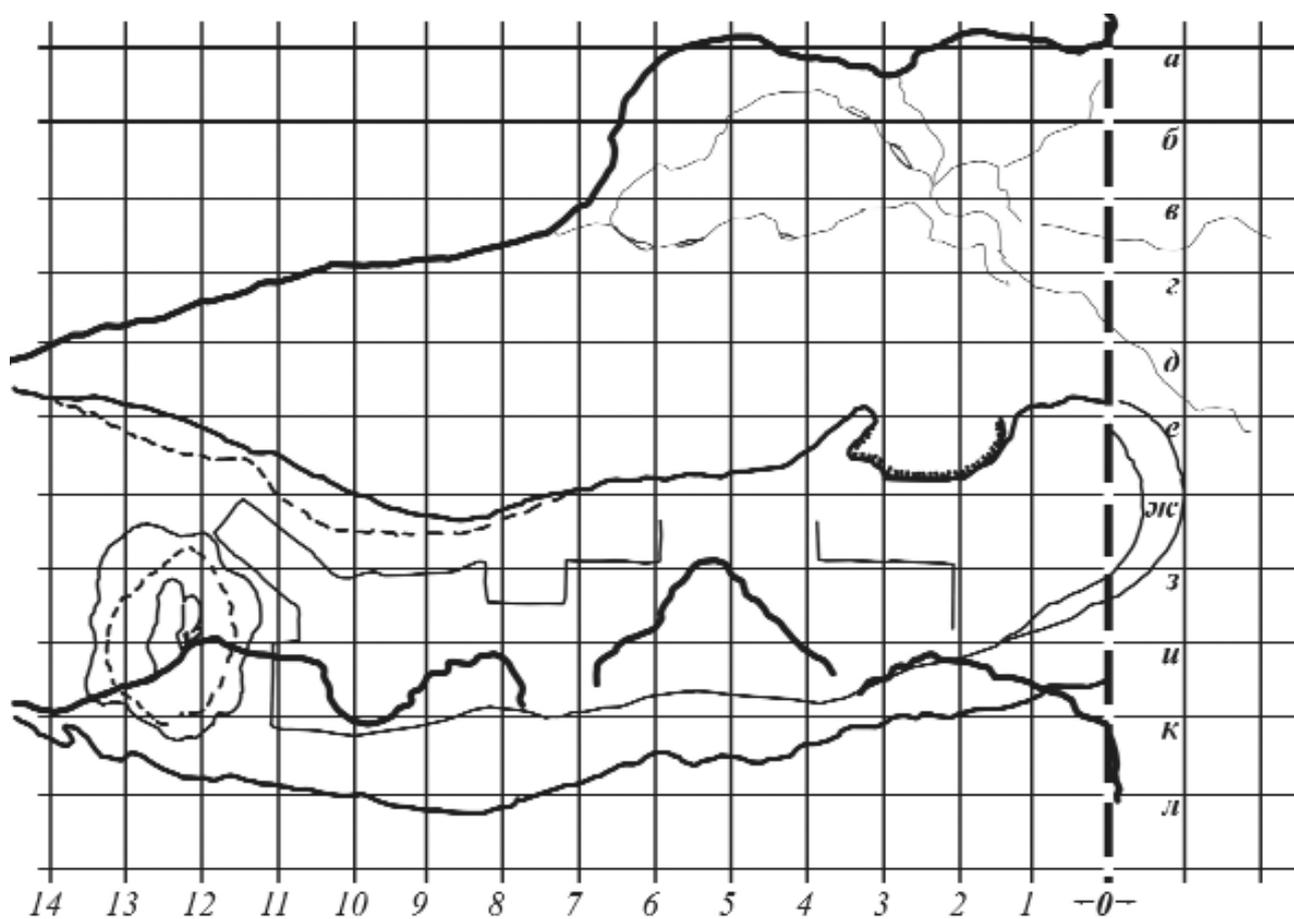

Рис. 8(б). Пещера Азых. План раскопа, 1975 год

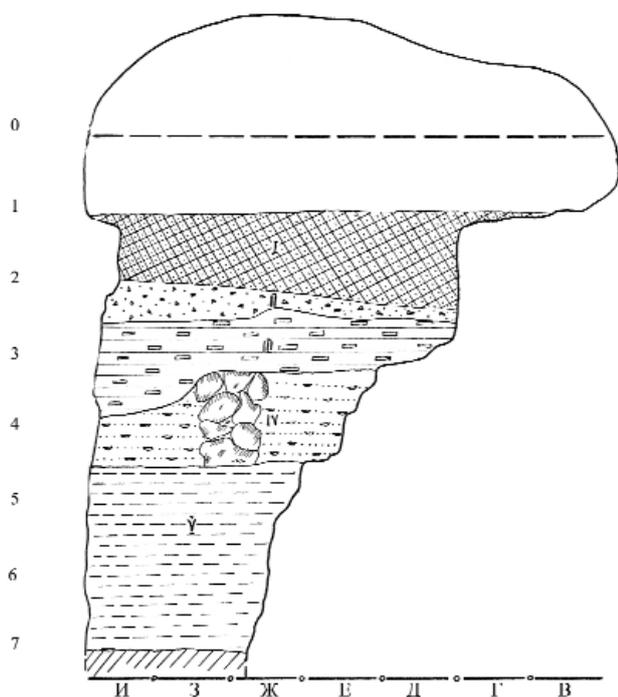

Рис. 9(а). Пещера Азых. Поперечный разрез

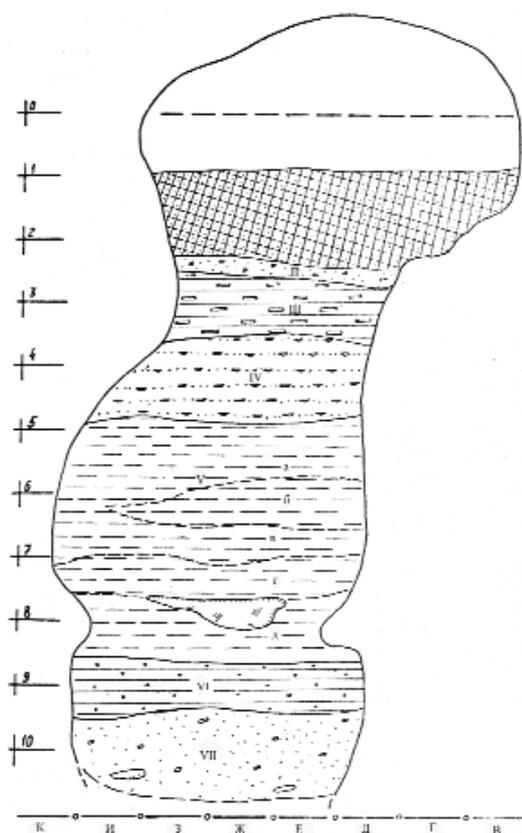

Рис. 9(б). Пещера Азых. Поперечный разрез

энеолитических слоях стоянок Кюльтепе в Нахчыване, Шомутепе и Тойретепе близ станции Агстафа Газахского района.

II слой – желтый суглинок с щебнем. Мощность во входной части незначительна, но вглубь коридора увеличивается. Культурных остатков не содержит.

III слой – суглинок, сильно насыщенный обломками известняка. Вдоль северной стенки часто встречаются крупные глыбы известняка, занимающие значительную площадь этого слоя и затрудняющие фиксацию находок по квадратам. Интересным является тот факт, что от входной арки (капельной линии) и до 25 м, вглубь коридора III слой разделяется на четыре горизонта. Сверху вниз первый – третий горизонты литологически и археологически слабо различаются, но четвертый горизонт вклинивается в виде желтого суглинка и прикрывает IV слой. Первый – третий горизонты III слоя дали богатейший археологический материал среднего палеолита, среди которого преобладают зубчатые орудия, скребла, скребки, дисковидные нуклеусы, рубильца, рубила ашельского облика, отщепы и т.д. Изделия по технике обработки почти одинаковы, но изготовлены из различных пород. Все они могут быть отнесены к финальному ашелю и первой половине мустье.

По всей площади раскопа каменные орудия сопровождалась сильно фоссилизированными костными останками разных животных. Среди них практически отсутствуют цельные кости, которые, несомненно, дробились древними обитателями стоянки с целью добывания костного мозга. На некоторых имеются следы прокалывания.

Последний, четвертый горизонт III слоя археологического материала не содержит.

IV слой – темно-бурый суглинок. Как и вышележащий III слой, он обильно насыщен острогранными обломками известняка. Отмечаются и громадные глыбы известняка. Слой имеет значительную мощность (до 1 м), распространен по всей площади привходного коридора. Слой археологически стерильный.

V слой – желтый суглинок с примесью

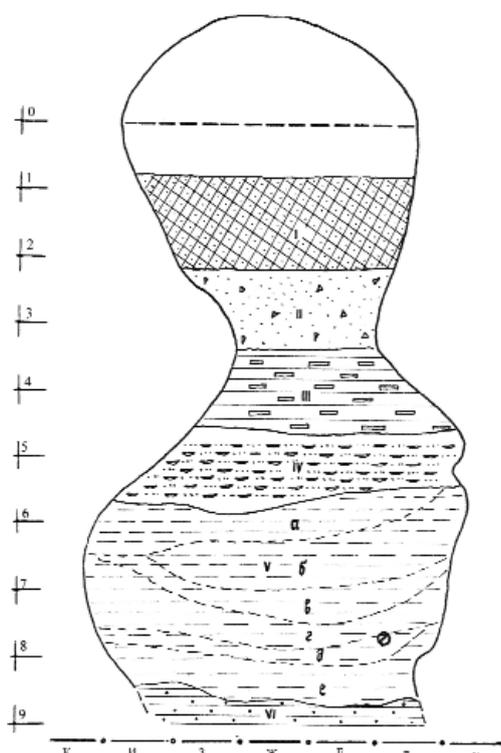

Рис. 9(а). Пещера Азых. Поперечный разрез

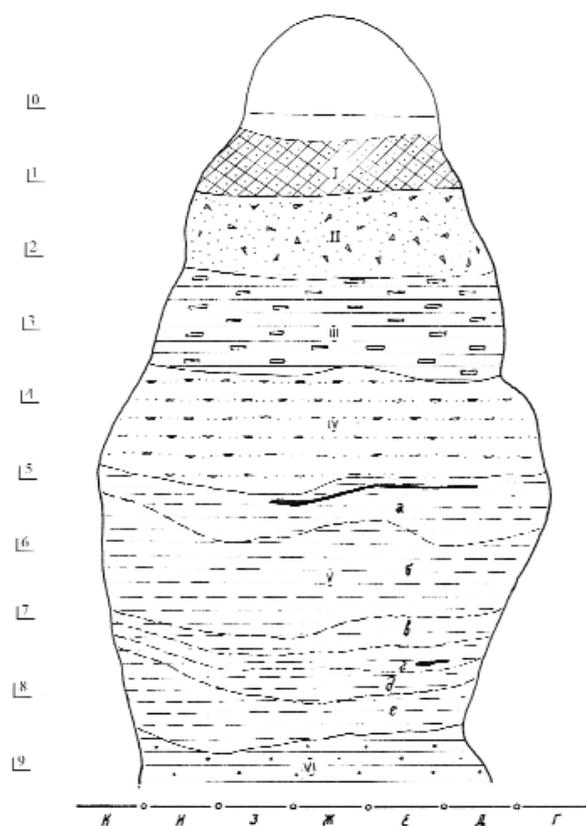

Рис. 9(б). Пещера Азых. Поперечный разрез

очень мелких, сильно выветрелых обломков известняка. У северной стенки коридора, как и в вышележащих слоях, встречаются большие скальные глыбы. Этот слой среди всех вышеописанных имеет наибольшую мощность (до 5 м). В нижних горизонтах V слоя меняется цвет отложений. Отмечаются прослойки красноватого и бурого цветов. По цвету заполнителя (суглинок) слой подразделяется на шесть горизонтов: первый – бледно-желтоватый суглинок, второй – желтый, третий – бурый, четвертый – буроватый, пятый – синий, шестой – буроватый.

Каменный инвентарь в V слое в количественном отношении представлен беднее, чем в III слое. Здесь каменные изделия представлены в основном грубыми рубящими орудиями в виде чопперов, чоппингов, примитивными скреблами, отщепами разной формы и т.д. По технике изготовления и типологии их можно отнести к среднеашельской эпохе.

Каменный инвентарь V слоя сопровождается разнообразной фауной. Здесь определено более 40 видов млекопитающих. Более 90% собранных костей было раздроблено, но встречались и целые кости.

VI слой – серовато-желтый суглинок с примесью щебня. Этот слой содержит большое количество примитивного каменного инвентаря и остатков ископаемой фауны. Каменный инвентарь представлен в основном грубыми рубящими изделиями (чопперы и чоппинги), рубилами, грубыми зубчатыми и выемчатыми изделиями и сколами. Костные остатки сильно раздроблены. По облику и типологии каменные орудия значительно древнее материала V слоя. Исходя из этого, а также по стратиграфии, археологические материалы VI слоя отнесены к древнему ашелю.

Нижняя толща пещерных отложений была раскопана в полевые сезоны 1973 – 1975 гг. На новой раскопной площадке от подошвы VI слоя до скального основания вскрыта 4 – 4,5-метровая толща отложений, представленная сильно сцементированным суглинком с включениями обломков известняка. Нижняя толща, в отличие от вышележащих слоев, за-

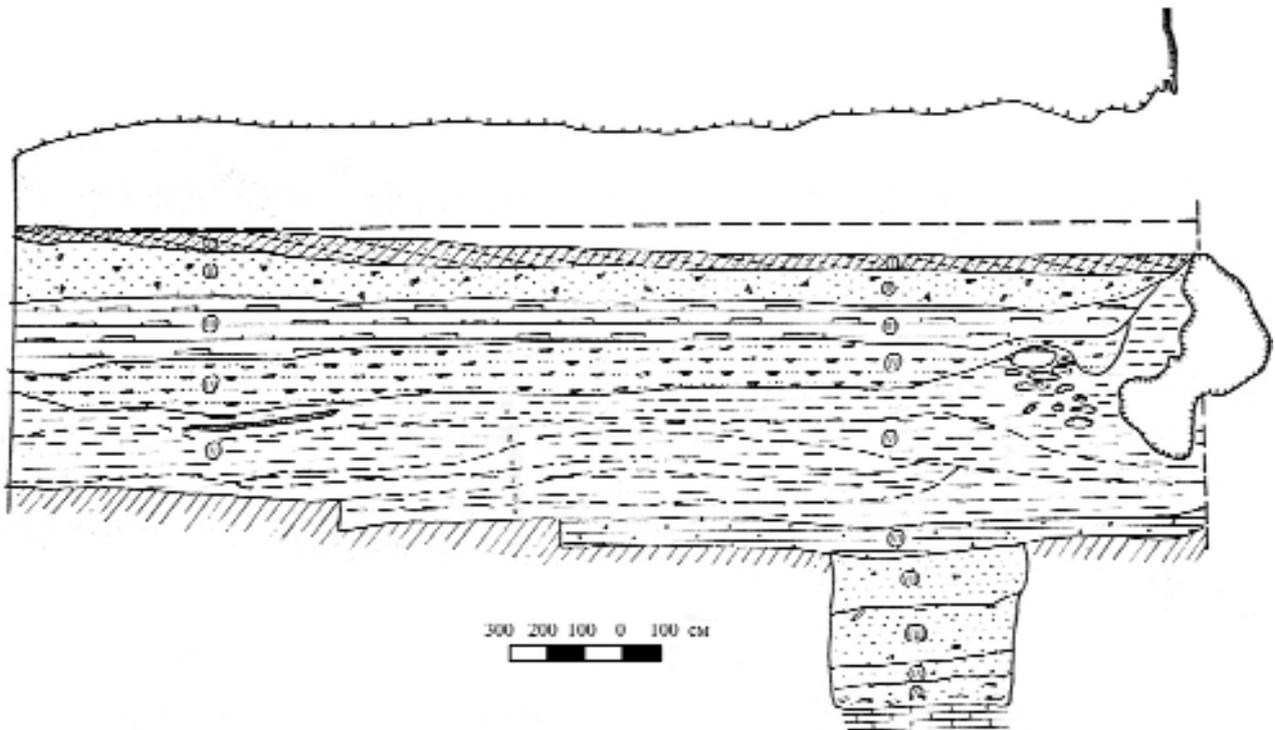

Рис. 10. Пещера Азых. Продольный разрез отложений

нимает ограниченную площадь (33 – 35 м²) и разделена на четыре археологических слоя (VII – X), литологически отличающихся от перекрывающих их слоев.

VII слой – сильно уплотненный суглинок буровато-зеленого цвета. По оттенкам суглинка и количеству обломков известняка слой подразделяется на четыре горизонта: 1 – серовато-бурый суглинок, сильно насыщенный известняком; 2 – буро-серый суглинок с включениями мелких обломков известняка; 3 – буровато-светлокоричневый плотный суглинок с журавчиками; 4 – серовато-бурый суглинок с редкими включениями обломков известняка.

В VII слое обнаружено небольшое количество каменных изделий, изготовленных из речных галек. Отмечаются неопределимые костные остатки фауны.

VIII слой – буровато-коричневый суглинок с редкими включениями обломков известняка. Во время раскопок здесь выявлено в два раза больше каменных орудий, чем в слое VII. Находки представлены скреблами, отщепами

и другими изделиями.

IX слой – зеленовато-бурый суглинок с редкими включениями обломков известняка. По сравнению с вышележащими слоями нижней толщи сильно увлажнен. Выделяются два горизонта: 1 – темно-серый суглинок с редкими включениями известняка, 2 – светло-зеленый суглинок с редкими обломками известняка. Археологический материал в этом слое обнаружен в значительно большем количестве, чем в VII слое. Здесь отмечаются чопперы, чоппинги, кубовидные и нуклевидные формы и др.

X слой – конгломерат из обломков известняка, пещерного туфа и суглинистого заполнителя, желтовато-серого с буроватым оттенком. В подошве слоя отмечаются сильно сцементированные коркообразные прослойки карбонатов, зерен магнетитового песка и мелких известняковых обломков. В этом слое выявлено определенное количество орудий из галек, скребла, выемчатые формы, отщепы и др. Фауна отсутствует.

Несмотря на значительную мощность ниж-

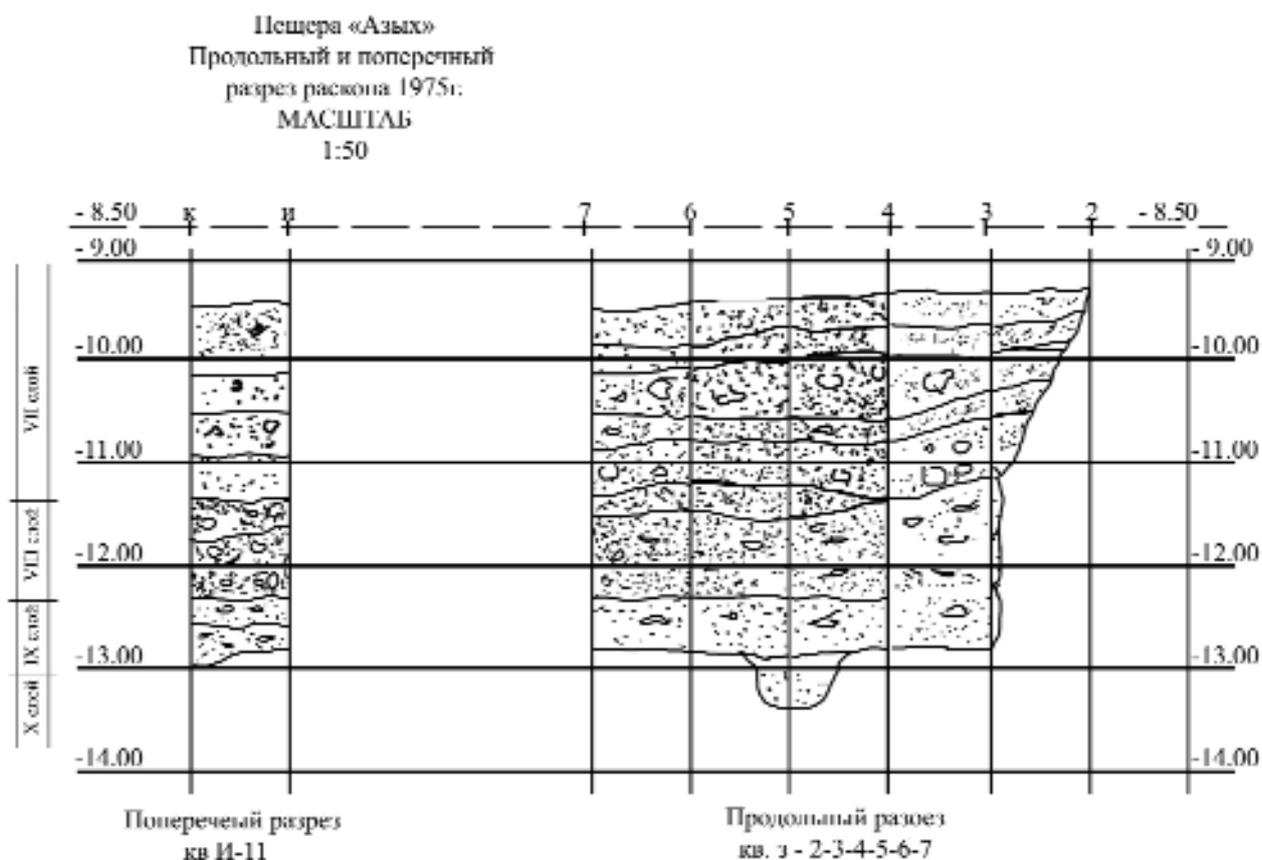

Рис. 11. Пещера Азых. Продольный и поперечный разрезы

ней толщи, свидетельствующую о сравнительно длительном периоде образования, каменные изделия VII – X слоев друг от друга не отличаются. Общей чертой является их исключительная примитивность и отсутствие устойчивых, закономерно повторяющихся форм. Археологический материал нижней толщи отложений Азыха представлен галечной культурой, по облику напоминающей древнейшую культуру галек, обнаруженную в некоторых районах Африки, Европы и Азии.

Типологический анализ каменных изделий из нижней толщи отложений Азыха позволил выделить данный археологический комплекс как новую культуру. Автор предлагает для этой культуры название "куручайская", по названию р.Куручай, в долине которой расположена пещерная стоянка Азых (Гусейнов, 1979, 1980). Куручайская культура со времени своего образования и существования в пещере Азых прошла длительный путь

развития, который можно разделить на три ступени (стадии). Первая ступень развития куручайской культуры относится к эпохе галечной культуры, вторая – к ашельскому периоду, третья к финальному ашелью-раннему мустье. Соответственно этому отложения пещеры делятся на три пачки: первая – самый верхний I археологический слой, вторая – II – VI слои и третья – VII – X слои с галечной культурой.

Палеогеографы, изучавшие стратиграфию разреза пещерных отложений, отмечают, что резко различающихся между собой литолого-стратиграфических единиц 13-метровая толщина разреза не содержит. Отложения представлены в основном алевритовым, суглинистым и глинисто-песчаным заполнителем с примесью (местами значительной) обломков известняка, карбонатных и железистых новообразований (Величко и др., 1980, с.23 – 24). Заметим, что деление отложений на пачки проведено с

Рис. 12(а). Пещера Азых. Поперечный разрез

учетом их корреляции с археологическим материалом.

Верхняя двухметровая пачка (I слой) состоит из рыхлой, пылеватой, практически нецементированной супеси с незначительным вкраплением мелких обломков известняка. Эта пачка соответствует археологическому слою I, содержащему находки энеолита-бронзы.

Следующую пачку образует средняя часть толщи (II – VI слои), представленная преимущественно более тонкими гранулометрическими разностями, неоднородна по составу, с постоянным (но неравномерным) содержанием обломков известняка различной формы и степени выветрелости.

Третья, самая нижняя пачка (VII – X слои) характеризуется наибольшей опесчаненностью, пестрой окраской с участием зеленовато-бурых, бурых и красновато-бурых тонов (средняя пачка имеет преимущественно серовато-бурую и палевую окраску). Известняковых обломков в слоях немного, но появляются гальки кристаллических пород, размером 10 – 12 см. К этой пачке приурочены самые древние археологические слои, содержащие галечные орудия.

Несмотря на то, что вторая и третья пачки

охватывают огромный отрезок времени первобытной истории человечества, нет оснований говорить как о непрерывном заселении пещеры, так и о непрерывном осадконакоплении внутри нее. О первом свидетельствуют археологически стерильные слои (II и IV), разделяющие слой с культурными находками, а о втором – наличие местами резких контактов, иногда с признаками размыва нижележащих слоев (например, контакты между слоями II и III, IV и V и др.).

в) Вещественный состав отложений пещеры (рис.13 – 15)

Комплексные литологические исследования позволили детально охарактеризовать вещественный состав и условия накопления отложений, вмещающих культурные слои стоянки Азых. В отложениях привходного коридора пещеры были проведены следующие исследования:

гранулометрический, химический и минералогический анализ, а также анализ состава и морфологии крупнообломочного материала, проведенный Г.А.Антоновой (Величко и др., 1980, с.23 – 26). Отложения верхней стратиграфической пачки (I слой) отличаются высоким содержанием песчаных фракций, высоким содержанием SO₃ в составе CaSO₄ и других легкорастворимых

Рис. 12(б). Пещера Азых.
Поперечный разрез

солей, слабокислой рН солевой суспензии.

Средняя пачка (II – VI слои) характеризуется повышенной оглиненностью, щелочной реакцией солевой суспензии, высоким (хотя и неравномерным) содержанием окислов Са. Отложениям нижней пачки (VII – X слои) свойственна наибольшая опесчаненность, наличие линз и прослоек песчаных глин и мергелистых суглинков. В ней резко падает содержание СаО и MgO, отсутствуют свободные карбонаты (Сулейманов, 1982, с.7).

Анализ морфологии крупнообломочного материала (Сулейманов, 1982, с.8) показал, что степень его оглаженности и выветрелости в отдельных слоях весьма различна. Так, в слоях VII – X, в нижних горизонтах слоя V и в слое III

преобладают обломки со сглаженными и оглаженными ребрами и выветрелой поверхностью, в остальных слоях отмечается большое количество обломков с угловатыми ребрами и слабыветрелой поверхностью.

По данным минералогического анализа, проведенного Т.А.Халчевой (Величко и др., 1980, с.24), в отложениях разреза выделяют слои IV и VI, содержащие свежий, слабыветрелый материал. Остальные слои в результате процессов выветривания претерпели значительные изменения.

В целях палеогеографической характеристики средне- и раннеашельских отложений был дополнительно исследован разрез в самом начале коридора пещеры, непосредственно под капельной линией. Изучение этого разреза представлялось более перспективным по сравнению с разрезами, расположенными в

Рис. 12(в). Пещера Азых.
Поперечный разрез (слой V – X)

Рис. 12(в, з, д). Пещера Азых.
Поперечный разрез (слой V – X)

Рис. 12(г). Пещера Азых.
Поперечный разрез (слой V – X)

глубине коридора, так как воздействие климатических факторов оказалось больше вблизи входа в пещеру.

Археологические находки позволили 1 и 2 слои дополнительного разреза датировать средним аше́лем, а слой 3 – ранним аше́лем. Слои 4 – 7 по условиям залегания между раннеашельским и доашельским (эпоха галечной культуры) слоями отнесены также к раннему аше́лю.

Минералогический состав средне- и раннеашельских отложений, вскрытых в дополнительном разрезе, был исследован Т.А.Халчевой, согласно которой среднеашельские слои 1 и 2 имеют хорошую сохранность минеральных зерен и низкие (0,13 – 0,45) значения коэффициента выветрелости, что указывает на слабую выветрелость минеральной массы. Раннеашельские слои 3 и 4 отличаются почти полным отсутствием неустойчивых минералов, что позволяет считать их выветрелыми в сильной степени, а слои 5 – 7 по значению коэффициента выветрелости являются выветрелыми в средней степени.

г) Палеонтологические находки (рис.16, 67, 70, 71)

В результате многолетних археологических раскопок в пещере Азых, наряду с каменными орудиями, выявлено и изучено огромное количество остатков костей различных животных. Все кости были сильно разделены первобытными людьми. Однако большинство костей было определено по видовому составу Д.В.Гаджиевым при участии С.Д.Алиева (Алиев, 1965, 1966, 1969; Гаджиев, 1973; Гаджиев, Алиев, 1965, 1966; Бурчак-Абрамович, Алиев, 1981; Бурчак-Абрамович, Бурчак, 1982).

После определения видового состава палеофауны палеонтологи представили следующие результаты исследований.

В составе азыхской древнепалеолитической фауны определены представители трех классов позвоночных животных: земноводные (Amphibia), пресмыкающиеся (Reptilia) и млекопитающие (Mammalia). Наиболее полный видовой состав (как и на других палеолитических стоянках) представлен

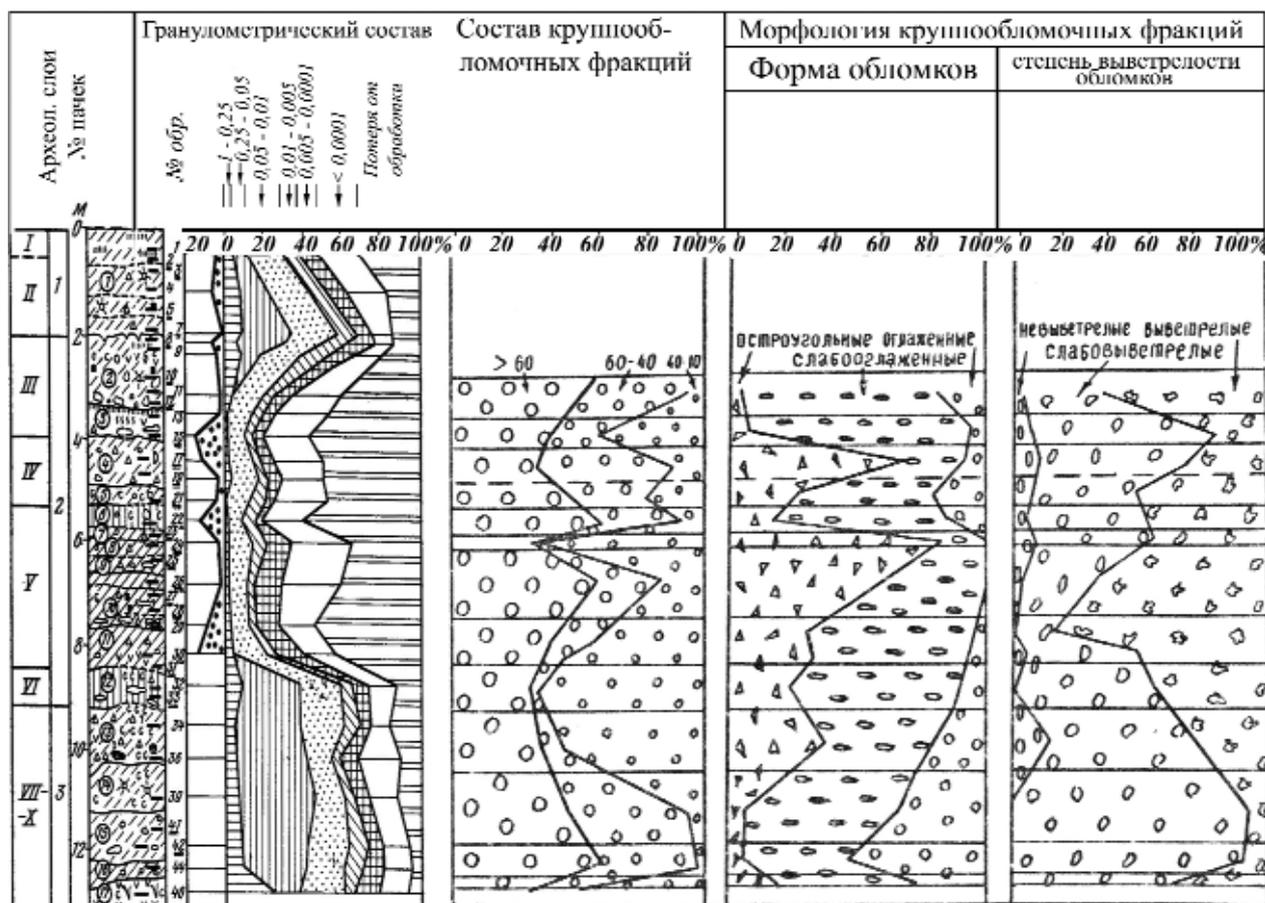

Рис. 13. Вещественный состав отложений пещеры Азых

млекопитающими. Обнаруженные здесь ископаемые остатки позвоночных животных относятся к семи отрядам млекопитающих: насекомоядные (insectivora), рукокрылые (Chiroptera), хищные (Carnivora), парнокопытные (Artiodactyla), непарнокопытные (Perissodactyla), зайцеобразные (lagomorpha) и грызуны (Rodentia).

Весьма многочисленны в Азыхе остатки рукокрылых (392 кости), принадлежащие четырем (?) видами летучих мышей: большой подковонос, подковонос Мегели, остроухая ночница.

Отряд хищных в составе азыхской фауны представлен остатками волка, шакала, лисы, барсука, каменной куницы, камышового кота, рыси, леопарда, пещерного медведя, бурого медведя и др.

Остатки волка незначительны и принадлежат двум разным формам. Причем крупная форма приближается к *Canis (Thos) sp.*, а

мелкая по размерам напоминает нижнеплейстоценовых собак.

Наибольший интерес представляют остатки шакала, обнаруженные в палеолитических отложениях стоянки, что является первым фактическим материалом, свидетельствующим о наличии *Canis aureus* в плейстоцене на постсоветском пространстве.

Остатки камышового кота из отложений Азыха интересны тем, что в плейстоценовых и голоценовых отложениях Кавказа этот вид в ископаемом состоянии до сих пор не был известен. Следовательно, он, как и шакал, является древним обитателем Кавказа.

Остатки пещерного медведя найдены во всех трех (III, V и VI) слоях пещеры. На Малом Кавказе, в юго-восточном Закавказье, в том числе и в Азербайджане, ранее пещерный медведь известен не был. Обнаружение его в Азыхе свидетельствует о более широком ареале существования этого вида. Наряду с его

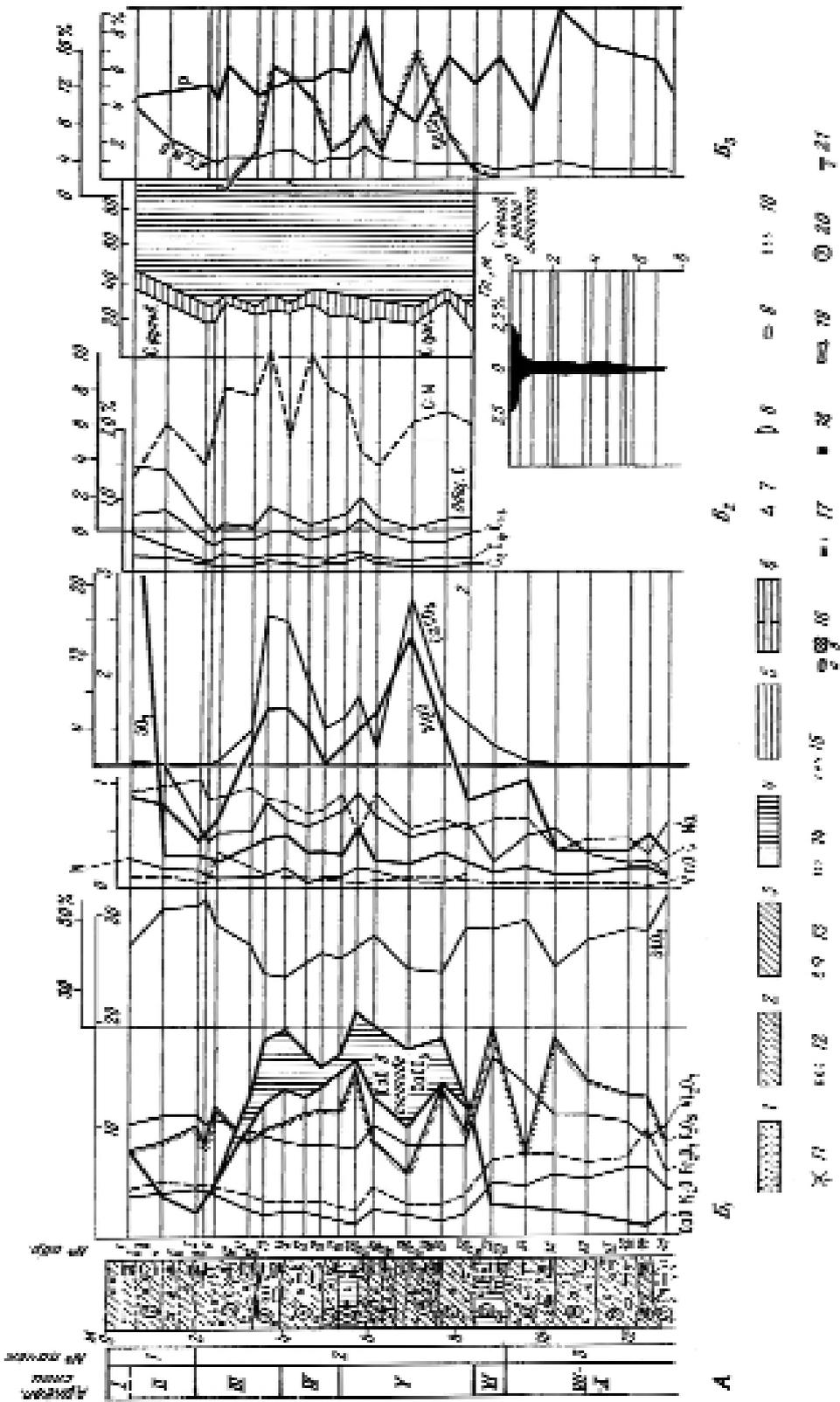

Рис. 14. Вещественный состав отложений пещеры Азых А – разрез пещерных отложений: археологические слои: I – энеолит – бронза, II и IV – стерильные слои, III – раннее мусье – финальный ашель, V – средний ашель, VI – ранний ашель, VII – X – культура галек. Условные обозначения к рис. 13 – 15: 1 – пески, 2 – супеси, 3 – суглинки, 4 – лёссовидные суглинки, 5 – глины, 6 – коренной известняк, 7 – обломки известняка с острыми гранями, 8 – то же, с отлаженными гранями, 9 – то же, с сильно отлаженными гранями, 10 – вертикальные перемещения карбонатов, 11 – локальные скопления пылеватых карбонатов, 12 – диспергированные карбонаты, 13 – концентрированные скопления карбонатов, 14 – железисто-марганцовистые скопления, 15 – бурое ожелезнение, 16 – галька экзотических пород: а – хорошо окатанная, б – оглаженная, 17 – гумусоаккопление, 18 – древесный уголь, 19 – кости млекопитающих, 20 – номера слоев. 21 – места отбора и номера образцов; подчеркнуты номера образцов, подвергнутых палеомагнитному анализу. Б – вещественный состав отложений: Б1 – валовый состав мелкозема, Б2 – групповой состав органического вещества и солевой профиль, Б3 – содержание валового фосфора, карбонатов и суммы углерода, азота и серы в мелкоземе

Рис. 15. Минералогический состав отложений пещеры Азых

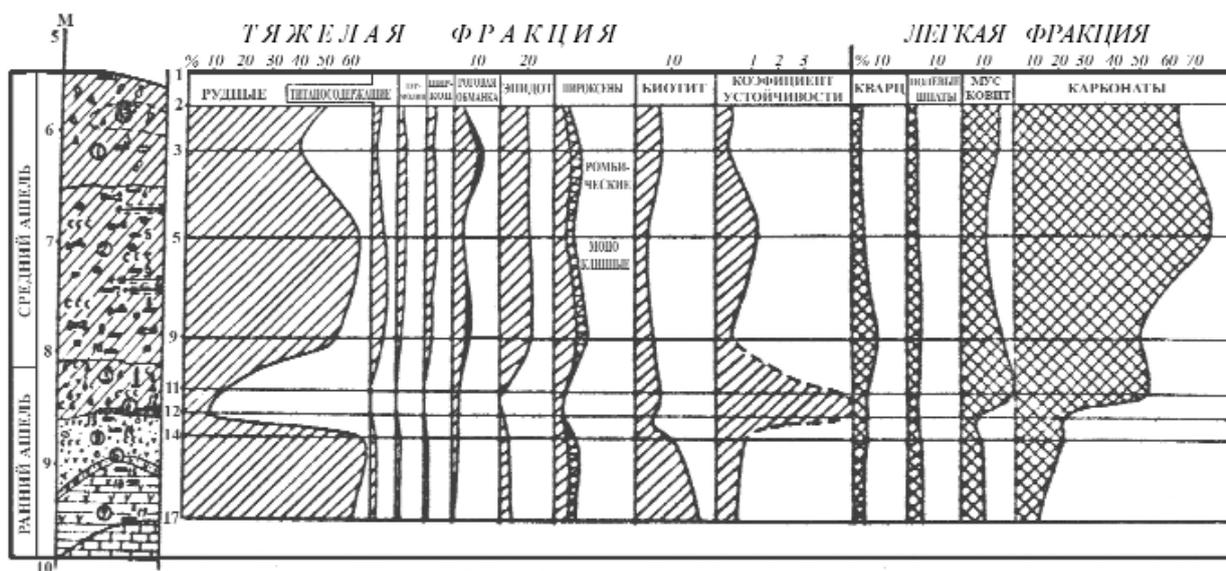

Рис. 15(а). Пещера Азых. Дополнительный разрез (1 – 6) отложений пещеры Азых – литология и данные минералогического анализа

остатками, во всех перечисленных культурных слоях Азыха найдено небольшое количество костей, которые по размерам и анатомическому строению практически не отличаются от костей бурого медведя.

В среднеашельском слое, помимо ука-

занных двух видов медведей, найдена часть нижней челюсти с сохранившимися зубными рядом. Наличие полного ряда коренных зубов сближает эту челюсть с гималайским медведем. По этому признаку он занимает промежуточное положение между бурым и

Вид животных	Археологическая культура и номера слоев											
	Галечная культура		Ранний мусьяр	Средний мусьяр				Поздний мусьяр	Поздний ранний мусьяр			
	IX	VIII		V					IV	III		
	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4а	4б	3б
<i>Insectivora</i>												
<i>Eumiacus vugoraeus</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Chiropotea</i>												
<i>Rhinolophus ferrugineus-equinum</i>												
<i>Rh. mehelyi</i>												
<i>Myotis Blythi</i>												
<i>Miniopterus shchzeibessi</i>												
<i>Lagomorpha</i>												
<i>Lepus arachnoides sp.</i>												
<i>Lepus arachnoides</i>												
<i>Lepus vugoraeus</i>												
<i>Carnivora</i>												
<i>Vulpes cf. vulpes</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Canis cf. lupus</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Canis (Ictus) sp.</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Meles cf. meles</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Meles faina</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Ursus aff. deningeri</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Ursus spelaeus (древн. форма)</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Ursus sp.</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Ursus (Ursus) arctos</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Crocota spelaea</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Panthera (Lea) spelaea</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Panthera (Panthera) pardus</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Felis (Lynx) issledzvenskii</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Felis (Lynx) lynx</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Felis (Felis) chaus</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Perissodactyla</i>												
<i>Diceroschimus mezeki</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Equus (Equus) sussenbornensis</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Equus (Equus) mosbachensis</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Equus (Equus) caballus</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Equus (Asinus) sp.</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Equus (Asinus) hydruntinus</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Artiodactyla</i>												
<i>Sus sp. (Крупная форма)</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Sus scrofa</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Megaloceros giganteus</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Capreolus capreolus</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Oreamnos (Dama) mesopotamica</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Oreamnos acronotus</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Oreamnos elaphus</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Saiga sp.</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Capra cylindricornis</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Capra sibirica</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Bison schobertensacki</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Bison sp.</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

|||| до 10 особей ||||| 10-20 особей ■■■■■ более 20 особей

Рис. 16. Видовой состав фауны пещеры Азых

гималайским медведями.

Отряд парнокопытных в отложениях Азыхской пещеры представлен следующими видами: косуля, средиземноморская лань, гигантский олень, благородный олень, газель, безоаровый козел, бизон, восточнокавказский тур.

Ископаемые остатки косули на территории Азербайджана до недавнего времени не были известны. В Азыхе они представлены незначительным числом костей (фрагмент рога, изолированные резцы, фрагменты нижней челюсти, лопатки и метатарзальной кости), которые найдены в среднеашельских и мустьерских слоях. К настоящему времени, помимо Азыха, остатки косули обнаружены еще в мустьерской стоянке Дашсалахлы. Это единственный вид оленеобразных, который и поныне сохранился в районе пещеры Азых и смежных с ней территориях.

Из оленеобразных наибольший интерес представляют остатки лани, найденные во всех костеносных слоях (ранний ашель – мустье). Остатки гигантского оленя найдены в тех же слоях Азыха и представлены многочисленными фрагментами рогов, левой ветвью нижней челюсти с полным зубным рядом, отдельными изолированными зубами, цельными и фрагментированными костями посткраниального скелета. Помимо Азыха, на территории Азербайджана остатки гигантского оленя известны еще из Бинагадинского захоронения, а также из одно-возрастных отложений в районе Баку.

Газель в составе азыхской фауны представлена лишь одним фрагментом рога. По форме и желобкам на поверхности рог газели из Азыха идентичен с рогом современной *Gazella subgutrosa*, но по размерам сходен с древними крупными особями джейрана. Время проникновения джейрана на Кавказ, в том числе на территорию Азербайджана, пока не уточнено. Вообще же газель на территории республики обитала еще с миоцена.

Безоаровый козел в Азыхе найден в отложениях среднего ашеля (фрагмент метатарзальной кости) и мустье (пяточная кость).

До последнего времени ископаемые остатки безоаровых козлов на территории Кавказа были известны лишь в голоцене. Теперь в результате изучения палеолита Азербайджана выявились более древние находки: например, небольшой остеологический материал, относящийся к этому виду, в составе фауны позднемустьерской стоянки Дашсалахлы и в слоях пещеры Таглар. Наличие остатков безоарового козла в ашельских отложениях Азыха говорит о среднеплейстоценовой давности этого вида в Закавказье.

Бизон обнаружен в V и VI слоях Азыха, где были найдены фрагмент левого рогового стержня с частью лобной кости и фрагмент части черепа. По ряду признаков бизон из Азыха близок к бизону Шотензака, хотя и не тождественен этому виду.

Из числа непарнокопытных в составе азыхской фауны необходимо отметить наличие ископаемой лошади, плейстоценового осла и носорога Мерка.

Остатки ископаемой лошади обнаружены в III, V и VI слоях. Видимо, ашельская лошадь из Азыха – это трансформировавшийся в миндель-риссе *Equus mosbachensis*. Остатки *Equus (Asinus) hidruntinus* хотя и немногочисленны, но встречаются во всех трех культурных слоях Азыха, а также в Дашсалахлы, Дамджылы и Тагларе.

Наличие носорога Мерка во всех трех слоях свидетельствует о том, что этот вид обитал здесь длительный период – от раннего ашеля до мустье включительно.

Отряд зайцеобразных в ашельских слоях Азыха представлен тремя видами: двумя видами пищухи, зайцем-русаком.

В V слое Азыха вместе с археологическим материалом среднего ашеля найдено большое количество нижних челюстей пищух. Судя по размерам и морфологии зубного аппарата, в Азыхе представлены две формы пищух. Одна из них, более мелкая, принадлежит к роду *Ochotona* и описывается Д.В.Гаджиевым и С.Д.Алиевым как новый вид этого рода. Большинство же остатков принадлежит крупной пищухе рода *Proochotona*. В

частности, в Азыхе в ранне- и среднеашельских слоях найдено более 75 нижних челюстей этого вида. Мелкая форма пищух из Азыха представлена меньшим числом остатков (35 фрагментов нижних челюстей) и только в среднеашельском слое. Характерной чертой описываемых челюстей являются их малые размеры по сравнению с представителями рода *Proochotona*. Таким образом, в среднем плейстоцене на территории Малого Кавказа, наряду с крупной пищухой рода *Proochotona*, обитал и типичный представитель рода *Ochotona* (см. Рис.16).

Птицы, костные остатки которых обнаружены в ашельских и мустьерском слоях стоянки Азых, представлены следующими видами: утка-шилохвост, кеклик, серая куропатка, филин, сизый голубь, клинтух, вяхирь, дикая курица (мелкий вид), орел-беркут, лесной сарыч, обыкновенная пустельга, степная пустельга, средиземноморский сокол, кобчик, ягнятник-бородач, орлан-белохвост, черный гриф, альпийская галка, клушица, мелкие воробьиные. Определение птиц еще продолжается.

Особенно интересна находка в Азыхе средиземноморского сокола – первая на постсоветском пространстве находка ископаемого представителя этого вида. Следовательно, средиземноморского сокола можно считать древним обитателем Азербайджана уже в ашеле. До сих пор в Азербайджане было найдено лишь одно гнездо средиземноморского сокола в Гобустанской полупустыне. Неоднократно наблюдали его в Армении. Ареал обитания средиземноморского сокола обнимает всю Африку, Переднюю Азию, юг Италии, западную часть Балкан, южную окраину Закавказья.

Азыхская ашельская курица мелких размеров является первой находкой ископаемых кур в Азербайджане и четвертой на Кавказе. В палеолите Кавказа дикая курица известна из

трех пунктов Грузии (пещера Гварджилас-Клдэ в Имеретии, мадлен; пещера Кударо в Юго-Осетии, ашель; пещера Мгвимеви в Имеретии, поздний палеолит (Бурчак-Абрамович, Алиев, 1981; Бурчак-Абрамович, Бурчак, 1982).

д) Краткий анализ палеоэкологии фауны стоянки

Как было указано выше, к Азыхской пещере, расположенной в пределах Тугской котловины, с севера и запада примыкают горные районы, а с юга и востока – предгорные и низменные зоны. Столь своеобразное географическое положение пещерной стоянки уже априори говорит о том, что в материале Азыхской палеолитической стоянки должны быть элементы фауны различных ландшафтов и биотопов. Действительно, среди остатков азыхской фауны мы наблюдаем виды, характерные для открытых степных участков, предгорных и горных лесных массивов и горных лугов. Остатки джейрана, лошади, ископаемого осла с его тонкими и длинными метаподиями и в какой-то степени зайца характеризуют наличие зоны полустепи вблизи расположения пещеры. О тугайных лесах и зарослях камыша по берегам рек и водоемов свидетельствуют остатки кабана, камышового кота и шакала (Гаджиев, 1973, с.24). Вероятно, местами в результате сезонных паводков реки Куручай и ее притоков образовывались обширные заболоченные участки, где обитали гигантские олени. Бурый медведь, куница, рысь, косуля и благородный олень свидетельствуют о том, что в районе охоты палеолитического человека имелись обширные зоны предгорных и горных лесов, на опушках которых могли обитать лани. Обширные лесные участки местами перемежались древесно-кустарниковой растительностью, характерным биотопом для пищух.

Элементами горной фауны являются безоаровый козел, дагестанский тур и полевка обыкновенная. Большое количество остатков

пищух говорит о том, что здесь были многочисленные участки со скалами и каменистыми россыпями. Такие же виды, как волк, лисица, леопард, трудно отнести к какой-либо ландшафтной зоне.

Разнообразие экологических форм позвоночной фауны, найденной в Азыхе, дает нам основание предположить, что природные условия в отдельные эпохи были близки к современным, при несколько большем распространении лесов.

е) Животные азыхской палеолитической фауны как объект охоты первобытного человека

Как видно из краткого экологического обзора азыхской фауны, палеолитические люди, населявшие пещеру, охотились на довольно обширном пространстве, добывая степных, предгорных и даже высокогорных животных.

В раннем ашеле основным объектом охоты азыхских людей был пещерный медведь, чьи кости найдены в большом количестве. Второе место по числу костей занимают остатки гигантского и благородного оленя. Остатки лошади, носорога, лани, кабана и бурого медведя единичны. Таким образом, в раннем ашеле обитатели Азыха охотились в основном на два вида млекопитающих и добывали их в небольшом количестве.

Особенностью костных остатков раннеашельских животных является их сильная раздробленность, хотя встречаются цельные трубчатые кости и другие части посткраниального скелета.

В среднем ашеле резко возрастает как число видов, так и количество костных остатков, что свидетельствует об интенсификации охоты среднеашельскими людьми. Здесь зарегистрировано максимальное число видов (более 40) для Азыхской стоянки. Правда, не все они попали в пещеру как результат добычи человеком. Остатки зеленой жабы, скорее всего, попали с погадками птиц. Случайными, вероятно, следует признать остатки греческой черепахи и ежа обыкновенного, кости которых найдены в незначительном количестве. По числу костей в среднеашельском

слое больше всего представлены летучие мыши. После них по количеству костей идут виды, которые употреблялись азыхантропами в пищу. Как и в раннем ашеле основными, объектами охоты были пещерный медведь, благородный и гигантский олени, т.е. крупные по размерам животные, дающие много мяса, костного мозга, шкуры. Именно остатки этих трех видов и составляют почти 50% остеологического материала, найденного в среднеашельском слое.

Большое видовое разнообразие палеофауны среднеашельского слоя можно объяснить тем, что в этот период человек в течение длительного времени заселял пещеру Азых, и культурные отложения этой эпохи в несколько раз мощнее отложений раннего ашеля и мустье. Вместе с тем бесспорно то, что среднеашельские люди по сравнению с раннеашельцами значительно расширили число объектов охоты.

В отложениях мустьерского времени число видов значительно сокращается (всего зарегистрировано 10 видов крупных млекопитающих). Здесь так же, как и в предыдущие периоды, наибольшее количество костей принадлежит пещерному медведю и благородному оленю; число костей гигантского оленя заметно сокращается, хотя он, как и в среднем ашеле, занимает третье место среди остеологических остатков. Еще одной особенностью является увеличение числа костей косули, от которой в среднем ашеле найдено всего две кости, а в раннем ашеле остатки вообще отсутствуют. В мустьерский период бурый медведь, кабан, лань, безоаровый козел, европейский осел и носорог, по-видимому, добывались в незначительном количестве.

Таким образом, количественный анализ остеологического материала стоянки показывает, что на протяжении раннего ашеля, среднего ашеля и раннего мустье основными объектами охоты обитателей стоянки были пещерный медведь, благородный и гигантский олени (Гаджиев, 1973, с.24 – 27). Увеличение или уменьшение числа видов происходило в основном за счет мелких млекопитающих.

ж) Палинологическая характеристика

отложений

Палинологическое изучение отложений на стоянке Азых проводилось по образцам, отобраным из нижней части основного разреза (8 образцов), в слоях, формировавшихся вблизи входа в пещеру и вмещающих орудия галечной культуры, а также из отложений, вскрытых в дополнительном разрезе (9 образцов). В разрезах, расположенных в более отдаленных частях коридора, пыльца и споры отсутствуют.

Спорово-пыльцевой анализ выполнен Э.М.Зеликсом (Величко и др., 1980, с.26 – 31). Спорово-пыльцевые спектры флористически богаты: общий список видов и родов растений насчитывает более 60 названий.

Особенностью спектров является высокое содержание пыльцы березы и хмелеграба (рис.17). Учитывая, что большое количество пыльцы этих растений сопровождается незначительным участием прочих древесных пород в спектрах пыльцы, Э.М.Зеликсон считает, что в период накопления отложений пещеры в окружении стоянки были распространены березовые редколесья и хмелеграбовые леса, свойственные верхнему горному поясу.

Мезофильные древесные породы – виды ольхи, дуба, граб, лапины, каштан, грецкий орех и другие – типичные представители реликтовых кавказских лесов Колхиды и Лянкяранской низменности.

Важно отметить присутствие в древнейших слоях VII – X пыльцы ели, в слое VII – пыльцы платана, а в слоях IX и X – пыльцы энгельгартии.

Среди травянистых растений преобладают виды, свойственные щебнистым и каменистым грунтам, галечникам, обрывам, что объясняется характером окружающей территории.

В исследованных отложениях отмечается также пыльца ряда луговых (альпийских и субальпийских) и лугово-лесных растений. Представителей степных формаций не обнаружено, что не позволяет говорить об их распространении в районе, непосредственно при-

легающем к пещере Азых.

Сопоставление изложенных материалов с данными о современной растительности восточной части Малого Кавказа и прилегающих частей Кура-Араксинской низменности свидетельствует о значительном своеобразии растительности исследованного периода, что, несомненно, было обусловлено флорогенетическими и климатическими факторами.

3) Геохронология отложений пещеры

Так как в самой нижней части заполнения пещеры Азых были впервые на постсоветском пространстве выявлены и изучены каменные изделия древнейшей галечной культуры, вопрос о возрасте культурных слоев приобретает особо важное значение. Для решения указанного вопроса потребовалось привлечь результаты комплексных исследований по археологии, палеонтологии, а также данные палеомагнитных исследований, которые впервые были применены к пещерным отложениям.

Образцы для палеомагнитного анализа, проведенного в ИГ АН СССР М.А.Певзнером (Величко и др., 1980, с.21), были отобраны из всех горизонтов отложений пещеры Азых. Чтобы увеличить надежность палеомагнитных измерений, из каждого образца было изготовлено от 3 до 10 кубиков с ребром 24 мм. Всего по разрезу было отобрано 128 кубиков. Величина естественной остаточной намагниченности отложений составляет $(0,6 - 14,8) \times 10^{-6}$ ед. СГС, а после термомагнитной чистки $(0,4 - 11,4) \times 10^{-6}$ ед. СГС. Несмотря на то, что для ряда образцов наблюдается значительный разброс направлений намагниченности внутри образцов, для большинства образцов коллекции (кроме образцов 10, 16, 21) оказалось возможным дать заключение о знаке их намагниченности. Все образцы из верхней части разреза (1 – 20) обладают нормальной намагниченностью, а направление намагниченности образцов 22 и 23, взятых из слоя VIII, может быть интерпретировано как обратное (рис.18).

Полученная палеомагнитная характеристика разреза толщи отложений пещеры

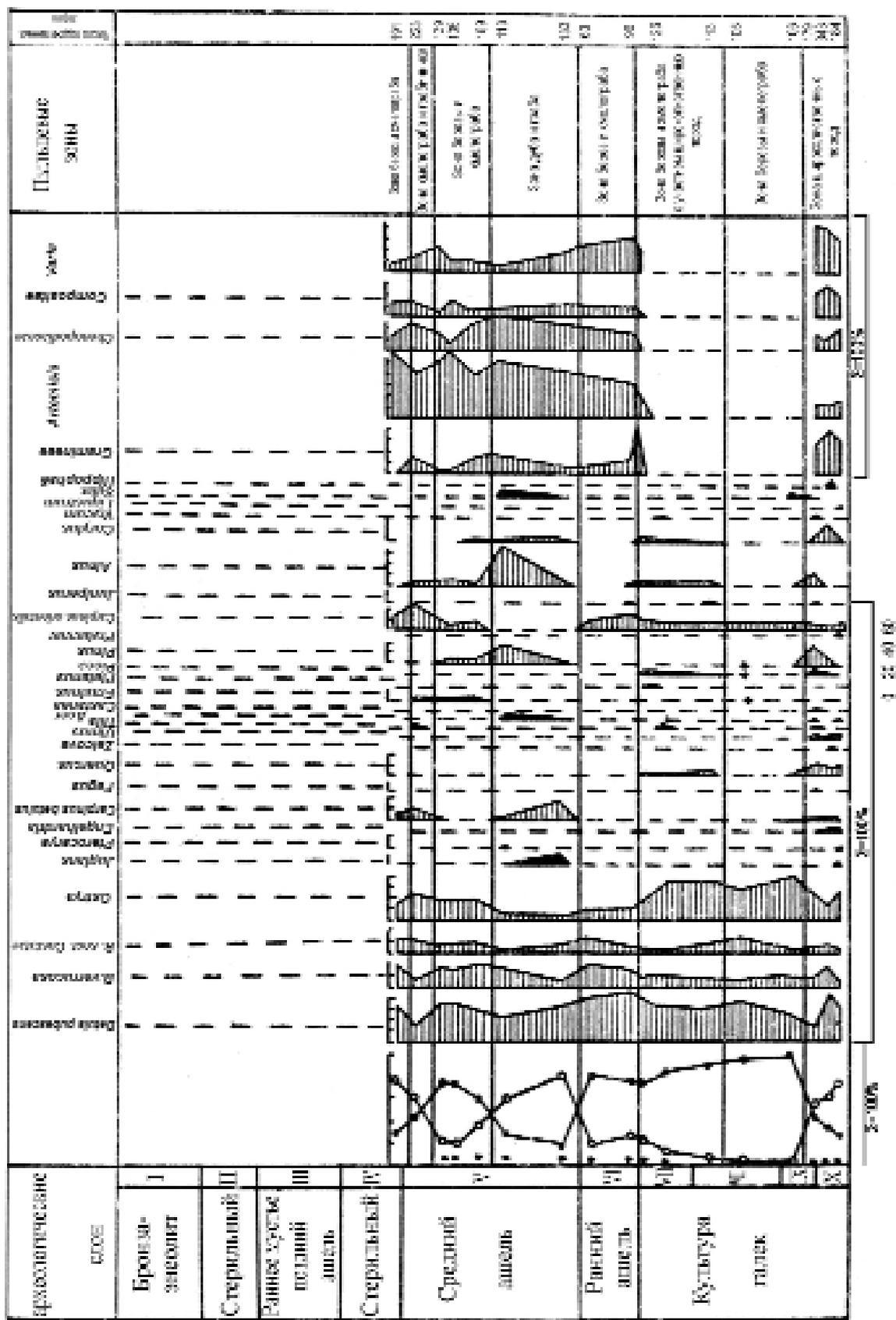

Рис. 17. Спорно-пыльцевая диаграмма культурных отложений пещеры Азых

позволяет считать, что основная часть толщи формировалась в эпоху Брюнес, начало которой по абсолютной геохронологии относится к 780 тыс. лет назад (ранний плейстоцен). Залегающий же в нижней толще разреза слой VIII имеет определенную отрицательную намагниченность, что позволяет сопоставить его с эпохой Матуяма (эоплейстоцен – абшерон). Следовательно, начало формирования отложений, вмещающих орудия галечной культуры, относится к эоплейстоцену.

В ходе палинологических исследований, как было отмечено выше, установлено присутствие в отложениях нижней толщи разреза стоянки (VII – X слои) пыльцы ели и платана, а в слоях IX и X – пыльцы энгельгардтии (рис.18). Судя по имеющимся данным (Мамедов и др., 1974; Джабарова и др., 1976), в плейстоцене указанные древесные породы на территории Азербайджана не произрастали, с чем согласуется тот факт, что они не были обнаружены и в отложениях более молодой ашельской части разреза пещеры. Следовательно, и палинологические данные говорят о том, что галечная культура появляется в отложениях, относящихся к эоплейстоцену.

Для решения вопроса о возрасте отложений пещеры Азых большое значение приобретают также материалы по фауне мелких и крупных млекопитающих.

Среди определенных А.К.Марковой (Величко и др., 1980, с.31 – 32), остатков мелких млекопитающих в качестве датирующего элемента можно рассматривать лишь полевку *Microtus arvalis*, остатки которой впервые отмечены в отложениях верхней части слоя VIII. Они также в изобилии присутствовали в ашельских слоях стоянки. По ее мнению, ряд признаков в строении зубов свидетельствует о значительной архаичности этих форм. Впервые этот род полевок появляется в Тираспольской фауне, причем наиболее ранние его представители относятся не к видам *M. arvalis*, а к виду *M. ratticepoides*. На основании этого факта специалисты допускают, что слои стоянки Азых,

содержащие находки полевок рода *Microtus*, не древнее бакинской (раннеплейстоценовой) эпохи, являющейся временным аналогом тираспольского комплекса. Нам кажется, что на основании единичных фрагментов палеофауны делать выводы о возможности сопоставления слоев галечной культуры с тираспольским комплексом пока преждевременно. Здесь следует отметить, что данные палеомагнитных исследований, как указано выше, показывают, что слой VIII образовался в эпоху Матуяма, что позволяет датировать его эоплейстоценом, а не ранним плейстоценом.

Возраст ашельских и мустьерских слоев стоянки Азых устанавливается по материалам изучения остатков крупных млекопитающих, полученным Д.В.Гаджиевым и С.Д.Алиевым (Алиев, 1965; Гаджиев, Алиев, 1965; Гаджиев и др., 1976, с.39 – 42).

В раннеашельском слое VI присутствуют, согласно их данным, виды, указывающие на сложный генезис фауны. Отмечаются виды, характерные для фауны эоплейстоцена (абшерона) или таманского фаунистического комплекса: например, крупная рысь *Felis issiderensis*, крупная форма кабана (*Sus* sp.), которая по размерам лишь незначительно уступает крупной таманской форме (*Sus tamapensis*). Наряду с этим для слоя VI характерно наличие индикаторных для тираспольского фаунистического комплекса видов – *Equus* aff. *sussenbornensis*, *Bison shoetensacki*, *Cervus acoronatus* и одна из поздних форм *Ursus* aff. *deninwri*. Остальные виды, хотя и составляют ядро фауны, получившей широкое распространение в среднем и позднем плейстоцене, однако некоторые из них обладают архаическими чертами, унаследованными от ближайших предковых форм. Так, например, барсук (*Meles* cf. *meles*) отличается от среднеплейстоценовых более крупными размерами, выходящими за пределы внутривидовой изменчивости; мелкий представитель эквид (*Equus Asinus* sp.) имеет ряд признаков, не дающих возможности отождествлять его с плейстоценовым европейским ослом (*Equus Asinus hidruntinus*). На

Археология	№ слоев	Палеомагнетизм	Фауна млекопитающих	Фаунистические комплексы	Флора	Геохронология		
						Каспийская пткола	Восточно-европейская школа	Европейская школа
Бронзавещи (I)	1-2					Новокаспий	Голоцены	Голоцен
Стерильный (II)	3a					Хвольнь	Полудейская ледниковая эпоха	Поздний
Раннемустье-Поздний ашель (III)	3б-4		<i>Eg. cobolus</i>			Поздний казар	Миндлинское межледниковье	
Стерильный (IV)	5						Днепроовская ледниковая эпоха	Средний
Средний ашель (VI)	6-7					Ранний казар	Лихвинское межледниковье	
	8-9		<i>Cervus osceonatus</i> <i>Bison cf. schoetensoni</i> <i>Equus aff. sussemanensis</i> <i>Eg. cf. masbachiensis</i> <i>Felis issidrensis</i> <i>Ursus aff. abingerti</i> <i>Ursus cf. spelaeus</i>	<i>Ursus cf. arctos</i>				
Ранний ашель (V)	10						Окская ледниковая эпоха	Ранний
Галечная культура (VII-X)	11-12					Баку	Преадакское время	
	13-15	МАГУЯМА					Апшерон	Поздний Долгостан

Рис. 18. Геохронология отложений пещеры Азых

основании приведенных особенностей видового состава фауну раннеашельского слоя VI относят к финальному этапу тираспольского фаунистического комплекса, который в Закавказье формировался в период, охватывающий вторую половину бакинского времени (окское время раннего плейстоцена, поздний миндель).

В составе фауны среднеашельского слоя V (если рассматривать ее в целом) уже отсутствуют индикаторные тираспольские виды, за исключением пищухи *Proochotona*, исчезли также эоплейстоценовые виды *Felis (Lynx) issiderensis* и *Sus* sp., которые заменяются рецентными видами рыси (*Felis (Lynx) Lynx*) и более мелким кабаном (*Sus scr.*). Более кабаллоидные черты приобретают зубы лошадей, представленные *Equus cf. mosbachensis*. Все это убедительно свидетельствует о послетираспольском этапе развития фауны.

Некоторые виды фауны нижних горизонтов слоя V сохраняют признаки, отмеченные для фауны раннеашельского слоя. Так, *Canidae* (?) характеризуются мелкими формами, пещерные медведи в строении зубов сохраняют предковые признаки. Общий облик этой фауны тяготеет к фауне раннеашельского слоя VI.

Фауна верхних горизонтов V слоя по сравнению с нижними заметно изменяется. Здесь появляются такие новые для Азыха виды, как мелкая пищуха (*Ochotona azerica*), плейстоценовый осел (*Equus Asinus hidruntinus*). Судя по зубному аппарату, *Canidae* достигают размеров современных волков; крупные размеры, не уступающие западноевропейским формам, имеют зубы и кости пещерных медведей, хотя и продолжают сохранять некоторые примитивные черты предковых форм. Некоторые изменения происходят и в составе парнокопытных: в частности, появляются восточно-кавказский тур (*Capra calindricornus*), безоаровый козел (*C. aegagrus*) и сайга (*Saiga* sp.).

Характер фауны и стратиграфическое положение среди ашельских слоев в толще пещерных отложений позволяют датировать V слой первой половиной раннехазарского

(гюргянского) времени (миндель-рисс, лихвинское межледниковье).

Фауна раннемустьерского слоя III характеризуется присутствием таких видов, как кабаллоидная лошадь (*Equus caballus*) и пещерный лев (*Panthera spelaea*). В целом эта фауна сопоставима с широко известной Бинагадинской фауной млекопитающих, что позволяет отнести слой III к позднему хазару (первая половина позднего плейстоцена, рисс-вюрм, микулинское межледниковье).

Изложенные результаты комплексных исследований отложений пещеры Азых позволяют уверенно определить хронологические рамки обитания стоянки. Впервые первобытный человек – носитель примитивной галечной культуры – поселился здесь еще в эоплейстоцене. Стоянка была обитаема, хотя и с некоторыми перерывами, вплоть до позднего плейстоцена (рис.18). Носители раннеашельской культуры жили в пещере, начиная с ранних этапов плейстоцена (баку, предокское и окское время), а среднеашельской культуры – уже в лихвинском (миндель-рисском) межледниковье. Слои с финальным ашелем – ранним мустье, исходя из того, что содержат позднеплейстоценовую фауну теплого облика, сопоставляются с началом позднего плейстоцена (поздний хазар, микулинское межледниковье, рисс-вюрм).

Таким образом, Азых является единственной в мире пещерной стоянкой, где в одном разрезе зафиксировано несколько уровней обитания человека, охватывающих огромный отрезок его первобытной истории – начиная с эпохи галечной культуры и вплоть до начала мустье (Величко и др., 1980, с.34 – 35).

Хронологически наиболее ранние культурные слои Азыха близки к таковым на стоянке Валлоне (средиземноморское побережье Франции, к востоку от Ниццы), абсолютный возраст которой оценивается в 0,90 – 0,95 млн лет (Lumley et al., 1969, 1981). Среднеашельские слои стоянки Азых сопоставимы с другой известной стоянкой – Араго, расположенной на юго-западе Франции.

и) Палеография района стоянки

Палеографический анализ материалов

комплексных геолого-геоморфологических, палеонтологических, палинологических и литологических исследований стоянки Азых позволил реконструировать природную среду времени обитания первобытного человека в пещере Азых в отдельные этапы раннего палеолита (эпоха галечной культуры, ашель и мустье).

Обобщая полученные материалы, следует прежде всего отметить, что первобытный человек, носитель куручайской галечной культуры, появился в пещере Азых свыше миллиона лет назад, т.е. уже в эоплейстоцене (с середины абшерона). Район стоянки характеризовался в то время достаточно сложным горным рельефом и значительным ландшафтным разнообразием, о чем свидетельствуют материалы комплексных исследований (Величко и др., 1980, с.32 – 33; Сулейманов, 1982, с.11).

Важным элементом рельефа в позднем эоплейстоцене являлся Карабахский хребет, отдельные части которого достигали абсолютных отметок 2000 м и выше. Равнины, обрамляющие с юго-востока Карабахский хребет, на северо-востоке омывались водами Каспийского моря, которые проникали в долину реки Аракс и образовали в современном нижнем течении ее неглубокий залив.

Тугская котловина, на северном борту которой расположена пещера Азых, представляла собой довольно широкую и неглубокую, открытую на восток впадину, дно которой находилось на абсолютной высоте 558 – 600 м, а сама пещера – почти на уровне дна котловины, на несколько метров выше уреза реки Куручай (в настоящее время пещера расположена на высоте 200 м от уреза реки).

В период первоначального заселения Азыхская пещера была расположена в пределах нижнего горно-лесного пояса, в окружении ценозов, образованных такими требовательными к теплу породами, как лапина, дзельква, грецкий орех. Это, несомненно, указывает на весьма теплый и достаточно влажный климат. Палеоклиматические реконструкции, проведенные на основании палинологических данных, показывают, что в

первой половине существования куручайской культуры в районе стоянки январские температуры составляли 4 – 8°, июльские – 20 – 28°, годовая сумма осадков – 1000 – 2000 мм. С таким выводом хорошо согласуются данные о макростроении и химическом составе отложений (слои IX и X), свидетельствующие об их значительной выщелоченности. Возможно, здесь сказалось повышенное грунтовое увлажнение, обусловленное изменением гидрологического режима во время абшеронской трансгрессии Каспия. Во всяком случае, климат был умеренно влажный и наиболее теплый и мягкий по сравнению со всеми последующими периодами, во время которых имели место неоднократные климатические колебания (Величко и др., 1980, с.33 – 34).

Во второй половине существования куручайской культуры (конец эоплейстоцена) произошло некоторое похолодание, которое привело к снижению границ высотных ландшафтных поясов. Пещера, по-видимому, находилась на границе субальпийского и верхнего лесного пояса. Климат в это время был холодный и влажный. По данным палеоклиматических реконструкций, температура января составляла 2 – 4° мороза, июля – 16 – 18° тепла, годовая сумма осадков 1200 – 1600 мм (Сулейманов, 1982, с.16 – 17).

В конце куручайской культуры (верхняя часть слоя VIII и слой VII) происходит некоторое смягчение климата при относительной сухости, обусловившее незначительное повышение границ вертикальных ландшафтных поясов. Но пещера по-прежнему находилась в окружении лесов верхнего горного пояса.

В раннеашельскую эпоху (ранний плейстоцен) устанавливается определенная последовательность в развитии природно-климатических условий. В начале раннего ашеля климат был холодным, о чем свидетельствуют данные литологических и палинологических исследований. Вокруг пещеры Азых были распространены хмелеграбовые леса и березовые редколесья верхнего горного пояса. Позднее наступило сильное потепление,

близкое по степени выраженности к описанному выше теплому этапу эпохи куручайской культуры. В лесах в этот период вновь появляются такие теплолюбивые породы, как лапина, грецкий орех, дзельква. Большую роль в фитоценозах также играют мезофильные виды дуба и граб. Судя по спорово-пыльцевым спектрам, получают распространение и открытые пространства, в том числе сообщества галофитов. Эти факты показывают, что, если природная среда района расположения пещеры в эту эпоху была близка по своим характеристикам к теплому интервалу эоплейстоцена (абшерона), то в целом климат теплового этапа раннего ашеля был более континентальным. Тем не менее условия были весьма благоприятными для обитания первобытного человека: температура января составляла 4 – 6°, июля – 20 – 25°, годовая сумма осадков 1200 – 1800 мм.

Во второй половине раннеашельской эпохи климат резко изменяется в сторону похолодания. В окружении стоянки вновь получили распространение березовые редколесья и хмелеграбовые леса верхнего горного пояса. Снижение нижней границы субальпийского пояса достигало 1000 м (Сулейманов, 1982, с.18 – 19). Примечательно, что в раннеашельском слое VI впервые появляются следы использования огня (остатки очагов, угли, обожженные кости). Освоение огня, несомненно, стимулировалось похолоданием.

Литологические исследования среднеашельских отложений слоя V Азыха указывают на потепление климата в первой половине времени обитания здесь первобытного человека в среднем ашеле (первая половина раннего хазара, лихвинское межледниковье, миндель-рисс). Геологическая датировка этих слоев лихвинским межледниковьем четко согласуется с их палеогеографической характеристикой. Об усилении процессов выветривания в условиях теплового и достаточно влажного климата однозначно говорят результаты литологических исследований.

Экология фауны отложений первой половины среднего ашеля (нижние горизонты

слоя V) свидетельствует о распространении в районе стоянки и на прилегающих территориях высокогорных лугов, горных и предгорных лесов, лесостепей и полупустынь. Условия этого времени были весьма благоприятны для обитания здесь первобытного человека. Не случайно к среднеашельскому периоду относятся наиболее насыщенные культурные слои стоянки Азых.

Вторая половина времени существования среднеашельского человека (вторая половина раннего хазара) характеризуется тенденцией к ухудшению климатических условий, хотя и с колебаниями. Реконструкция гипсометрического положения пещеры показывает, что она находилась на абсолютной высоте около 700 м. Так как стоянка была расположена в субальпийском поясе (о чем свидетельствуют данные палинологических исследований), вероятно, у его нижней границы, то примерное понижение нижней границы этого пояса составило, по сравнению с современным положением, около 110 – 130 м. По данным палеоклиматических реконструкций, температура января составляла 4 – 7° мороза, июля – 15 – 16° тепла, годовая сумма осадков – около 900 – 1000 мм (Сулейманов, 1982, с.19).

В экстремально холодное время первобытный человек покинул стоянку Азых (об этом свидетельствует стерильный слой IV) и вновь появился в пещере уже в раннемустьерское время (поздний хазар, хазар), когда здесь, по-видимому, восстановился мягкий и теплый климат, отвечавший микулинскому (рисс-вюрмскому) межледниковью.

Результаты литологических исследований раннемустьерского III слоя Азыха свидетельствуют о накоплении его в условиях теплового и достаточно влажного климата. Потепление климата, вероятно, обусловило повышение границ ландшафтных поясов. По-видимому, в окружении пещеры вновь получили распространение широколиственные леса нижнего горного пояса. Такому выводу не противоречат и данные по экологии фауны раннемустьерского слоя, в составе которой присутствуют виды (косуля, благородный олень, лань, леопард), свидетельствующие,

скорее всего, о ее относительно теплолюбивом облике. В целом фауна этого слоя должна была существовать в условиях умеренно теплого климата, близкого к современному климату района стоянки.

Палеофаунистические материалы позволяют судить и о характере ландшафтной дифференциации района стоянки и прилегающих к ней территорий в раннемустьерское время. Преобладание в составе фауны животных, современные ареалы которых приурочены к горно-лесным ландшафтам (медведь, благородный олень, лань, косуля, кабан), говорит о широком распространении лесов; в то же время отмечаются и виды, обитающие в степях (полевка, горная слепушонка, лошадь, осел).

Похолодание в начале второй половины позднего плейстоцена (ранний хвалын, ранний валдай-вюрм) вновь вынудило первобытного человека оставить стоянку Азых, о чем свидетельствует стерильный II слой.

3. Комплексная характеристика пещеры Таглар и ее отложений

а) Морфологическая и морфометрическая характеристики пещеры

Пещерная стоянка Таглар расположена в 2,7 км к юго-западу от пещеры Азых, на левом склоне р. Куручай (абсолютная высота 700 м, над урезом реки – 31 м). Она образовалась в верхнеюрских (титонских) известняках, ориентирована с северо-запада на юго-восток по падению юрских известняков (рис.19).

Пещера состоит из трех залов (гrotов), соединенных между собой многочисленными узкими проходами (рис.21). Снаружи она имеет четыре входных отверстия. На северо-западе первый и второй гrotы имеют единое входное отверстие высотой 1,8 – 3 м, шириной до 6,8 м.

Первый (западный) гrot имеет длину 19 м, максимальную ширину 9 м. По направлениям вглубь и к выходу ширина гrotа уменьшается. Максимальная высота зала в средней части достигает 5 м, в сторону входа уменьшается до 1,8 м. Потолок зала трещиноватый и покрыт рельефными натечными корками, с которых свисают мелкие (до 5 см) сталактиты. Стены

имеют ячеистую структуру и местами также покрыты натечными корками. Вдоль стен отмечаются два эрозионных уровня, в глубине гrotа сливающиеся с уровнем поверхности современного пола. В наиболее широкой части зала (у восточной и западной стен) отмечаются два крупных сталагмита.

Второй (центральный) гrot ориентирован с запада на восток. Он имеет длину 7,6 м, ширину 3,9 м. Потолок его дугообразный и покрыт кальцитовыми натечными корками. Здесь также прослеживаются два эрозионных уровня.

Второй гrot узким и низким проходом (шириной 1,2, высотой 1 м) соединяется с третьим (восточным), который разветвляется на две полости. Левая полость (длиной 6 м, шириной 2 – 3 м) имеет северо-запад – юго-восточное простирание и открывается на поверхность двумя входами. Правая – ориентирована с северо-востока на юго-запад, но в глубине гrotа круто поворачивается на восток. В этой части длина гrotа достигает 15 м, высота и ширина различны. Расстояние от современного пола до скального свода в передней (южной) части гrotа равнялась 1,9 м, в средней части 1,7 м и в дальней части – 1 – 2 м. Ширина (на уровне условной нулевой горизонтали) колеблется в пределах 1 – 15 м; наибольшая ширина отмечается в передней и средней частях, наименьшая – в дальней.

По данным морфологических исследований, проведенных М.Б.Сулеймановым (Сулейманов, 1982, с.12 – 13), пещера Таглар относится к цикловым пещерам, в формировании которых наряду с поверхностными водами существенную роль сыграла эрозионная деятельность рек. Это позволило сопоставить уровень расположения пещеры с позднехазарской террасой реки Куручай и предположить, что пещера Таглар образовалась в результате боковой эрозии реки в период формирования позднехазарской террасы.

б) Стратиграфическая колонка, выявленная археологическими раскопками

В пещере Таглар раскопки ведутся в третьем (восточном) гrotе. Площадь его, где

проводятся археологические раскопки и распространены культурные слои мустьерской эпохи, превышает 100 м² (Гусейнов, Гаджиев, 1965; Гусейнов, 1973; Джафаров, Мансуров, 1974; Джафаров, Любин, 1977; Джафаров, 1977, 1978, 1978а).

Разрезы расположены в траншее (длиной 12 м, шириной 1,2 – 1,6 м), которая протягивается вдоль всего зала (с севера на юг), от дальней стены до середины площадки перед входом. Была вскрыта вся толща рыхлых отложений, вплоть до скального дна, что позволило выявить все основные литолого-стратиграфические параметры пещерной стоянки (рис.20). Так как скальное дно пещеры резко падает в сторону площадки перед входом, мощность заполняющих грот отложений крайне неравномерна и составляет 0,3 – 0,4 м в глубине грота, а в направлении ко входной площадке увеличивается до 6 м.

В 1976 г. под руководством автора совместно с Ленинградской экспедицией была проведена тщательная зачистка опорных разрезов с целью изучения стратиграфии и литологии отложений, особенностей залегания культурных остатков. Шестиметровая толща седиментов (разрез по линии Д – Б – М – Н, рис.21) была подвергнута предварительному расчленению на шесть слоев: I – позднеголоценовый, II – поздне-вюрмский, III – VI – ранне-средневюрмские. В общем вся толща тождественна, представлена легким суглинком с небольшим количеством известнякового щебня. По вертикали она незначительно варьирует по цвету (благодаря, главным образом, большему или меньшему количеству органических остатков) и условно расчленяется на слои по лентам субгоризонтально расположенных прерывистых натечных корок, а также очажными линзами и прослоями (рис.22).

Слой V, впрочем, имеет в кровле, в средней части и в подошве маркирующие линзы и прослойки иловатой супеси зеленовато-болотного цвета, а слой VI отличается слабой комковатостью и ближе к выходу, заполнением сильноцементированной брекчий (Джафаров, 1978а).

Наблюдения показали, что в древности устьевая часть пещеры находилась на несколько метров дальше современной. Об этом говорит тот факт, что отложения нижних слоев уходят за пределы современной капельной линии и частично перекрыты обвалом привходовой части свода пещеры. Древний обвал произошел в период накопления слоя 4, так как подошва громадного блока известняка находится всего лишь в 25 – 30 см выше кровли слоя 5. Под блоком известняка наблюдается деформация илистых прослоек и других отложений (Джафаров, 1978а). По мере отступления скального козырька бытовые центры пещерного жилища, фиксируемые углистыми линзами и очажными горизонтами, сдвигались в северном направлении, жилая площадь стоянки сокращалась и смещалась в северном направлении, вглубь карстовой полости. Наиболее интенсивное заселение пещеры имело место во время отложения слоя 4б и верхней части слоя 5: именно в этих слоях наблюдаются наиболее мощные очажные прослои, скопления костей, угля и кремневых изделий.

В слоях 3 – 6 все очажные горизонты, углистые линзы, натечные покровы лежат почти горизонтально, в то время как в слое 2 все эти своеобразные антропогенные и климатогенные признаки исчезают. Отсутствие в слое 2 натечных покровов, увеличение количества щебня и исчезновение характерных очажных линз свидетельствуют об изменении среды осадконакопления, связанной с природно-климатическими условиями, а также об изменении характера пребывания первобытного человека в пещере (Гусейнов, 1975).

в) Вещественный состав отложений пещеры (рис.23 – 24).

Комплексные литологические исследования стоянки включают гранулометрический, химический и минералогический анализ, а также изучение состава и морфологии крупнообломочного материала.

Верхняя часть разреза по данным гранулометрического анализа, проведенного Г.А.Антоновой, характеризуется равномер-

ным содержанием глинистой и суглинистой фракций и невысоким содержанием песчаной, а нижняя (слои 5 и 6) – преобладанием суглинистой фракции. Результаты химического анализа показывают высокое (до 48%) содержание CaCO_3 (Сулейманов, 1982, с.13).

Во всех слоях преобладают слабооглаженные и слабыветрелые обломки, отражающие начальные стадии выветривания.

Минеральная масса мустьерских слоев, по данным Т.А.Халчевой, характеризуется хорошей сохранностью минеральных зерен и низкими (0,11 – 0,56) значениями коэффициента выветрелости (рис.24).

г) Ископаемая фауна стоянки.

В мустьерских слоях пещеры Таглар найдено около 6000 костных остатков позвоночной фауны, которые изучались Д.В.Гаджиевым, С.Д.Алиевым и А.К.Марковой (Алиев, 1969; Сулейманов, 1982).

В список млекопитающих входят представители шести отрядов: рукокрылые, зайцеобразные, грызуны, хищные, копытные. Здесь представлены следующие виды: большой подковонос, остроухая ночница, ночница Наттерера, длиннокрыл обыкновенный, мелкая пищуха, заяц, хомяк, серый хомячок, малоазийский хомяк, малоазийский горный тушканчик, краснохвостая песчанка, горная слепушонка, лесная мышь, полевка обыкновенная, волк, шакал, лисица обыкновенная, пещерная гиена, пещерный медведь, бурый медведь, пещерный лев, барсук, лань, ископаемый благородный олень, безоаровый козел, бизон, носорог, лошадь, ископаемый осел.

Мустьерская фауна стоянки представлена гораздо богаче, чем раннемустьерская фауна Азыха, что объясняется появлением здесь рукокрылых, некоторых видов крупных млекопитающих (шакал, лисица, пещерная гиена, барсук, бизон) и грызунов (лесная мышь и др.).

По экологическому составу ископаемая фауна пещеры Таглар довольно разнообразна, что объясняется расположением стоянки в предгорной полосе. Ядро этой фауны составляют местные, кавказские мезофильные

Рис. 19. Пещера Таглар. Общий вид

Рис. 20. Пещера Таглар. Разрез отложений

виды, связанные с высокогорными лугами, горными и низовыми лесами.

д) Палинологическая характеристика отложений стоянки

Мустьерские слои, по данным Э.М.Зеликсон, очень бедны пылью и спорами. Проведенный предварительный осмотр образцов (без подсчета) позволяет только сугубо предварительно охарактеризовать исследованные отложения.

Нижняя часть разреза (слой 6 и низы слоя

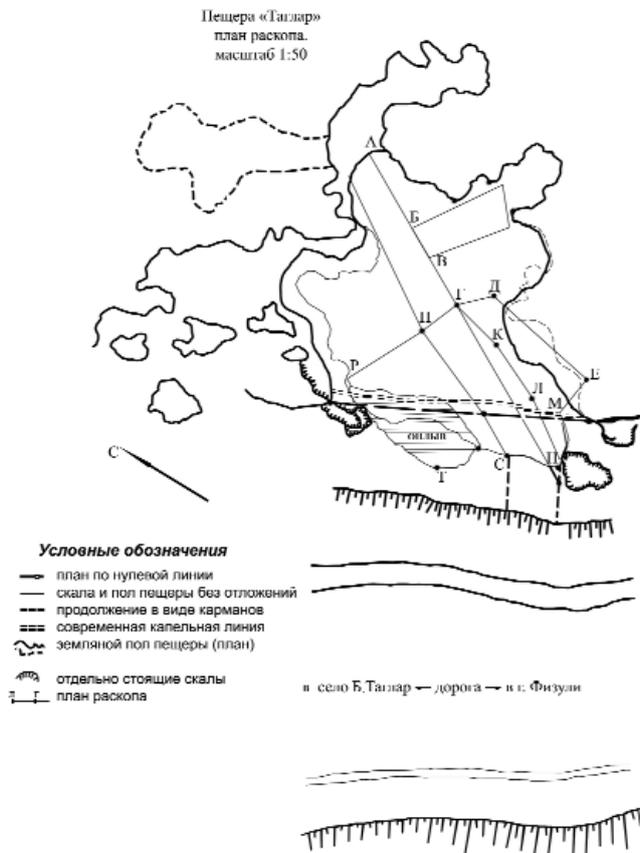

Рис. 21. Пещера Таглар. План раскопа

5) содержит пыльцу березы, хмелеграба и единичные пыльцевые зерна мезофильных широколиственных пород (липа, граб). Средняя часть разреза (слой 4) содержит пыльцу аналогичного состава. В верхней части разреза (слои 2 и 3) отсутствует пыльца хмелеграба, что говорит о перестройке растительности верхнего горно-лесного пояса в период накопления осадков в этой части разреза. В целом для всей толщи отложений характерно преобладание в составе спорово-пыльцевых спектров пыльцы березы и незначительное содержание пыльцы широколиственных пород, что свидетельствует о накоплении отложений в достаточно холодных условиях.

е) Геохронология отложений пещеры.

Для установления геологического возраста и хроностратиграфической позиции мустьерских слоев стоянки Таглар в общей шкале позднего плейстоцена в нашем распо-

ряжении имеются следующие данные. Как было отмечено выше, формирование пещеры завершилось в конце позднего хазара (рисс-вюрм), следовательно, отложения в пещере накопились в хвалынское время (вюрм).

Самый верхний мустьерский слой 2 имеет весьма развитый характер индустрии, в котором ощутимы верхнепалеолитические элементы, что позволяет датировать эту индустрию поздним мустье. Известно, что памятники позднемустьерского возраста относятся к концу ранневалдайского (вюрм II) времени и имеют датировки около 40 – 45 тыс. лет (Иванова, 1965; Величко, 1973). Таким образом, за верхний предел возраста мустьерских слоев можно принять вышеуказанную цифру.

Палеогеографические данные, полученные М.Б.Сулеймановым (1982, с. 12) и приведенные ниже, показывают, что в период накопления мустьерских слоев, которое проходило на общем холодном фоне, можно выделить три фазы потепления климата. Так как начало седиментации в пещере Таглар относится к раннему валдаю (конец вюрма II), то период потепления, отмеченный в основании толщи разреза, можно коррелировать с хорошо выраженным ранневалдайским (крутицкий интервал, бреруп) потеплением. Основное время поселения в таком случае можно отнести к первой половине валдайской (вюрмской) эпохи.

ж) Палеогеография стоянки

Палеогеографический анализ материалов многослойной пещерной стоянки Таглар, начало существования которой, как уже было отмечено, относится к ранним фазам хвалынской (валдайской, вюрмской) эпохи, а заселение – к первой половине хвалынского времени, позволяет составить представление о характере природно-климатических условий в это время.

Вся толща мустьерских отложений стоянки в целом, по данным М.Б.Сулейманова (1982), несет отпечаток климата более

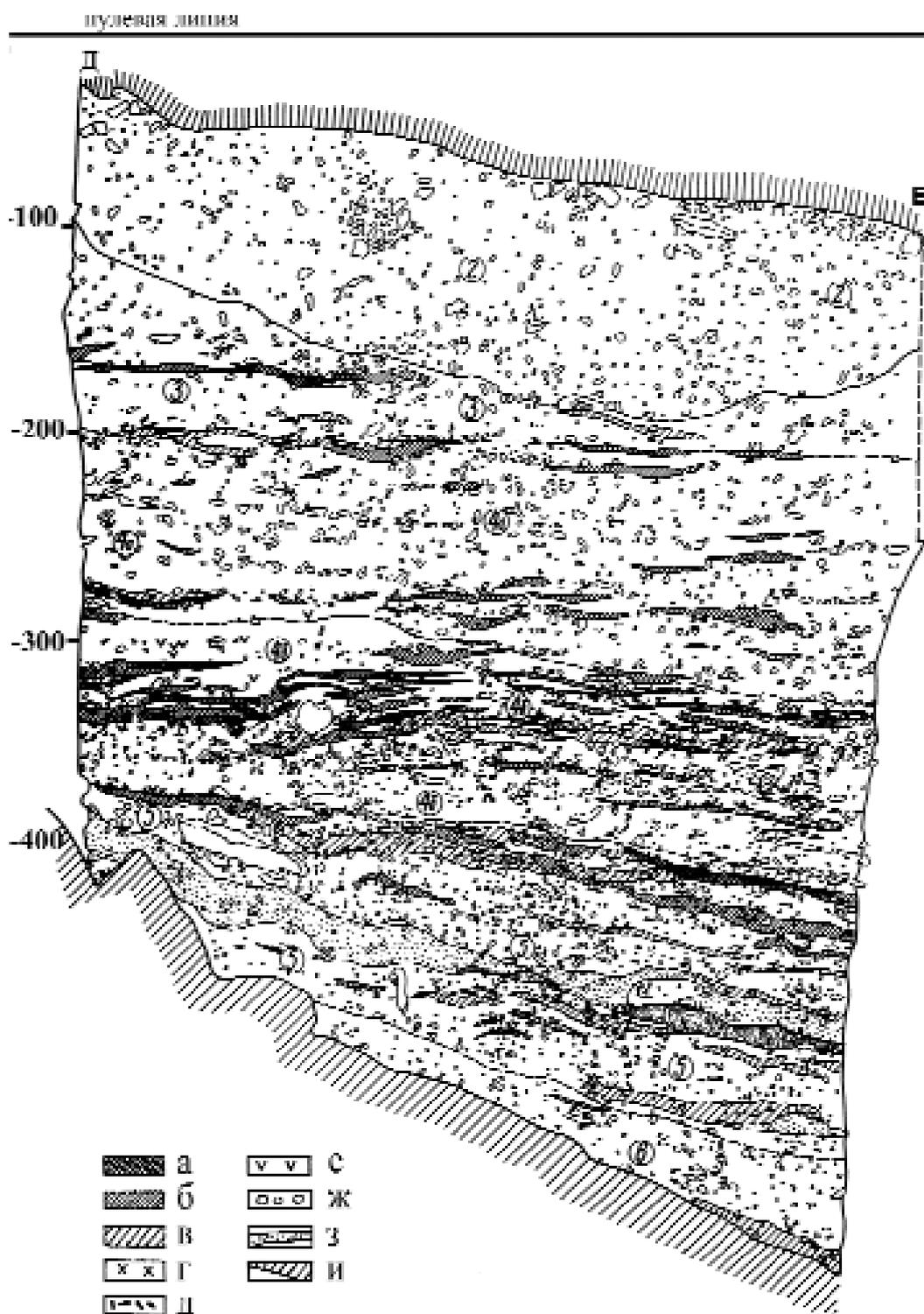

Рис. 22. Пещера Таглар.

Продольный разрез отложений по линии Д – Е. Слои (сверху вниз): 1 – гумусный (отсутствует); 2 – коричневатобурый суглинок; 3 – палево-зеленоватый суглинок; 4 (а, б) – желтоватый суглинок; 5 – зеленоватый суглинок; 6 – серый суглинок. Условные обозначения: а – очажные линзы черного цвета; б – очажные линзы красного цвета; в – очажные линзы розоватого цвета; г – кремний; д – кости; е – угли; ж – камни; з – илестые линзы и прослойки, и – скала

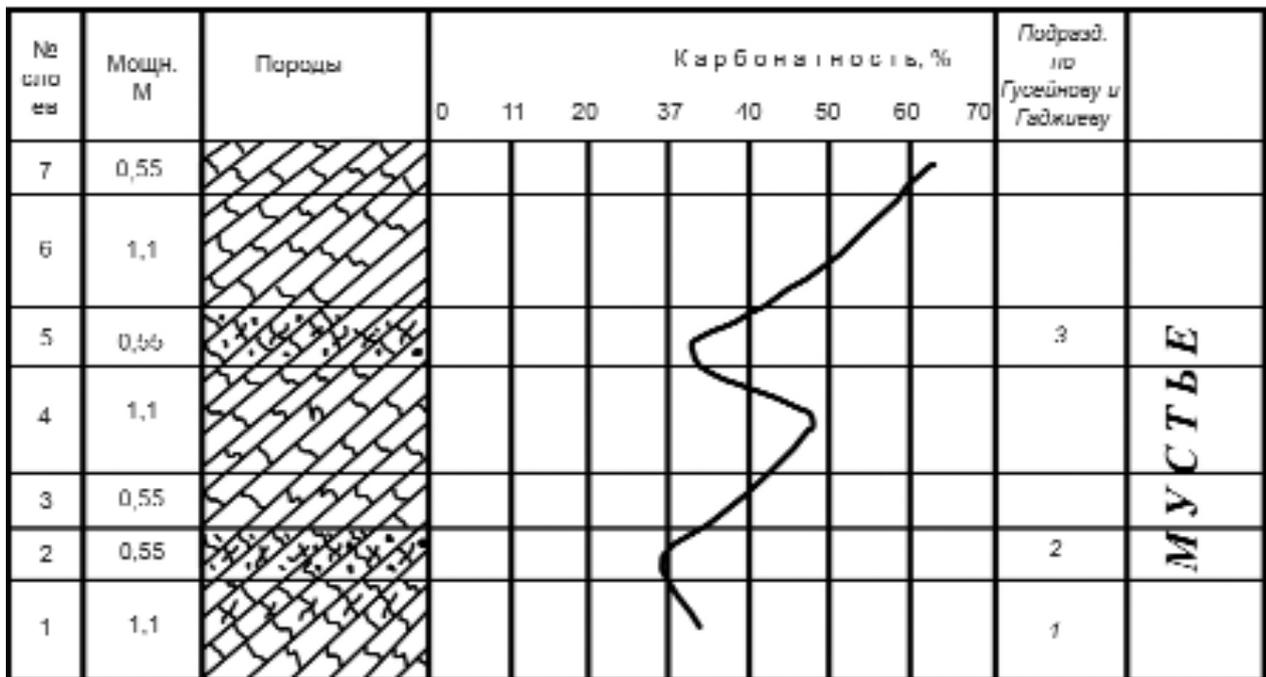

Рис. 23. Пещера Таглар. Вещественный состав

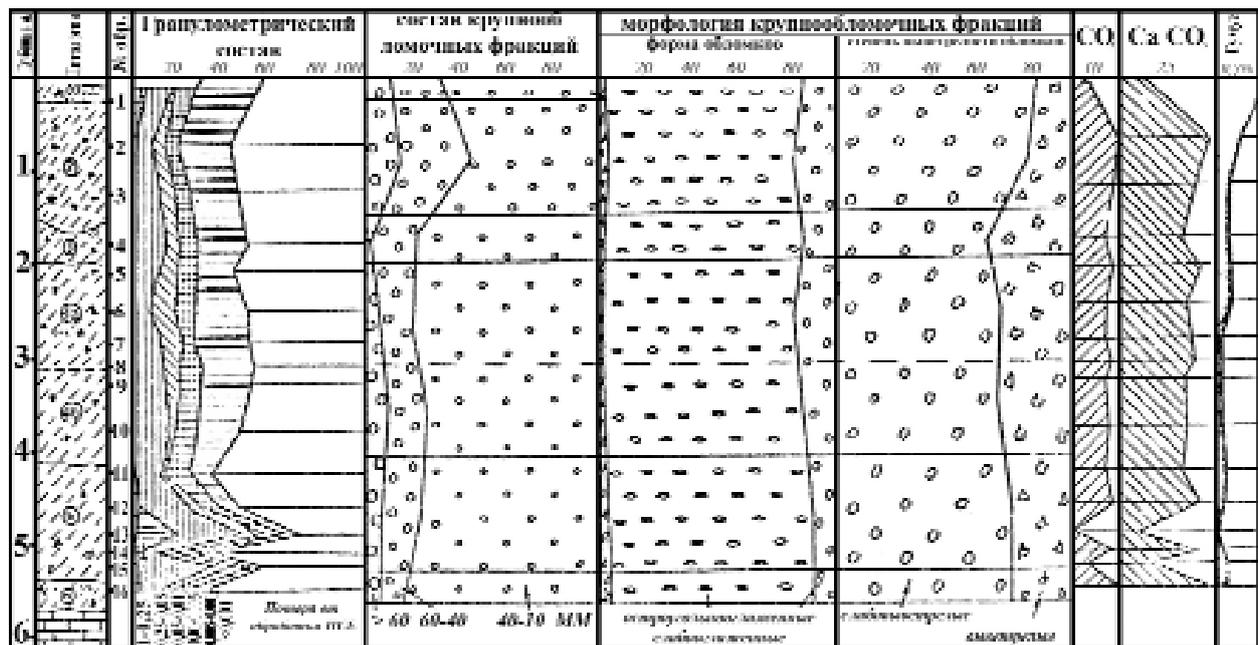

Рис. 24. Пещера Таглар. Вещественный состав

сурового, чем современный. Данные по вещественному составу свидетельствуют в пользу того, что материал не подвергался активному химическому выветриванию. Для мустьерских отложений характерна слабая выветрелость минеральной массы (коэффи-

циенты выветрелости имеют низкие значения – 0,11 – 0,56), слабая оглаженность и выветрелость крупнообломочного материала. Данные минералогических исследований позволяют, однако, предположить, что в период накопления мустьерских слоев имели

место некоторые колебания климата – в частности, фазы потепления, которые фиксируются в основании (слои 5 и 6) и в средней части (слой 4а) отложений, где отмечаются более высокие значения коэффициента выветрелости (0,43 – 0,56).

Палеоботанические данные не противоречат выводу об образовании мустьерских слоев в относительно прохладных условиях. Хотя отложения бедны пылью, но в нижней части разреза в составе древесных растений отмечается пыльца широколиственных пород (липа, граб). Присутствие пылицы хмелеграба свидетельствует о достаточной влажности климата в период накопления 4 – 6 слоев. В верхней части разреза (слои 1 – 3) пыльца хмелеграба отсутствует, что говорит о перестройке растительности верхнего горно-лесного пояса, обусловленной, вероятно, континентальностью климата.

Примечательно, что в слое 4б, где установлено минимальное значение коэффициента выветрелости (0,11), по данным спорово-пыльцевого анализа, отмечается значительное обеднение пыльцевого состава, что подтверждает в какой-то степени вывод об образовании этого слоя в холодных условиях. Возможно, по той же причине к этому слою приурочено наибольшее количество очажных линз и прослоев.

В список фауны мустьерских слоев, наряду с широко распространенными горно-лесными видами животных (медведь, барсук, благородный олень, лань, кабан и др.), входят обитатели лесостепей (бизон, носорог), а также относительно сухих степей (лошадь, осел, пищуха, горный хомячок и др.) и полупустынь (краснохвостая песчанка). Ядро этой фауны составлено местными мезофильными видами, связанными с высокогорными лугами, горными и низменными лесами. Кроме горно-лесных видов, здесь обитали также представители переднеазиатских нагорий (пищуха, тушканчик, малоазиатский хомяк). Следовательно, на протяжении мустьерского времени на территории, прилегающей к пещере, т.е. на юго-востоке Малого Кавказа, были распространены

ландшафты сухих предгорий, где могли обитать лошади, ослы и другие виды, остатки которых обнаружены в Тагларе.

Таким образом, можно высказать некоторые соображения о ландшафтно-климатических условиях района пещеры Таглар в период обитания в ней первобытного человека. На равнинах и предгорьях господствовали степные и лесостепные ландшафты с сухим и прохладным климатом. Леса, вероятно, были приурочены к речным долинам. Склоны гор были покрыты широколиственными лесами из граба с участием липы в низкогорном поясе, выше они сменялись хмелеграбовыми лесами, а еще выше – березовыми редколесьями субальпийского пояса. По-видимому, нижняя граница субальпийского пояса была расположена значительно ниже, чем в настоящее время, что было обусловлено похолоданием климата (Сулейманов, 1982, с.13 – 14).

4 Пещерные палеолитические стоянки на горе Авейдаг

Среди многочисленных пещер и гротов горы Авейдаг только в двух были обнаружены стоянки древнего человека – это грот Дамджылы и пещера Дашсалахлы (Гусейнов, 1973, 1975).

Грот Дамджылы расположен в 2 км к юго-западу от селения Дашсалахлы (рис.25а, б). Он находится у подошвы высокого обрыва мощных (500 м) пачек известняка. Грот образовался в зоне контакта кремнистых известняков с подстилающими конгломератами, под которыми залегает мощный слой туфогенных глин. От середины грота в северо-восточном направлении к селению Дашсалахлы тянется небольшое ущелье (около 400 м). Грот имеет форму полукруга и обращен на юго-восток. Утреннее солнце ярко освещает весь грот. Передняя часть его имеет высоту 4 м, ширину входа 17 м, глубину 27 м. На потолке грота три трещины, из которых постоянно капает родниковая вода.

Первые же раскопки показали, что палеолитическая стоянка, обнаруженная внутри грота Дамджылы, значительно разрушена местными жителями. Культурный

слой грота сильно разрушен и завален глыбами известняка, в связи с чем разбивка рабочего участка на квадраты потребовала больших земляных работ. Исследуемый участок грота был разбит на 20 квадратов (рис.26). При зачистке площадей во всех квадратах выяснилось, что слой очень тонкий, причем желтая глина смешана с черной перегнойной землей. Обнаруженные почти во всех квадратах каменные изделия были переотложенными.

На исследованном участке найдены многочисленные микролитические изделия, карандашеобразные и призматические нуклеусы, разнотипные скребки (концевые, округленные и высокие), массивные зубчатые орудия более архаического облика.

Также переотложены костные фрагменты ископаемой фауны и остатки очагов.

Так как на всей площади раскопа культурные слои сильно перемешаны, выявить их стратиграфию было невозможно.

В тонком слое желтой глины обнаружены мустьерские, позднепалеолитические и мезолит-неолитические орудия и даже фрагменты глазурованной средневековой керамики. Кроме того, на дне грота обнаружены хозяйственные ямы, одна из которых достигает глубины 2 м. Внутри ямы найдены кости животных и глазурованная керамика, относящаяся к IX – XV векам.

Доказательством относительно недавнего разрушения этого памятника является тот факт, что перед гротом с поверхности земли нами были собраны палеолитические отщепы, среди которых обращает на себя внимание базальтовый широкий четырехугольный отщеп ашель-мустьерского типа.

Помимо работ в гроте Дамджылы, нами были проведены тщательные обследования остальных пещер, навесов и гротов горы Авейдаг. После долгих поисков, в 1958 г. в небольшом ущелье обнаружили пещеру, заполненную отложениями. Она была названа пещерой Дашсалахлы (рис.27).

Вход в пещеру со стороны запада. Она имеет в плане подвальную форму с длинным узким коридором длиной 17 м, ширина первой

части пещеры 5 м, коридора (т. е. второй части) – 2 м. Коридор был почти полностью заполнен отложениями. Высота его от земляного пола составляет около 2 м, высота самой пещеры неодинакова – от 3,6 м и ниже. Передняя часть пещеры в древности была более обширна. Позже свод обрушился, и в настоящее время громадная скала (4 м в поперечнике) перекрывает культурный слой на переднем крае пещеры. К пещере можно подойти только с юга, где неширокий скальный уступ соединяет ее передний край с западным логом. С севера пещера ограничена нешироким ущельем со скалистыми отвесными склонами.

Следует отметить, что ущелье, в котором расположена пещера Дашсалахлы, является одним из наиболее удобных мест для загонной охоты на диких животных. В целом урочище горы Авейдаг и окрестности пещеры представляли особый район, удобный как для охоты, так и для постоянного обитания древнего человека. У подножья Авейдага встречается также множество крупных кремневых конкреций, которые могли служить прекрасным сырьем для изготовления орудий.

Раскопки, произведенные в пещере Дашсалахлы, показали, что здесь имеется только один культурный слой, мощностью 0,35 – 0,30 м, перекрытый полуметровым слоем более поздних отложений (рис.28). На поверхности были найдены фрагменты эпохи бронзы и средневековой глиняной посуды, а на площадке у входа в пещеру – обсидиановые отщепы. На некоторых из них имеется ретушь.

Площадь, намеченная для раскопок, была разбита на 54 квадрата размером 1х1 м (рис.29). Находки из всех квадратов однотипны, т.к. происходят из одного культурного слоя. Под слоем более позднего времени, на глубине 1,15 м, на всей площади пещеры найдены каменные изделия (остроконечники, нуклеусы и т.д.) и остатки ископаемых млекопитающих. У входа в коридор обнаружен большой очаг диаметром до 2 м. Вокруг костра земля сильно прокалена, толщина зольного и угольного слоя равнялась 10 см. При зачистке остатков очага найден

базальтовый остроконечник.

Много каменных орудий и костей животных было выявлено при зачистке коридора. По-видимому, он служил местом, где первобытный человек хранил запасы пищи и складывал орудия производства.

Изучение материалов, извлеченных из культурного слоя пещеры, дает возможность предположить, что пещера Дашсалахлы не являлась длительно существующей стоянкой.

а) Ископаемая фауна пещерных стоянок горы Авейдаг

Во время раскопок грота Дамджылы вместе с палеолитическими орудиями было обнаружено большое количество раздробленных и обгорелых костных остатков. Почти все кости раздавлены до мелких, неопределимых фрагментов. Только благодаря сохранившимся зубам и астрагалам, а также нескольким менее фрагментированным трубчатым костям стало возможным определение некоторых видов животных. Здесь выявлены следующие виды (Алиев, 1969, с.9): ископаемая лошадь, джейран, благородный олень, бык, ископаемый осел. По определениям А.Г.Векуа, здесь также представлены остатки безоарового козла, дагестанского тура, сайги, кабана.

Все представленные в пещере Дамджылы виды, судя по многочисленным известным местонахождениям четвертичной фауны, были широко распространены на территории Кавказа. Такие виды, как джейран, благородный олень, дагестанский тур, и сейчас имеют большой удельный вес в охотничье-промысловой фауне. Что касается дикой лошади и осла, то их остатки обычны среди бытовых отбросов палеолитического человека. Характерны и остатки сайги, которая ныне отсутствует в фауне Закавказья. В плейстоцене большие табуны сайги кочевали по степным просторам и, несомненно, были одним из важнейших объектов охоты первобытного человека.

В пещере Дашсалахлы найдено около 2000 костей разных животных, которые носят явные признаки фоссилизации, а некоторые из них обуглены. Трубчатые кости раздроблены

до мелких фрагментов. Костный материал был определен сотрудниками Института палеобиологии АН Грузии проф. Л.К.Габуния и А.Г.Векуа (Алиев, 1969, с.8 – 9).

Костные остатки принадлежат следующим видам: ископаемый осел, лошадь, бык, благородный олень, косуля, безоаровый козел, серна, дагестанский тур, сайга, кабан, волк, леопард, барсук, заяц-русак. Найдены также фрагменты птичьего клюва (точно не определен).

Состав фауны показывает, что здесь обитали лесные, горно-лесные и степные виды животных. Наибольшее количество костных остатков принадлежит ископаемому ослу и дагестанскомутуру. Это свидетельствует о том, что эти виды были наиболее частыми объектами охоты мустьерского человека стоянки Дашсалахлы. Как известно, дагестанский тур и в настоящее время обитает в высокогорном поясе Большого Кавказа, в зимнее время откочевывая до пределов 2000 м над уровнем моря. Вероятно, в палеолите дагестанские туры спускались в зимнее время или в периоды оледенений гор до уровня предгорных степей, где и становились объектами охоты первобытного человека. Наличие доминирующего количества остатков какого-либо вида или группы видов в бытовых отбросах стоянки, как правило, говорит о многочисленности этих животных во время существования стоянки.

Большинство вышеприведенного списка видов, остатки которых найдены в пещере Дашсалахлы, обычные представители верхнепалеолитического фаунистического комплекса. Остатки лошади отмечены на многих палеолитических стоянках Закавказья. Благородный олень и дагестанский тур являются кавказскими аборигенами и известны с начала плейстоцена до настоящего времени.

Странно отсутствие остатков носорога в пещере Дашсалахлы, так как в соседних районах Грузии, например, на мустьерской стоянке Цони, остатки носорога обнаружены.

Остатки ископаемого осла до сих пор в наибольшем количестве (1674 кости 73 особей) найдены в Бинагады (Гаджиев, 1953, с.11 – 13).

Рис. 25(а). Общий вид пещеры Дамджылы

Рис. 25(б). Общий вид пещеры Дамджылы

Рис. 26. Пещера Дамджи́лы.
Общий вид раскопки

Как известно, возраст бинагадинской фауны датируется верхним плейстоценом (поздний хазар, рисс-вюрм). Время вымирания на Кавказе ископаемых ослов неизвестно. На всем протяжении послеледникового периода известны остатки ископаемого осла на Кавказе; лишь в средневековье мы имеем сведения о диком осле на Кавказе, однако он, несомненно, принадлежит к азиатским полуослам.

Для палеолитических пещерных стоянок Авейдага самыми характерными, таким образом, являются остатки ископаемого осла.

Наличие этого вида вполне соответствует физико-географическим условиям, существовавшим в палеолите в районе стоянок. Еще более благоприятные условия для ископаемого осла имелись на прилегающей к исследуемому району Куринской низменности. Широкие степные пространства, овраги, холмы, каменистые склоны с мелкими кустарниками, были весьма благоприятными для широкого распространения плейстоценовых ослов, на которых, бесспорно, охотился палеолитический человек.

Из приведенного выше списка видов палеофауны видно, что в районе Авейдага обитали лесные, горные и степные виды животных. На востоке и юго-востоке, где простиралась широкая равнина с богатой травянистой растительностью и местами с заболоченными участками по берегам водоемов, жили стада диких ослов, лошадей, быков, кабанов и др. На скалистых участках водились безоаровые козлы, дагестанский тур. В лесах (горных и предгорных) обитали благородный олень и косуля. Из хищных отмечались волк и леопард, основным кормом для которых служили указанные копытные.

Рис. 27. Общий вид пещеры Дашсалахлы

Схематический разрез
пещеры «Дашсалахлы»
1958
А-М

Рис. 28. Пещера Дашсалахлы. Разрез

Рис. 29. Пещера Дашсалахлы. Общий вид раскопки

ГЛАВА IV КУЛЬТУРА КУРУЧАЙ (ОЛДУВАЙ)

Археологические и палеогеографические данные доказывают, что долина реки Куручай издревле являлась не только средоточием всех природных богатств, необходимых для жизни биологических существ, но и благоприятным местом обитания для древнего человека. Богатство сырьевых ресурсов (высококачественных пород камня и минералов, в том числе кварца, кварцита, халцедона, кремня, фельзита, сланцев и др.) для изготовления орудий, наличие значительного количества карстовых полостей в горах Карабаха привлекало сюда человека с древнейших времен (Гусейнов, 1973). Древние разветвленные карстовые полости служили первобытному человеку местом обитания, выходы качественных пород камня, пригодного для производственных целей, давали возможность изготавливать эффективные орудия и оружие, а богатый животный и растительный мир обеспечивал необходимое пропитание.

Весь комплекс каменных изделий, обнаруженный в пещере Азых, с хронологической, типологической и технологической точек зрения не имеет параллелей среди палеолитических комплексов на постсоветском пространстве. По некоторым производственным признакам и в хронологическом отношении орудия из нижних слоев Азыха более или менее могут быть сближены с олдувайской культурой Восточной Африки (Гусейнов, 1980, с.116; Guseinov, 1976, p.20 – 21; Guseinov, 1978, p.4 – 41). Но археологические материалы низов Азыха имеют существенные отличительные черты по сравнению с орудиями олдувайской культуры. Учитывая важность этого открытия и своеобразии орудий труда из нижних слоев Азыха, нам кажется возможным выделить и определить этот комплекс как особую местную культуру древнего человека, дав ей название "куручайская культура" (Гусейнов, 1979, с.70; 1980, с.70).

Находки в Восточной Африке, получен-

ные за последние десятилетия, новые антропологические факты послужили основой для появления несколько иных представлений относительно времени возникновения трудовой деятельности человека, помогли сделать вывод о том, что она могла зародиться уже несколько миллионов лет назад (Алиман, 1960; Иванов, 1965; Урысон, 1965, 1973, 1974; Решетов, 1966; Борисковский, 1970, 1977; Кларк, 1977). Еще несколько десятилетий назад исследователи древнего человека и первобытного общества связывали древнейшие проявления человеческой трудовой деятельности с архантропом датируя его появление не древнее 1 млн лет. Однако открытия последних лет доказали устарелость таких представлений. В настоящее время в ряде стран Африки и Европы сделано достаточно новых открытий, касающихся происхождения, формирования и распространения древнего человека в пределах ойкумены.

Долгие годы археологи высказывали гипотезы относительно возможного существования еще более древнего, чем раннеашельский периода. Эти мысли не совмещались и не соответствовали рамкам классификации, созданной в XIX веке (Мортилье, 1903), а сама эта проблема еще не была повсеместно и основательно разработана и подтверждена фактами. Основной причиной этого являлось отсутствие стратифицированных археологических материалов доашельской эпохи, которые были бы найдены наряду с ископаемой фауной в четких геологических условиях. Что касается постсоветского пространства, то следует отметить, что до открытия Азыхской пещеры таких находок вообще не было.

Существование доашельской археологической эпохи на постсоветском пространстве, после открытия древнейших отложений Азыха уже было несомненно. Однако вопрос о ее названии, еще не совсем ясен. Следует отметить, что еще не разработан и вопрос о начале самой раннеашельской эпохи. Можно

полагать, судя по находкам в Азыхе, что раннеашельская эпоха на Кавказе (на территории Восточного Закавказья, Азербайджана) существовала около 500 – 700 тыс. лет назад. VI слой пещеры Азых типологически во многом схож с материалами вышележащего, среднеашельского V слоя. Он характеризуется определенными техническими навыками оформления орудий с типологически серийно выраженными формами (ручные рубила, чопперы, чоппинги и др.). Тогда с каким периодом или остатками какой культуры следует связывать древнейшие археологические остатки нижележащих VII – X слоев Азыха, в составе которых не было ручных рубил?

Значительно раньше африканских раскопок, примерно во второй половине XIX века, на территории Европы были обнаружены отдельные находки, которые нельзя было отнести к западноевропейскому палеолиту. Данные находки представляли изолированные каменные изделия, края которых будто бы были обработаны. Примитивность, бесформенность, а также ряд других признаков вызывали сомнения относительно их связи с человеческой деятельностью. Одни ученые считали эти находки обычными продуктами природы, другие полагали, что это могло иметь отношение к древнему человеку. Указанные находки в научном обиходе принято называть эолитами (Борисковский, 1966, 1979). Термин этот употребляется в археологической литературе и ныне. Исследование вышеуказанных эолитов в отдельности всегда представляло трудности, которые заключались в отсутствии памятников, в нестратифицированном обнаружении находок, археологические материалы которых можно было бы проверить естественными методами.

В Африке, Азии и даже в Европе и поныне попадают гальки с оббитыми краями (Борисковский, 1971, с.22 – 23; Алпысбаев, 1961; Окладников, 1972; Абрамова, 1972). У одних камней край обработан односторонне (в форме чоппера), у других попеременно или с двух сторон (в форме чоппинга). Ранее эти

находки обнаруживались на поверхности земли случайно, изолированно, но за последнее время аналогичные каменные изделия обнаружены при раскопах серийно, в комплексе с фауной, пылью и т.п. Такие комплексы орудий хорошо документируются с геологической и стратиграфической точек зрения, также с палеонтологическими остатками.

Отметим лишь некоторые из памятников: Олдувай (Танзания), Кооби-Фора (Кения), впадины реки Омо, Мелка-Контуре (Эфиопия), пещера Валлоне (Франция), стоянка Убейдия (Палестина) (Григорьев, 1977; Борисковский, 1979; Коробков, 1978; Lumley, 1981). Находки из этих памятников получили обобщающее название "галечная культура". Из термина и характера камней явствует, что сырьевую основу первых орудий труда, изготовленных человеком, составляли каменные заготовки, их расколотые части и осколки. Редко края этих естественных камней хотя и незначительно, но намеренно заострялись. Следовательно, при изготовлении орудий труда первобытные люди еще тогда умели отбивать осколки от естественных камней, они также использовали эти отколотые и заостренные края камней в качестве орудий для резания и разделки (Борисковский, 1979, с.28; Любин, 1960).

Африканские находки свидетельствуют о том, что эпоха палеолита началась на 2 – 3 млн лет ранее, чем предполагалось совсем недавно. Началом трудовой деятельности следует считать тот момент, когда рука первобытного человека впервые отколола от камня первый отщеп. Вместе с тем, для осуществления какой-либо работы отколотый рукой человека осколок сам по себе уже является орудием труда.

Подобно эволюции самого человека, орудия труда также прошли длительное историческое развитие. Труд, орудия производства и развитие техники находилось на пути эволюции, но развивались скачкообразно. По существу, эти скачки, отразившиеся в ступенях развития орудий труда в эпоху камня, не могли привести к образованию другого об-

щества или иной формации. Тем не менее они сыграли свою роль в развитии производства. Прежде чем изготовить ручные рубила, режущие орудия и обработать их ретушью, человеку пришлось прожить несколько миллионов лет. Это достижение (продольная ориентация режуще-рубящих орудий), несомненно, привело к возникновению нового этапа в технике изготовления каменных орудий раннеашельской эпохи палеолита. Доашельская культура без ручных рубил, открытая в Азыхе и названная нами куручайской, имеет большое научное значение для изучения истории возникновения орудий труда.

Как было отмечено во второй главе, уже в эоплейстоцене (абшерон) и раннем плейстоцене (баку) на территории Азербайджана были благоприятные условия для самых разнообразных растительных и животных сообществ. Нет ничего невероятного и в том, что в Азербайджане могли сложиться благоприятные экологические условия для обитания древнейших предков человека – возможно, еще на стадии *Homo habilis*. Другими словами, древнейшие люди, изготавливавшие орудия труда, могли появиться в Азербайджане еще в доашельскую эпоху, о чем свидетельствуют случайные находки на территории республики. Ограничимся ссылками на следующие случайные находки.

Еще во второй половине XIX века русские ученые Д.Симонович и Г.Сорокин при исследовании территории Азербайджана, близ селения Гырах Кесаман Газахского района, на левом берегу реки Куры, в Джейранчельской степи, при раскопках на глубине примерно 9 м (4 сажени) обнаружили пять коренных зубов, принадлежащих различным видам древнего слона. Установить возраст находки не удалось. Ученые сообщили, что там же были обнаружены кремневые изделия (Симонович, Сорокин, 1874). К сожалению, до настоящего времени нам не удалось установить, где хранятся найденные материалы.

В 1953 году на той же территории, на левом берегу Куры, на высокой террасе автором также были обнаружены кости слона

(История Азербайджана, 1958). Примечательно, что указанные находки концентрируются в том же географическом районе, где были обнаружены остатки удабнопитека, жившего 8 – 10 млн лет назад. Упомянутые костные остатки слона, по всей вероятности, относятся к абшеронскому времени. Что касается времени появления и распространения раннепалеолитических людей на территории Азербайджана, то по этому вопросу до сих пор нет единого мнения. До раскопок в Азыхе в 1974 – 1975 гг. на постсоветском пространстве не было обнаружено материалов, относящихся к галечной культуре, столь большой древности, как в Африке. В литературе имеются сведения о том, что на Таманском полуострове, в карьере Цимбал, были найдены два примитивных отщепы, залегавших среди остатков фауны конца абшеронского времени. В 1957 году здесь же были обнаружены крупные отщепы с массивными ударными бугорками, а в 1962 году – нуклеидный предмет (Формозов, 1965). Однако связь этих находок с человеческой деятельностью выглядела неубедительной (Иванова, 1969). Вернее, в советской литературе эти находки не были признаны как орудия труда древнего человека. Чтобы ответить на этого вопрос, требовалась стратиграфически точно датированная стоянка, которая содержала бы непотревоженные геологические отложения. С этой точки зрения археологические открытия в Азыхе, с полной и хорошо сохранившейся стратиграфической последовательностью вмещающих отложений, позволяют восстановить первую страницу заселения человеком территории постсоветского пространства. Открытие в пещере Азых древнейшей галечной культуры намного расширило хронологические рамки палеолита на территории Закавказья и юга постсоветского пространства в целом.

В нижней толще отложений Азыха, под VI слоем, были выявлены еще четыре стратиграфических уровня (VII – X слои), содержащие немногочисленные каменные изделия и незначительное количество практически неопределимых костей ископаемой

фауны.

Учитывая, что со стратиграфической точки зрения археологические материалы указанных слоев являются остатками древнейшей культуры, при их классификации мы вынуждены обратиться за аналогиями к самым древним стоянкам мира. К настоящему времени, как указывалось выше, на территории Африки, Европы и Юго-Восточной Азии известно достаточное количество памятников, относимых к эпохе галечной культуры. Их возраст и типологический состав в достаточной степени выяснены. Мы, однако, не считаем целесообразным проводить в настоящее время параллельное сопоставление таких памятников с Азыхом, так как последний, является памятником многослойным и, чтобы не впасть в ошибку вынуждены обратиться к материалам других многослойных памятников, соответствующих периоду существования стоянки в пещере Азых.

Решив сопоставить и сравнить нижние слои Азыхской пещеры с нижними слоями Олдувая /доашель (культура галек), ашель/, а также с комплексами местонахождения Убейдия, мы в вопросе классификации обратились к типологическому составу данных памятников.

В составе материалов каждого из указанных двух памятников представлены кубоиды, сфероиды, многогранники, чопперы, чоппинги и другие типы каменных орудий. При классификации материалов из нижних слоев Азыхской пещеры использованы названия соответствующих групп орудий, однако при этом возникли определенные трудности, связанные с более дробной типологией орудий из нижних слоев Азыха. Тем более что, как выяснилось, большинство типов орудий из нижних горизонтов Азыха неизвестно в других памятниках постсоветского пространства, не встречены они и среди материалов более молодых VI и V слоев Азыха.

Каменные изделия X слоя (рис.30 – 31)

X слой Азыха представил материалы периода первоначального заселения пещеры

(Гусейнов, 1980). С точки зрения геологического возраста этот слой – наиболее ранний из всех эоплейстоценовых отложений стоянки.

С археологической точки зрения каменные изделия X слоя представляют большой научный интерес, поскольку непосредственно связаны с начальным этапом заселения пещеры и являются наиболее ранним свидетельством изготовления орудий труда обитателями стоянки.

Именно X слой отражает самое начало жизни человека в пещере, а первый приход людей в пещеру равен возрасту образования данного геологического слоя. К сожалению, здесь не обнаружено другого сопровождающего материала, кроме каменных изделий. Поэтому каменные орудия X слоя на данный момент являются единственным историческим свидетельством, первого пребывания древнейших людей в долине реки Куручай.

В X слое выявлено и определено пока 17 экземпляров каменных изделий. Все они очень грубые и морфологически трудно определяемые, даже по сравнению с каменными орудиями из вышележащего IX слоя. По облику эти находки, несомненно, относятся к галечной культуре, но техника их изготовления говорит о том, что по некоторым признакам они отличаются от типичных изделий галечной культуры.

Здесь чопперы также сделаны из целых речных галек, но они сопровождаются скреблами, изготовленными на примитивных отщепках, причем среди отщепов имеются экземпляры с ударной площадкой (рис.30, 1, 2), ударным бугорком и с выраженным ограничением спинки. Все эти признаки говорят об уже сложившейся технике получения отщепа, применявшейся здесь с начального этапа жизни человека в пещере. Именно это и позволяет коллекцию X слоя в отличие от галечной культуры отнести к остаткам иной, новой локальной куручайской культуры. Примером этого являются археологические материалы, зафиксированные прямо на дне скального пола пещеры. Материалом для изготовления орудий служили только гальки кварца и кварцитовых пород, источником

которых являлась долина реки Куручай.

Каменные изделия с технической точки зрения хорошо классифицируются. Они состоят из нижеследующих типов: 1 – чопперовидные изделия (2 экз.); 2 – лимасообразные изделия (1 экз.); 3 – нуклевидные формы (1 экз.); 4 – скребла (3 экз.); 5 – отщепы (3 экз.); 6 – отходы производства (4 экз.); 7 – гальки без обработки (3 экз.).

Чопперовидные изделия относятся к двум разным типам – чоппер и чоппинг.

Чоппер изготовлен из красноватого кварцита и имеет полуовальную форму. С одной стороны более крутая и частично очищена от естественной корки. С другой стороны галечная поверхность не обработана и вся покрыта естественной коркой. На одном конце имеются мелкие следы подправки, заострявшей поперечный рабочий край. Подправка сделана путем мелкой оббивки, снят только один крупный скол. Скол очень широкий, хорошо заметны точка удара и следы негатива от ударного бугорка. Направление волны и точки удара показывает, что удар был сильным и нанесен от края к центру. Вследствие этого один из углов негатива снятого скола представляет собой выступ в виде клюва. Видимо, этот предмет употреблялся как рубящее орудие (рис.30, 4).

Чоппинг изготовлен из серовато-желтого кварцита полуовальной формы. Сохранившиеся следы крупных сколов и вторичной подправки указывают на то, что обработка велась от краев к центру, создавая неправильный овальный край рубяще-топоровидной формы. Орудие имеет два сходящихся в округлый конец рабочих лезвия; одно из них обработано с двух сторон, вначале мелкими сколами с одной плоскости, а затем более крупными – с другой; второе лезвие обработано в одной плоскости, противоположной первой. Овальный конец на стыке лезвий имеет дополнительную подправку и крупный желобчатый скол с тыла. Противоположный конец гальки не обработан – оставлен в естественном виде, что очень удобно для захвата рукой. Орудие, видимо, имело рубящую функцию, близкую к ручному

рубилу (рис.31, 3).

Среди находок X слоя определено одно лимасообразное изделие (или архаичное двойное симметричное острие), изготовленное из грубого, удлинённого, высокого в сечении куска светло-серого кварца. Нижняя поверхность утолщена, на ней хорошо заметны следы двух поперечных сколов; это доказывает, что еще до превращения его в орудие этот предмет служил нуклеусом. На верхней крутой плоскости изделия имеются следы негативов, придающих плоскости трехгранный характер. Оба противоположных конца обработаны скашивающимися сколами, создающими два двугранных острия. Одно из них имеет дополнительную обработку на одной из граней со спинки и утолщение в тыльной части за счет негатива скола на нуклеусе. Другое – тщательную приостряющую ретушь по обоим сходящимся в острие краям, которая создает правильные прямые лезвия конвергентного скребла. Данное изделие можно назвать "протолимасом", оно, видимо, употреблялось как двухконечное режуще-прокалывающее орудие (рис.31, 2).

Наряду с вышеуказанными крупными изделиями есть и нуклевидные формы, изготовленные из целых или естественно расколотых мелких галек, с двумя плоскостями естественного раскалывания. Скалывание узких пластинчатых заготовок производилось в поперечном направлении в обеих плоскостях, ударами по естественной галечной поверхности. Один край этого изделия, благодаря такому поперечному сколу имеет острый угол поперечного лезвия позволяющий предположить, что изделие могло служить и орудием типа кливер или топор-ашеро (рис.31. 1).

Скребла и орудия со скребущими концами представлены тремя экземплярами, изготовленными из кварца желтого и коричневого цвета. Они не носят сколько-нибудь выраженных серий.

Отмечен крупный первичный отщеп с четырехскатной спинкой, покрытой галечной коркой. Дистальный конец которого обработан скашивающей ретушью в виде прямого

скребкового лезвия, по обоим продольным лезвиям имеется зубчатая и крутая ступенчатая ретушь (рис.30, 3).

Миниатюрное скребковое орудие изготовлено на обломке отщепе тщательной, хотя и крупнофасеточной, веерообразно направленной ретушью, заходящей на боковые края и создающей правильное овальное лезвие скребка. Орудие, благодаря имеющимся с тыла двум разнонаправленным сколам, уточняющим лезвие скребла и придающим ему ладьевидно-желобчатый профиль, может быть отнесено к скребкам-бифасам тейякского типа (рис.30, 1).

Другое скребло, с выпукло-вогнутым лезвием, изготовлено на правильном овально-заостренном полукраевом отщепе, с хорошо выраженным на спинке негативом предыдущего скола, заметным двойным ударным бугорком и естественной гладкой поверхностью. По острому краю клетонским анкошем создано выемчатое приостренное лезвие, которому противостоит короткий обушок. По внутреннему краю с брюшка на стыке с выемчатым краем положена ретушь, приостряющая верхний край и создающая овальную режущую кромку. Орудие можно определить как скребок-нож с упором на угол, имевшее режущее функциональное назначение (рис.30, 2).

Среди находок X слоя имеются и отходы производства. Некоторые предметы напоминают обломки нуклевидных изделий – на их поверхности сохранились следы небольших сколов. Представлены мелкие и бесформенные обломки отщепов. Наряду с этими изделиями зафиксированы также совершенно необработанные гальки. Одна из них, видимо, была использована в работе. На одном ее конце имеются следы сколов. Естественные гальки по величине идентичны крупным чопперовидным орудиям; возможно, они были подобраны в русле реки Куручай человеком и принесены в пещеру намеренно.

К сожалению, каменный инвентарь в нижних слоях пещеры зафиксирован еще в небольшом количестве, что объясняется предположительно следующим. Видимо, вначале

пещера служила куручайцам лишь временной стоянкой. Жили же они первоначально и, вероятно, длительное время, в самой долине реки Куручай, до того как пещера стала для них основным местом обитания; там же они, по-видимому, и изготавливали свои орудия. Кроме того, следует отметить, что раскопанная площадь X слоя невелика, чтобы представить серию орудий древнего человека.

Каменные изделия IX слоя (рис.32 – 34)

Археологические материалы, выявленные в IX слое, количественно в пять раз превышают находки из X слоя. Усложняется и типологический состав орудий. В IX слое определено более 80 экз. каменных изделий. Все они изготовлены из кварцитовых пород. Но среди них имеются и единичные изделия из кремня.

Типологический состав каменных изделий IX слоя следующий:

1 – чопперы (3 экз.), чоппинги (5 экз.); 2 – кубовидные изделия (5 экз.); 3 – нуклевидные формы (5 экз.); 4 – лимасоподобные изделия (1 экз.); 5 – скребла (16 экз.); 6 – отщепы (11 экз.); 7 – отходы производства (8 экз.); 8 – естественные гальки (27 экз.).

Все чопперы изготовлены в основном из сильно окатанных галек разной формы и величины. Оббивали в основном один узкий конец или же один продольный край гальки. Ниже приводится описание наиболее интересных форм.

Один из чопперов изготовлен из серовато-желтой гальки, почти полуовальной формы, имеющей с одной стороны ровную, а с другой – выпуклую и округлую поверхность. Только один поперечный конец оббит с одной плоскости не очень крупными полукрутыми сколами с дополнительной мелкой неровной ретушировкой края. Лезвие крутое, скребущее, массивное, имеет зигзагообразную форму и выпуклые очертания (рис.32, 8).

Другой чоппер изготовлен из коричневой, сильно окатанной гальки удлиненной формы. Галька с донной стороны ровная, противоположная поверхность ее выпуклая. В отличие от вышеописанного чоппера, его оббивка произведена на одном продольном

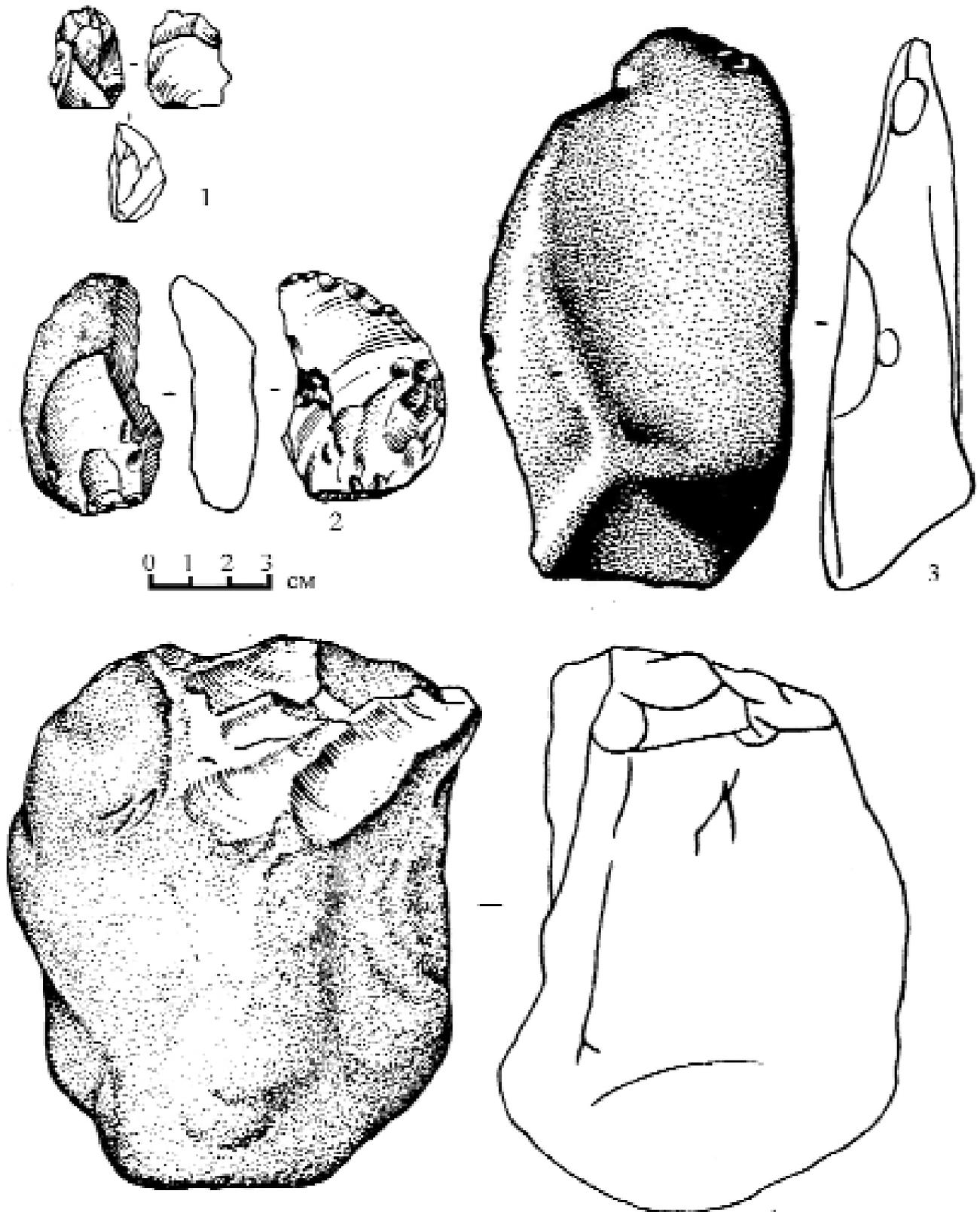

Рис. 30. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. X слой.
1 – отщеп; 2 – скребло; 3, 4 – чопперы

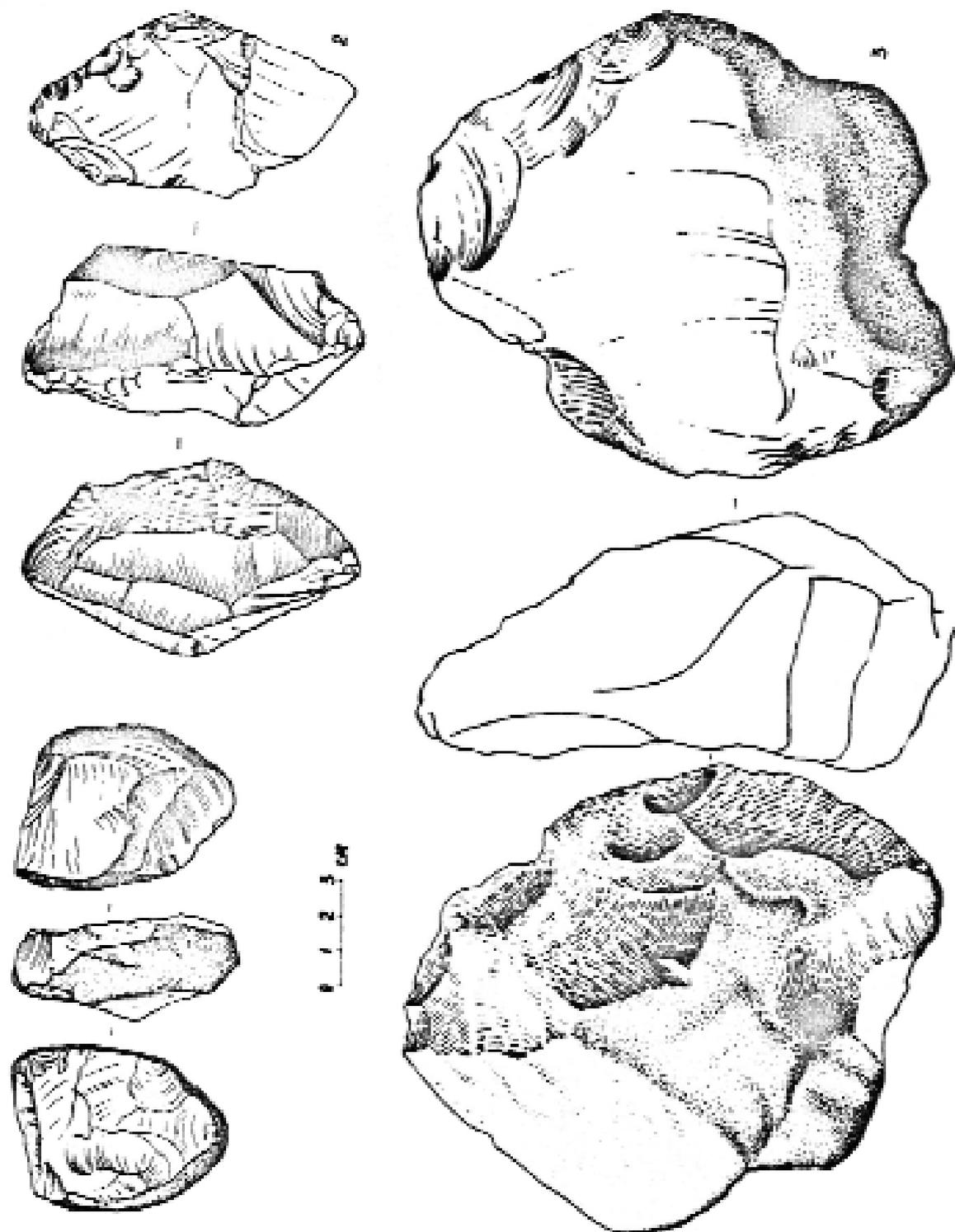

Рис. 31. Пещера Азых. Образцы каменных орудий, X слой. 1 – нуклеидные изделия; 2 – протолимас; 3 – чоппинг

крае. Удары наносились от края к центру, с заходом на один из узких концов. Сколы глубокие и широкие. Рабочее лезвие массивное, высокое, но сравнительно зигзагообразное. Таким образом, оббивка захватывает больше половины продольного края, доходя до середины поверхности гальки (рис.34, 2). Изделие можно определить как чопперовидное орудие с поперечным длинным лезвием и заостренным коротким боковым краем. Полную аналогию такой формы можно встретить в материалах местонахождения Каратау в Южном Казахстане.

Чоппинги обычно изготавливали из плоских, широких, овальных и не очень массивных галек, что отличает их от чопперов. Один поперечный конец гальки (чаще всего узкий) обрабатывался путем оббивки с обеих поверхностей несколькими сколами. Рабочее лезвие всегда закругленное и выпуклое, клиновидное в профиль. Имеется и вариант чоппинга с длинным поперечным краем и заходом обработки на один узкий конец гальки. Но, в отличие от чопперовидного орудия с длинным лезвием, обработка здесь производилась с двух плоскостей галечной заготовки (рис.32, 4).

Еще один вариант рубящих орудий типа чоппингов представлен подчетыреугольной массивной кубовидной формой. Оно более массивно, чем орудие с поперечным лезвием из галек, но обладает теми же основными типологическими чертами, позволяющими предположить для них ту же рубящую функцию. Один конец изделия притуплен или покрыт естественной коркой, противоположный же имеет приостренное выпуклое лезвие (рис.34, 1).

Нуклевидные изделия – это многогранники круглой формы. Поверхность их с одной стороны полукруглая и высокая, с другой более ровная. Нуклевидные изделия полностью очищены от естественной корки. По форме данные изделия напоминают дисковидные нуклеусы. Некоторые из них дополнительной обработкой превращены в скребла (рис.33, 4).

Скребла. Материалом для изготовления скребел служили кварц и кварциты различ-

ного цвета (коричневый, желтовато-серый, серый, иногда серовато-черный). Все они изготовлены на массивных и широких отщепках с ударной площадкой на нижнем конце и с ударным бугорком со стороны брюшка. Среди отщепов, употребляемых для изготовления скребел, отмечаются и более примитивные, с плохо выраженными первичными морфологическими признаками. С типологической точки зрения скребла представлены в основном выемчатыми типами, иногда с дополнительно обработанным полукруглым режущим или клиновидным рабочим выступом на углу, и скреблами с прямым или вогнутым рабочим лезвием.

Приводим описание некоторых из них.

Скребло выемчатое одинарное боковое – изготовлено из желтого кварцита на массивном и широком отщепе с высокой трехскатной спинкой. Путем оббивки на правом продольном крае со стороны спинки оформлен широкий выем в виде анкоша. Причем анкош глубокий и сделан прямо на середине рабочего лезвия, не захватывая его концов (рис.32, 6).

Скребло выемчатое с упором на угол – разновидность с широкой овальной кромкой на углу (рис.33, 2). Аналог выемчатого скребла с обушком из X слоя. Орудие изготовлено из разбитой гальки, с частично сохранившейся естественной поверхностью раскола. По правому краю, снизу, двумя последовательно наложенными друг на друга негативами сколов создан глубокий клетонский анкош. Примыкающий к нему верхний конец правого края тщательно обработан и округлен более правильной оббивкой; дополнительная ретушировка создает овально-скребково-режущую кромку орудия с упором на угол.

Скребло клиновидное (рис.32, 7) изготовлено из окатанной плоской трапециевидной гальки, покрытой коркой. На большей части правого продольного края широким, укороченным клетонским анкошем обработан вогнутый край скребла, дополнительно ретушированный. Вогнутое лезвие выделяет острый клюв на правом стыке с поперечным краем. Клюв имеет дополнительную обработку двумя диагональными ламеллярно-удли-

ненными параллельными сколами.

Скребло выемчатое поперечное оформлено на отщепе полуовальной формы с хорошо заметным ударным бугорком. На поперечном верхнем конце отщепа анкошем с дополнительной подправкой оформлен глубокий выем (рис.32, 3).

Скребло поперечное прямое оформлено на удлинённом грубом кварцитовом отщепе. Дистальный конец приострен ретушью (рис.33, 1).

Скребло тройное с удлинённым поперечным краем ("укорочено-трапецевидное") изготовлено из массивного укороченного отщепа. Длинный поперечный край и два коротких расходящихся боковых края имеют неправильную зубчатую обработку, а также стесы по углам и в основании со стороны брюшка. Длинный поперечный край имеет зубчатую обработку со спинки (рис.33, 4).

Скребло конвергентное заостренное (лимасоподобное изделие) изготовлено из массивного нуклевидного изделия, в верхней части которого путем крутой многорядовой оббивки обоих асимметрично сходящихся краев оформлено острие, напоминающее по своим пропорциям в принципам вторичной обработки протолимас из X слоя (рис.33, 3).

Отщепы. У всех отщепов имеются ровная ударная площадка и ударный бугорок со стороны брюшка. Несмотря на это, большинство отщепов по форме очень грубые, с нечетко выработанной спинкой (рис.32, 1, 2, 5).

Отходы производства. Обнаружены наряду с каменными изделиями в небольшом количестве и представлены бесформенными и неопределимыми обломками. На спинке у некоторых экземпляров имеются следы сколов. Все они изготовлены из тех же материалов, что и каменные изделия слоя, в том числе и отщепы.

Естественные гальки. Как видно из вышесказанного, как в X, так и в IX слое чопперы, чоппинги и орудия из отщепов сопрождаются целыми гальками, без следов какой-либо обработки и использования. Все они по размерам и сырью идентичны с груборубящими изделиями. Источником галек

служила долина реки Куручай.

Каменные изделия VIII слоя (рис.35–39)

Большой научный интерес представляют археологические материалы VIII слоя. Здесь выявлены и определены 56 экз. каменных изделий, типологически хорошо сопоставимые с материалами нижележащих слоев. В типологическом отношении они состоят из следующих групп: 1 – чопперы с поперечным краем (3 экз.); 2 – чоппинги-гигантолиты (3 экз.); чоппинги с поперечным прямым или округлым лезвием (4 экз.); чоппинги с заостренным концом (5 экз.); 3 – нуклевидные формы (3 экз.); 4 – скребла (3 экз.); 5 – отщепы (9 экз.); 6 – отходы производства (11 экз.); 7 – естественные гальки (15 экз.).

Хотя в VIII слое количество чопперов такое же, как и в IX слое, но качество оформления, подбор заготовок по величине и составу породы заметно меняется. Впервые здесь появляется форма чоппера с расширяющимся концом и узкой пяткой. Для его изготовления вместо кварца использован базальт (рис.37, 3). В целом заготовки чопперов по размерам уступают материалам IX слоя – вернее, здесь для изготовления чопперов использовали более мелкие камни. Чопперы оформлены на округлой, полуовальной или удлинённой гальке. Встречена и традиционная форма чоппера с тремя короткими приостряющими лезвиями, ориентированными поперек длинной оси заготовки. Но типологический состав чопперов становится более разнообразным. Кроме уже упомянутых чопперов на базальтовых гальках (обычных и с узкой пяткой) представлены нуклевидные чопперы с тремя обработанными прямыми краями пирамидальной формы (рис.39, 4).

Еще более разнообразна, чем в нижележащих слоях, группа чоппингов (рис.38, 1 – 3). В типологическом отношении она четко разделяется на три подгруппы или разновидности, видимо, функционально различных:

а) Обычные чоппинги с полуовальным, двусторонне обработанным лезвием на удлинённо-овальных гальках средних размеров. Эта группа ближе всего к чоппингам из нижних слоев (рис.38, 1). К ним приближается

по функциям, видимо, и часть нуклеидных изделий, но у них, в отличие от чоппингов, лезвие не приурочено к определенному концу исходной заготовки (рис.38, 3).

б) Наряду с чоппингами из галек средних размеров, сходными с чоппингами из нижележащих слоев, появляются и новые типологические разновидности. Прежде всего обращают на себя внимание орудия, изготовленные из очень крупных галек (достигающих иногда 4,5 кг), которые мы условно назвали "гигантолитами". Материалом для изготовления такой формы чоппингов служил исключительно кварцит. Мы поэтому предполагаем, что такие орудия могли использоваться только с помощью обеих рук ("двуручный чоппинг-гигантолит"). Характерно, что основное рабочее лезвие таких крупных рубящих орудий располагается вдоль длинной оси заготовки, иногда с заходом обработки на один или оба коротких края, образуя дополнительно боковые короткие края – прямые или с острием (рис.36; 37, 4). Иногда поперечный длинный край, располагающийся вдоль длинной оси заготовки гигантолита, с боков выделяется симметричными глубокими выемками, благодаря чему оформляется центральный протяженный рабочий участок в виде широкого, прямого рубящего лезвия (рис.35, 3).

в) Четко выделяется еще одна типологическая группа рубящих орудий, серийно не представленная в нижележащих, более древних комплексах Азыха. Речь идет о "чоппингах с острием". В VIII слое они морфологически чрезвычайно разнообразны, но типологически четко выражены. В первую очередь их характеризует узкий, тщательно двусторонне обработанный, иногда выделенный симметричными выемками, центральный заостренный рабочий выступ. Можно подразделить эту подгруппу "чоппингов с острием" на ряд разновидностей, представленных уже серийно.

Прежде всего – это модификация обычного чоппинга с узким рабочим краем, расположенным поперек длинной оси. Отличие "чоппингов с острием" от таких чоппингов

состоит в том, что двусторонней обработке подвергается только наиболее заостренный участок дистального конца галечной заготовки или куска расколотой гальки (рис.36; 38, 1; 39, 2).

Имеется в коллекции VIII слоя и модификация кубовидного чоппинга, заготовки для которого полностью очищены от первичной галечной поверхности. В отличие от кубовидных форм из нижележащих слоев, здесь на одном конце заготовки, которому противостоит наиболее массивная часть изделия – пятка, оформлен заостренный выступ, иногда с дополнительной приостренной сколом-фаской по центру этого выступа (рис.37, 2).

Представлена и поперечная разновидность "чоппинга с острием", когда заостренный выступ располагается по середине длинного края заготовки. Экземпляр такого орудия оформлен не на галечной заготовке, а на отщепе. На левом боковом краю удлиненно-овального отщепа двумя глубокими симметричными выемками выделяется центральный симметричный выступ, обработанный бифасиально приостренными сколами. Обработан и другой, выпуклый край изделия. Поэтому данную разновидность "чоппингов с острием" можно еще определить как двойное орудие – "скребло выемчатое с острием на середине бокового края".

Скребловидные орудия. Изготовлены из заготовок кварцевых пород. Скребла оформлены на отщепах разной формы. Из них два экземпляра представлены скреблами с одним рабочим лезвием, обработанным ступенчатой ретушью (рис.35, 1; 39, 1, 4).

Отщепы. Изготовлены из кварца (6 экз.) и кремня (3 экз.). Среди них 4 экз. имеют хорошо выраженную площадку на нижнем конце и ударный бугорок с брюшка. Данные отщепы имеют четко выраженную форму. С обеих сторон продольные рабочие лезвия острые и не несут следов обработки. Ряд из них имеет миниатюрные размеры (рис.37, 1).

Производственные отходы. Материалом служил кварц и кварцитовые породы, что показывает их сходство с материалом выше-

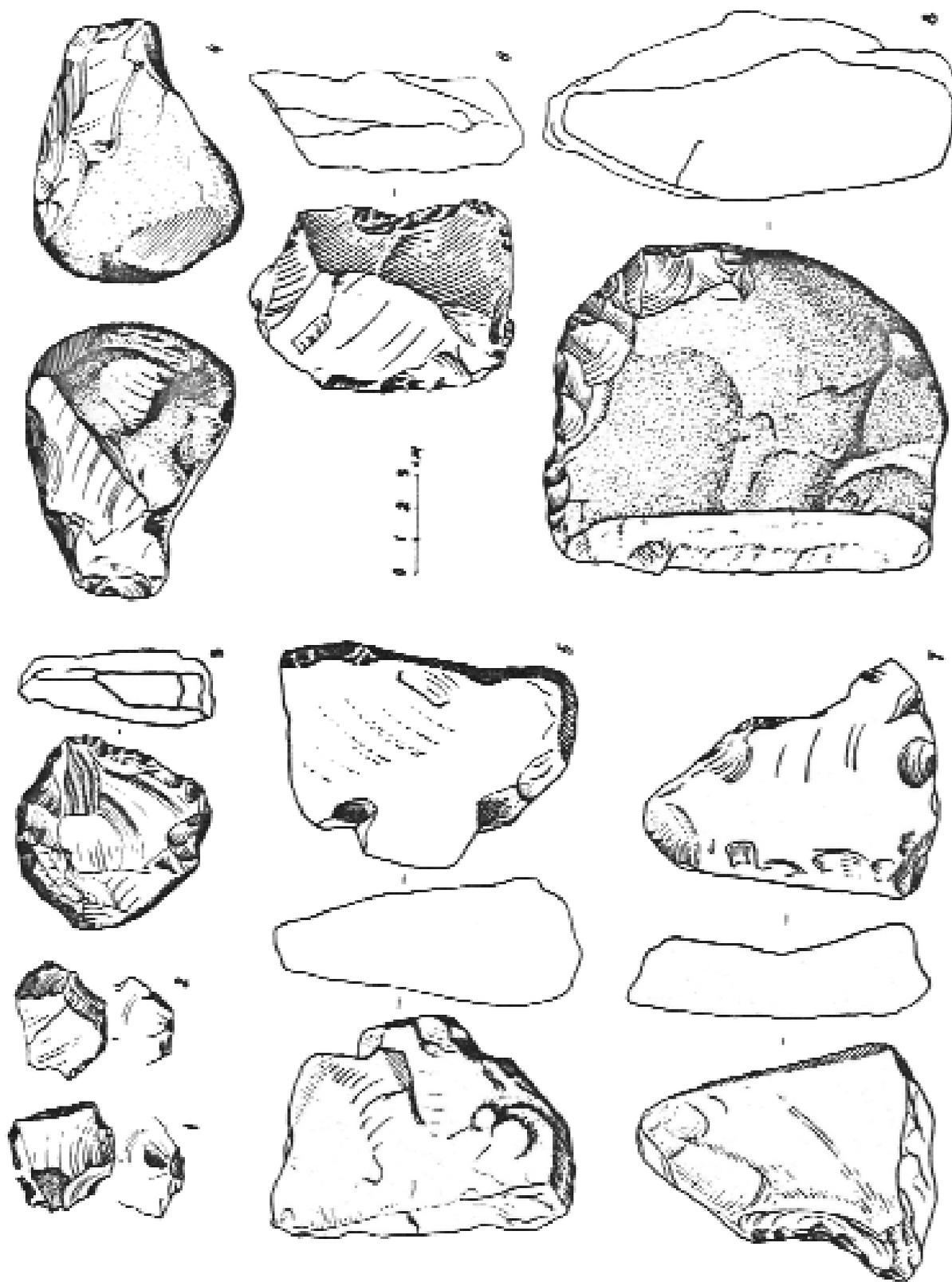

Рис. 32. Пещера Азыл. Образцы каменных орудий. IX слой. 1, 2, 5 – отщепы; 3 – дисковидно-овальное скребло; 4 – чоппинг; 6 – скребло; 7 – клювовидное орудие; 8 – чоппер (скребло ?)

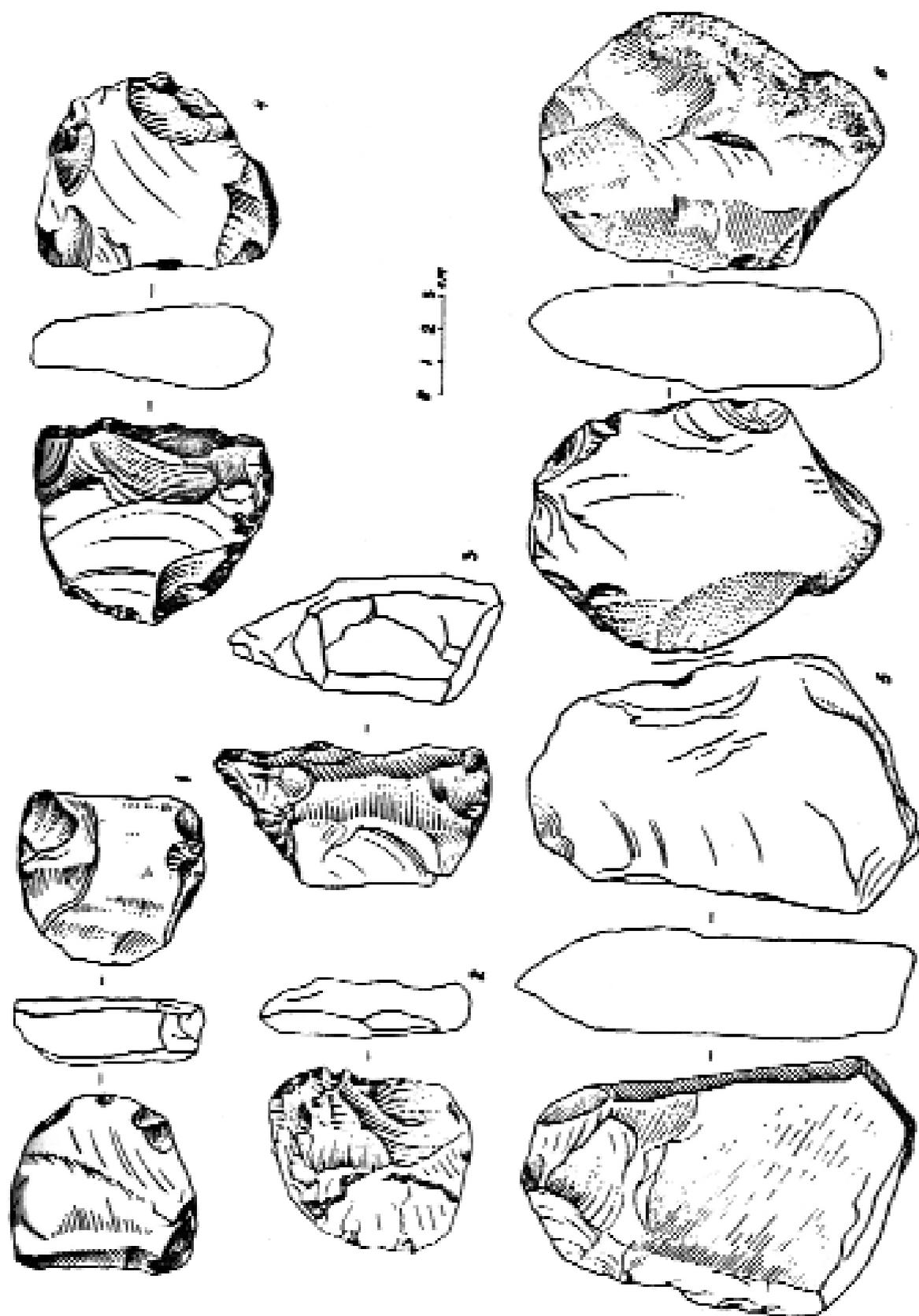

Рис. 33. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. IX слой. 1 – долотовидное орудие; 2 – 4 – скребла разных типов; 5, 6 – чоппинги

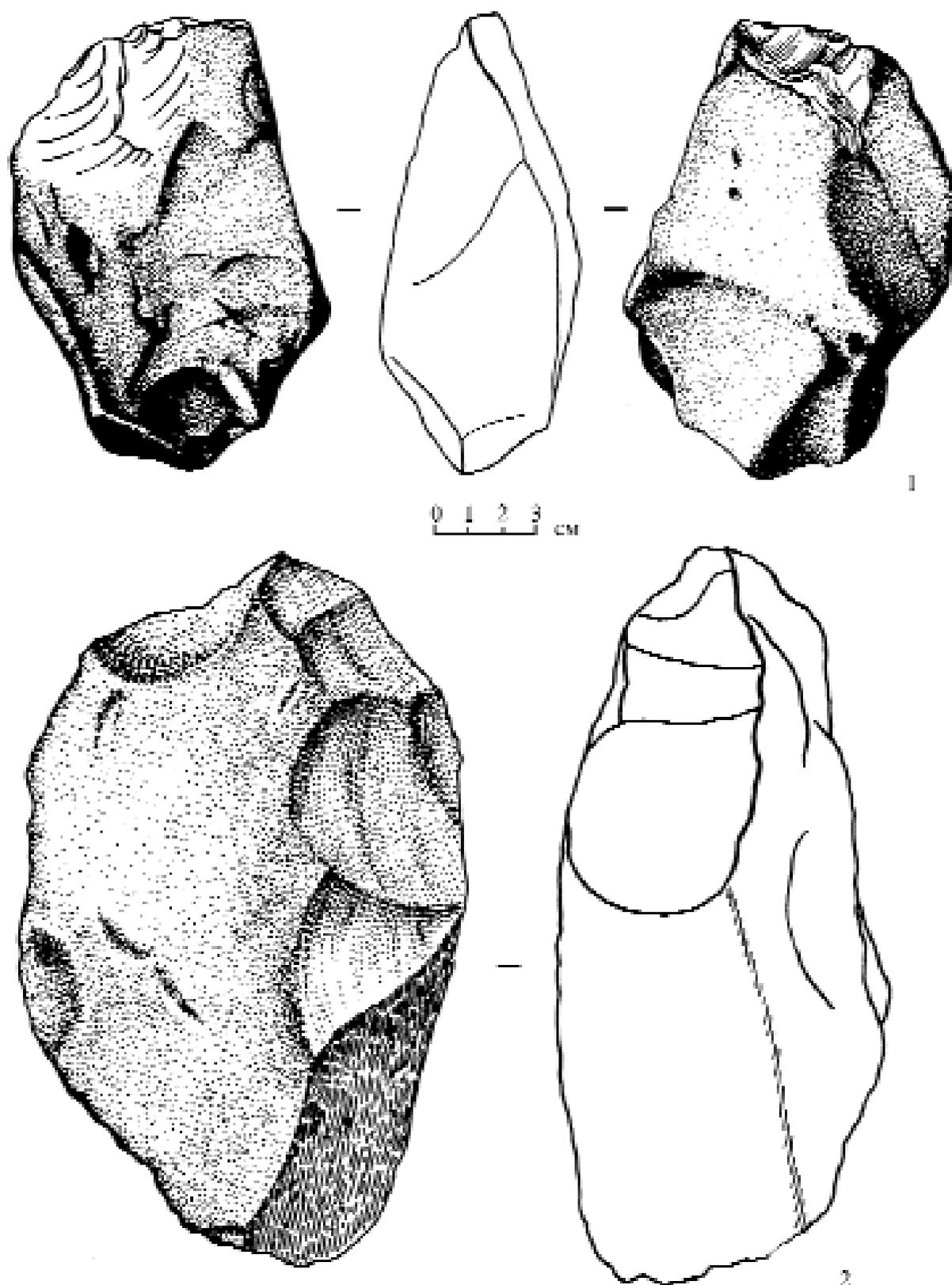

Рис. 34. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. IX слой. 1, 2 – чоппинги

описанных орудий VIII слоя.

Естественные гальки. Вместе с орудиями в VIII слое зафиксированы необработанные речные гальки разной величины и формы, по составу также идентичные с изделиями описываемого слоя.

Каменные изделия VII слоя (рис.40 – 41)

VII слой является завершающим в серии отложений нижней толщи пещеры Азых. Этот слой литологически почти одинаков с VIII слоем, но резко отличается от вышележащего VI слоя. Поэтому и представленные здесь археологические материалы в основном вмещаются в типологические рамки, разработанные для материалов VIII – X слоев. С другой стороны, заметны некоторые сдвиги в технике изготовления и в отборе сырьевого материала, что сближает изделия VII слоя с индустрией VI слоя.

Во время раскопок в VII слое обнаружено 46 экз. каменных изделий, в том числе: 1 – чопперы (2 экз.), 2 – чоппинги (4 экз.+ 2 кубовидных формы) – а) с чередующейся обработкой и извилистым лезвием (2 экз.), б) с заостренным концом (2 экз.), в) с поперечным прямым лезвием (2 экз.); 3 – нуклевидные изделия (8 экз.); 4 – скребловидные формы (4 экз.); 5 – отщепы (8 экз.), 6 – производственные отходы (9 экз.); 7 – естественные гальки (9 экз.).

Ниже приводится краткая характеристика каждого типа каменных изделий.

Чопперы. Изготовлены из подчетырехугольных плоских речных галек. На поперечном конце заметны следы обработки мелкими укороченными сколами, чешуйчато налегающими друг на друга. Орудие имеет хорошо приостренное прямое рабочее лезвие, остальная поверхность гальки осталась необработанной. Имеется узкая пятка, удобная для захвата рукой (рис.40, 8).

Чоппинги. Материалом служила галька полукруглой формы. Чоппинги представлены всеми основными разновидностями, встреченными в VIII слое. Отмечается кубовидная

разновидность с прямым лезвием (рис.40, 7), а также форма чоппинга двусторонне обработанным узким острым концом (рис.41, 1). Представлены также формы, близкие к гигантолитам, у которых слегка заостренное рабочее лезвие оформлено по длинному краю, вдоль длинной оси заготовки. Но встречаются и разновидности с чередующейся обработкой рабочего лезвия (рис.41, 4), создающей извилистый рубящий край. По характеру обработки и по общему облику эта форма приближается к самым ранним типам бифасов.

Нуклевидные изделия. Изготовлены из кварца и кварцита. Эти изделия представлены как односторонними, так и двусторонними формами. Только один предмет имеет по краям следы употребления (рис.40, 5, 9).

Скребла. Их в материалах VII слоя немного. Наиболее ярко представлен тип скребла-ножа с упором на угол и обушком (рис.40, 1, 2). Имеется как продольный, так и поперечный вариант такого скребла с обушком (рис.40, 4). Встречено орудие комбинированного типа – скребло.-скребок с желобчатым снятием с тыла скребкового лезвия (рис.40, 3). Эта форма напоминает сходные орудия из раннеашельского VI слоя. Среди материалов VII слоя встречаются и выемчатые скребла, а также отщепы с ретушированными выемками (рис.40, 2).

Отщепы. Изготовлены из кварца и кварцитовых пород. Большинство отщепов имеет хорошо выраженную ударную площадку и ударный бугорок. Среди них лишь один крупного размера и изготовлен из красного кварцита. Нижняя поверхность изделия – гладкая и плоская, а верхняя – с хорошо выраженной спинкой. Очень хорошо заметны следы крупных и широких сколов на нуклеусе. На нижнем конце имеется широкая и гладкая ударная площадка, а с брюшка – более выпукло

выраженный ударный бугорок (рис.41, 3). На одном продольном крае имеется двусторонняя обработка, приостряющая лезвие, и выщербины – видимо, от употребления в качестве режущего орудия.

Производственные отходы. Представлены мелкими обломками и сколами кварцитовых пород.

Речные гальки. Все зафиксированные речные гальки сильно окатаны, таких же размеров, как и груборубящие орудия описываемого слоя. Среди них имеются отдельные экземпляры с выщербинами по краям – видимо, от употребления.

Тщательное изучение каменных изделий

из VII слоя показало, что по сравнению с орудиями из VIII – X слоев, среди орудий появляются отдельные экземпляры более усовершенствованного вида. Такие же прогрессивные черты более выпукло представлены и в оформлении чоппингов. Рабочие края их зигзагообразны, наподобие лезвий грубых рубил, относящихся к начальной стадии развития раннеашельской культуры.

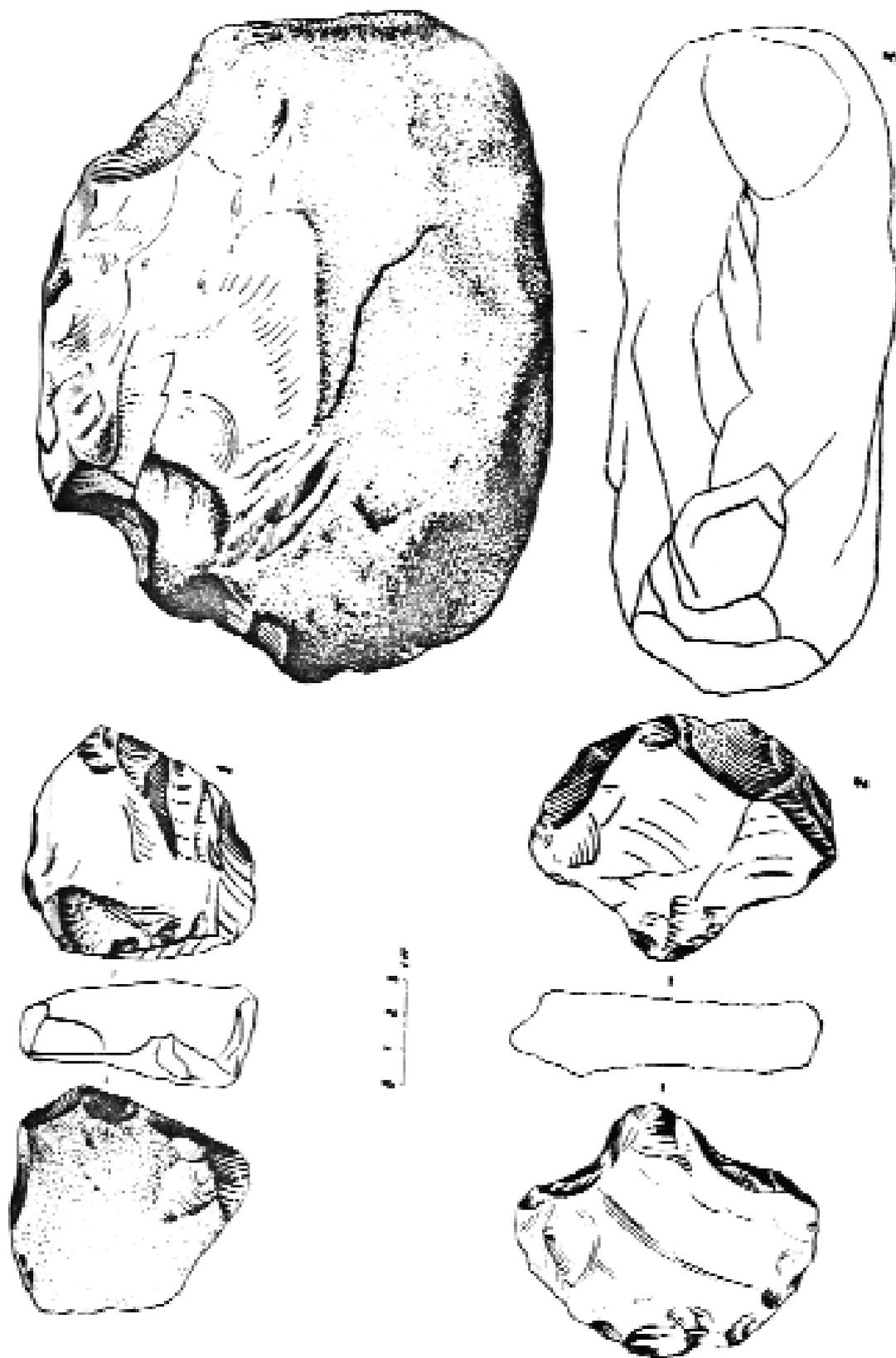

Рис. 35. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VIII слой. 1 – скребло; 2 – чопинг с поперечным острием; 3 – чопинг-гигантолит с поперечным лезвием

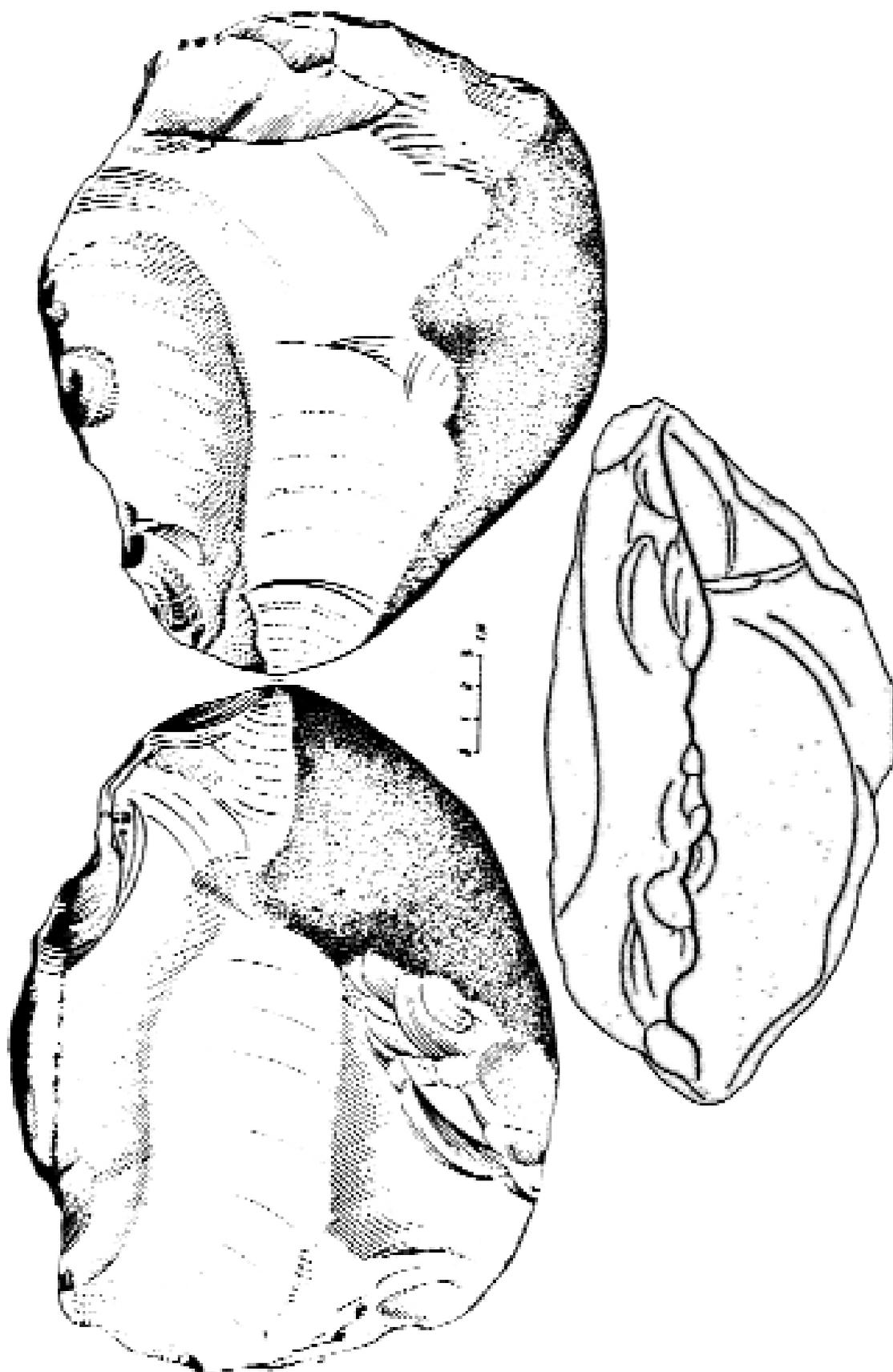

Рис. 36. Пещера Азых. Слой VIII. Чопинг-гигантолит

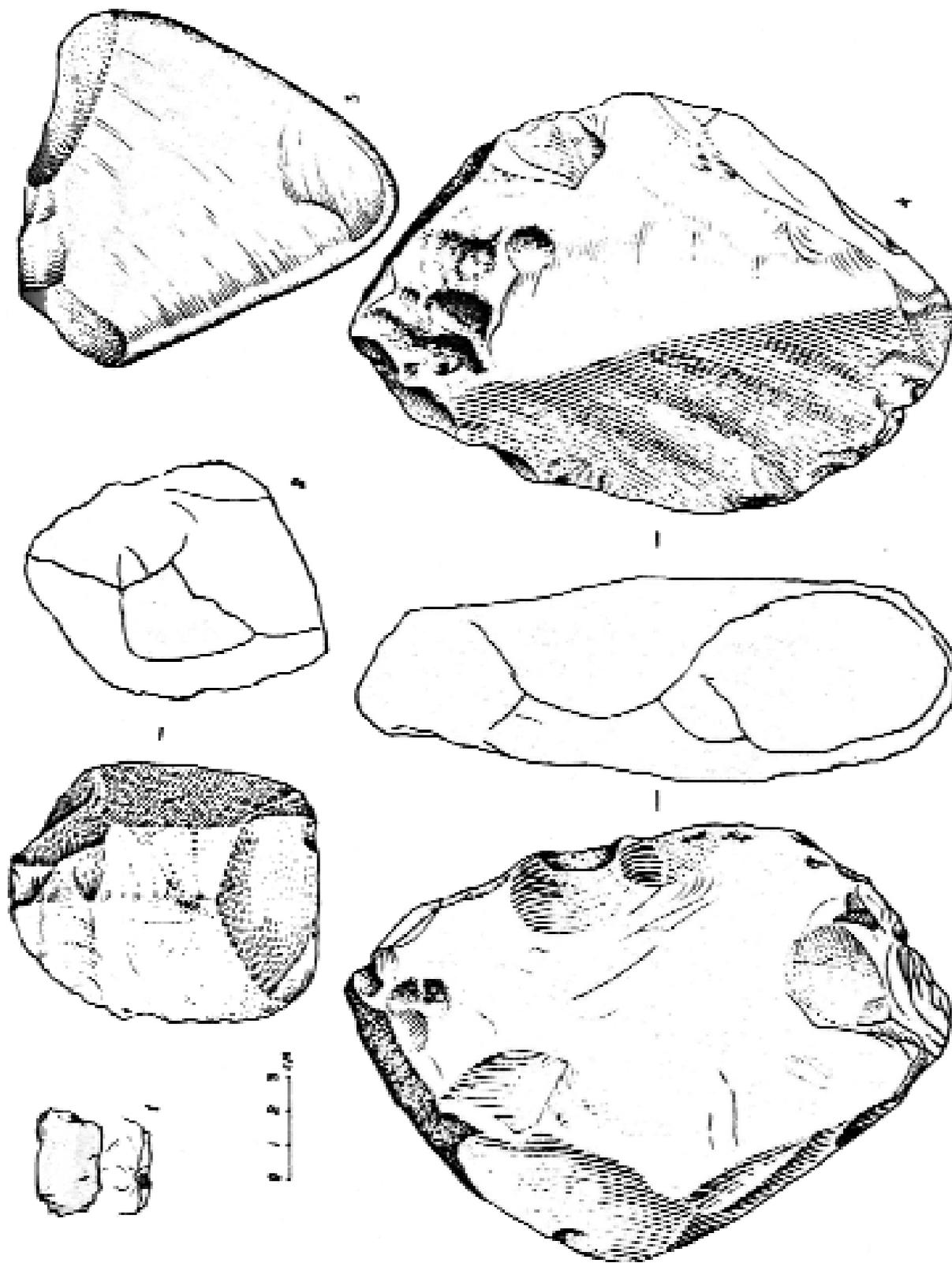

Рис. 37. Пещера Азыл. Слой VIII. Образцы каменных орудий. 1 – отщеп; 2, 3 – чопперы; 4 – чоппинг-гигантолит

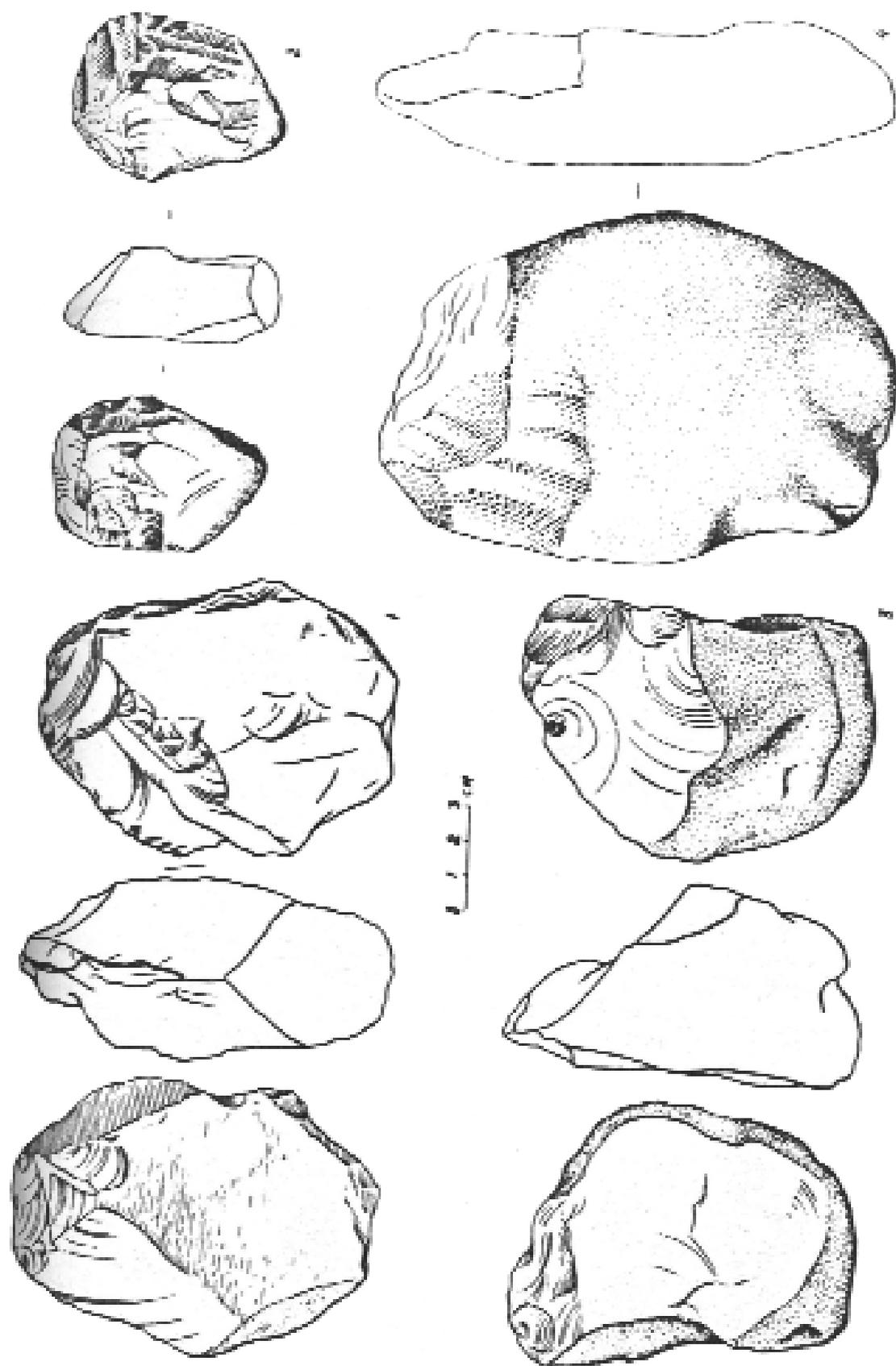

Рис. 38. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VIII слой. 1, 2 – чоппинги; 3 – клювовидный резчик; 4 – чоппер

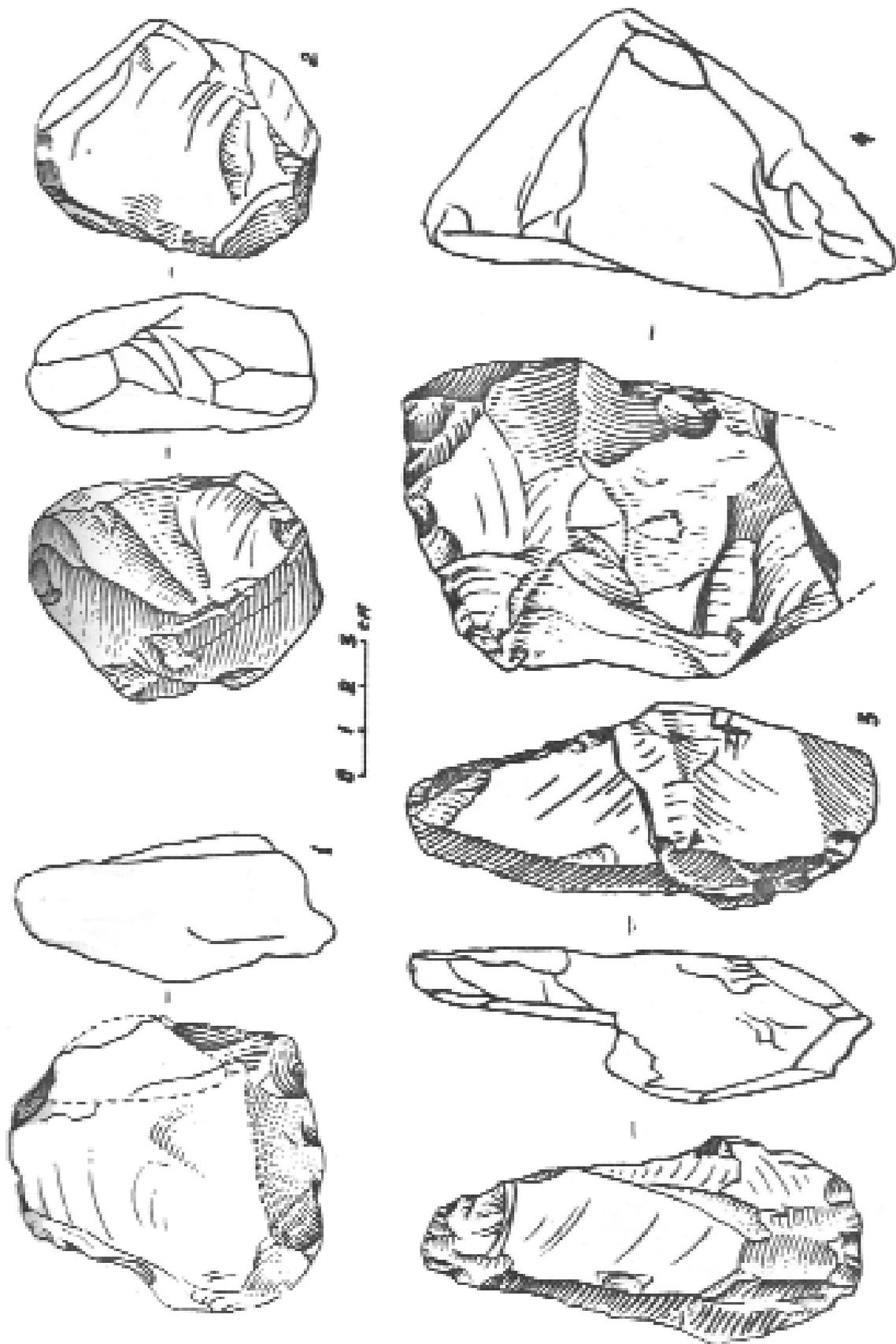

Рис. 39. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VIII слой. 1, 4 – скребла; 2 – чопинг; 3 – доготововидное орудие

ГЛАВА V ДРЕВНИЙ АШЕЛЬ

Первобытный человек более интенсивно заселяет пещеру Азых в течение раннего плейстоцена (бакинский век). С этого времени производство, т.е. техника изготовления орудий, и социальная структура данной палеолитической группы развиваются более высокими темпами, оставаясь, тем не менее, на базе куручайской культуры, что подтверждается сохранением определенного процента галечных форм и других типов каменных изделий, свойственных куручайской культуре, в материалах древнеашельского VI слоя.

При раскопках в VI слое в большом количестве выявлены каменные орудия, отщепы, производственные отходы, кости животных, остатки очагов и угли. Богатство материала с археологической точки зрения свидетельствует о том, что в далеком прошлом здесь обитали группы палеолитических людей, которые вели оседлый образ жизни, обладали развитым первобытным охотничьим хозяйством. На основе извлеченного материала можно определить, что эти древнейшие группы людей в основном занимались охотой и собирательством.

Еще в доашельскую эпоху люди научились использовать пещеры в качестве жилья, однако не в связи с холодным климатом. Пещеры являлись удобным местом для оседлого поселения.

Обилие обнаруженных здесь каменных изделий, богатство охотничьих остатков, просторность жилой площади, наличие очагов и обгорелых костей – все это показывает, что древние люди в древнеашельскую эпоху использовали пещеру Азых в качестве постоянного жилья. Жилая часть занимала площадь более 60м². Отметим, что многие пласты на террасе у входа в пещеру (снаружи) разрушены, поэтому большая часть жилой площади на террасе не сохранилась. Предметы из дерева, остатки других растительных объектов, связанные с деятельностью древнего человека раннеашельской эпохи, также не сохранились. Остатки очагов, угли и другие

подобные находки показывают, что существенную роль в хозяйстве древних ашельцев играло и собирательство, с которым также связано принесение в пещеру сырья для изготовления орудий. Большое разнообразие орудий древнеашельской эпохи и значительное количество производственных отходов показывает, что первобытные люди в это время обладали широкими возможностями для охоты на крупных животных. Но охота не была лишь средством обеспечения необходимой пищей: она в то же время послужила фактором еще более тесного объединения первобытных людей в коллективе, развитию социальной структуры. Обилие производственных орудий, богатые остатки охотничьего хозяйства и другие фактические археологические находки могли быть продуктами лишь развитого коллективного труда. Исходя из этого, можно смело утверждать, что богатство материала, обнаруженного в VI слое Азыхской пещеры, могло быть только полезным продуктом общественного коллектива, объединенного на сознательной основе.

Сырье для производства. Древние обитатели Азыха, жившие в древнеашельскую эпоху, были более хорошо знакомы, чем их предки, с природными богатствами своей территории. Доказательством тому является разнообразие состава сырья. Известно, что развитие любого производства и его техники в основном могут зависеть от наличия подходящего для обработки сырья. Высококачественное же сырье (каменный материал) в районе Азыхской пещеры представлено в достатке. Не случайно, что первобытные обитатели Азыха использовали все виды качественных камней, которые были им известны в окрестностях стоянки. Основу собранного сырьевого материала для изготовления орудий составляют кремль, фельзит, базальт, в меньшей степени – кремнистый известняк и лишь в редких случаях песчаник. Все перечисленные породы обладают достаточно хорошими изотропными качествами, чтобы

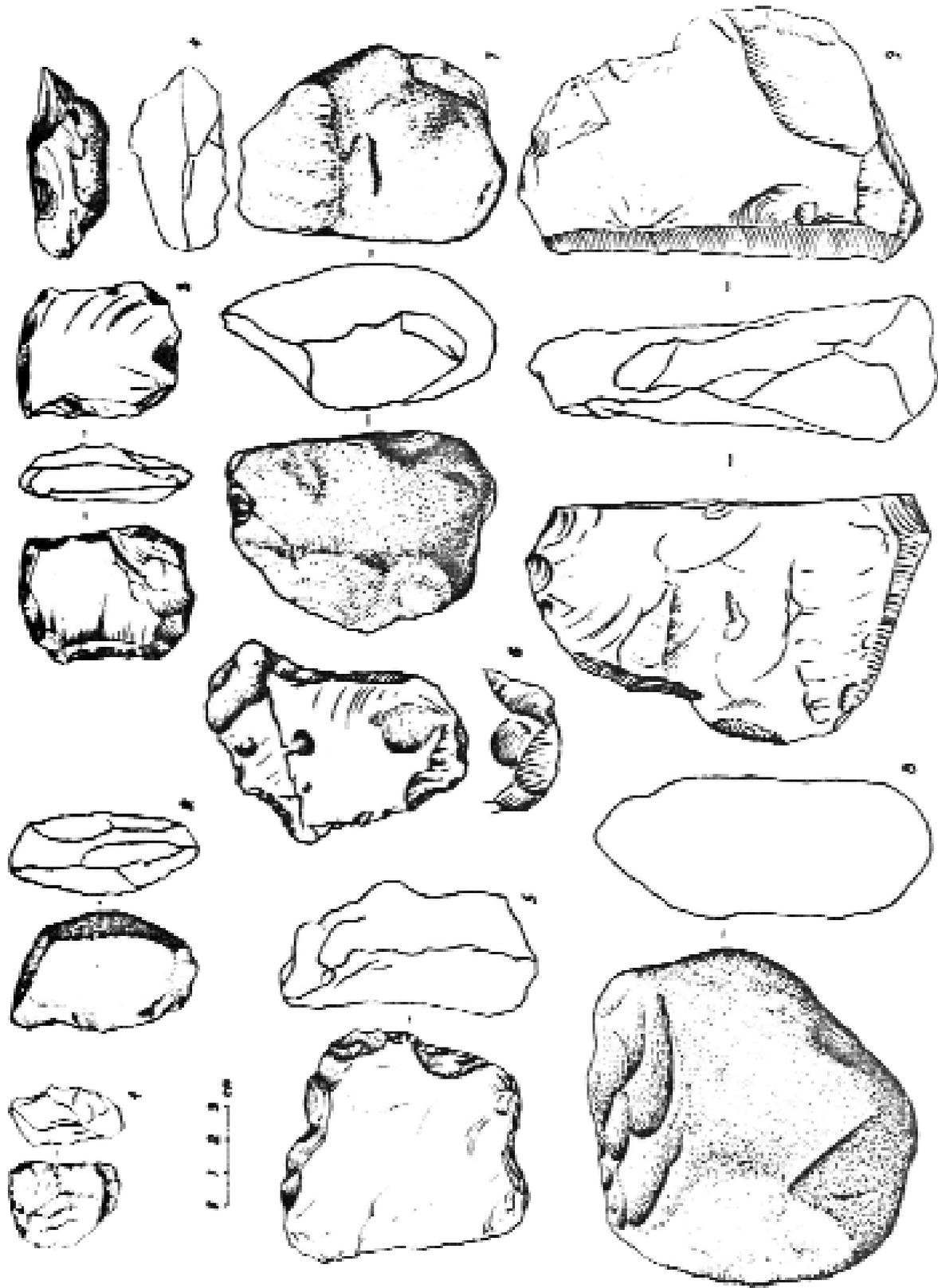

Рис. 40. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VII слой. 1, 3, 5 – скребла; 2 – клововидный резчик; 4 – скребло-нож с обушком; 6 – отщеп; 7 – чоппер; 8, 9 – чоппинги

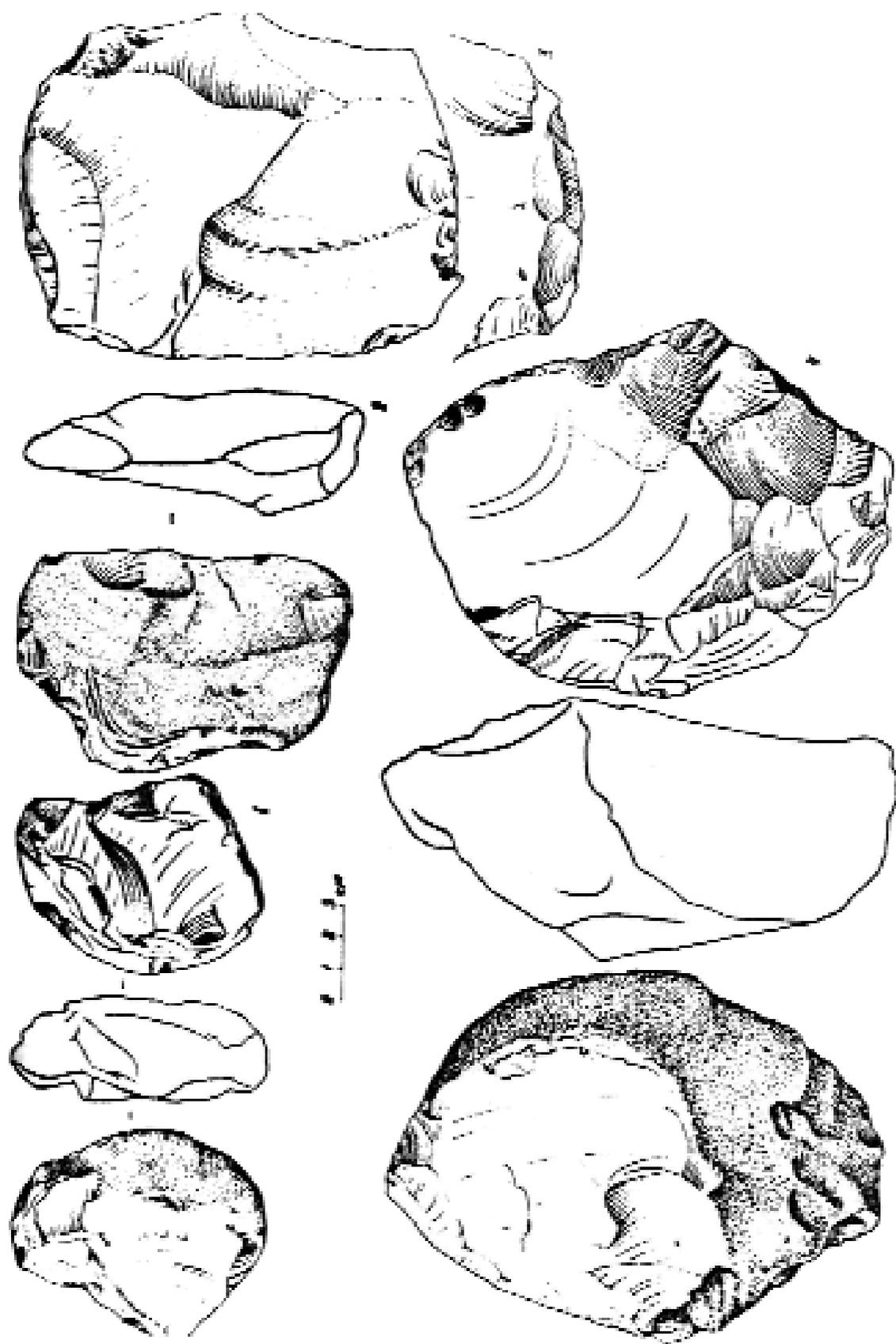

Рис. 41. Пещера Азыл. Образцы каменных орудий. VII слой. 1 – чоппинг; 2 – галька с подправкой; 3 – долотовидное орудие; 4 – поперечный чоппинг

откалывать от них отщепы желаемой формы с острым лезвием. Но песчаник для этих целей непригоден, так как от удара он дробится и невозможно изготавливать острорежущие отщепы. Видимо, их лишь иногда употребляли в качестве ударного орудия при грубых работах.

Из типологического состава орудий, представленного довольно разнообразными формами, и более совершенной техники их вторичной обработки явствует, что обитатели стоянки в древнеашельское время обладали более высоким уровнем культуры и техники, чем их предки. Они умели хорошо изготавливать орудия как из кремня, так и из базальта и фельзита.

Технически грубо изготовленные орудия встречаются в отдельных стоянках древнего палеолита и иногда не зависят от качества материала. В Азыхе наряду с грубыми орудиями представлены и изящные, тонко отделанные типы орудий. Причем орудия одного типа (ручные рубила, остроконечники, ножи, сверла, проколки и др.) изготовлены, наряду с кремнем, и из других пород камня. Следовательно, грубость и изящность орудий зависели иногда не от качества сырья, а от опыта работы, сложившейся традиции, точнее – от производительных сил местных общественных коллективов.

Состав каменных изделий. При раскопках VI слоя извлечено около 2000 каменных изделий. По морфологическим особенностям их можно разделить на три группы: 1 – орудия производства, 2 – производственные отходы, 3 – естественные гальки.

Производственные отходы представлены осколками речных галек, бесформенными грубыми отщепами, чешуйками камня и другими остатками. Примечательно, что они представлены тем же сырьевым материалом, что и орудия, найденные на стоянке. Производственные отходы составляют 50% от общего числа находок. Это показывает, что в древнеашельскую эпоху древние люди использовали стоянку не только в качестве жилья, но и как производственную мастерскую, т.е. изготавливали орудия на самой стоянке. Осуществление производства на месте

жилья могло быть связано только с оседлым образом жизни. Сырьевые материалы, собранные в руслах рек, на расстоянии 4 – 10 км от пещеры, и охотничья добыча приносились на стоянку и здесь использовались для удовлетворения нужд коллектива.

Естественные речные гальки составляют незначительный процент обнаруженных на стоянке материалов. Они представлены округлой, полукруглой и овальной формами, размером чаще всего 10 x 12 см, отдельные экземпляры имеют 4 x 5 см. Все они по размерам соответствуют охвату человеческой руки – свидетельство того, что камни выборочные, собраны и принесены на стоянку сознательно. Среди них нет галек размером больше охвата человеческой руки, и это довольно интересно, учитывая, что в предшествующие эпохи население пещеры использовало гальки и валуны, значительно превышающие по охвату человеческую ладонь.

На отдельных гальках заметны следы вмятин, образовавшиеся при сильном ударе. Можно полагать, что принесенные на стоянку камни использовались в двух целях: для откалывания от них отщепов и для использования в качестве "молотка". Примечательно и то, что размеры и материал найденных на стоянке крупных орудий и даже отщепов соответствуют таковым речных галек. Следовательно, указанные гальки являлись составной частью использованного на стоянке материала.

Изучение обнаруженных в VI слое Азыха каменных изделий и отщепов, из которых изготовлены орудия, представляет большой научный интерес. На основе изучения отщепов можно получить наглядное представление о технической характеристике расщепления камня и способах изготовления орудий древнеашельской эпохи.

Следует отметить, что среди каменных изделий VII – X слоев Азыха не обнаружено ни одного остатка оформленного нуклеуса (ядрища). Большинство обнаруженных в VI слое отщепов, судя по характеру хорошо сохранившейся ударной площадки на нижнем конце и по следам негативов, оставшихся на верхней плоскости безусловно отколоты от специально предназначенного нуклеуса, а не

получены случайно при преобразовании гальки в орудие. Ударная площадка у них плоская и ровная, иногда необработанная, с естественной галечной поверхностью. Это обстоятельство является доказательством того, что для получения отщепов удар наносился по удобному естественному краю гальки. Поэтому ударная площадка такого отщепа покрыта естественной коркой или же имеет след отколотого отщепа, негатив которого служил в качестве ударной площадки для получения нового отщепа. На этой основе получали отщепы с массивной площадочной частью, укороченные с ровными подпараллельными краями и правильной огранкой спинки. Ударные площадки их чаще всего широкие, подчетырехугольные, наклонные. Данное обстоятельство характерно не столько для клетонской, сколько для прото-тейкской техники раскалывания.

По формам и типам отщепов, характеру ударной площадки видно, что нуклеусы, использовавшиеся для получения таких отщепов, имели грубую дисковидную форму, близкую к форме галечных орудий, но ось отщепа всегда совпадает с центром ударной площадки, а края параллельны или симметрично-конвергентны. Очевидно, древний человек пользовался какими-то определенными способами для получения отщепов от нуклеуса. Вероятно, приготовленный или выбранный нуклеус клался на скалу или крупную гальку, а затем камнем наносился сильный удар по заранее выбранной ровной ударной площадке.

Сырье. В ходе археологических раскопок в VI слое найдено 1890 каменных артефактов из кремнистого сланца (1089 экз.) и кремня (790 экз.). Единичные экземпляры орудий изготовлены из кварцита, базальта и песчаника. Следует отметить, что в слоях VII – X кремь и кремнистый сланец отсутствуют.

Первичная обработка. В основном орудия изготовлены из крупных отщепов, сколы очень крупные и массивные.

Основные технические показатели заготовок VI слоя приведены в таблице 1, которая показывает, что из 1348 сколов первое место занимают отщепы (1116 экз.), затем пластины (136 экз.) и треугольные сколы (96 экз.).

Из таблицы 1 видно, что из 1348 заготовок выраженные ударные площадки составляют 442 экз. (из них гладких – 241, двугранных – 137, фасетированных прямых – 34, фасетированных выпуклых – 30 экз.).

Большой интерес представляют длина, толщина и ширина сколов (табл. 2 – 4). Большинство сколов VI слоя составляют по длине 4 см, по ширине (в среднем) – 3 см, а по массивности – от 1 до 2 см.

Большинство сколов было сколото от крупных нуклеусов. Среди сколов присутствуют экземпляры даже длиннее 9 см, представленные 30 предметами, что составляет 2,25%. Однако, как показывают таблицы, наибольший процент (около 70%) отщепов по длине находится в промежутке между 3 и 6 см, по ширине – от 2,5 до 4 см (54%) и по массивности – от 1 до 2 см (67%).

Речные гальки. В коллекции VI слоя Азыкской пещеры присутствуют 37 экз. речных галек, не носящих следов намеренной обработки. Большинство из них крупные, шаровидной формы. Некоторые гальки имеют следы сработанности в виде выщербин.

Нуклеусы. Изготовлены из кремня (4 экз.), кремнистого сланца (3 экз.) и базальта (2 экз.). Следует отметить, что прямого соответствия между характером нуклеусов и сколов не отмечается. Размеры сколов показывают, что большинство из них по размерам превышают негативы от сколов на нуклеусах, тем самым (как было отмечено выше) все 9 нуклеусов представляют форму остаточного ядрища. Малочисленность нуклеусов VI слоя показывает, что обитатели стоянки принесенное сырье расщепляли до конца и, в основном, в пещеру приносили готовые заготовки извне.

По типологии можно выделить следующие типы нуклеусов: одноплощадочные, дисковидно-односторонние, дисковидно-двусторонние.

Одноплощадочные нуклеусы (2 экз.). Выделяются по наличию одной плоскости удара, которая приурочивается к строго намеченному участку края нуклеуса. Первоначально подготавливается ударная площадка, а затем с подготовленного нуклеуса скалывается сразу несколько отщепов. У наиболее выраженного экземпляра с одной стороны

снято 2 отщепа, с противоположной – 3 отщепа. Размеры этого нуклеуса 8,6 x 8,3 x 3,5 см.

Второй нуклеус, изображенный на рис.43, 3, был предназначен для снятия нескольких пластин и треугольных отщепов. Ударная площадка специально подготовлена оббивкой по краю, но заметны и не затронутые подработкой места. Размеры нуклеуса 9,4 x 8,0 x 6,0 см.

Дисковидно-односторонние нуклеусы (5 экз.). Удар наносился от края к центру. Несколько экземпляров таких нуклеусов напоминают черепаховидные нуклеусы. Сколы, снимаемые с них, подтреугольных очертаний. Размеры нуклеусов 7,6 x 6,7 x 4,1 см.

Дисковидно-двусторонние нуклеусы (2 экз.). Изготовлены из кремня. Они изображены на рис.43, 1 и 2. Сначала приготовлена сколами по краю ударная площадка, по всей периферии нуклеуса, после этого чередующимися ударами сбивали отщепы. Следует отметить, что в основном с этих нуклеусов получали треугольные сколы. Размеры этих нуклеусов 8,8 x 8,1 x 5,4 см.

Нуклевидные обломки (17 экз.). Плохо определимы. Отсутствуют серийность, выраженность первоначальной формы, полные следы негативов от сколов. По характеру негативов можно предположить, что некоторые обломки вначале служили нуклеусами определенной формы, а затем, по мере срабатывания и отделения многочисленных сколов, превратились в бесформенные нуклевидные обломки.

В материалах VI слоя определены два отбойника: один изготовлен из речной гальки, второй – из куска базальта. На обоих хорошо заметны следы звездчатой забитости.

Типологическое изучение орудий из камня VI слоя

В древнеашельском VI слое пещеры Азых найдено 427 каменных орудий, которые представлены чопперами, чоппинга ми, бифасами, скреблами и другими типами. Прототипы этих орудий, более примитивные по своему облику, как уже указывалось, встречаются в нижних (VII – X) слоях пещеры, но в VI слое внутри отдельных групп орудий появляются уже более универсальные и разнообразные типы орудий. Типологический

метод основывается на изучении типов каменных изделий, определение которых исходит из их морфологических признаков, которые с технической точки зрения определяются, как правило и совокупностью двух существенных моментов: типа заготовки и формы орудия, а также характера отделки рабочего края, отражающих два важных этапа обработки камня – первичное и вторичное расщепление (Любин, 1965).

В основе типологического метода лежит, как известно, изучение орудий труда по типам. Некоторые исследователи определяют тип как "совокупность предметов по форме и назначению" (Городцов, 1935). Это определение наиболее полноценно в научном отношении, хотя сходство по аналогии, как установлено, не является редким исключением. Что касается сходств по форме и функции, то в нижнем палеолите, где разделение функций между формами лишь намечалось или не было достаточно строгим, установление их в объеме массового материала представляется нереальным (Любин, 1965, с.9).

Таким образом, В.П.Любин справедливо отмечает: "Под типом мы подразумеваем совокупность вещей, сходных по форме, по своим основным техническим признакам (типы заготовок и характеры рабочего края); имеется, конечно, в виду и предположительное функциональное назначение орудий". Такое определение не всегда наилучшим образом отражено в имеющейся номенклатуре типов, которая, как уже было сказано, разнородна. Разнородность эта, как справедливо отмечает Ф.Борд (Bordes 1961), имеет относительное значение, но неизмеримо важнее другое: договоренность между учеными в единообразном понимании всех используемых терминов.

Существенным дополнением к типологическому методу является метод статистического изучения нижнепалеолитических остатков, эффективность которого определяется, прежде всего, степенью разработанности первого. Этот метод рассматривается как рабочее средство, наиболее объективное и полностью учитывающее весь имеющийся нижнепалеолитический материал. Типологические и статистические разработки должны

выявить основные технические и типологические показатели каждого нижнепалеолитического памятника, особенности его техники и инвентаря, его общественно-экономическую природу (стоянка, мастерская, временный охотничий лагерь) и определить, имеет ли место в данном конкретном случае проявление местных, локальных особенностей инвентаря (Любин, 1965, с.19).

"Статистика, – писал Г.А.Бонч-Осмоловский (1940) – должна стать для советских ученых основным правилом интерпретации археологических факторов". Придавая большое значение изучению техники расщепления камня, Г.А.Бонч-Осмоловский учитывал не только типологический состав инвентаря, но и его технические особенности (характер заготовок).

Основные принципы статистического метода, охватывающего как типологию, так и технику обработки, были разработаны французским археологом Франсуа Бордом (1950), затем этот метод был усовершенствован им же в сотрудничестве с другим французским археологом Морисом Бургуном (Bordes, 1951). В отличие от Г.А.Бонч-Осмоловского, который имел в своем распоряжении единичные комплексы мустьерских изделий, так как до Великой Отечественной войны исследование нижнего палеолита в нашей стране только начиналось, французские ученые вырабатывали статистический метод на массовом нижнепалеолитическом материале. Первоначально Ф.Борд исследовал многочисленные лессовые стоянки вблизи Парижа. Пещерные стоянки в области Перигор в общей сложности доставили исследователю 50 различных слоев и около 50 тыс. изделий. Количество статистически исследованных комплексов быстро возрастает: в 1953 г. Ф.Борд пишет об изучении 75 различных слоев более чем 40 стоянок (Bordes, 1953), в 1961 г. отмечает, что его классификационные работы опираются на изучение нескольких сотен тысяч палеолитических изделий и на исследования техники обработки, являющиеся плодом приблизительно 30-летнего опыта (Bordes, 1961, p.2).

Первобытная археология как историческая наука является детищем комплексного

подхода к изучению первобытности. Ценность комплексов орудий, как исторических источников неизмеримо возрастает, когда они собраны с наибольшей полнотой и тщательностью, когда установлена их связь с другими остатками обитания, с комплексом костяных орудий и комплексом произведений искусств и предметов украшения (Рогачев, 1973).

Как уже отмечалось, в VI слое определено 427 каменных изделий, представленных более чем 40 типами. Теперь переходим к описанию этих изделий по типам.

Груборубящие орудия из галек (чопперы и чоппинги)

Следует отметить, что чопперы из VI слоя по технике обработки отличаются от чопперов, найденных в нижних, VII – X слоях.

Груборубящие орудия в основном изготовлены из речных галек округлой, полукруглой, слегка выпуклой с обеих сторон и плоской формы. Этим орудиям в археологической литературе уделяется особое внимание. Примечательно, что подобная форма орудия появляется значительно раньше, чем ручные рубила: она свойственна еще индустрии Номо habilis, жившего в начале антропогена (в олдувайскую эпоху). Вместе с тем подобные типы орудий изготавливались с начальных стадий палеолита и до самого последнего его периода.

Образцы груборубящих орудий встречаются в Азыхе начиная с самого нижнего X слоя, относящегося к первоначальным стадиям олдувайской эпохи. Однако в древнеашельскую стадию они становятся более обильными и разнообразными как по типологии, количеству и технике изготовления, так и по материалу. В VI слое техника изготовления их значительно совершенствуется по сравнению с нижними пластами.

С типологической точки зрения они делятся на две основные группы. Первая – односторонне обработанные (чопперы), расщепленные и утонченные лишь с одной поверхности и по одному краю, остальная часть исходной заготовки полностью сохранена. Орудия второй группы (чоппинги), двусторонне обработанные, так же как и первой, изготовлены из обычных речных галек, однако, в отличие от первых, их края

обработаны и утончены с обеих плоскостей; а остальная часть гальки также сохранена в естественном виде и очень удобна для захвата рукой.

Независимо от типов, размеры описываемых орудий различны. Интересно то, что по размерам они соответствуют ручным рубилам. А это лишний раз показывает, что ручные рубила оформлялись также из речных галек, которые использовались для изготовления чопперов и чоппингов. Только характер ориентации лезвия и степень вторичной обработки у ручных рубил гораздо более усложнены.

Размеры чопперов и чоппингов в основном составляют 17 x 10 x 16 см, а в среднем 12,5 x 7,0 x 2,5 см. Среди этих изделий отмечаются и довольно маленькие, размером 6 x 4,5 x 2,5 см.

Чопперы (14 экз.). В основном изготовлены из галек, только один экземпляр изготовлен из песчаника. Образцы этих орудий показаны на рис.42, 1, 5; 44, 3, 4; 45, 2. Чопперы VI слоя можно разделить на 3 группы: 1 – крупные (3 экз.), 2 – средние (7 экз.) и 3 – мелкие (4 экз.).

Следует выделить чоппер, имеющий более острое рабочее лезвие и очень удобную для захвата рукой базальную часть (рис.42, 5). Чоппер, изображенный на рис.45, 2, имеет два острых лезвия. Из указанных чопперов в коллекции имеются три разновидности, у которых рабочее лезвие более крутое (рис.44, 3).

На рис.44, 3 представлен чоппер с двумя рабочими лезвиями, при изготовлении которых первобытные люди сбивали последовательно несколько отщепов. Рабочее лезвие этого орудия очень крутое. Типологическое изучение чопперов позволяет нам выделить их как единый вид орудия.

Односторонне обработанные орудия с крутой обивкой (2 экз.). Изготовлены из песчаника (рис.42, 4). Эти орудия обработаны пятью сколами. В работе чаще использовались продольные лезвия орудий, противоположный лезвию край очень удобен для захвата рукой.

Чоппинги (5 экз.). Изготовлены из речных галек (рис.42, 2; 44, 1, 2). На рабочих лезвиях

имеются следы сработанности (мелкие сколы-заломы) от частого употребления. Последний признак вообще характерен для всех орудий VI слоя. Представленный на рис. 44, 2 чоппинг изготовлен по классической форме: древние люди оббили края с двух сторон и получили двустороннее груборубящее орудие.

Ручные рубила. По технике изготовления и по форме эти орудия отличаются от других, сходных по типу и функции орудий. Они в количественном отношении составляют меньшинство. В VI слое к типу ручных рубил можно отнести всего 8 орудий. Богатый типологический состав орудий из отщепов в коллекции VI слоя наряду с небольшим количеством рубил лишний раз доказывает, что для начальных стадий палеолита, как утверждают некоторые исследователи, ручные рубила отнюдь не были универсальными орудиями. Напротив, в указанный период в различных хозяйственных целях наряду с рубилами использовались и другие типы орудий.

Ручные рубила в основном изготовлены из фельзитов и близких к ним по структуре речных галек. Для изготовления орудий подобного типа галька полностью или частично очищалась от естественной корки и двусторонне обрабатывалась с тем, чтобы обработанному камню придавалась желаемая форма, с продольной (по длинной оси заготовки) ориентацией рабочих лезвий.

Ручные рубила по форме приближаются к миндалевидным. У большинства противоположные концы обработаны. Верхний конец орудия оббит со всех сторон, нижний округлен, причем в профиль эта часть плоско-выпуклая. У некоторых ручных рубил одна или обе поверхности полностью или частично сохраняют естественную корку или обработаны лишь на конце или по краям. Иногда сохраняет естественную корку определенный узкий участок на одном углу (в нижнем конце) орудия: эта часть удобна для захвата рукой и, вероятно, играла роль рукоятки. Но продольные края данного рубила режущие, т.е. рабочее лезвие заострено путем скалывания отщепов с обеих поверхностей попеременно. Однако дополнительно спрямляющей и приостраю-

Основные технические показатели заготовок VI слоя

Типы заготовок	Площадки						Всего
	Гладкие	Двугранные	Фасетированные прямые	Фасетированные выпуклые	Поврежденные и неопределенные	Удаленные вторичной обработкой	
Отщепы	166	92	21	19	567	251	1116
Треугольные сколы	32	19	4	5	32	4	96
Пластины	43	26	9	6	37	15	136
Итого	241	137	34	30	636	270	1348
Всего определимых ударных площадок: 442							

Таблица 2

Длина сколов VI слоя (в см)

2-3	3-4	4-5	5-6	6-7	7-8	8-9	9-10	10-11	11-12	Итого
101	273	375	286	200	81	12	13	4	3	1348

щей лезвие мелкой оббивке рабочие края товления рабочего края чоппинга из VII слоя.

Таблица 3

Ширина сколов VI слоя (в см)

1-1,5	1,5-2,0	2,0-2,5	2,5-3,0	3,0-3,5	3,5-4,0	4,0-4,5	4,5-5,0	5,0-5,5	5,5-6,0	6,0-6,5	6,5-7,0	Итого
30	83	162	256	251	226	130	116	65	14	10	5	1348

Таблица 4

Толщина сколов VI слоя (в см)

0,1-0,5	0,5-1,0	1,0-1,5	1,5-2,0	2,0-2,5	2,5-3,0	3,0-3,5	3,5-4,0	4,0-4,5	Итого
47	150	454	452	153	77	8	7	-	1348

рубил не подвергались, поэтому режущие лезвия орудия сильно зазубрены и имеют в профиль зигзагообразную форму.

Верхний конец ручных рубил, хотя и обработан, но еще довольно массивен. Нижняя же часть с обеих сторон обработана приостряющими сколами и ей придана форма лезвия топора. Можно заключить, что в работе пользовались всеми тремя режущими лезвиями (двумя боковыми и нижним, поперечным). Массивность, зигзагообразность режущей части, частично очищенная от естественной корки поверхность, укороченность – все это напоминает приемы изго-

Их техника изготовления и форма еще сохраняют традиции куручайской культуры, тогда как в верхнем среднеашельском V слое подобные типы орудий уже не отмечаются.

Приведем краткое описание нескольких образцов ручных рубил. Миндалевидные ручные рубила имеют средние размеры от 11,4 x 7,5 x 3,8 см до 18 x 10x7 см. Обнаружены и ручные рубила овальной формы, и нуклевидные. Рабочие лезвия первой разновидности обработаны в верхней части, утончены чередующимися сколами и им придана зигзагообразная форма. От середины до нижней оконечности эта форма рубил

сохраняет естественный вид галечной заготовки и является удобной для захвата рукой. Ширина такого рубила близка к его длине. Размеры этого орудия составляют 13,5 x 10,5 x 4,5 см.

Ручные рубила VI слоя, несмотря на их малое количество, типологически представлены следующими типами: 1 – удлинненно-овальные (3 экз.), 2 – полностью обработанные миндалевидные (2 экз.), 3 – ланцетовидные (1 экз.), 4 – округло-овальные (1 экз.), 5 – нуклевидные (1 экз.). Приведем описание некоторых из них.

Удлинненно-овальное рубило (рис.45, 1). Хорошо обработано, рабочее лезвие очень крутое, с одной стороны рубило сломалось еще в древности. Другой образец этой формы орудия имеет поперечное рабочее лезвие, у него с двух сторон дополнительно снято несколько маленьких отщепов, вследствие чего рабочие края стали острыми.

Миндалевидные ручные рубила (рис.46, 2). Наиболее тщательно обработаны и полностью очищены от естественной корки.

Округло-овальное ручное рубило с галечной пяткой (рис.46, 1). Имеет сильно ломаную зигзагообразную форму рабочего лезвия, в нижней части предмета сохранилась естественная корка.

Двусторонне обработанные листовидные орудия (3 экз.). Особенностью листовидных орудий является обработка их с двух сторон. Рабочее лезвие имеет выпуклую форму. Один экземпляр листовидного типа частично очищен от естественной корки. Орудие имеет поперечное рабочее лезвие, на котором сохранились следы сработанности.

Среди двусторонне обработанных изделий VI слоя имеются типологически трудно-определимые орудия (2 экз.). Рабочее лезвие выпуклое и крутое, кроме того, с тылу в этой части орудия снято несколько отщепов, что приостряет лезвие. Следует отметить, что описанные типы изделий впервые появляются в VI слое. В целом, они являются переходными формами от бифасов к скреблам.

Кливеры (3 экз.). Изготовлены из базальта и кремнистого сланца. Одно из этих орудий еще в древности расслоилось на две плитчатые части, которые были обнаружены в разных

участках пещеры.

Чоппер-скребло (2 экз.). Один из них изготовлен из речной гальки, а второй – из кварцита. Образцы этих орудий изображены на рис. 51, 7. Для изготовления такого типа орудия первобытные люди оббили одну сторону гальки несколькими мелкими и крупными чередующимися сколами, выделив специальное рабочее лезвие, и дополнительно его обработали. Обработка рабочего лезвия напоминает грубую ретушь, тип которой трудно определить.

Примечательной особенностью стоянки является то, что в VI слое, наряду с крупными чопперовидными орудиями и рубилами, в большом количестве обнаружены разнообразные каменные изделия из отщепов, которые в количественном отношении превосходят группу крупных рубящих и чопперовидных орудий. По способу изготовления орудия из отщепов подразделяются на следующие группы: остроконечники, скребла, зубчато-выемчатые изделия, клювовидные орудия с выступами, долотовидные орудия, трапециевидные (многолезвийные конвергентные) изделия, сверла, провертки, шила, ножи и другие.

Остроконечники. В коллекции орудий VI слоя представлены следующими типами: 1-короткие (остроконечники расширенных пропорций) – (3 экз.); 2 – продолговатые (4 экз.) Они изготовлены из кремня (3 экз.) и кремнистого сланца. Остроконечники сильно варьируют по размерам. В зависимости от величины и пропорций выделяются три категории.

Длина малогабаритных остроконечников расширенных пропорций равна 3,5 см, ширина – 2,7 см, толщина – 0,9 см. Длина среднегабаритных укороченных остроконечников равна 5 см, ширина – 3,5 см, толщина – 2 см. Крупногабаритные укороченные остроконечники имеют размеры 6 x 4,1 x 2,2 см. Длина продолговатых остроконечников составляет 7 см, ширина – 3,8 см, толщина – 1,5 см. Представлены и экземпляры с габаритами 8 x 3,4 x 1,7 см. Следует отметить, что в коллекции преобладают среднегабаритные категории остроконечников. При тщательном изучении пропорций остроконечников

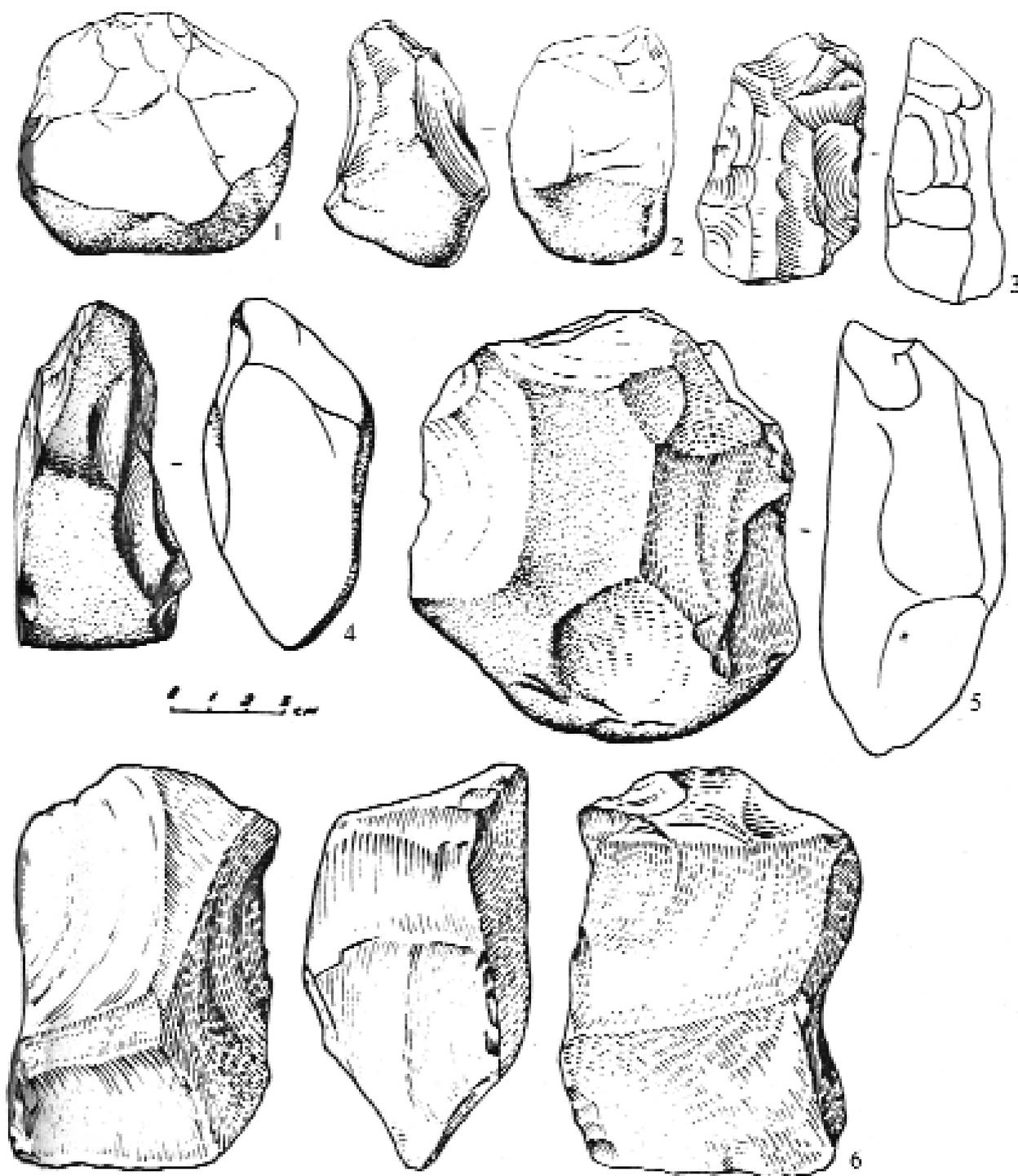

Рис. 42. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VI слой.
 1, 5 – чопперы; 2, 4 – скребущие орудия; 3 – высокое скребло; 6 – кубовидный нуклеус

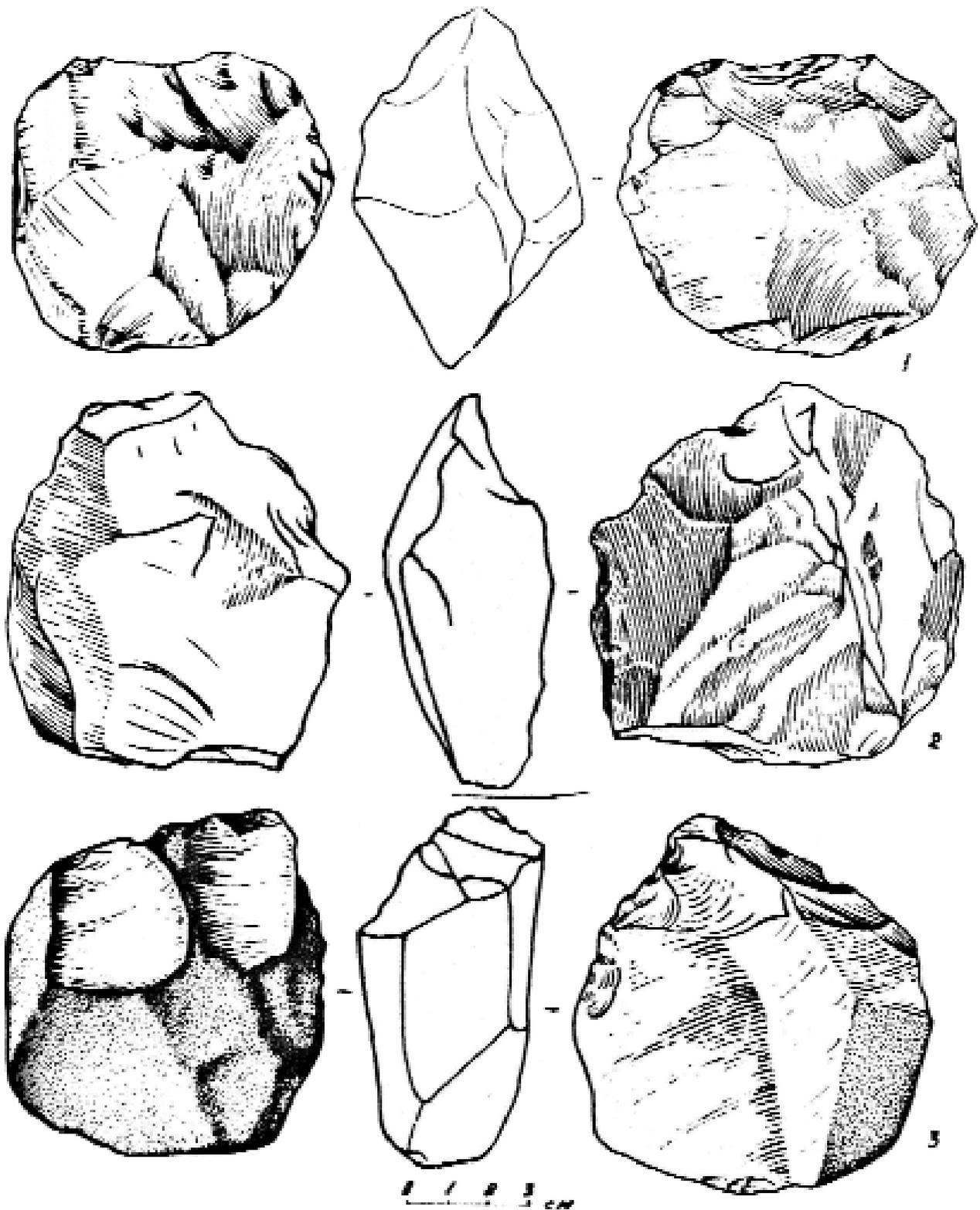

Рис. 43. Пещера Азых. Образцы нуклеусов. VI слой. 1, 2 – дисковидные двусторонние нуклеусы; 3 – начальный галечный нуклеус с утонченным скалыванием

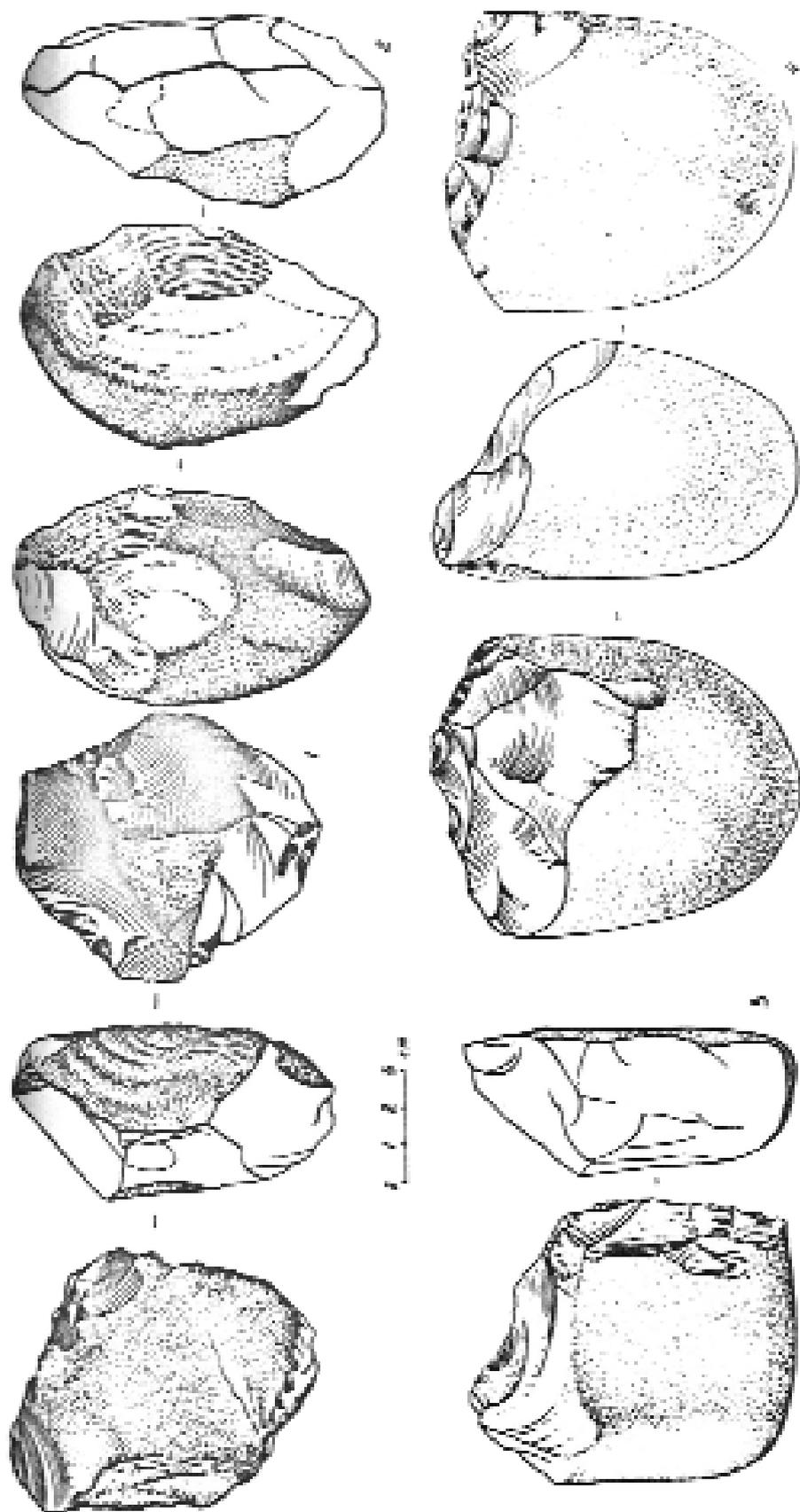

Рис. 44. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VI слой. 1 – грубое рубящее орудие; 2 – поперечный чоппинг; 3, 4 – чопперы

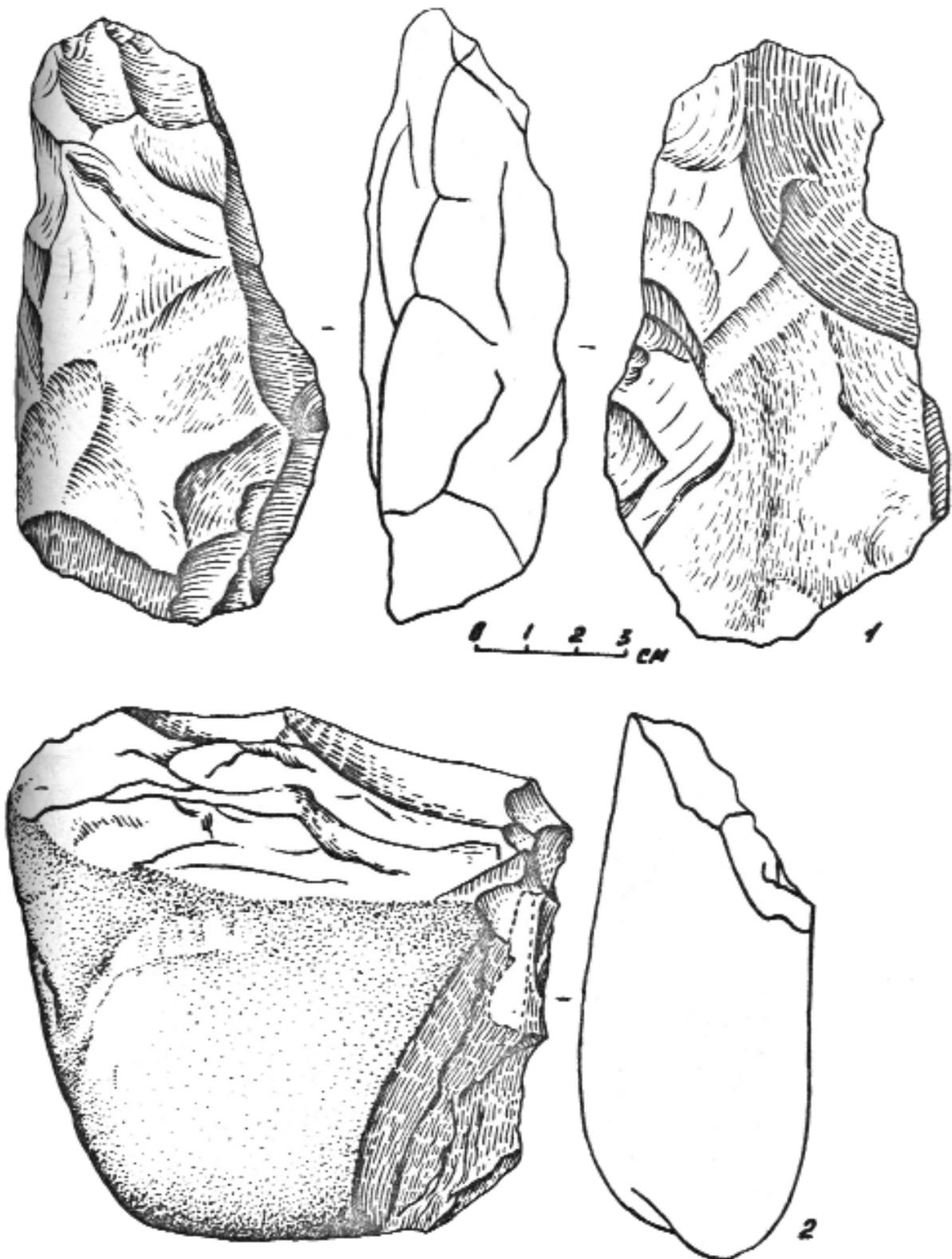

Рис. 45. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VI слой. 1 – бифас плоско-выпуклый; 2 – двукраевой конвергентный чоппер

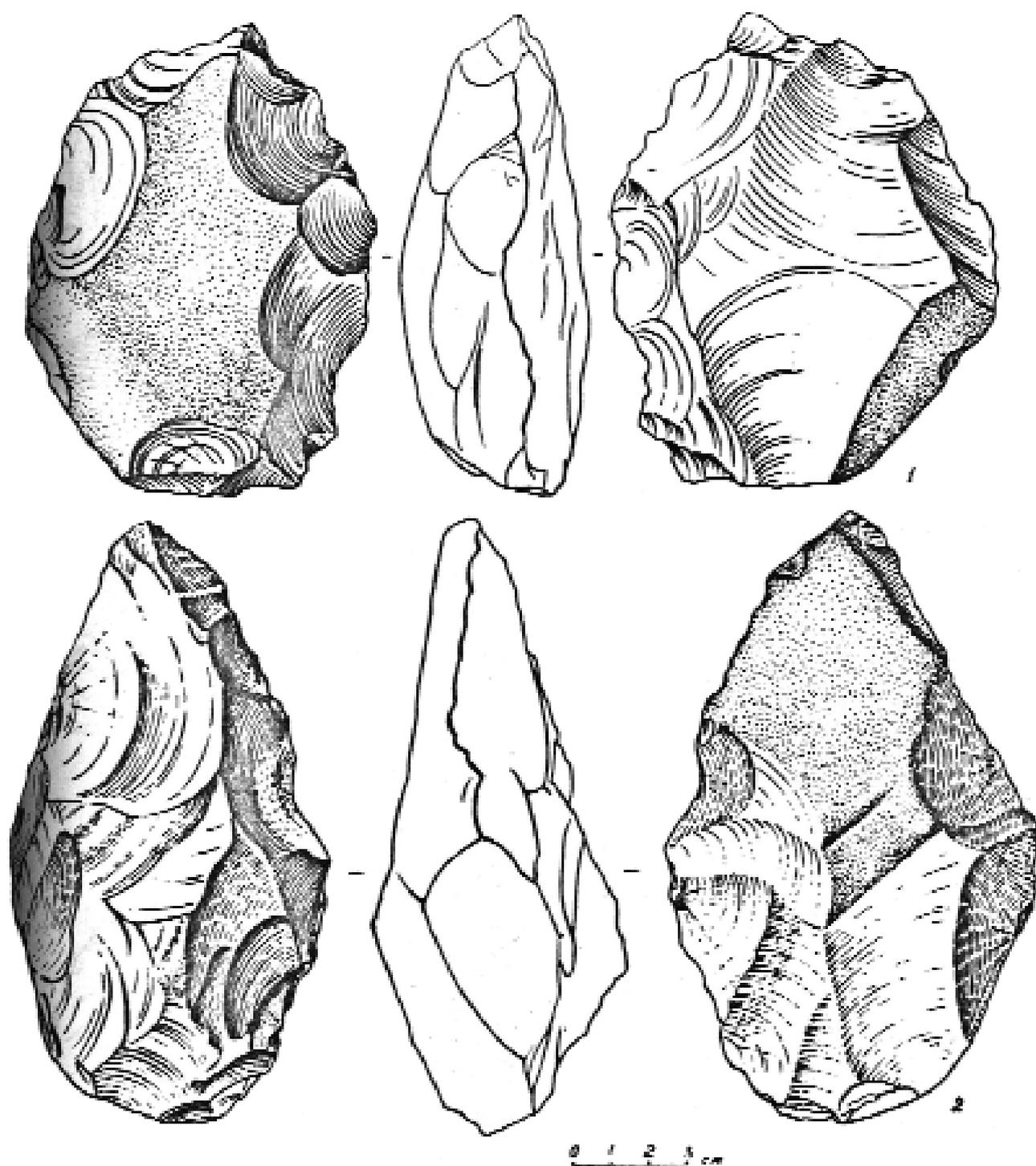

Рис. 46. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VI слой. 1, 2 – ручные рубила

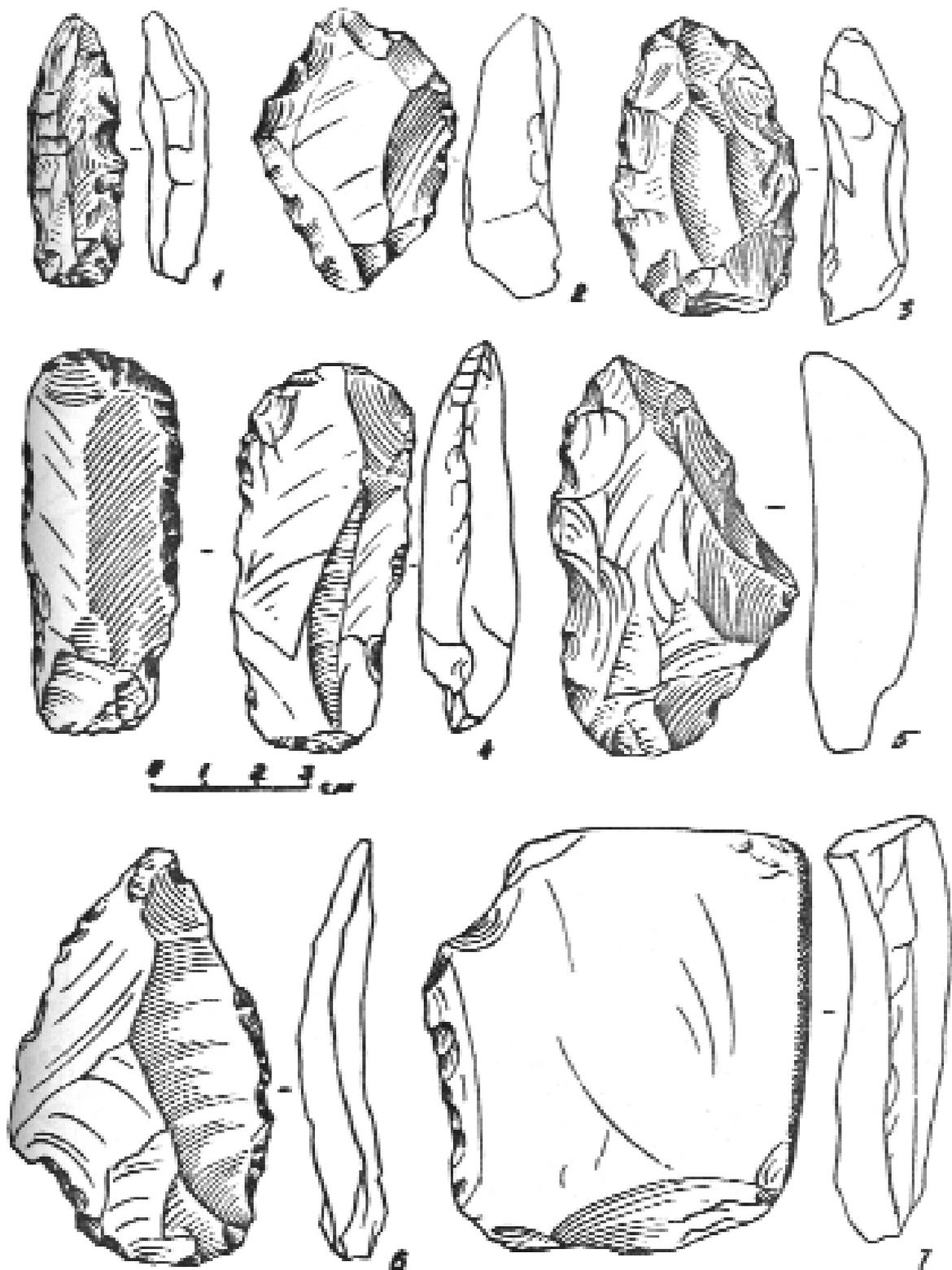

Рис. 47. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VI слой. 1, 5 – конвергентное скребло; 2 – двойное конвергентное скребло – архаичный лимас; 3 – овальное скребло; 4 – долотовидное орудие; 6 – зубчатое скребло; 7 – долотовидное орудие

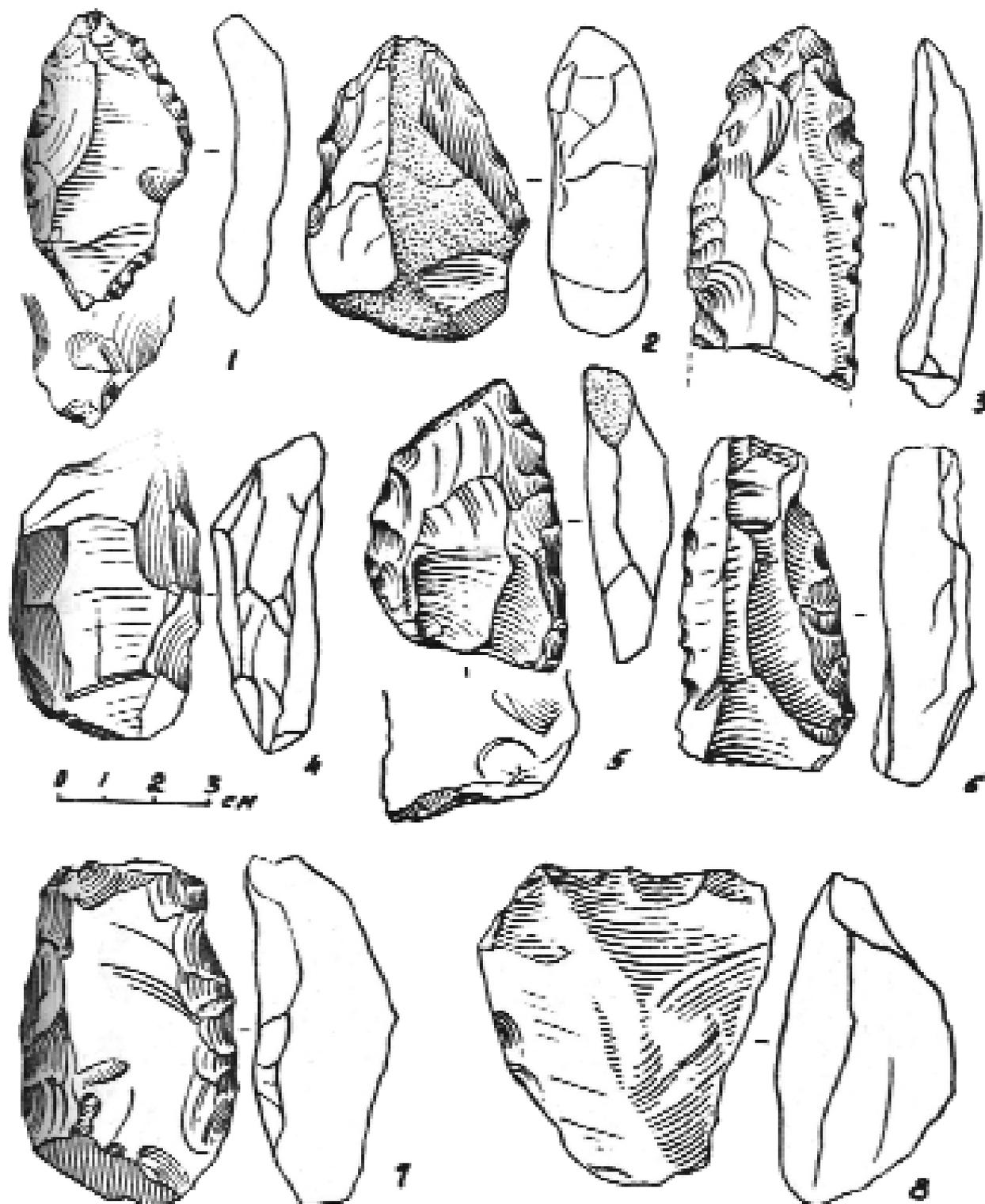

Рис. 48. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VI слой. 1 – двойное конвергентное скребло – архаичный лимас; 2, 3 – конвергентное скребло; 4 – скребло-нож; 5 – двойное выпуклое скребло; 6 – простое прямое скребло; 7 – двойное скребло с крутым лезвием (обработкой с бруска); 8 – долотовидное орудие

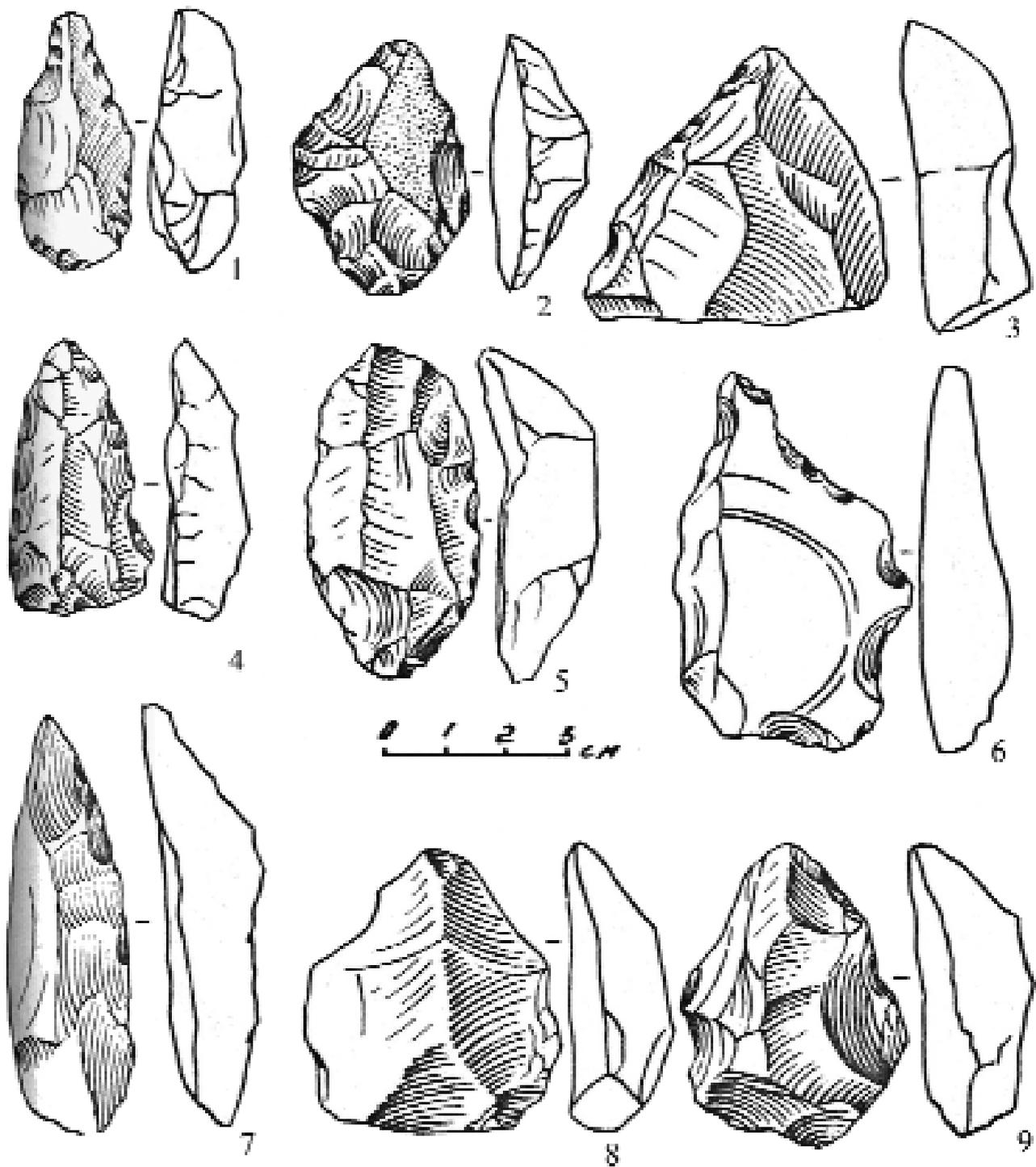

Рис. 49. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VI слой. 1 – скребло с обушком; 2 – скребло высокое с обушком; 3 – простое прямое скребло на фрагменте заготовки; 4 – конвергентное скребло; 5 – лимас; 6 – проколка; 7 – нож с обушком; 8, 9 – конвергентные скребла-острия

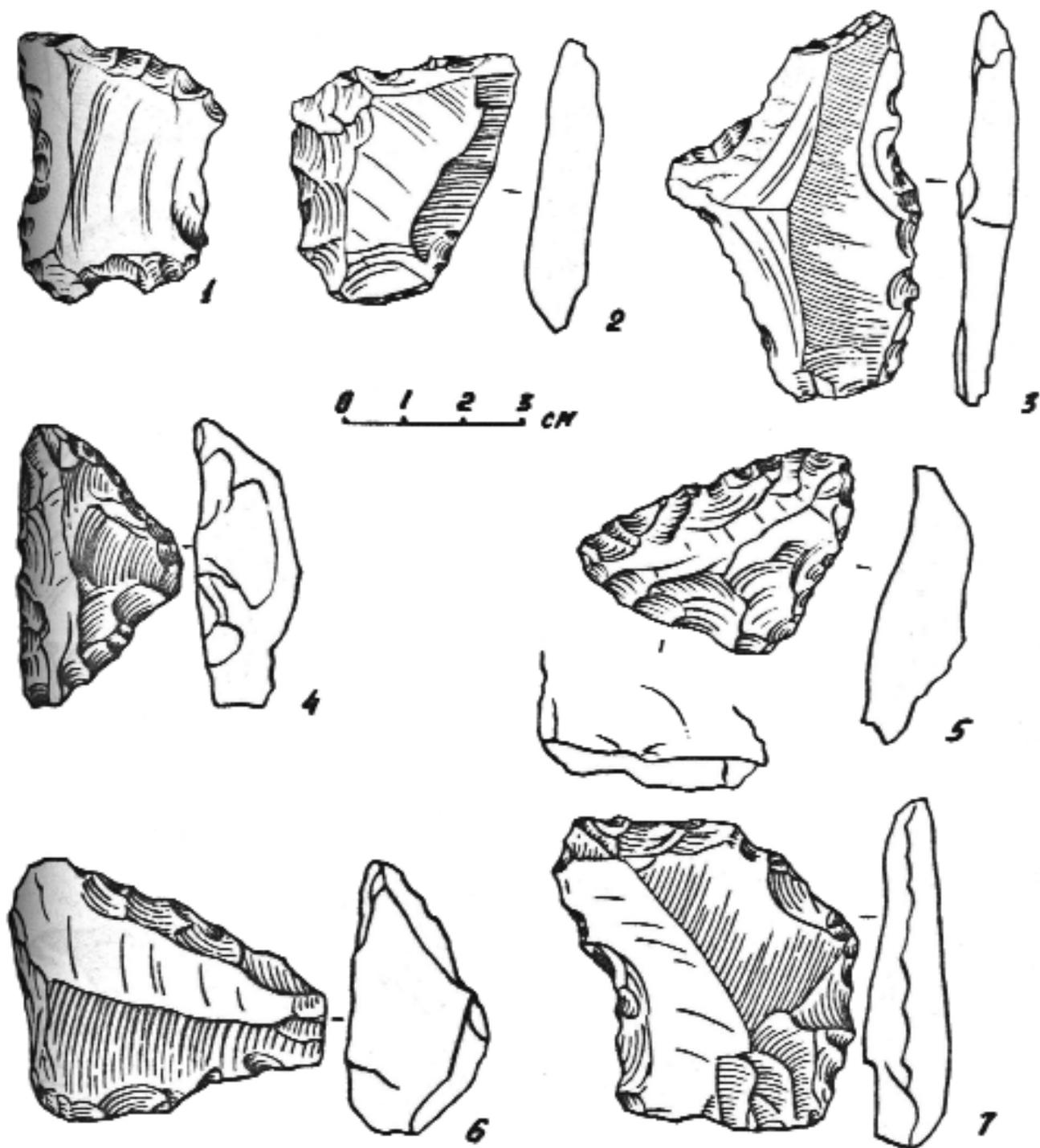

Рис. 50. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VI слой. 1 – 7 – угловатые скребла

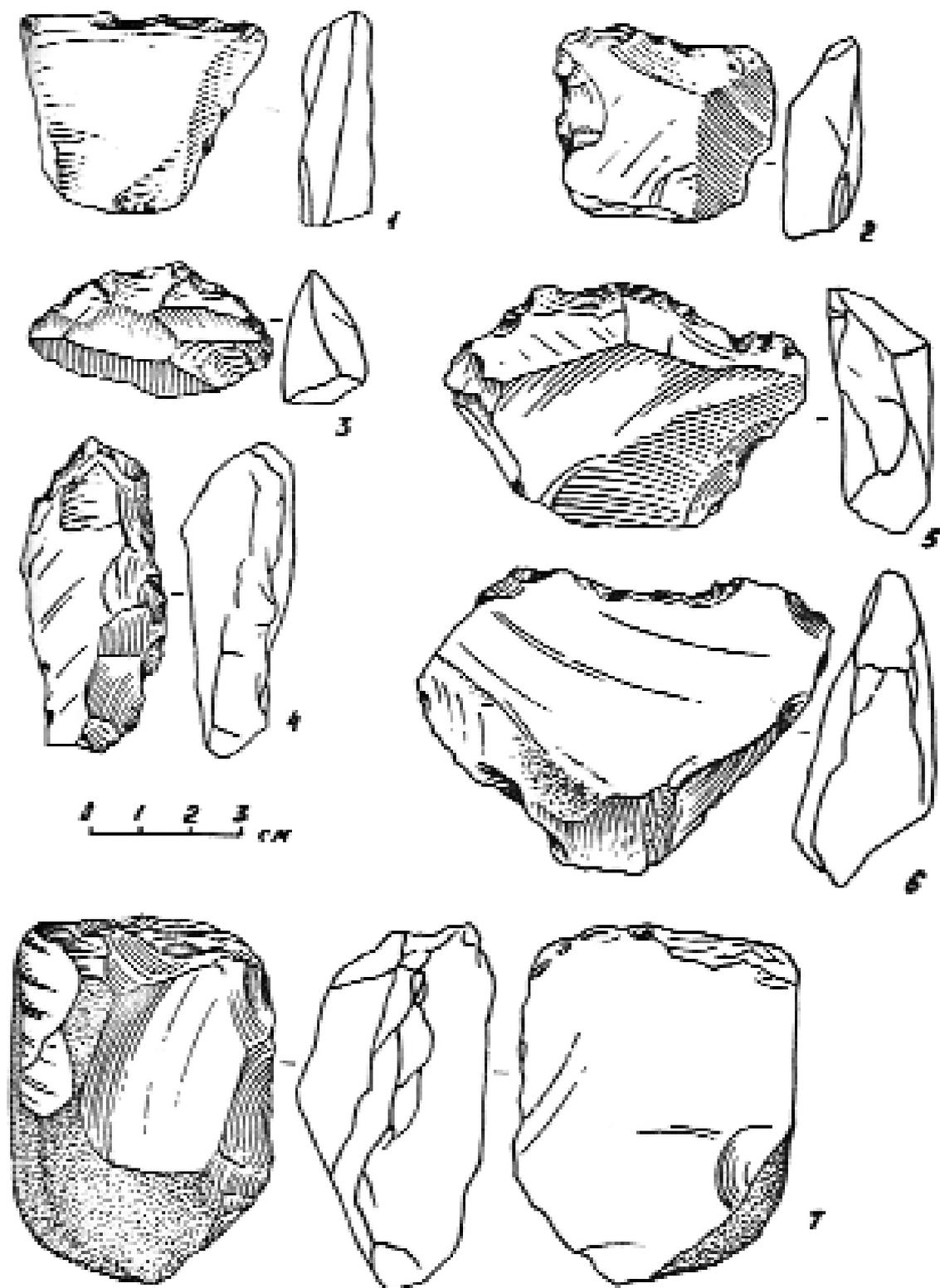

Рис. 51. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VI слой. 1, 3, 5, 6 – поперечные скребла; 4 – простое выпуклое скребло; 7 – чоппинг-рубящее орудие

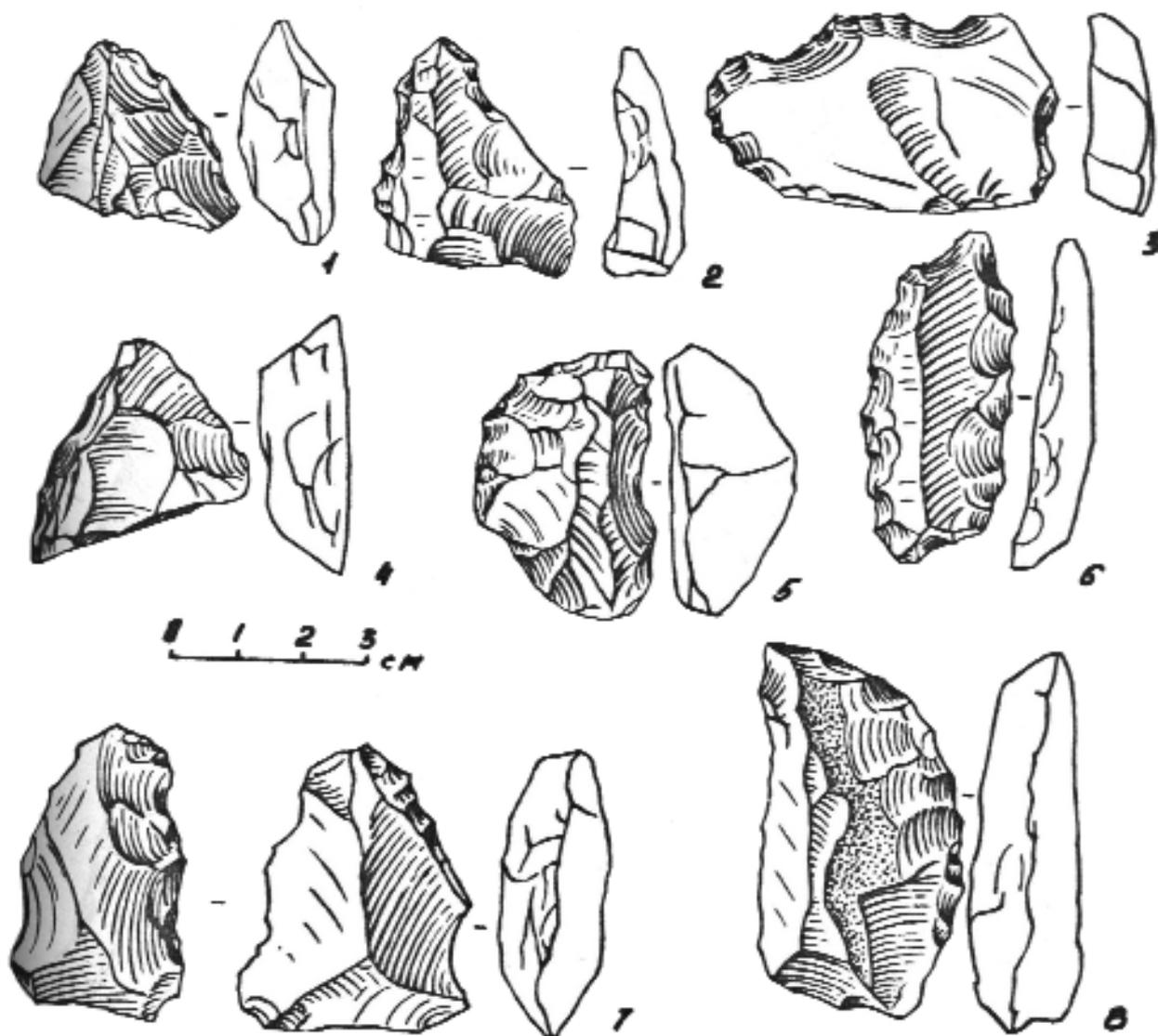

Рис. 52. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VI слой.
 1, 2, 4, 7 – фрагментированные орудия; 3 – поперечное скребло с обушком;
 5 – конвергентное скребло с крутым лезвием; 6 – скребло; 8 – скребло-нож

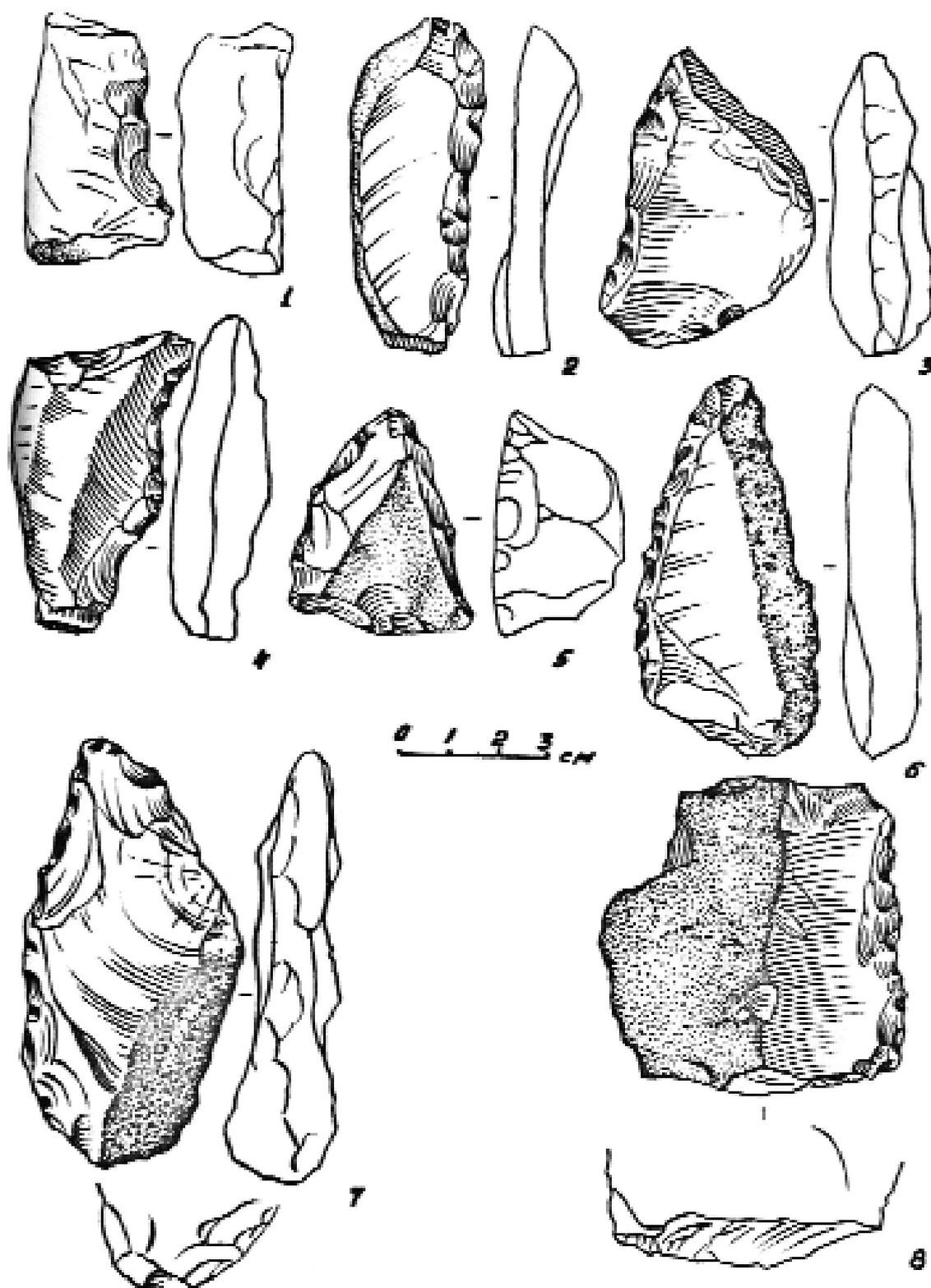

Рис. 53. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VI слой. 1 – клювовидное орудие; 2 – 4, 6 – 8 – скребла с обушком (разные типы); 5 – конвергентное скребло

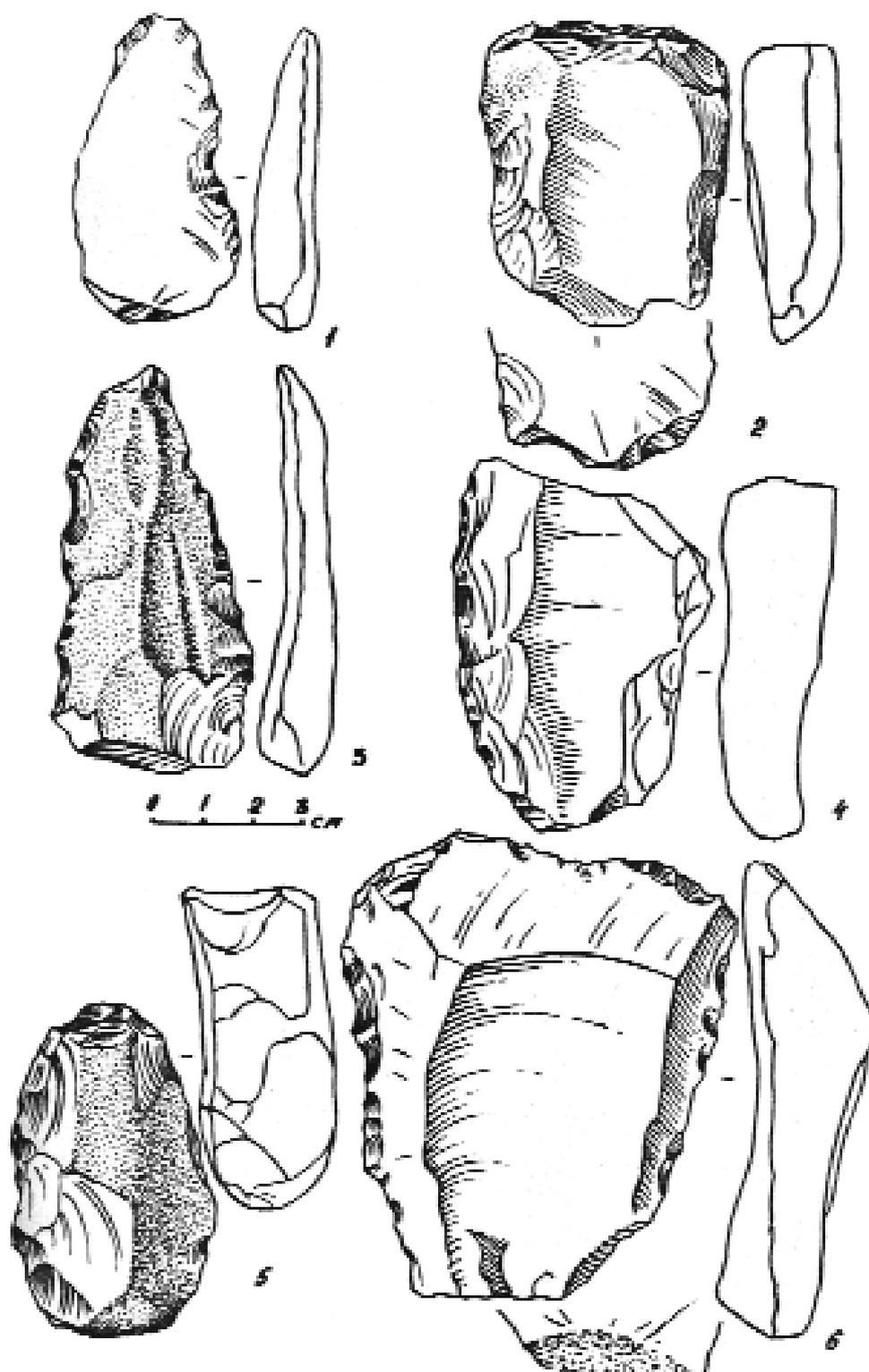

Рис. 54. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VI слой. 1 – скребло с брюшковой ретушью; 2 – подчетыреугольное скребло; 3 – ассиметричное острие с зубчатой обработкой; 4 – простое выпуклое скребло; 5 – высокое конвергентное скребло; 6 – долотовидное орудие

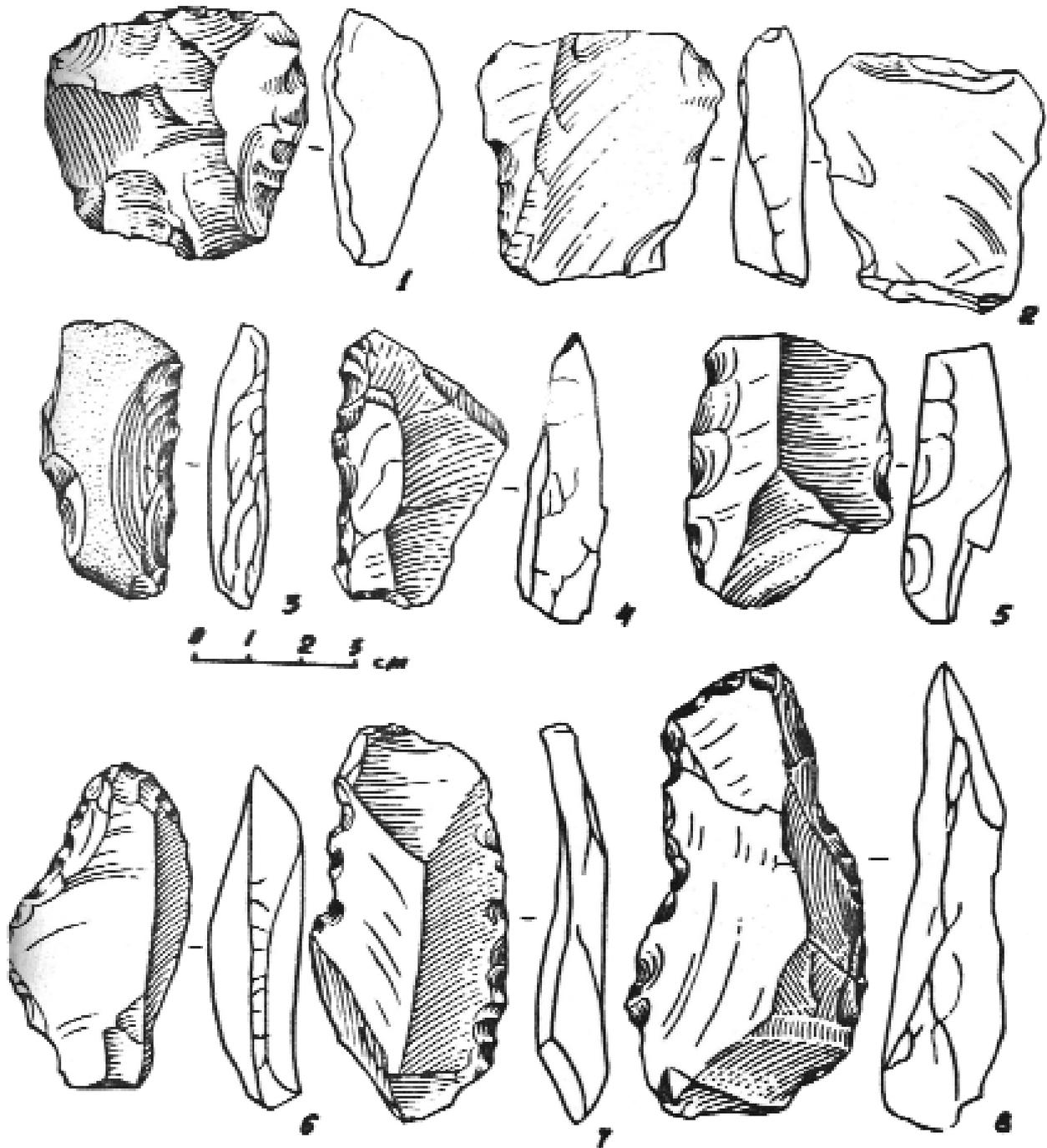

Рис. 55. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VI слой. 1 – угловато – поперечное скребло; 2 – долотовидное орудие; 3 – скребло-нож; 4, 5 – простые прямые скребла; 6 – комбинированное скребло с вогнутым лезвием; 7 – пластинка с ретушью; 8 – двойное скребло на пластинке с поперечным долотовидным краем

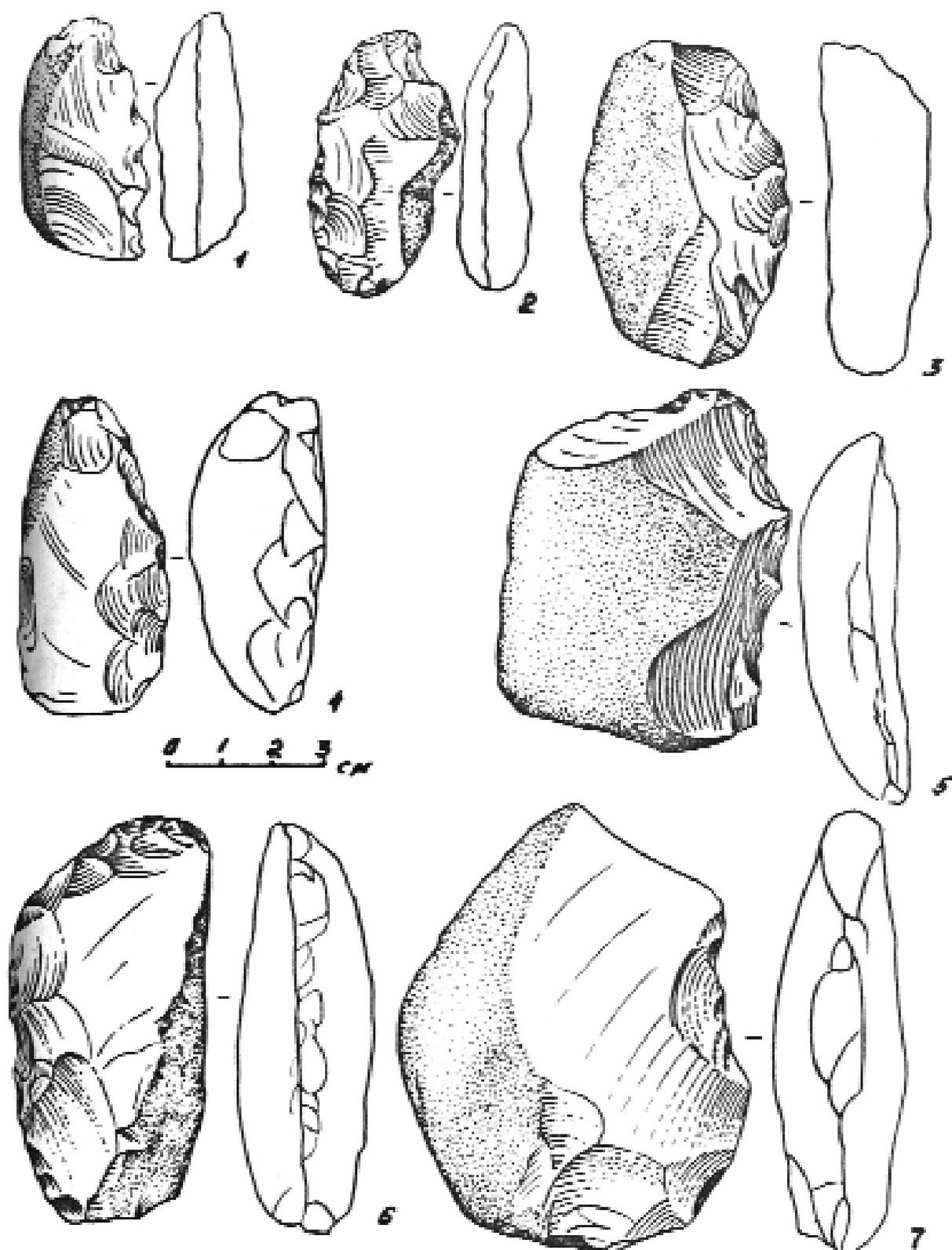

Рис. 56. Пещера Азыл. Образцы каменных орудий. VI слой. 1 – зубчатое скребло; 2 – 6 – скребла с обушком; 7 – массивный отщеп с обушком и частичной зубчатой бражкой

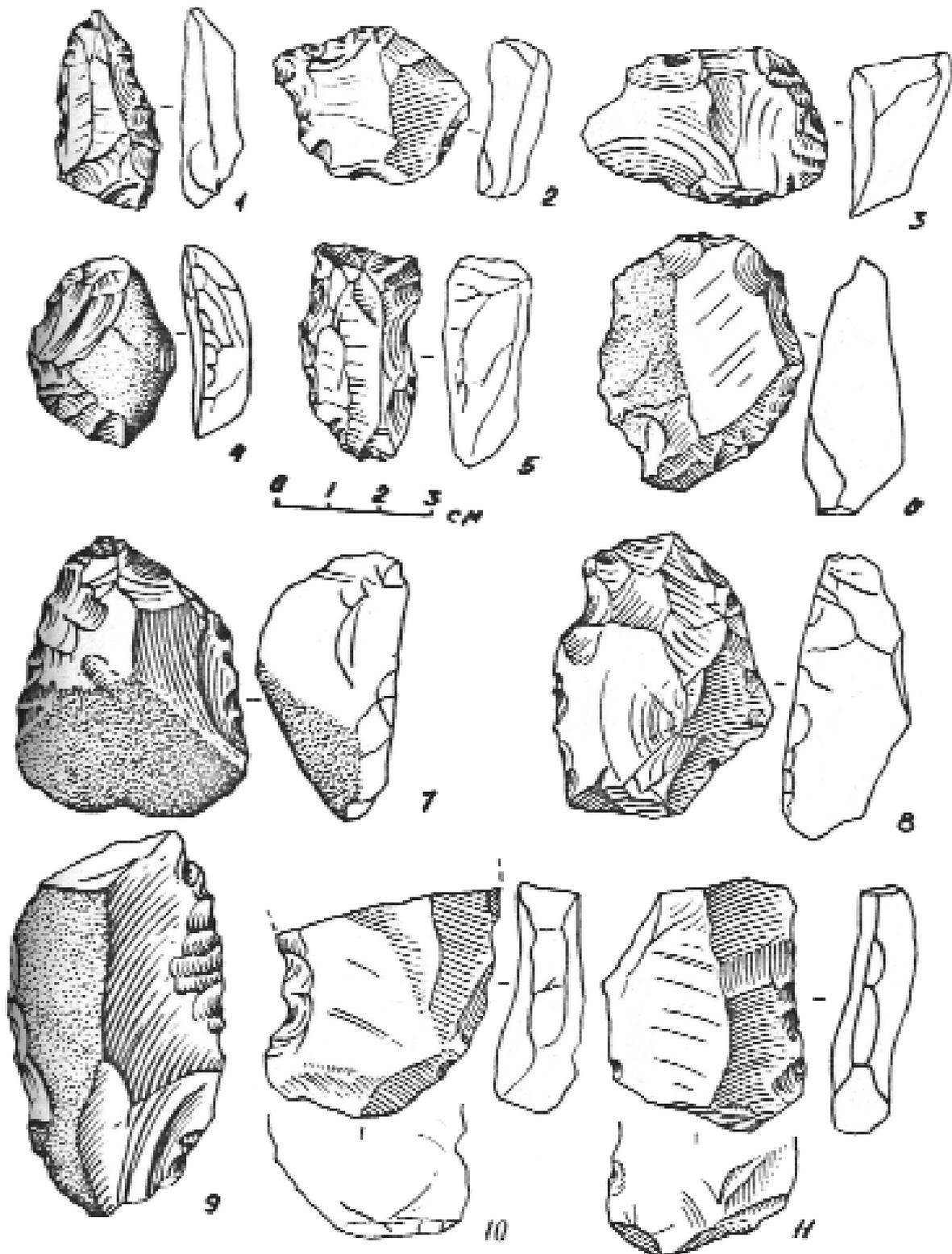

Рис. 57. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VI слой. 1 – скребло – острие; 2 – скребло-скребок; 3 – скребок; 4 – угловатое скребло; 5 – двойное скребло – скребок; 6 – простое выпуклое скребло; 7 – конвергентное скребло; 8 – поперечное скребло; 9 – простое скребло; 10 – фрагмент скребла; 11 – пластина с ретушью

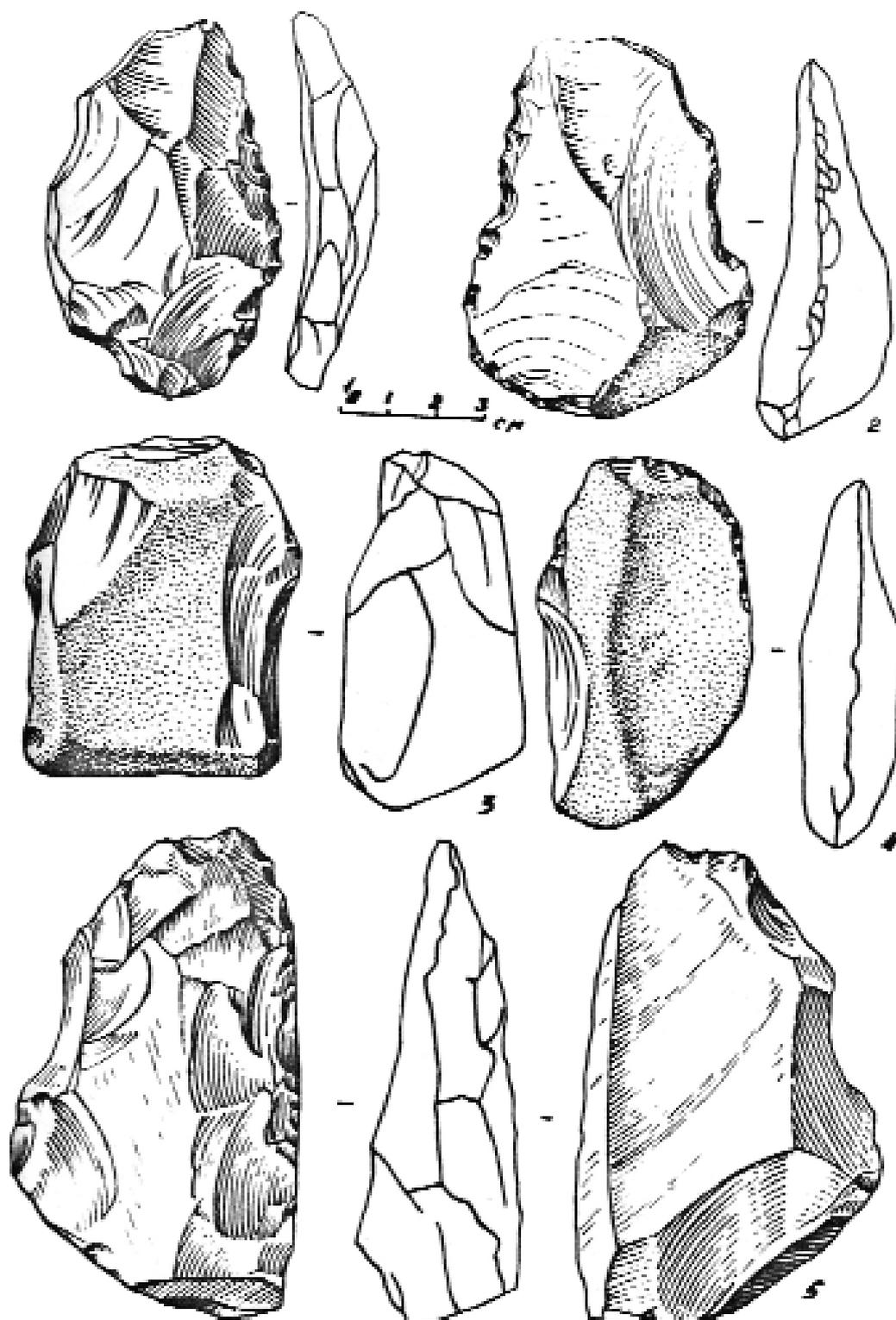

Рис. 58. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. VI слой. 1 – простое выпуклое скребло с обушком; 2 – отщеп зубчатый с краевой ретушью; 3 – грубое скребло; 4 – орудие с ретушью; 5 – скребло – бифасиальный нож с обушком

выясняется, что независимо от размеров ширина их равна половине длины, а толщина в большинстве случаев составляет 1,5 – 2 см (рис.47, 6; 49, 1, 7, 8).

На всех остроконечниках сохранились ударная площадка и ударный бугорок. Ударная площадка широкая, ровная (иногда достигает 1,5 см) и в большинстве случаев не перпендикулярна к центральной оси отщепа. На многих остроконечниках частично сохранилась естественная корка.

Таким образом, остроконечники VI слоя не очень велики по размерам – они средней величины, но достаточно массивны и изготовлены из широких отщепов.

В некоторых случаях ретушь распространяется на 2/3 краев орудий. Двусторонняя ретушь в коллекции остроконечников отсутствует.

Остроконечник, представленный на рис. 52, 1, лишен ударной площадки, возможно, при вторичной обработке.

В коллекции VI слоя леваллуазские и мустьерские остроконечники отсутствуют. Некоторые остроконечники, благодаря зубчатости лезвий и массивности сечения, приближаются к типам тейжских остроконечников.

Лимасы (6 экз.). Изготовлены из кремня (5 экз.) и кремнистого сланца. Среди них можно выделить 1 – классические (2 экз.) (рис.49, 5) и 2 – лимасы без тщательной ретушировки краев, которые находятся в стадии первоначального изготовления (4 экз.) (рис.47, 2). Обработка распространяется на 2/3 поверхности орудий, ударная площадка отсутствует, один конец орудия более острый, второй – округлый. Один из этих лимасов изготовлен более тщательно и по совершенству приближается к мустьерским образцам, представленным в коллекции Тагларской пещеры. Лимасы ретушированы в основном распространенной ретушью, далеко заходящей на спинку орудия.

Большой интерес представляет обнаруженные типа скребла-лимаса.

Факты, полученные в Азыхе, показывают, что истоки появления лимасов как особого типа орудия уходят в глубокую древность. Наиболее архаичные прототипы этой формы орудия были встречены еще среди материалов

куручайской культуры (см. рис. 31, 2).

Группа скребел.

Скребла прямые со скошенной осью (48 экз.). Изготовлены из кремня (31 экз.) и кремнистого сланца (17 экз.). В основном они оформлены на отщепах, лишь единичные экземпляры изготовлены на пластине и треугольном сколе. Основным типологическим признаком таких скребел является оформление одного прямого рабочего лезвия (рис.53, 6, 7; 55, 4, 5; 57, 9, 11). По размерам простые прямые скребла можно подразделить на три категории: 1 – крупные (17 экз.), 2 – средние (19 экз.), 3 – мелкие (12 экз.). При обработке скребел применялась крутая, полукрутая, чешуйчатая, ступенчатая ретушь. Отмечаются изделия, обработанные субпараллельной ретушью.

Скребла с натуральным обушком (32 экз.).

Среди однолезвийных скребел серийно выделяется скребла с натуральным обушком. Изготовлены из кремня (23 экз.) и кремнистого сланца (рис.53, 2, 6, 8; 56, 1 – 5; 57, 9). Типологически можно объединить эти орудия в одну группу с однолезвийными прямыми скреблами, но их периферической особенностью является наличие обушка, что позволяет называть их скреблами-ножами. В археологической литературе иногда выделяют скребла с натуральным обушком в качестве особого типа орудий. Как и среди простых прямых скребел, среди описываемых орудий можно выделить крупные, средние и мелкие разновидности. Рабочие лезвия большинства орудий этого типа обработаны крутой, полукрутой, чешуйчатой, ступенчатой и распространенной ретушью.

Скребла простые выпуклые. Изготовлены из кремня (21 экз.) и кремнистого сланца (11 экз.). Основным типологическим признаком этих орудий является рабочее лезвие выпуклой формы. Большинство орудий изготовлено на пластинах. Представлены изделия, у которых ударная площадка отсутствует. Описанные орудия в основном ретушированы глубокой, крутой, полукрутой, чешуйчато-ступенчатой и субпараллельной ретушью (рис.51, 4; 54, 4; 57, 6; 56, 3, 4). Выделяются крупные (11 экз.) – 8,9 x 4,1 x 3 см, средние (9 экз.) – 6,5 x 3,4 x 1,5 см и мелкие (12 экз.) – 4,3x2,4x1,3 см.

Скребла простые вогнутые. Изготовлены из кремня (10 экз.) и кремнистого сланца (6 экз.). Рабочее лезвие этих орудий однобоковое вогнутое. Они в основном оформлены полукрутой ретушью. Среди простых вогнутых скребел имеются крупные и средние экземпляры. Одно из указанных орудий привлекает внимание усложненностью обработки – кроме рабочего лезвия, верхний конец этого орудия тщательно обработан ступенчатой ретушью. Основное рабочее лезвие также ретушировано. Такая форма орудий приближается к скреблам с обушком. Другой образец вогнутого скребла изготовлен из расколотой гальки (рис.56, 5). Представленные образцы оформлены: первый – на пластинке, второй – на отщепе; оба ретушированы полукрутой ретушью.

Скребла двойные прямые. Изготовлены из кремня (9 экз.) и кремнистого сланца (7 экз.). Большинство орудий оформлено на крупных отщепах. Основным типологическим признаком их является наличие двух прямых рабочих лезвий. Орудия данного типа в основном оформлены крутой, полукрутой, чешуйчатой и ступенчатой ретушью. Интересно отметить, что изделий с субпараллельной ретушью среди этого типа орудий отмечено небольшое количество, в то время как среди одинарных скребел таких изделий больше. Значительное количество орудий хорошо сохранилось. У четырех орудий ударная площадка отсутствует. Образцы описанных орудий изображены на рис.42, 3; 48, 6, 7; 52, 6; 55, 7.

Особенно интересно двойное прямое скребло, верхний конец которого обработан мелкой ретушью, что приближает это изделие к скребкам (рис.47, 4). Некоторые двойные прямые скребла отличаются специально утонченным основанием (рис.42, 3; 48, 7).

Во французской литературе иногда выделяют особый тип впервые выделенный и описанный Ф.Бордом – скребла со спинкой, утонченной подправкой. Видимо, этот тип орудий впервые появляется в древнем ашеле и получает более широкое распространение в более поздние эпохи.

Скребла двойные прямо-выпуклые. Изготовлены из кремня (3 экз.) и кремнистого

сланца (1 экз.). Эти орудия ретушированы крутой, полукрутой ретушью. У описанных орудий хорошо сохранилась ударная площадка (рис.48, 5).

Скребла двойные прямо-вогнутые (2 экз.). Изготовлены из кремня, оформлены на отщепе и на пластине. Основным типологическим признаком является присутствие двух лезвий – прямого и вогнутого. Отмеченные орудия оформлены глубокой ретушью.

Скребла двойные двояковыпуклые (3 экз.). Изготовлены из кремня. У всех экземпляров хорошо сохранилась ударная площадка (рис.47, 2, 3; 48, 1). У одного орудия лезвия ретушированы ступенчатой, у второго – крутой и полукрутой ретушью. Одно из орудий этого типа имеет частично двустороннюю обработку.

Скребла двойные двояковогнутые. Изготовлены из кремня (3 экз.) и кремнистого сланца (1 экз.) и оформлены на отщепах. Основным типологическим признаком является присутствие двух вогнутых рабочих лезвий (рис.55, 8; 58, 2). В основном эти орудия оформлены приостряющей ретушью, одно обработано полукрутой и зубчатой ретушью.

Скребла двойные выпукло-вогнутые. Изготовлены из кремня (4 экз.) и кремнистого сланца (2 экз.). Основным типологическим признаком этих орудий является двойное выпукло-вогнутое рабочее лезвие. Орудия обработаны крутой, полукрутой, чешуйчато-ступенчатой ретушью (рис. 50,7). Среди них имеется одно орудие, близкое к тройным скреблам. На поперечном конце этого орудия, изготовленного на треугольном отщепе, выделен рабочий участок, обработанный ступенчатой ретушью.

Скребла конвергентные или со сходящимися лезвиями прямые. Изготовлены на треугольных отщепах из кремня (5 экз.) и кремнистого сланца (3 экз.). У большинства орудий сохранилась ударная площадка, а у двух изделий ударная площадка снята обработкой (рис.47, 1; 48, 3; 49, 4). Некоторые изделия ретушированы распространенной ретушью (рис. 47, 1; 49, 4). Иногда в археологической литературе такие изделия называют лимасами, но по технике обработки

и типологии следует их отделять от типичных лимасов как изделия менее массивные в сечении и обработанные только краевой ретушью.

Скребла конвергентные выпуклые.

Изготовлены из кремнистого сланца (3 экз.) и кремня (1 экз.). У орудий хорошо выражена ударная площадка, они обработаны распространенной ретушью (рис.57, 7).

Скребла конвергентные вогнутые. В материалах VI слоя выделен единственный экземпляр этого орудия (рис.47, 5), который изготовлен из кремня. Ударная площадка орудия хорошо сохранилась. Изделие ретушировано крутой ретушью. С базальной части скребла снято несколько мелких сколов, что позволяет интерпретировать данное орудие как скребло с утонченным основанием.

Угловатые скребла. Изготовлены из кремня (15 экз.) и кремнистого сланца (5 экз.). Дистальные концы у четырех изделий очень острые. В археологической литературе эти формы описываются как отдельный тип орудий – угловатый остроконечник. У этих изделий ось отщепа не совпадает с осью орудий. В азыхских материалах угловатые остроконечники впервые появляются в VI слое, в III слое такой тип орудий уже довольно многочисленен. Угловатые остроконечники ретушированы приотстривающей и полукрутой ретушью (рис.50, 1 – 6). Остальные изделия являются угловатыми скреблами, изготовленными на треугольных отщепах. У всех орудий хорошо выражена ударная площадка и ударный бугорок. Описанные орудия в основном ретушированы крутой, полукрутой, субпараллельной и ступенчатой ретушью. По размерам этот тип орудий представлен крупными (6,6 x 4,2 x 1,8 см; 7 экз.), средними (5,2 x 3,8 x 1,1 см; 6 экз.) и мелкими (3,9 x 2,7 x 1,1 см; 2 экз.) разновидностями.

Интересно отметить, что у трех угловатых скребел ретушь является распространенной (рис.50, 4, 5). Представляет значительный

интерес и тот факт, что угловатые скребла VI слоя выражены серийно и, может быть, дальнейшее изучение даст возможность выделить особые подтипы среди этого типа орудий.

Скребла поперечные прямые. Изготовлены из кремня (6 экз.) и кремнистого сланца. Орудия оформлены на отщепах и ретушированы крутой, полукрутой, субпараллельной, параллельной и чешуйчато-ступенчатой ретушью (рис.48, 8; 51, 1).

Скребла поперечные выпуклые. Изготовлены из кремня (5 экз.) и кремнистого сланца (3 экз.). Орудия ретушированы крутой, полукрутой, субпараллельной и параллельной ретушью (рис.51, 3, 5).

Скребла поперечные вогнутые (2 экз.). Изготовлены из кремня. Орудия оформлены субпараллельной ретушью. Кроме основного рабочего лезвия, имеется дополнительная частичная ретушь и на других участках изделий (рис.51, 2, 6).

Скребла с ретушью с брюшка. Изготовлены на отщепах кремнистого сланца (6 экз.) и кремня (9 экз.) и обработаны крутой, полукрутой, субпараллельной и ступенчатой ретушью (рис.52, 3; 54, 1; 53, 1; 56, 6).

Скребла с крутой ретушью (2 экз.). Изготовлены на массивных отщепах кремнистого сланца и оформлены крутой ретушью, которая распространяется на всю рабочую часть (рис. 54, 3).

Скребла с двусторонней ретушью. Оформлены на пластинах кремнистого сланца и обработаны субпараллельной ретушью (рис.47, 4). Ударная площадка у орудий хорошо сохранилась.

Скребла с противоположащей ретушью (2 экз.). Изготовлены из кремня. Ретушированы со спинки субпараллельной ретушью, а с брюшковой части чешуйчатой и ступенчатой ретушью. В верхней части специально выделена выемка. Выемчатая часть с двух сторон ретуширована. Ударная площадка устранена вторичной обработкой (рис.52, 7).

Скребки типичные. Изготовлены из кремнистого сланца (2 экз.) и кремня (11 экз.). Изделия из кремнистого сланца морфоло-

гически менее четко выражены, обработка их более грубая. Большинство скребков ретушировано тонкой, иногда приостряющей ретушью (рис.57, 2, 3, 5). Скребок, показанный на рис.57, 5, изготовлен на пластине. По размерам можно выделить 3 категории скребков: 1 – крупные – 7,9 x 4,2 x 2,2 см (3 экз.), 2 – средние – 5,3 x 4,7 x 2,1 см (4 экз.) и 3 – мелкие – 3,5 x 3,1 x 1 см (6 экз.).

Следует отметить, что скребки впервые появляются в коллекции VI слоя, где они представлены очень грубо и примитивно изготовленными экземплярами. Скребки среднеашельского и мустьерского слоев оформлены более тщательно, более тонкой ретушью.

Скребки атипичные. Изготовлены из кремня (7 экз.) и кремнистого сланца (2 экз.). Все атипичные скребки оформлены на отщепах и ретушированы тонкой мелкофасеточной скребковой ретушью.

В коллекции VI слоя отсутствуют типичные и атипичные резцы.

Типичные проколки (2 экз.). Изготовлены на отщепах кремнистого сланца. По технике изготовления эти орудия довольно примитивны – вероятно, находятся на стадии появления. Впервые проколки отмечаются только в VI слое Азыха. Образец этого типа орудий показан на рис.49, 6.

Атипичные проколки (2 экз.). Изготовлены из кремня и в более примитивной манере, чем типичные проколки (рис.49, 1).

Нож со спинкой типичный. Единственный экземпляр орудия в коллекции VI слоя изготовлен из кремня. Рабочее лезвие очень острое (рис.49, 7), специально затупляющей ретушью изготовлен обушок, что дает возможность держать его в руке.

Скреблышки мустьерского облика (2 экз.). Изготовлены из кремня. Одно орудие оформлено на пластинке с помощью тонкой ретуши (рис.52, 8). Следует отметить, что в памятниках древнего ашеля такой тип орудий очень редок, т.к. характерен для позднего этапа мустьерской культуры.

Выемчатые орудия. Изготовлены из кремнистого сланца (8 экз.) и кремня (7 экз.). Большинство орудий оформлено на отщепах (11 экз.), лишь 4 изделия изготовлены на пластине. Следует отметить, что у всех описанных орудий выемка находится посреди одного из краев, не доходя до его концов, т.е. они являются типичными анкошами (рис.51, 6 и 56, 7). Отмечаются изделия с двойной выемкой, которые использовались в работе. Иногда выемка оформляется с брюшковой части заготовки. Отмечены изделия, у которых выемка дополнительно не подработана ретушью. Выемчатые изделия впервые появляются в VI слое, но их прототипы были определены еще в VII – X слоях. Дальнейшее их развитие мы можем проследить в V и III слоях.

Зубчатые орудия (18 экз.). Оформлены на отщепах кремнистого сланца и кремня (рис.52, 3; 56, 1, 5). Одно изделие изготовлено на пластинке. Основным типологическим признаком этих орудий является рабочее лезвие, ретушированное зубчатой ретушью.

На рисунке 52, 3 показаны зубчатые орудия, интересные тем, что рабочее лезвие одного слегка вогнуто, а другое изделие (рис.56, 5) ретушировано мелкой зубчатой ретушью.

Среди описанных орудий имеются зубчатые изделия с двойной патиной – этот признак дает нам основание сказать, что указанный предмет использовался первобытными людьми в работе несколько раз и, каждый раз его вновь вторично обрабатывали.

Режущие орудия с зубчатыми краями (рис.53, 3). Изделия с зубчатыми и выемчатыми краями, получившимися в процессе работы, главным образом, использовались для строгания по дереву, чесания, сдирания коры и других операций. Эти орудия по сравнению с другими изделиями VI слоя в количественном отношении составляют большинство. Их можно также назвать зубчатыми скреблами. Они подразделяются на два типа: однолезвийные и двулезвийные. Обе разновидности изготавливались на массивных, грубых отщепах, различных по форме. Большинство отщепов имеет треугольную

форму и укороченно-расширенные пропорции. У всех отщепов сохранились широкие и ровные ударные площадки, иногда представляющие собой неснятую галечную поверхность. Примечательно, что у большинства (44 предмета) орудий с зубчатыми краями на верхней плоскости сохранилась естественная галечная корка.

На 31 экземпляре однолезвийных орудий зазубрено сплошное лезвие по всей длине заготовки. Зазубрины очень мелкие. Средние размеры данного типа орудий колеблются от 6,2 x 3,5 x 2 см до 10,5 x 7,6 x 3 см. Массивность и ширина орудий свидетельствуют о том, что эти изделия могли использоваться для рубки, разделки и скобления по дереву. Наиболее пригодны для скобления и сдирания коры дерева орудия со сплошной зазубренностью одностороннего лезвия.

Еще больший интерес представляют двулезвийные орудия такого рода, в количественном отношении несколько уступающие однолезвийным, однако по качеству, материалу и технике изготовления почти аналогичны однолезвийным.

У некоторых двулезвийных орудий оба лезвия зазубрены по всей длине края заготовки. Отмечаются орудия, у которых одно лезвие зазубрено по всему краю, а другое лишь частично. Только в отдельных случаях у двулезвийных зубчатых скребел отмечается зазубренность со стороны нижней плоскости отщепа. Габариты двулезвийных зубчатых скребел колеблются в пределах от 4,1 x 2,7 x 0,8 до 9,5 x 5,8 x 3,3 см.

Следует отметить, что наряду с зубчатыми скреблами обнаружены необработанные отщепы со следами использования боковых краев. Следовательно, древние люди не пренебрегали грубыми и массивными отщепами с острыми режущими краями.

Зубчато-выемчатые орудия. Оформлялись на широких и массивных отщепах разной формы и толщины (рис.52, 3; 56, 1). Они характеризуются наличием одной или двух выемок на лезвии. Выемки оформлялись в форме полукруга (иногда открытого угла) на одном или двух краях отщепа. Чаще всего выемка получалась от скалывания двух небольших сколов. Углубление по краю негатива таких

сколов дополнительно не ретушировалось. Невыемчатые участки лезвия не зазубрены. Такие зубчато-выемчатые орудия характеризуются небольшими размерами (от 5 x 2 x 1 см до 7,6 x 4 x 1,8 см), но иногда достигают 9 x 6,3 x 2 см. Они характерны только для индустрии древнеашельского слоя. В последующие эпохи промежутки между выемками на таких изделиях подвергались обработке.

Появление зубчато-выемчатых орудий в древнеашельском слое, еще в грубой, архаичной форме, бесспорно, было связано с новыми потребностями усложнившейся экономико-хозяйственной деятельности обитателей стоянки.

Среди орудий подобного типа немало изделий, напоминающих пилу, которые, вероятно, использовались в целях резания или распиливания.

Зубчато-выемчатые изделия могли использоваться для строгания, очищения веток и стволов деревьев от коры, для заострения концов дерева или кости.

Скребок высокой формы (рис.42, 3 ?). Единственный экземпляр в коллекции VI слоя. Скребок оформлен на пластине кремнистого сланца. Орудие имеет узкое лезвие и массивное сечение, поэтому названо скребком высокой формы.

Двуконечный остроконечник (рис.52, 6). Этот единственный экземпляр в инвентаре VI слоя изготовлен из кремня. Оба конца орудия острые. Ударная площадка снята вторичной обработкой.

Разные орудия (10 экз.). Изготовлены из кремня (7 экз.) и кремнистого сланца (3 экз.). Среди них типологически невозможно выделить определенные типы орудий, так как они являются орудиями многоцелевыми. Древнейшие обитатели стоянки выполняли этими орудиями разные функции в работе. Некоторые из этих орудий ретушированы чешуйчато-ступенчатой, отдельные изделия – крутой и полукрутой ретушью. Большинство отмеченных изделий оформлено на отщепах. Следует отметить, что рабочие лезвия большинства описанных орудий являются крутыми, видимо, от очень частого их использования в работе, что затрудняет определение

типа ретуши.

Фрагментированные сколы и орудия. В ряде публикаций (Любин, 1978; Ерицян, 1977) рассматриваются вопросы выявления и классификации фрагментированных сколов и орудий в инвентаре некоторых стоянок (главным образом мустьерских пещерных стоянок). В пещере Азых фрагментированные сколы и орудия определены уже древнем ашеле.

В.П.Любин (Любин, 1978, с.23 – 32) справедливо отмечает, что фрагментированные каменные изделия, по всей видимости, прежде всего надо разделить на две большие группы: естественно фрагментированные и искусственно фрагментированные. Первая группа включает фрагментированные изделия, образовавшиеся без воздействия человека, благодаря падению, удару или давлению.

Фрагментированные сколы и орудия VI слоя Азыха также можно разделить на две большие группы: 1 – естественно фрагментированные (12 экз.) и 2 – искусственно фрагментированные (100 экз.). Образцы этих предметов показаны на рис.52, 1, 2, 4. Искусственно фрагментированные сколы и орудия можно разделить на две подгруппы: 1 – ненамеренно фрагментированные (18 экз.) и 2 – намеренно фрагментированные изделия (82 экз.). К первой подгруппе относятся сколы заготовки, сломавшиеся при вторичной обработке (при ретушировании краев, оформлении рукояточных частей, утончении сечения и т.д.).

В VI слое имеется, по всей видимости, множество изделий, поврежденных или сломавшихся в процессе утилизации. Однако, как отмечает В.П.Любин, этот вопрос разработан недостаточно: признаки фрагментации вещей в ходе пользования ими (от удара, давления, вращения и т.д.) не установлены, такие вещи редки. Возможно, дальнейшие исследования позволят определить некоторые особенности фрагментированных сколов и орудий VI слоя и количественно увеличить коллекцию ненамеренно фрагментированных сколов и орудий.

Следует отметить, что среди ненамеренно фрагментированных изделий имеются обломки скребел, остроконечников, отщепов с ретушью и

других типов орудий.

Вторая большая группа включает намеренно фрагментированные изделия, изучение которых наиболее важно и интересно, так как тут мы имеем дело не с набором случайных поломок, а с закономерным явлением, обрисовывающим одну из технико-типологических особенностей той или иной культуры (Любин, 1978, с.29). По мнению ряда исследователей, намеренное рассечение сколов-заготовок и орудий производилось с целью поджигления притупившихся лезвий, получения на орудиях обушков для упора пальцев, утончения основания и т.п. Большинство фрагментированных сколов и заготовок изготовлено из кремня. Они обработаны ступенчатой, чешуйчато-ступенчатой, глубокой и полуглубокой ретушью. Интересно отметить, что единственный экземпляр орудия, изготовленный из обсидиана, был встречен не среди целых изделий, а среди фрагментированных. Ударная площадка этого изделия была устранена, а затем оно было обработано глубокой, распространенной ретушью (рис.52, 5).

Некоторые образцы намеренно фрагментированных и вторично подработанных изделий представлены на рис.48, 3. Изделие, изображенное на рис.57, 1, сначала было остроконечником, базальная часть которой сломалась, возможно, при использовании, – и первобытные люди дополнительно ретушировали этот участок снова. Указанный предмет приближается к концевым скреблам. Дистальный конец (первоначальный рабочий элемент остроконечника) очень острый. В такой же манере дополнительно обработаны еще несколько фрагментированных изделий.

По-видимому, фрагментированные сколы и орудия в коллекции VI слоя многочисленны. Тщательное изучение этих изделий позволит установить четкие критерии выделения таких предметов.

В таблице 5 представлен типологический состав индустрии VI слоя Азыхской пещеры.

ГЛАВА VI СРЕДНИЙ АШЕЛЬ

С отложениями V слоя, залегающего ашельским VI слоем и датированного миндель-риссом, связано в Азыхской пещере начало среднеашельской эпохи.

Среднеашельский слой представил богатый и разнообразный археологический материал, на основании которого можно не только изучить орудия производства, но и составить представление о физическом типе ашельского человека, структуре его охотничьего хозяйства, образе жизни, идеологических представлениях. Это стало возможным благодаря обнаружению в V слое, помимо разнообразных орудий труда, уникальной палеоантропологической находки – нижней челюсти азыхантропа, а также бытовых и культовых сооружений обитателей пещеры в этот период: очажных ям разных конструкций, каменной кладки и "тайника", содержащего отрубленные черепа пещерного медведя (с насечками на одном из них). На каждом из этих археологических и антропологических объектов мы подробно остановимся ниже.

Как видно из вышесказанного, на основе раскопок V слоя Азыха мы имеем уникальные научные наблюдения и документы, связанные с разными сторонами жизни и деятельности ашельских охотников, обитавших в пещере около полумиллиона лет назад.

Если обратиться к каменным изделиям этого слоя, то на первый взгляд кажется, что они не очень отличаются от орудий древнеашельской эпохи. С типологической точки зрения, в каждой из этих разновременных эпох сохранились грубые ручные рубила и галечные орудия (чопперы и чоппинги), различные скребла и другие изделия. Но главное отличие их от каменных изделий VI слоя заключается в том, что в технике изготовления орудий ощущается заметное совершенствование; во многом изменяется характер исходных заготовок для орудий – они становятся крупными, но менее массивными. Важной отличительной чертой среднего

ашеля стало определенное изменение физического строения человека, появление у архантропов, живших в древнеашельскую эпоху прогрессивных черт пренеандертальского облика. Таким образом, среднеашельская эпоха стала чрезвычайно важной стадией развития человеческого общества на земном шаре.

Как видно из археологических материалов среднеашельской культуры, в Азыхе происходят значительные сдвиги в хозяйственной деятельности, впервые появляются искусственные жилые строения и конструкции, искусственные сооружения очагов и, возможно, культовое хранилище – "тайник", отразившее существование "культы зверей", или каких-то обрядов, связанных с охотой.

Наряду с каменными изделиями в слое выявлены богатейшие костные остатки различных животных. Все они сильно раздроблены, имеют следы пребывания в огне, некоторые найдены непосредственно в остатках древнего очага. Все это является доказательством того, что в среднеашельскую эпоху охотничья деятельность была развита более сильно и занимала доминирующее место. Из добытых на охоте около 40 видов крупных млекопитающих подавляющее количество составляют пещерный медведь, благородный и гигантский олени.

Материалом для изготовления орудий служило главным образом местное сырье – кремль, кремнистый сланец, базальт, фельзит и др. Примечательно, что изделия из вулканического стекла в коллекции орудий V слоя отмечаются редко. При детальном рассмотрении качества каменных изделий выясняется, что и здесь использовался тот же сырьевой материал, что и в древнеашельскую эпоху. Однако среди изделий древнеашельской эпохи орудия из песчаника встречаются чаще, чем в индустрии V слоя. Видимо, в среднеашельскую эпоху на качество камней обращали больше внимания. Сам по себе этот факт может быть расценен как шаг вперед в деле заготовки и

выбора сырья для производственных нужд.

В различные периоды ашеля явно наблюдаются определенные усовершенствования и развитие в приемах изготовления орудий. Вместе с тем значительных изменений в типологическом составе не произошло. А это еще раз свидетельствует о том, что в течение всей ашельской эпохи сдвиги в развитии техники производства были довольно медленными.

В среднеашельскую эпоху отщепы становятся более крупными и широкими, но все еще остаются довольно массивными в сечении. В древнем ашеле отщепы были массивными, но более мелкими, с подпараллельным ограничением краев и с крупной, гладкой, часто естественно скошенной площадкой, иногда не совпадающей с центральной осью отщепа. Ударный бугорок был более грубым, рельефным, и охватывал большую часть брюшковой стороны отщепа. Все же на различных стадиях развития (исключая конец) ашеля техника расщепления и типы орудий оставались неизменными. Однако обращает внимание разница между индустриями древнего и среднего ашеля, выражающаяся как в характере заготовок, так и в типологическом составе, в приемах оформления и размерах орудий.

Ручные рубила, чопперы, чоппинги и орудия из отщепов среднеашельской эпохи очень схожи с орудиями эпохи предшествующей. Однако в середине ашеля края ручных рубил обработаны сравнительно лучше, лезвия их более прямые и тщательнее обработаны правильной оббивкой. Чопперы и чоппинги несколько более крупные, хотя в V слое их значительно меньше и они постепенно выходят из употребления.

В конце ашельской эпохи ручные рубила еще сохраняются, но размеры их в большинстве случаев уменьшаются, а чопперы и чоппинги совсем выходят из употребления. Наряду с этим заметно увеличение значения в производстве дисковидных и других видов нуклеусов. В течение всего ашельского времени развитие техники протекало настолько медленно, что чрезвычайно трудно отметить резкие различия между тем или иным периодом ашеля. Тем не менее в оформлении

орудий наблюдаются незначительные различия, которые в конце ашеля – начале мустьерской эпохи становятся все более очевидными.

Орудия труда, как указывалось выше, встречены в V слое в незначительном количестве, тогда как во всех горизонтах этого слоя обнаружено большое количество костных остатков фауны. Не исключено, что обитатели стоянки в среднем ашеле изготавливали орудия вдаль от стоянки, поэтому здесь нет производственных отходов и правильных, заранее заготовленных отщепов без обработки. Орудиями охоты в это время могли быть деревянные рогатины, длинные грубые колья или жерди, концы которых, возможно, были обработаны и заострены на огне.

Перейдем к описанию каменных изделий среднеашельского слоя. В пяти горизонтах V слоя Азыха найдено всего 289 каменных изделий. По индустриальному составу они подразделяются на заготовки (113 экз.), нуклеусы (6 экз.), ручные рубила (5 экз.), осколки и обломки (130 экз.) и речные гальки (12 экз.). У некоторых галек заметны следы сработанности или следы сколов. Речные гальки в основном шаровидные (7 экз.) и овальной формы (5 экз.).

Сырье. Для изготовления изделий использованы кремний (143 экз.), кремнистый сланец (124 экз.), андезит (5 экз.), базальт (2 экз.), песчаник (2 экз.) и обсидиан (3 экз.).

Первичная обработка. Следует отметить, что материалы V слоя прежде всего позволяют рассмотреть уровень техники ашельских обитателей стоянки.

Найденные сколы размерами отличаются от нуклеусов, они массивные и крупные, а негативы нуклеусов более мелкие, чем сколы. Видимо, большинство найденных нуклеусов являются остаточными. Возможно, азыхантропы сначала снимали с этих нуклеусов более крупные сколы, такое раскалывание проводилось несколькими этапами и по этой причине многие нуклеусы оказались остаточными, а мелкие заготовки или изготовленные из них орудия были вынесены за пределы стоянки и использованы там.

Нуклеусы. Изготовлены из кремнистого

сланца (4 экз.) и кремня (2 экз.). Негативы их показывают, что они в основном служили для снятия сколов.

Типологически можно выделить следующие группы нуклеусов: 1 – одноплощадочный (1 экз.), 2 – двуплощадочные (1 экз.), 3 – дисковидный двусторонний (3 экз.) и 4 – многоплощадочный (1 экз.).

Одноплощадочный нуклеус. Изображен на рис.59, 2. Сначала была специально подготовлена отбивная площадка, а затем с этого нуклеуса снято несколько треугольных сколов. На отбивной площадке частично сохранилась естественная корка.

Двуплощадочный нуклеус. С этого нуклеуса снято несколько отщепов, сначала специально подготовлена площадка для удара на двух его полюсах, после этого сняты требуемые сколы.

Дисковидные двусторонние нуклеусы (3 экз.). Характеризуются тем, что с этих нуклеусов ударами с двух сторон от края к центру сбивали отщепы. Негативы представленного на рис.64, 8 нуклеуса показывают, что целью последнего снятия были треугольные сколы. Средняя часть нуклеуса имеет выпуклую форму.

Многоплощадочный нуклеус. Изготовлен из кремня. Следует отметить, что отдельные оббивные площадки выделить очень трудно, т.к. ударные плоскости многочисленны, поэтому он описан как многоплощадочный нуклеус. С этого нуклеуса снимали не только отщепы, но и пластины.

Нуклевидные обломки (7 экз.). Изготовлены из кремнистого сланца (5 экз.) и кремня. По сравнению с нуклеусами они более крупные. Негативы на этих обломках являются следами разных по характеру отщепов.

Среди каменных изделий V слоя отмечено 2 отбойника из базальта и андезита. Один из отбойников имеет более крупные размеры. В верхней части его хорошо видны следы мелких сколов. Второй экземпляр несколько меньших

размеров.

Сколы. Как отмечалось выше, сколы V слоя представлены более крупными экземплярами, что хорошо видно из таблиц 7 – 9.

Таблица 7 показывает, что заготовки V слоя были в основном крупными и массивными. Длина сколов более 5 см характерна для большинства сколов (68% всех сколов и заготовок).

Таблица 8 показывает, что ширина более 3 см характерна для 65% всех сколов. Толщина более 1 см отмечена у 75% всех сколов и заготовок.

Технические показатели сколов, как видно из таблицы 6, показывают, что основное место занимают отщепы – 74 экз. сколов и заготовок. Пластины представлены всего 20 экз., а треугольные сколы – 19 экз., что составляет около 17% определимых сколов и заготовок. Таблица 6 показывает, что среди заготовок определимых ударных площадок представлено всего 70 экз. (61% всех сколов). Большинство определимых ударных площадок – гладкие. Среди сколов V слоя имеются единичные экземпляры с двугранными, фасетированными прямыми и фасетированными выпуклыми ударными площадками. Впервые в Азыхе только среди каменных изделий V слоя выделено несколько (3 экз.) леваллуазских отщепов. Это говорит о том, что обитатели V слоя еще только начали осваивать леваллуазскую технику. Среди нуклеусов V слоя не найден ни одного типично леваллуазского – это свидетельствует о том, что леваллуазские отщепы получали съ не преднамеренно, при раскалывании других форм нуклеусов. По Ф.Борду, отщепом леваллуа может быть назван каждый отщеп, форма которого предопределена специальной подготовкой нуклеуса до снятия этого отщепа (Борд, 1961, с.21). Отщеп леваллуа – наиболее распространенная категория леваллуазских заготовок. Отщепы леваллуа имеют несколько подтипов: овальных очертаний, близкие к

четырёхугольным, треугольным и округлым. Единичные экземпляры леваллуазских отщепов V слоя не дают нам возможности выделить среди них определенный тип, но среди каменных изделий раннемустьерского III слоя Азыха имеются многочисленные леваллуазские отщепы, пластины и треугольные сколы.

В типологическом отношении среди каменных орудий V слоя представлены следующие формы (см. таблицу 10)

Остроконечники мустьерского типа (2 экз.). Изготовлены из кремня и кремнистого сланца. Ударные площадки остроконечников являются гладкими. Один из них (рис.64, 4) изготовлен на треугольном отщепе, ретушь является крутой и полукрутой. Остроконечники мустьерского облика впервые появляются в инвентаре стоянки только в V слое.

Скребла простые прямые. Изготовлены из кремня (4 экз.) и кремнистого сланца (1 экз.). Они оформлены на отщепках (3 экз.) и на треугольном отщепе (2 экз.), обработаны крутой, полукрутой, иногда приостряющей, ретушью (рис.64, 2).

Среди описываемых изделий имеется одно, которое можно назвать скреблом с натуральным обушком. Ударная площадка и ударный бугорок очень хорошо сохранились. Орудие оформлено на пластине и обработано приостряющей ретушью.

Скребла простые выпуклые (3 экз.). Два из кремня, один – из кремнистого сланца, оформлены на пластине (2 экз.) и на отщепе. Простые выпуклые скребла в основном обработаны полукрутой, приостряющей ретушью. Последние скорее являются режущими орудиями. По размерам можно выделить крупные (1 экз.) и средние (2 экз.) изделия.

Скребла двойные прямые (2 экз.). Изготовлены из кремнистого сланца и оформлены на крупных пластинах. У двойных прямых скребел хорошо выражена ударная площадка и ударный бугорок (рис.64, 5). Интересно, что описанные орудия покрыты двойной патиной, позволяющей предположить, что первобытные обитатели стоянки

после вторичной обработки несколько раз использовали эти орудия, а затем оставили их в пещере, а через довольно продолжительное время изделия были использованы снова. Орудия ретушированы субпараллельной и полукрутой ретушью.

Скребло двойное прямовыпуклое. Изготовлено на пластине кремнистого сланца (рис.64, 6). Очень хорошо сохранился ударный бугорок, ударная площадка двугранная. Скребло имеет два рабочих лезвия – прямое и выпуклое, оформленные крутой ретушью.

Скребла двойные двояковогнутые (3 экз.). Изготовлены из кремня (2 экз.) и обсидиана. Надо отметить, что у одного изделия ударная площадка хорошо выражена, а у второго она отсутствует – устранена вторичной обработкой, т.к. имеются следы утончения основания (рис.64, 3). Орудие с утонченным основанием изготовлено из обсидиана. Как видно из рисунка 64, 3, оба конца этих орудий имеют форму скребла, на концевых участках видны мелкие фасетки крутой ретуши. Оба изделия обработаны крутой и полукрутой ретушью.

Скребла угловатые (6 экз.). Изготовлены из кремня. У всех орудий хорошо сохранилась ударная площадка. Все угловатые скребла оформлены на треугольных отщепках. По размерам среди них можно выделить три категории: 1 – маленькие (1 экз.); 2 – средние (4 экз.); 3 – крупные (1 экз.). По типологическим признакам среди этих орудий можно выделить типичные угловатые скребла (4 экз.) и угловатые скребла типа удлиненных остроконечников со скошенной осью (2 экз.). Типичные угловатые скребла в основном оформлены распространенной ретушью (рис.60, 1). На рис.60, 1 представлено угловатое скребло, на спинке которого частично сохранилась естественная корка. Интересно отметить, что с ударной площадки этого орудия снимались несколько мелких сколов. Угловатые скребла второго типа (рис.64, 7) близки к остроконечникам, у которых основная ось слегка скошена и не совпадает с осью удара. В последнее время в археологической

литературе часто описываются такие орудия, которые включают в подгруппу угловатых остроконечников. Как угловатые скребла, так и угловатые остроконечники отличаются тем, что лезвия их скошены влево либо вправо. Для индустрии Азыха наиболее характерны угловатые скребла.

Скребло поперечное прямое. Изготовлено на отщепе кремнистого сланца и обработано чешуйчато-ступенчатой ретушью. Ударная площадка очень хорошо выражена (рис.60, 3).

Скребла поперечные выпуклые (2 экз.). Изготовлены на отщепах кремнистого сланца. Ударная площадка этих орудий очень хорошо выражена. У изделий на спинках частично сохранилась естественная корка. Все орудия ретушированы чешуйчато-ступенчатой ретушью (рис.64, 1).

Скребла с ретушью с брюшка (3 экз.). Изготовлены из кремня (2 экз.) и кремнистого сланца. У двух изделий хорошо сохранилась ударная площадка, а у третьего она сломалась, видимо, во время вторичной обработки. Скребла оформлены на отщепе (2 экз.) и на пластине. Все описанные орудия в основном обработаны субпараллельной, приостряющей и полукрутой ретушью.

Скребки типичные (2 экз.). Изготовлены из обсидиана и кремня. Ударная площадка хорошо сохранилась. Один из этих предметов изготовлен на отщепе, второй – на пластине. Эти орудия являются концевыми скребками, лезвия их обработаны тонкой скребковой ретушью.

Скребки атипичные (2 экз.). Изготовлены на отщепах кремнистого сланца и кремня. Интересно отметить, что концевая часть орудий приближается к проколкам. Последний признак позволяет отнести эти орудия к атипичным скребкам-проколкам.

Ножи со спинкой типичные (3 экз.). Изготовлены из кремнистого сланца (2 экз.) и кремня. Все изделия имеют обушок. Два изделия имеют искусственный обушок, а одно – натуральный (рис.60, 2 и 63, 1). Все отмеченные ножи обработаны тонкой приостряющей ретушью. Одно из этих орудий обращает на себя особое внимание: чтобы

получить острое лезвие, сначала крупным сколом была утончена рабочая часть, а потом на утонченном участке с помощью тонкой приостряющей ретуши подготовлено рабочее лезвие.

Таблица 5

Типы орудий	Количество
Остроконечники	7
Линисы	6
Скребла:	
простые прямые	48
простые выпуклые	32
простые вогнутые	16
с натуральным обушком	32
двойные прямые	16
двойные прямоугольные	4
двойные прямоугольные	2
двойные двояковыпуклые	3
двойные двояковогнутые	4
двойные выпукло-вогнутые	6
конвергентные	8
конвергентно-выпуклые	4
конвергентно-вогнутые	1
угловатые	20
поперечные прямые	11
поперечные выпуклые	8
поперечные вогнутые	2
с ретушью с брюшка	15
с крутой ретушью	2
со спинкой, утопленной подправкой	2
с двухсторонней ретушью	2
с противоположной ретушью	2
Скребки типичные	13
Скребки атипичные	9
Проколки типичные	2
Проколки атипичные	2
Ножи со спинкой типичные	1
Скребытки мустьерские	2
Выемчатые орудия	15
Зубчатые орудия	18
Односторонние грубые рубящие орудия чошеры	2
Двусторонние грубые рубящие орудия	5
Разные орудия	10
Двусторонне обработанные листовидные орудия – бифасы	3
Кливеры	3
Чоппер-скребло	2
Ручные рубила	8
Фрагментированные орудия	82
Итого	427

Зубчатые орудия. Изготовлены из кремнистого сланца (2 экз.) и кремня (1 экз.). У зубчатых орудий имеется естественная корка и искусственный обушок, рабочее лезвие обработано мелкой зубчатой ретушью.

Фрагментированные орудия (14 экз.). Изготовлены из кремнистого сланца (9 экз.) и из кремня. Среди фрагментированных орудий можно выделить две группы: 1 – намеренно фрагментированные (4 экз.) и 2 – ненамеренно фрагментированные орудия (10 экз.).

Одно из орудий первой группы является остроконечником, второе – скреблом. Некоторые фрагментированные предметы получены во время вторичной обработки. Представленное на рис.64, 7 орудие ретушировано полукрутой ретушью. Скребла, изображенные на рис.64, 2, ретушированы тонкой ретушью.

Галечные рубящие орудия (12 экз.). Представлены чопперами (6 экз.), чоппингами (6 экз.) и ручными рубилами (7 экз.). В более древнем VI слое эти орудия были обнаружены в большем количестве. Величина всех орудий составляет от 9,7 x 9 x 6,3 см до 13,5 x 7 x 5 см, т.е. не превышает размеров охвата руки человека.

У чопперов и чоппингов обработана лишь режущая часть, иногда (полностью или частично) одна плоская поверхность. Остальная часть сохраняет галечную корку.

Небольшое число обнаруженных в V слое ручных рубил, видимо, объясняется тем, что функционально они частично были заменены чопперами и чоппингами.

Чопперы (6 экз.). В коллекции V слоя чопперы, в отличие от найденных в VI слое, изготовлены в более классической форме. На этом типе орудия можно хорошо проследить эволюцию чопперов. У большинства чопперов V слоя оформлено поперечное рабочее лезвие. У некоторых изделий оформлено два рабочих лезвия – поперечное и продольное (рис.59, 1, 3). Чопперы имеют крутое рабочее лезвие, с заломами, что указывает на их частое использование в работе. Следует отметить, что чоппер покрыт густой патиной, как и чопперы из VI слоя. По технике изготовления он также напоминает изделие VI слоя.

Возможно, это орудие было подобрано и вторично использовано обитателями V слоя.

Чоппинги (6 экз.). Изготовлены из кремнистого сланца (4 экз.) базальта и обсидиана, по технике изготовления и типологии близки друг к другу (рис.59, 5). По размерам выделяются мелкие (2 экз.) и крупные (4 экз.) чоппинги. Для изготовления этих орудий древние обитатели слоя использовали небольшую речную гальку, оббивая один ее край с двух сторон. Некоторые чоппинги имеют поперечное рабочее лезвие, на котором отчетливо видны следы утилизации. Следует отметить, что среди чоппингов Азыха в V слое обнаружены наиболее мелкие экземпляры, что показывает высокий уровень мастерства среднеашельских обитателей стоянки в изготовлении этого типа каменных орудий.

Ручные рубила (7 экз.). Изготовлены из кремнистого сланца и очень тщательно обработаны (рис.62, 1, 2; 63, 1, 2). По типологическим признакам можно выделить следующие типы ручных рубил: 1 – сердцевидные (1 экз.), 2 – ланцетовидные (3 экз.) и 3 – миндалевидные (3 экз.). На рабочих лезвиях ручных рубил имеются следы интенсивной утилизации.

Ручные рубила по типам и приемам оформления очень близки к рубилам VI слоя. И в VI, и в V слоях преобладают формы, близкие к миндалевидным. Все рубила тщательно оббиты с обеих плоскостей. Лезвия имеют дополнительную обработку, верхние концы их утончены и им придана форма треугольника. Противоположный, нижний конец – толстый, полукрутой формы. Средняя часть орудия, как и у дисковидных нуклеусов, имеет двояковыпуклое сечение, обе лицевые плоскости рубил обработаны сколами, идущими от краев к центру. Режущие части, т.е. оба продольных края орудия, в профиль зигзагообразны. Нижний конец орудия частично (на одном углу) покрыт естественной коркой. Такая же особенность отмечена и на ручных рубилах VI слоя.

Оба продольных края рубил имеют зигзагообразную форму, но по сравнению с рубилами VI слоя лезвия их более тщательно обра-

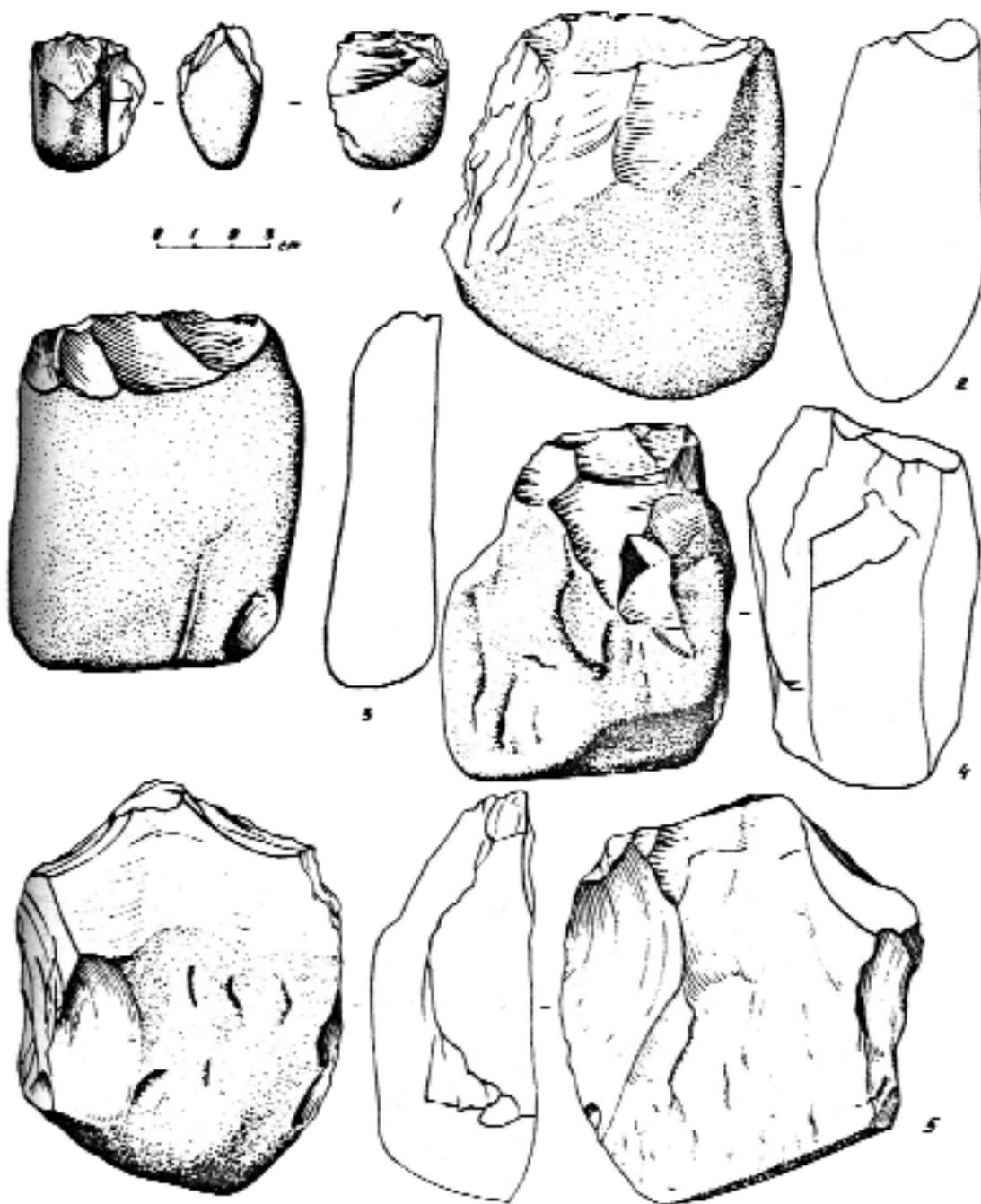

Рис. 59. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. V слой. 1 – 4 – чопперы; 5 – чоппинг

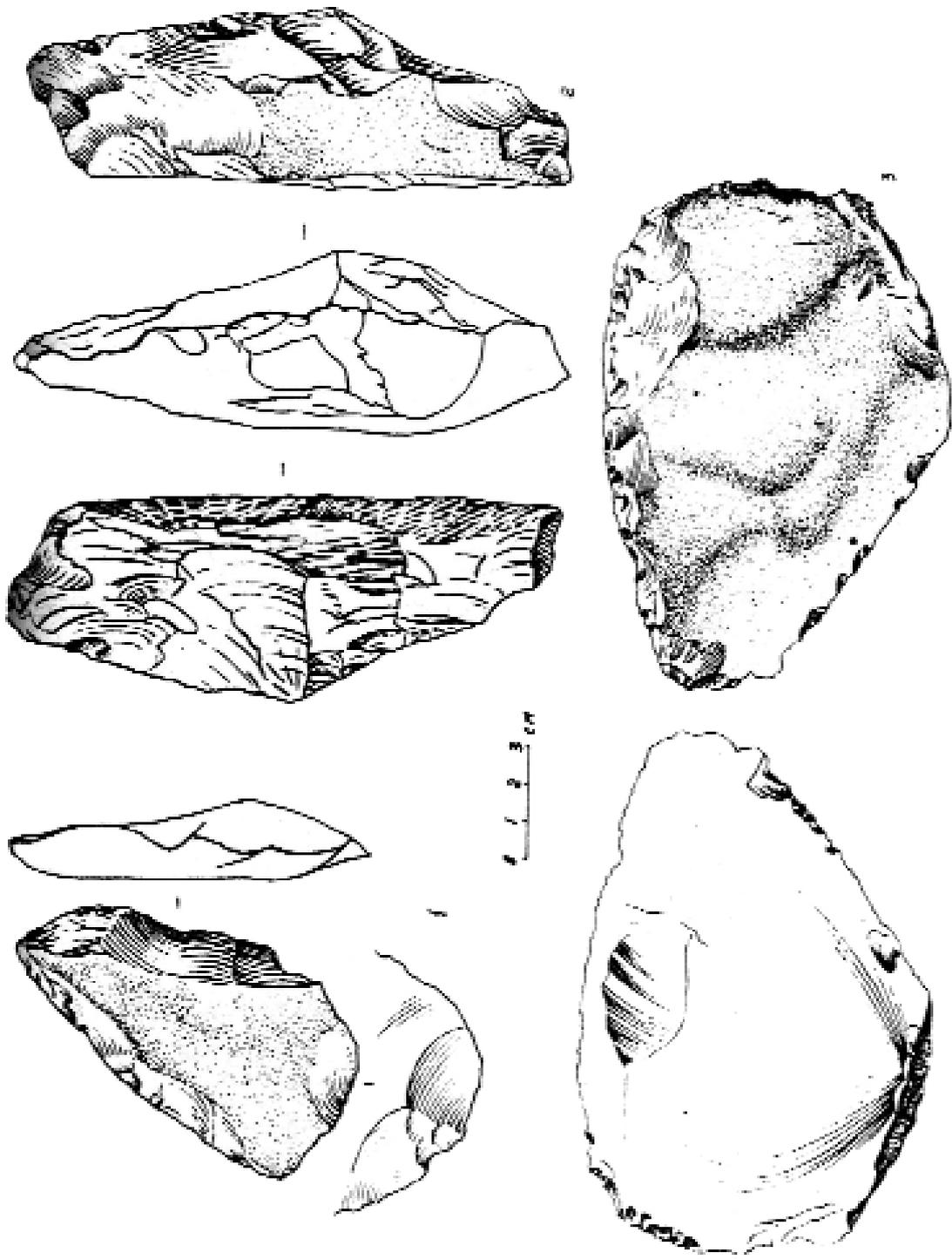

Рис. 60. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. В слой. 1 – угловатое скребло; 2 – бифасиальный нож; 3 – поперечное скребло – нож

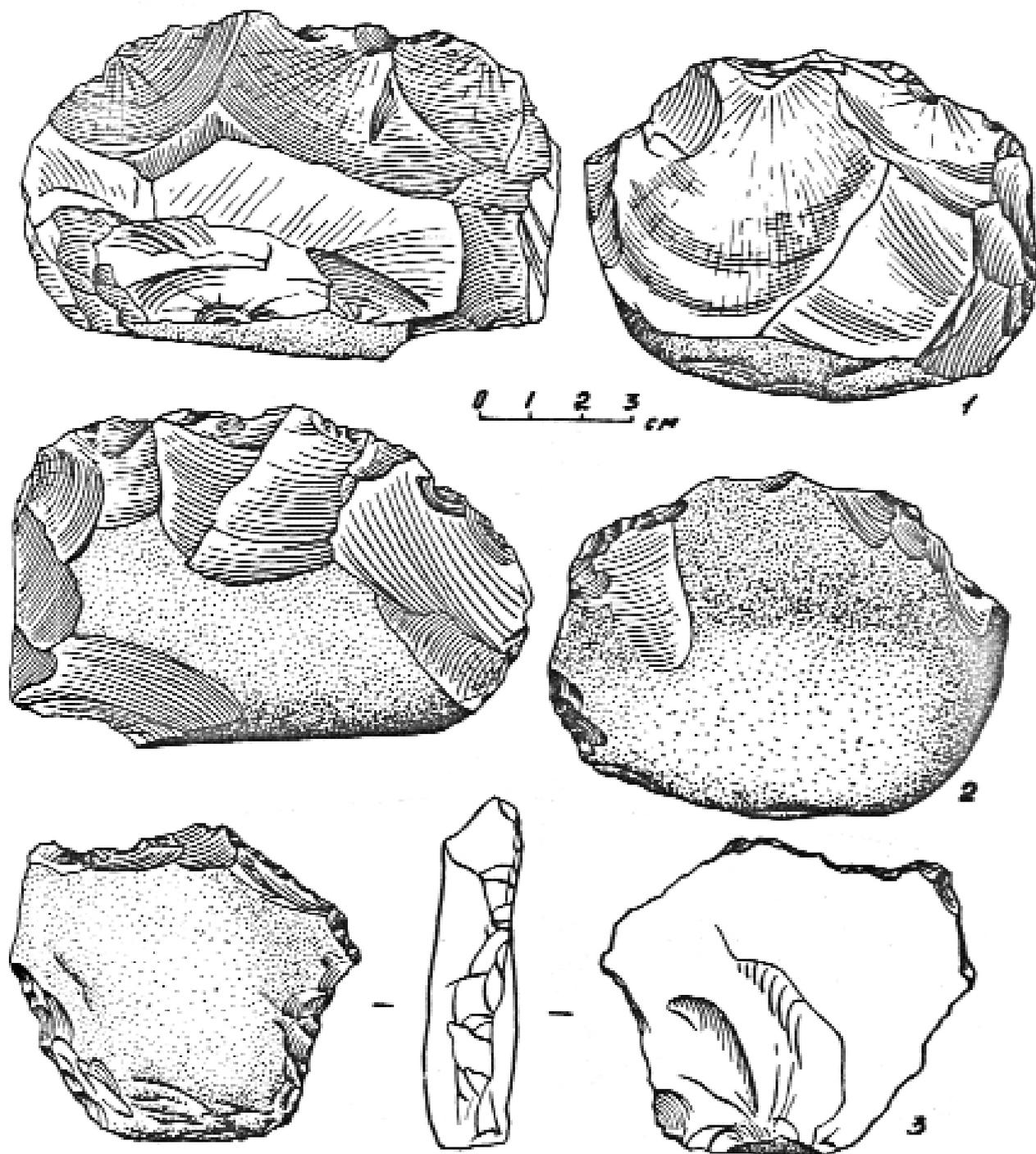

Рис. 61. Пещера Азых. Образцы каменных орудий.
V слой. 1, 2 – чоппинги; 3 – поперечное скребло

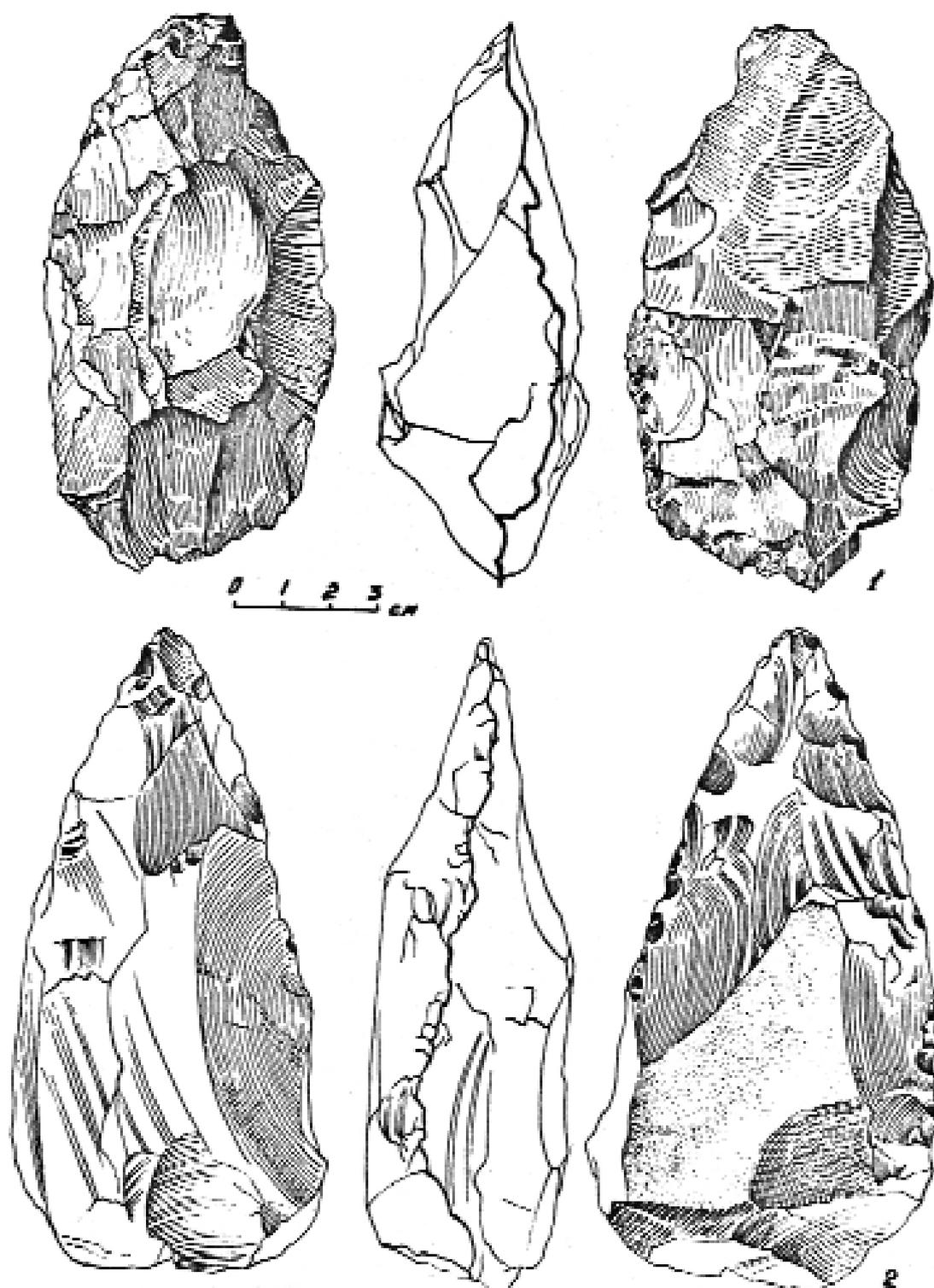

Рис. 62. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. V слой. 1 – удлинённо – овальное ручное рубило; 2 – миндалевидное ручное рубило

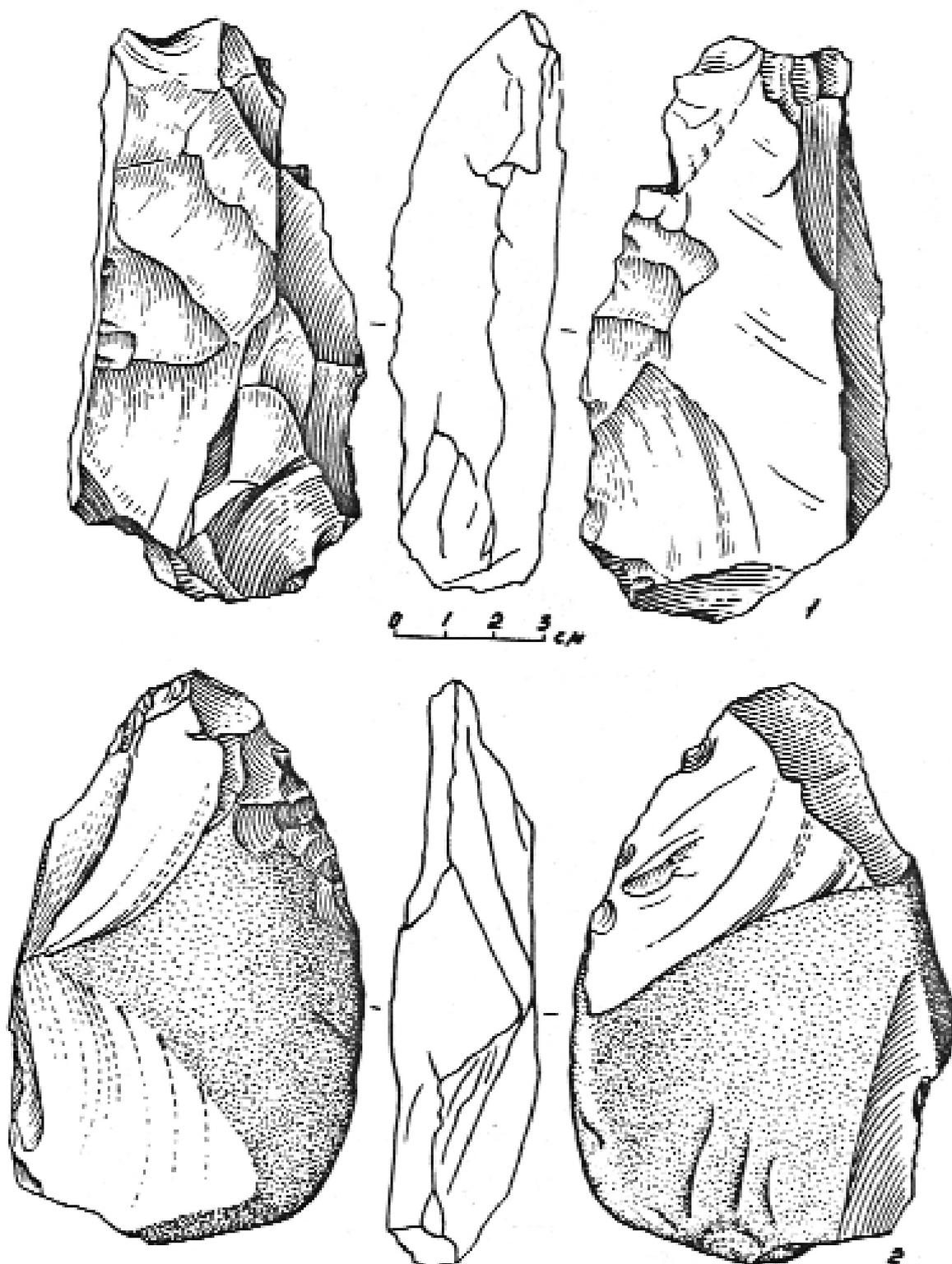

Рис. 63. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. V слой. 1 – бифасиальный нож с прямым обушком; 2 – неоконченное ручное рубило миндалевидной формы

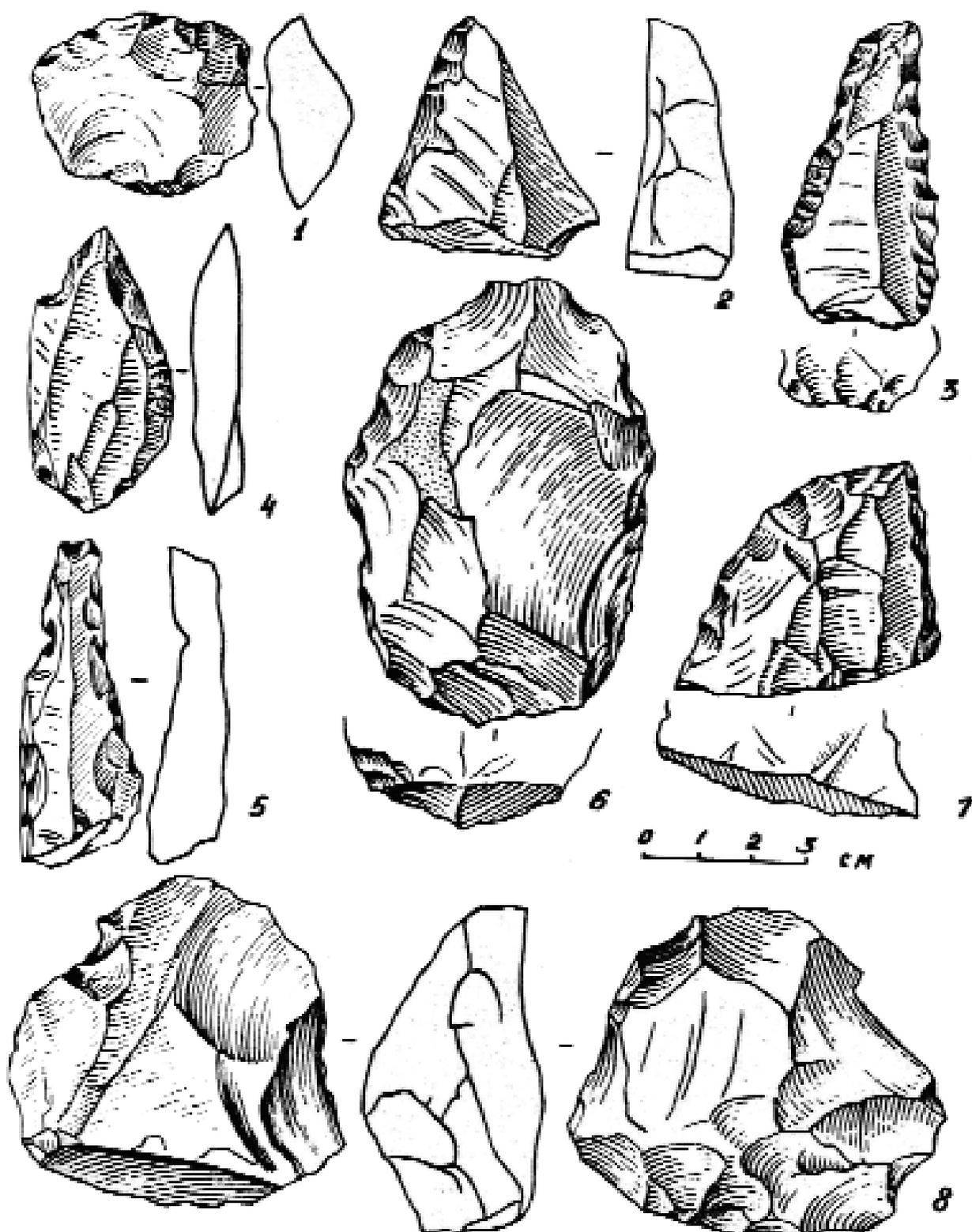

Рис. 64. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. V слой. 1 – поперечное скребло; 2 – фрагментированное орудие; 3 – двойное скребло; 4 – леваллуазский ретушированный остроконечник; 5 – двойное скребло; 6 – отщеп с ретушью; 7 – угловатое скребло; 8 – дисковидный двусторонний нуклеус

Основные технические показатели заготовок V слоя

Типы заготовок	Площадки						Всего
	Гладкие	Двугранные	Фасетированные прямые	Фасетированные выпуклые	Поврежденные и неопределимые	Удаленные вторичной обработкой	
Отщепы	31	3	7	4	19	10	74
Треугольные сколы	11	-	2	-	2	4	19
Пластины	7	5	-	-	5	3	20
Итого	40	8	9	4	26	17	113

Всего определяемых ударных площадок: 70

Таблица 7

Длина сколов V слоя (см)

2-3	3-4	4-5	5-6	6-7	7-8	8-9	9-10	10	Итого
5	14	26	22	17	11	6	5	7	113

Таблица 8

Ширина сколов V слоя (см)

1-1,5	1,5-2	2-2,5	2,5-3	3-3,5	3,5-4	4-4,5	4,5-5	5-5,5	6-7	Итого
2	8	9	20	16	15	16	6	15	6	113

Таблица 9

Толщина сколов V слоя (см)

0,1-0,5	0,5-1	1-1,5	1,5-2	2-2,5	2,5-3	3-3,5	3,5-4	4-4,5	Итого
3	25	43	19	12	7	3	1	-	113

ботаны и в плане приближаются к прямым.

Размеры орудий колеблются от 11,5 x 4 x 4 см до 16 x 5 x 5 см.

Среди каменных изделий V слоя выявлено долотовидное орудие, изготовленное на крупной пластине кремнистого известняка. Орудие имеет острое поперечное рабочее лезвие (рис.60, 2). Оно тщательно обработано.

В V слое найдены отщепы с ретушью (5 экз.), изготовленные из кремнистого сланца (3 экз.) и кремня. Тип ретуши трудно определить.

В составе каменных изделий V слоя выделены также крупные отщепы без ретуши, изготовленные из кремня (23 экз.) и кремнистого сланца (33 экз.)

Таблица 10 показывает, что основными орудиями в слое были скребла (простые прямые и угловатые), чопперы, чоппинги, ручные рубила. Каменные орудия этого слоя составляют достаточно высокий процент среди встреченных в слое артефактов (248). Превышающий процент орудий (22,6%) встречен в VI слое. Типологический состав индустрий V и VI слоев, как показывает сопоставление типологических списков, сильно различается: в V слое он значительно обеднен, что позволяет заключить, что производственно-экономический характер поселений и слоев был различен – в первом случае это была стоянка-мастерская, а во втором – охотничий лагерь.

Палеоантропологическая находка из среднеашельского V слоя пещеры Азых – "азыхантроп"

В 1968 году (23 июня) в среднеашельском слое V на глубине 7,3 м от условной нулевой линии был найден обломок нижней челюсти ископаемого гоминида, получившего условное название "азыхантроп" (Гаджиев, Гусейнов, 1970).

Находка ископаемого человека из Азыха представлена фрагментом правой ветви нижней челюсти, на которой сохранились задняя часть тела и нижняя половина восходящей ветви (рис.65). Из зубов полностью сохранился третий моляр, второй моляр обломан на уровне шейки зуба, а от третьего моляра имеется дистальный корень и раздвоенная ячейка медиального корня.

По мнению Д.В.Гаджиева, детали морфологического строения сохранившейся части нижней челюсти и зубов азыхантропа показывают сложную картину сочетания примитивных и прогрессивных признаков.

Из морфологических признаков челюсти азыхантропа важной считается его массивность, выражающаяся в сравнительно большой толщине тела (промер на уровне между М2-М3 имеет 19,5 мм). По этому признаку челюсть азыхантропа крупнее челюстей палеоантропов (неандертальцев) и находится в пределах вариации этого признака у архантропов (питекантропов), а точнее занимает промежуточное положение между челюстями гейдельбергского (мауэровского) человека и синантропа.

Мелкозубость (длина трех коренных зубов составляет 35 мм) и прогрессивные признаки в строении зубов показывают, что азыхская челюсть из числа архантропов ближе всего стоит к европейским питекантропам.

Таким образом, по морфологическим признакам азыхантроп относится к группе гоминид, выделяемых в Европе под названием пренеандертальцев (в стадии антропогенеза они занимают промежуточное положение между питекантропами и неандертальцами).

Важен вопрос о геологическом возрасте азыхантропа и стратиграфическом положении

его среди близких к нему находок ископаемых гоминид на территории Европы.

Судя по возрасту этой находки, археологически датируемой средним ашелем, палеонтологически – началом среднего плейстоцена (нижний хазар, миндель-рисс), челюсть из Азыха является остатком самого древнего гоминида, известного в настоящее время на постсоветском пространстве. Этот человек жил в первой половине среднеашельской эпохи, приблизительно 350 – 400 тыс. лет назад.

В Европе к группе пренеандертальцев (часто их называют европейскими питекантропами) относят ряд находок из местонахождений, датируемых от гюнц-минделя до рисса. Нижние челюсти пренеандертальцев найдены в Гейдельберге (ФРГ), на стоянках Араго и Монморен (Франция). К ним можно прибавить так называемых ранних палеоантропов из Штейнхейма (ФРГ) и Сванскомба (Англия).

Геологически самой древней считается гейдельбергская челюсть, датируемая минделем (Иванова, 1972). Остатки пренеандертальца из Монморена также датируются минделем (Lumley H., Lumley M.A., 1971). Находки ранних палеоантропов из Штейнхейма и Сванскомба большинством исследователей отнесены к миндель-риссу (Иванова, 1972).

Наиболее близкими к ископаемому человеку из Азыха из вышеуказанных гоминид считаются пренеандертальцы стоянки Араго, открытой А.Люмлеем в 1964 году близ деревни Тотавель в департаменте Восточные Пиренеи (Lumley H., Lumley M.A., 1971). В слоях с древнетейякской культурой наряду с многочисленными изолированными зубами были обнаружены две нижние челюсти (Араго II и Араго XII) и череп (Араго XXI) с хорошо сохранившейся лицевой частью и лобными костями, относимые А.М.-А.Люмлей к группе пренеандертальцев. А.Люмлей датирует палеолитическую стоянку Араго и находки в ней началом рисского периода (Lumley et al., 1976). Следовательно, пренеандертальцы из стоянки Араго геологически моложе пренеандертальца из Азыха.

Таким образом, на основании определе-

ния челюсти из Азыха можно утверждать, что носители ашельской культуры в Азербайджане по физическому типу более близки к пренеандертальцам из Западной Европы, главным образом из Франции.

Остатки очагов и следы каменной вымостки среднеашельского периода Азыха

Важнейшим элементом культуры, сыгравшим огромную роль в развитии первобытного человека и его материальной культуры, был огонь. В период раскопок 1972 – 1973 годов в "приемном зале", на различных глубинах разрезов VI и V слоя было обнаружено несколько очагов (рис.66, 68, 69, 72, 73, 74) (Гусейнов, 1974а).

В этом же зале, в основании V слоя, у южной скальной стены было выявлено место древнеашельского родника в виде естественного выступа с углублением, в котором собиралась вода. Глубина родникового резервуара не более 15 см, диаметр 25 – 30 см. Трудность заключалась в том, что невозможно было установить характер углубления: естественное оно или искусственное.

Отметим, что еще до обнаружения очагов в культурных слоях стоянки были найдены в большом количестве обожженные и обугленные кости животных и крупинки древесного угля. Находки указывали на то, что ашельские охотники Азыхской пещеры были знакомы с огнем и использовали его при изготовлении пищи и в других целях. Но остатков самих очагов еще не было обнаружено. Поэтому мы, как и другие исследователи, предполагали, что ашельские обитатели стоянки устраивали свои очаги у входа в пещеру. Но поскольку культурные отложения у входа не сохранились, мы предполагали, что и древние очаги также не сохранились. Поэтому вопрос об установлении местонахождения очагов долгое время оставался открытым, пока не были обнаружены остатки очагов внутри привходного коридора.

В течение двух лет внутри пещеры в ашельских слоях было обнаружено общим числом пять очагов, которые располагались в VI, V и в основании III слоя. Наиболее древний очаг обнаружен в 1973 г. в древнеашель-

ском слое, на глубине 8,3 м от нулевой линии, в квадрате Д-26. Площадь очага 20x30 см, а мощность 5 – 7 см. Внутри очага сохранились незначительные остатки угля, смешанные с глиной. Костные остатки отсутствовали. Можно предположить, что в древности очаг занимал большую площадь, а позднее очажная зона перемешалась с глиной.

Второй очаг обнаружен в четвертом горизонте VI слоя, на глубине 7,37 м от нулевой линии. Очаг расположен над южной скальной стеной в квадрате ДЕ-26. Площадь очага 45 x 50 см. Очаг был углублен в землю приблизительно на 10 см. Внутри хорошо сохранились мелкие крупинки древесного угля черного цвета, перемешанного с глиной. Мощность очага 8 – 9 см.

Третий, самый крупный очаг расположен в верхней части второго горизонта V слоя, непосредственно под первым горизонтом. Он охватывает площадь около 10 м². Очаг в плане имеет форму латинской буквы "L". Длина его на глубине 5,27 – 5,44 м составляет 5 м, начиная с квадрата ЖЗ-31 включительно. Ширина местами достигает 1 – 3 м. Очаг начинается почти с середины квадрата 3-26-27. Таким образом, часть очага охватывает по всей ширине квадрат ЖЗ-32. Зона очага делится на два прослоя, состоящих (сверху вниз) из древесного угля в виде порошка (сырого) черного цвета, перемешанного иногда с глиной или пеплом (толщиной 6 – 9 см), и древесного пепла без примеси угля, толщиной местами до 13 – 17 см. Толщина самого очажного слоя достигает 26 см. Самые мощные части пепла находятся в квадратах Ж-28-31, по-видимому, являвшихся в древности центром очага, или же пепел специально выгребался на одну сторону вдоль очага в виде "вала". Вдоль вышеуказанных квадратов (Ж-28 – Ж-31) пепел лежит в виде выпуклого валика, тогда как черный угольный слой везде лежит равномерно. Нами было взято 5 кг чистого пепла с участка диаметром 30 см. При такой толщине слоя пепла по всей площади вес пепла с одного квадрата составит около 17 кг, а с квадратов Ж-28-Ж-31 – около 80 кг. С другого квадрата, также с участка диаметром

Таблица 10
Типологический состав орудий V слоя

Типы орудий	Количество
Остроконечники мустьерского облика	2
Скребла	
простые прямые	5
простые выпуклые	3
двойные прямые	2
двойные прямоугольные	1
двойные двояковогнутые	2
угловатые	6
поперечные прямые	1
поперечные выпуклые	2
с ретушью с бршилка	3
типичные	2
атипичные	2
Пожы со спинкой типичные	3
Зубчатые орудия	3
Фрагментированные орудия	14
Чопперы	6
Чопшиги	6
Ручные рубила	5
Долотообразные орудия	1
Итого	69

30 см, было взято 2 кг черного угля в виде порошка. Следовательно, вес угля, находящегося на площади 10 м², приблизительно составит 150 кг. Эти предварительные расчеты дают нам право предположить, что за время своего существования данный очаг потреблял до 100 м³ различных пород дерева.

Обнаруженные очаги находятся в глубине пещеры, на расстоянии 25 – 30 м от капельной линии, куда слабо проникает дневной свет. Особенно плохо освещается восточная часть "приемного зала" в том месте коридора, где он расширяется и приобретает форму круга. Южная, темная часть коридора, расширяясь, под скалой имеет вид "тайника" – глубокой расщелины в скальной стене. Надо отметить, что в начале своего возникновения данный очаг состоял из отдельных кострищ различной величины, которые со временем образовали одно большое кострище.

В каждом квадрате при тщательной проверке, с большими трудностями были определены несколько (2 – 3) круговидных кострищ,

диаметром от 25 до 33 см каждое. Здесь для каждого кострища были сделаны небольшие углубления.

Грунт найденного очага сильно спрессован, что стало помехой для выявления искусственного характера этих углублений. Бросается в глаза то, что отдельные круговидные кострища неодновременны друг другу. Это свидетельствует о том, что азыхантроп менял места костров в пределах выбранного участка. Весь комплекс был сконцентрирован на одном участке и расположен именно в плохо освещенной части пещеры.

Древесный уголь, заполняющий очаг, под давлением перекрывающей четырехметровой толщи (I – IV слои), а также под влиянием проникающей сюда воды из боковой скальной стены превратился в чистый угольный порошок. Над пепельным горизонтом в квадрате E-28 были обнаружены череп с верхней челюстью и нижняя челюсть пещерного медведя, а также несколько фрагментов костей других животных. Интересно, что эти костные остатки имели красноватый оттенок – по-видимому, от воздействия огня.

Четвертый очаг был обнаружен, как и третий, под первым горизонтом V слоя, но в противоположной стороне от третьего очага, вблизи северной стены. Здесь же обнаружен фундамент древнего жилища в виде "дашгура" (временное жилье на летних пастбищах). Именно в северо-восточной части вымостки внутри жилища и расположен указанный очаг, углубленный древним человеком на 15 см. Площадь очага 40 x 20 см. В плане он имеет овально-вытянутую форму. По бокам углубления очаг обложен сверху известняковыми плитками небольших размеров, уложенными в один ряд. Видимо, они служили укреплением стен очага (рис. 72 – 74). Внутри очага обнаружен только древесный уголь и едва заметные следы древесного пепла, перемешанного с глиной. Вокруг четвертого очага обнаружены сильно обожженные кости (ребра, позвонки и трубчатые фрагменты).

Наличие небольшого количества угля внутри очага показывает, что он поддерживался огнем наружного очага. Можно предпо-

ложить, что очаг, находившийся в жилище, питался огнем третьего очага, служившего своего рода "мангалом" (жаровней). Мангалы, возможно, и возникли при перенесении огня и углей из одного очага в другой. Естественные мангалы использовались древнейшим человеком при переходе на новые стоянки.

Пятый очаг обнаружен под третьим горизонтом мустьерского слоя, на глубине 3,8 м от нулевой линии, непосредственно над стерильным IV слоем. Он расположен в пределах квадрата 3-26. Площадь его составляет 50 x 55 см. Данный очаг представляет большой интерес своими конструктивными особенностями. Очаг чуть углублен, дно его обложено мелкими плоскими известняковыми плитами. Внешняя сторона также выполнена камнями. В очаге найдена очажная зола из древесного угля и пепла.

Из вышеуказанного видно, что очаги, независимо от стратиграфических отличий, были расположены именно в глубине привходного коридора, в "приемном зале". Но почему азыхантропы разводили костры не у входа, а в глубине пещеры? Нам кажется, что этот участок пещеры был более приемлем для жилья: здесь хорошая вентиляция благодаря выходам с обеих сторон, и это наиболее широкая часть привходного коридора.

Еще в 1971 году в среднеашельском слое на уровне второго очага был найден "тайник", где, видимо, преднамеренно были оставлены черепа пещерных медведей, о которых будет сказано ниже.

Таким образом, выбор специального места для очагов, "тайник", находившийся вблизи очага, наличие родниковой воды наводят на мысль, что эти очаги играли важную роль в жизни ашельских обитателей стоянки. Кроме того, "приемный зал", видимо, служил азыхантропам не только жилищем, но и ритуальным священным местом. Нельзя забывать и то, что человек еще в далеком прошлом познал жизненное значение огня, превратив его в объект культа, поклоняясь ему, а на очаг смотрел как на место поклонения, придавая ему культовое значение.

Известно, что очаги появляются не на са-

мом начальном этапе палеолита. В олдувайскую эпоху следов использования огня пока не обнаружено, хотя и предполагается наличие огня в Олдувайской стоянке.

В древнейших палеолитических стоянках, особенно древнеашельских, следы очагов встречаются довольно редко. Лучше всех изучена ашельская стоянка Латамна в Сирии, которая дала богатый каменный инвентарь, фауну и даже остатки каменных кругов из разных каменных блоков. Однако остатков очага в таком прекрасном поселении не обнаружено. Из европейских ашельских поселений в Торральбо и Амбрене (Испания) зафиксированы лишь обгоревшие части отдельных костей и древесные угли. Беспорные остатки очагов впервые в мировой археологии зафиксированы на стоянке синантропа в пещере Чжоукоудянь (Китай) (Chardin, 1931). Остатки очагов были раскопаны на стоянке Вертешселеш (Венгрия), датированной минделем (Kretzoi, Vertes, 68, Громов, 1967, с.150 – 155). На этой стоянке мелкие очаги были расположены вблизи друг от друга. Здесь также удалось выявить многочисленные обгоревшие кости, расположенные в углублении типа гнезда. Это самая древняя стоянка Венгрии, где обнаружены остатки фауны миндельского возраста, галечная культура и остатки питекантропа (затылочная часть черепа и три молочных зуба).

Большой интерес представляет древнеашельская стоянка Терра-Амата недалеко от Ниццы, на юге Франции, где обнаружены наиболее древние из известных в мире остатков жилищ и очагов (Lumley H. et al., 1976). Отмечается, что обычно очаги были расположены в хижине (шалаше), где доисторический человек зажигал их, преимущественно на плитках из валунов, которые находились в углублении в песке (от 30 до 50 см в диаметре). Чтобы защитить очаг от ветров, особенно от северо-восточных, которые господствуют в районе стоянки, древние люди поднимали маленькую стенку, обносили ее камнем или валунами, которые были расположены к северо-востоку от очага.

Очаги, которые были расположены в передней части жилищ, безусловно были, намного более важными, они потребляли большое количество угля и давали меньше пепла. Очаги же, зажигавшиеся в маленьких углублениях, от 30 до 50 см в диаметре, выкапывались в песчаных наносах дюн и напоминают очаги, описанные Ласло Вертешем на стоянке Вертешселлеш.

Большой интерес представляют и раскопки грота Лазаре во Франции, где были выявлены остатки жилищ и очаги, оставленные ашельцами в конце рисского оледенения (Lamley et al., 1976, p.11 – 12). В результате исследований грота обнаружено два жилых участка, расположенных вблизи скальной стенки, в которых или вблизи от них были найдены фрагменты древесного угля, дерева, золы, притом в очень большом количестве. Из найденных очагов ни один не был устроен так, как в миндельских жилищах стоянки Терра-Амата. Два костра зажигали прямо на полу хижины, в маленьких впадинах в глине, возможно, естественных, слегка углубленных. Далее указывается, что, видимо, эти костры питались углем, предварительно полученным на большом костре, находившемся вне жилища. Небольшое количество древесного угля и золы в очагах, а также отсутствие обжига стенок этих углублений подтверждает такое предположение. На основании обожженных костей и древесного угля исследователи Лазаре сделали вывод о возможности существования больших костров, располагавшихся снаружи жилища. Те кости, которые находились рядом с очагом, были в огне кратковременно, потому что степень их обжига соответствовала температуре ниже 600°C. Кроме того, древние люди, обитавшие в Лазаре, отдавали предпочтение смолистым, долго горящим, дающим много тепла породам деревьев (дуб, самшит). Указанные два очага, должно быть, служили не для приготовления пищи, а для отопления. Удаление дыма из хижины могло успешно осуществляться через отверстия, находившиеся над очагом и устроенные в крыше.

Таким образом, очаги в ашельских памятниках на нашей планете, кроме стоянки синан-

тропов, зафиксированы пока на четырех стоянках – Терра-Амата, Лазаре, Араго и Вертешселлеш. Что касается постсоветского пространства, то в пещере Цона очагов нет ни в ашельском, ни в мустьерском слое. Таким образом, в нашей стране очажные слои в ашеле впервые обнаружены в Азыхской пещере.

Как видно из вышеприведенных сравнительных данных, трудно дать заключение о времени появления искусственных приемов добывания огня. Правда, предполагается, что синантропы не только знали, но, вероятно, даже умели добывать огонь, поскольку большинство исследователей признает широкое использование синантропами огня. Существует мнение, что даже австралопитеки знали огонь, т.к. Дарт вместе с остатками австралопитека в Южной Африке обнаружил следы огня, хотя и не был уверен, что это были следы настоящих очагов. Такие же следы были обнаружены нами в нижних слоях Азыха, относимых к олдувайскому периоду (куручайская культура). Но и они не дали возможности говорить о намеренном использовании огня в тот период, несмотря на то, что в этих слоях были встречены древесные угли (Гусейнов, 1980, с.71).

Обнаруженные нами остатки очагов ашельского времени Азыхской стоянки, несомненно, были связаны с развитием охотничьего хозяйства. Очаг – показатель стабильного использования огня, значение которого в истории древнейших людей трудно переоценить. Следует еще раз подчеркнуть, что все вскрытые очаги Азыха различных стратиграфических уровней располагались в пределах одного участка, вдали от входа в пещеру. Можно выдвинуть предварительное предположение, что у входа, перед террасой, было традиционное место обработки каменного инвентаря, а в глубине коридора, где располагались очаги, – место для жилья. Появление очагов в раннеашельском слое Азыха заставляет нас предположить, что человек был знаком с огнем еще в период существования куручайской галечной культуры.

Каменные кладки. В V слое Азыхской

пещеры, на том же участке, где вскрыты очаги, были выявлены остатки каменной кладки и кольцообразное ограждение из оленьих рогов (Гусейнов, 1974б, с.112).

Третий и четвертый очаги среднеашельского времени находятся, как указывалось, в противоположных частях, у скальных стенок коридора. Третий очаг расположен вдоль южной стены, и на этом уровне прослежены остатки однорядной кладки известняковых плит, протянувшейся между четвертым и третьим очагами. Крайняя линия (вал из пепла) третьего очага на одном участке упирается прямо в кладку, видимо, предназначенную для защиты очажного жара. Эта каменная кладка, проходя мимо четвертого очага, опоясывает третий очаг. Такое соотношение очагов и кладки наталкивает на мысль об искусственном характере этого комплекса сооружений: кладка могла служить своего рода тротуаром для сообщения между участками двух очагов, а возможно и фундаментом какого-то временного защитного сооружения типа загородки, перегородившей пещеру и защищавшей огонь от сквозняка.

Высота каменной кладки на одном участке составляет 20 – 30 см. Размеры известняковых плит – 35х40 и 20х30 см, толщина от 5 до 10 см. Сам круг на такой высоте не сохранился, но осталась самая нижняя часть кладки, по которой можно установить первоначальную форму круга. Длина кладки определена в 4 м.

Следует отметить, что комплекс жилья с очагом в нашей стране фиксируется впервые, подобные конструкции обнаружены в древнепалеолитических стоянках вне пределов постсоветского пространства. Наиболее полной аналогией сооружению, обнаруженному в V слое Азыха, служит искусственное сооружение, представленное овальной каменной кладкой, выявленное на стоянке *Homo habilis* в Олдувайском местонахождении, возраст которого по калий-аргоновому методу датируется около 1,75 млн лет назад. На стоянке ДК-1 обнаружено овальное кольцообразное сооружение из глыб и обломков лавы, диаметром 4,6 х 4 м, высота ограждения достигала 22 см (что сходно с кладкой Азыха).

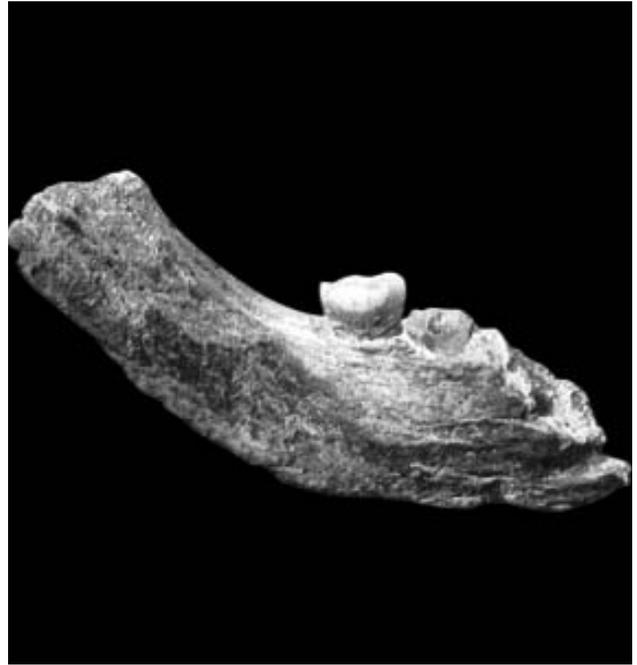

Рис. 65. Пещера Азых. V слой.
Фрагмент челюсти азыхантропа

Такое сооружение в Олдувае предположительно интерпретируется М.Лики как основание мелкого жилища, типа ветрового заслона, либо фундамента для ветвей, образующих крышу жилища (Кларк, 1977, с.61). Не исключено, что и Азыхская кладка из известняковых плит имела такое же назначение. Ни в одном другом памятнике Олдувайского ущелья, ни в других местонахождениях олдувайского типа не найдено следов кострищ, угольков, обожженных костей и камней. Остатки огня или очагов выявляются в основном на стоянках конца древнеашельской эпохи. Остатки жилища, как указывалось, обнаружены на среднеашельской стоянке Латамна в Сирии (Clark, 1967, p.10 – 11). Здесь выявлены разнообразные каменные изделия, фауна и многочисленные каменные блоки, расположенные полукругом (Clark, 1969, p.19 – 20). Однако в Латамне не обнаружено остатков очагов.

Одним из сенсационных археологических открытий является находка на древнеашельской стоянке Терра-Амата на юге Франции остатков хижины (лачуги, шалаша), наиболее древней из известных в мире (Lumley et al., 1976, p.40 – 42). Стоянка Терра-Амата

расположена у западных склонов г. Барон, в 300 м от торгового порта г. Ниццы, на углу бульвара Карно и тупика Терра-Амата. Именно на этом участке, на известняковом скальном основании, вскрыты антропогеновые отложения десятиметровой мощности. Обитатели стоянки выбрали для поселения место в устье долины Пеллон, омываемой морем. Местность была чрезвычайно удобной для жизни и, несомненно, привлекала ашельских охотников. Эти охотники оставили здесь каменные орудия, кухонные отходы и, главное, остатки жилища. Последние построены из каменных блоков, укрепленных в почве, которые устанавливали контуры жилого пространства. Ашельские хижины Терра-Амата имеют овальную в плане форму, длиной от 7 до 15 м, шириной от 4 до 6 м. Одно такое жилое помещение окружено линией крупных блоков (до 33 см в диаметре), иногда дополняемых толстыми пластинами органических веществ и пепла. Пол хижины был местами выложен щебнем и галькой, а также, возможно, покрыт шкурами животных, о чем свидетельствуют скопления органики.

Находки жилищ ашельских охотников во Франции не ограничиваются стоянкой Терра-Амата, они выявлены также на другой ашельской стоянке – в гроте Лазаре на юге Франции. У входа в грот, в пятом слое, в 1967 году выявлены остатки хижины, построенной ашельцами в конце рисского оледенения (Lumley et al., 1976a, p.2 – 27). Площадь жилого пространства составляет 11 x 3,5 м. Жилое пространство околонуено оградой из камней (размером 5 – 30 см), внутри которой наблюдалась зона наибольшей концентрации хозяйственных отходов и орудий производства. Снаружи ограды в отложениях стоянки практически не обнаружено палеолитических остатков. Глыбы, ограничивающие территорию жилья, были, без сомнения, положены намеренно, в определенном порядке, т.к. они имеют одинаковые размеры и уложены ровной линией. Это доказывает, что они были подобраны, принесены и уложены с определенной целью. Здесь выявлены семь кругов камней, расположенных точно по границам

жилого пространства, на расстоянии от столба или пола для подпорки или поддержания блоков. Каменный пояс, окружавший жилое пространство, довольно аккуратно выложен по большей части окружности, но вблизи входа, на юге, имеет вид беспорядочного нагромождения камней. Однако, если сопоставить камни (ширина которых до 20 см), то достигаемая прямая, образующая почти прямой угол с большой стороной жилища, представляет собой основание небольшой каменной защитной стены, высотой не более 50 см, поставленной перпендикулярно к входу в пещеру и, вероятно, служившей для защиты от непогоды и холодных ветров. Здесь имеются два проема для дверей, оба ориентированы к входу в пещеру и вглубь ее. Ашельский охотник таким образом старался защитить свое жилище от ветров, дующих прямо с моря, куда обращен вход в пещеру.

Исследователи грота Лазаре подчеркивали, что покрытие жилища могло состоять только из шкур, которые дают наибольшую непроницаемость для холода, ветра, сырости и особенно воды с потолка; они должны были также защищать от обвала камней с потолка. Древние охотники из Лазаре умели обрабатывать шкуры, использовали их для устройства постелей. Каменный пояс, окружающий жилище, служил для фиксации края крыши из шкур. На северном, наиболее защищенном участке жилища эти каменные кладки становятся более редкими и вовсе исчезают.

Таким образом, археологические данные показывают, что уже с начала ашельского периода появляются искусственные жилища из каменных блоков и искусственные очаги двух типов (кострища и очаги для обогрева углем). Последние располагались не только в естественных гнездовидных углублениях на известняковом полу – наоборот, чаще для очагов подготавливались специальные углубления и обкладки. Кроме того, данные раскопок наглядно показывают, что искусственные жилища ашельского периода всегда обеспечивались для отопления мелкими очагами-

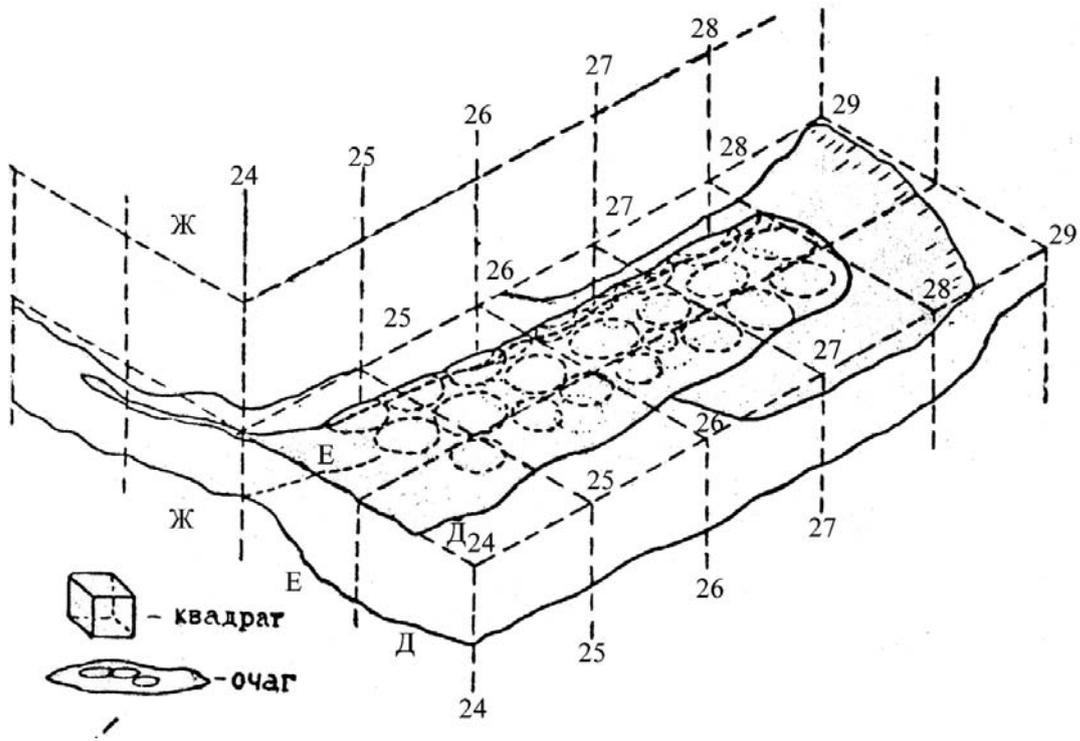

Рис. 66. Пещера Азых. V слой. Общий план очага

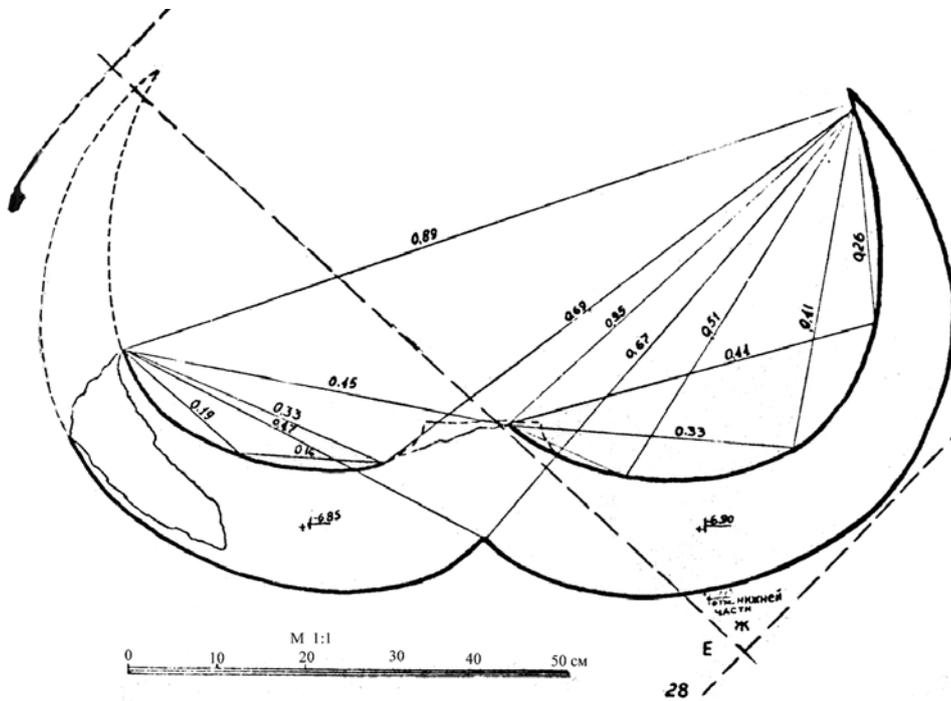

Рис. 67. Пещера Азых. V слой. Рога зубра

Рис. 68. Пещера Азых. V слой.
Общий вид маленького очага

Рис. 69. Пещера Азых. Разрез отложений

Рис. 70. Пещера Азых. V слой.
Палеонтологические находки

Рис. 71. Пещера Азых. V слой.
Палеонтологические находки

жаровнями, которые находились внутри жилищ. Также интересен факт, что ашельские обитатели стоянок имели и крупный очаг, который сплачивал вокруг себя всех членов "коллектива". При помощи этих очагов первобытные охотники готовили пищу, изготавливали деревянные копья, готовили снаряжение для охоты (возможно, факелы).

В качестве основной параллели с Азыхской пещерой первым делом следует упомянуть древнейшие по времени появления искусственные жилища совместно с очагами на стоянке Терра-Амата (древний ашель) и позднеашельской стоянке Лазаре во Франции. Искусственные сооружения и очаги V слоя Азыха хронологически (средний ашель – миндель-рисс) занимают промежуточное положение между ними.

О духовной жизни ашельских охотников пещеры Азых

Одной из главнейших задач изучения любого ашельского памятника является исследование объектов, позволяющих судить

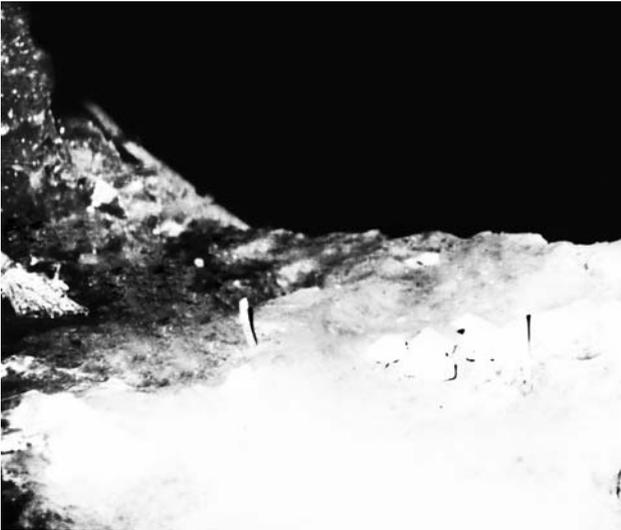

Рис. 72. Пещера Азых. V слой.
Общий вид очагов

о духовной жизни наших древних предков. Для этого необходимо прежде всего собрать доказательства возможности существования каких-то абстрактных представлений у столь отличного от современного человека существа, как пренеандерталец (азыхантроп).

Среднеашельский слой пещеры Азых представил некоторые факты, позволяющие судить не только о производственно-хозяйственной деятельности азыхантропа, но и о духовной жизни, связанной с охотничьей деятельностью.

Охота и разностороннее хозяйство, несо-

Рис. 73. Пещера Азых. V слой. Общий вид очагов

менно, требовали сплочения людей и, возможно, даже отдельных групп охотников. Именно такая сплоченность могла создать взаимопонимание между охотниками, укрепляла коллективность и т.п., как раз это и воздействовало на их мировоззрение, на духовную сторону жизни. Все вещественные остатки, найденные в Азыхе, являются плодом человеческого труда, результатом совместных творческих усилий древнейших обитателей стоянки.

Ашельские охотники Азыха в основном охотились на пещерного медведя и оленей (благородного и гигантского). Охота на пещерных медведей обеспечивала древних людей мясом, жиром, шкурой, костями (которые служили и для изготовления орудий, и как топливо и для добывания костного мозга). Причем азыхантропы знали их хозяйственно-экономическое значение. Они очищали черепа медведей от кожи и мяса, но иногда намеренно сохраняли черепа прямо там, где жили. Об использовании черепов оленей вместе с рогами в качестве какой-то конструкции мы уже писали выше. Нельзя считать случайным и своего рода "тайник" в среднеашельском слое пещеры, где были сконцентрированы три медвежьих черепа и обломки верхних челюстей, намеренно отчлененных от черепных коробок, всего четырех особей пещерного и бурого медведей (Гусейнов, 1974, с.12 – 15). По определениям Д.В.Гаджиева, здесь представлены остатки взрослой особи, подростка-молодняка и двух детенышей.

Еще в 1971 году в V слое, около южной скальной стенки, была выявлена вертикальная трещина высотой около 1,5 м, шириной до 0,8 м и глубиной местами более 1 м. При очистке внутренней полости трещины было установлено, что она заполнена отложениями среднеашельского слоя. Между горизонтами V3 и V4 на глубине 7,5 м от кровли отложений

Рис. 74. Пещера Азых. V слой.
Общий вид очагов

выявлены вышеуказанные костные остатки. Черепа лежали кучно, они были поставлены рядом. Здесь выявлены три черепные крышки, два фрагмента верхней челюсти одной особи с тремя коренными зубами на каждой ветви и еще один фрагмент с тремя коренными зубами второй особи медведя, а также небольшой обломок верхней челюсти и обломки носовой части лицевого скелета. Черепа молодых особей бурого медведя располагались в глубине трещины, в перевернутом положении. Все черепа отрублены почти одинаковым способом: у всех отсутствуют нижние и верхние челюсти. На них отсутствуют следы травм.

Особый интерес представляет выбор места для "тайника" и укладка в нем черепов. Череп взрослой особи пещерного медведя уложен так, что лицевая часть его обращена к наружной стороне стоянки, где собирались охотники вокруг очагов, носовой частью вверх. Этот череп крупного старого медведя как бы закрывает лежащие позади него черепа и челюсти молодняка. Отсутствие в "тайнике" костных остатков других видов животных позволяет высказать мнение, что черепа медведей выбраны умышленно. Они были спрятаны в "тайник" азыхантропом в особом порядке и, возможно, с определенной целью, связанной с какими-то таинственными и загадочными для нас представлениями. С этой точки зрения немаловажным представляется еще одна существенная деталь, обнаружение

на черепах детских особей искусственных насечек, нанесенных каменным орудием и, по-видимому, не связанных с процессом отделения мягких тканей от черепа.

На одном из черепов детеныша имеются следы слабых царапин, вероятно, оставленных орудием во время очистки черепа от кости и мяса. Но на правой лицевой стороне этого черепа имеется неглубокий и слабо заметный надрез, длиной 22 мм, шириной 0,2 мм, другого характера – линия надреза лежит вертикально. Особый интерес представляет второй череп детеныша, на котором отмечаются восемь косых насечек, из них шесть расположены рядом. Тщательное изучение показало, что после того, как был нанесен второй надрез, он был перекрещен третьим – это хорошо заметно по перекрещивающимся углублениям насечек. Второй надрез неглубокий, третий прорезает его глубже. Седьмой надрез сделан на вершине черепной крышки и также вертикально. Последний, восьмой надрез нанесен на середину черепной крышки, на ее продольной стороне, и расположен так, что все остальные надрезы концами направлены к нему (рис.75).

Вышеприведенные насечки имеют одинаковую ширину (0,5 мм) и глубину (0,3 мм), но отличаются длиной. Поля между насечками составляют 11 – 12 мм. Приводим данные по длине насечек: 1 – 24 мм, 2 – 15 мм, 3 – 47 мм, 4 – 45 мм, 5 – 20 мм, 6 – 20 мм, 7 – 20 мм, 8 – 20 мм. Приведенные цифры показывают, что система в размерах длины насечек и ширины полей, оставленных между линиями насечек, отсутствует. По всей вероятности, все они нанесены на свежую кость продольным неровным рабочим лезвием орудия, поэтому все линии насечек, в соответствии с характером рабочего края орудия, неровные. Внимательный осмотр показал, что насечки нанесены зубчатыми орудиями, лезвия которых были, безусловно, неровными, поэтому начало каждой насечки широкое, а в глубину

насечки узкие. Это соответствует очертаниям рабочего края зубчатого орудия, который вдоль края отщепа очень тонкий, затем он постепенно утолщается. Анализ насечек, их признаки и тщательная проверка дает нам основание говорить, что все они, несомненно, нанесены умышленно, отличаются от травматических повреждений и не имеют следов заживления. Видимо, насечки были нанесены после того, как череп был очищен от кожи и мяса. Такая обработка, вероятно, связана с каким-то таинственными представлениями древних охотников. Черепа, видимо, побывали непродолжительное время в огне, так как на них отмечается краснота от обжига. Вероятно, после слабого обжига легче было снимать с них мягкие ткани.

Подобного рода наблюдения были сделаны и в среднеашельском слое Кударо I в Юго-Осетии, где выявлено два черепа пещерного медведя, положенные почти симметрично, вплотную к стенке восточной галереи у входа в центральную камеру. Исследователь предполагает, что данная находка связана с зарождением религиозных представлений – по-видимому, культа зверей (Любин, 1959, с.77-78). Сходные открытия были произведены недавно на территории Грузии – в одной из пещер Цуцхватской карстовой системы вблизи Кутаиси. В одном из гротов названной Медвежьей пещерой, отложения которой относятся к мустьерскому периоду, были встречены скопления черепов пещерного медведя, которые исследователи этого памятника склонны рассматривать как проявление магического обряда, т.е. каких-то ритуальных действий, связанных с охотой на пещерного медведя. Правда, это мнение пока не получило поддержки большинства исследователей раннего палеолита. Не исключено, что оба эти проявления имели в действительности общие корни в далеком прошлом.

Такого же рода находка сделана и во

Франции, в гроте Лазаре, где в ашельском слое, выявлено удивительное собрание черепных крышек волков, уложенных у входа. Данную находку, датируемую концом ресса, французские исследователи также связывают с религиозными представлениями.

Как видно из вышесказанного, азыхские находки, в отличие от стоянок Кударо и Лазаре, обнаружены не на открытой площадке, а наоборот – в недоступном месте, во мраке "тайника". Причем по черепах видно, что здесь представлены остатки крупных и молодых особей медведя. Это наводит на мысль, что находки являлись, видимо, символами рождающих и их потомков (матерей и детей). Такого рода находки, которые позволяют судить о религиозных представлениях ашельского времени, пока неизвестны в мировой археологии.

Мы предполагаем, что насечки на черепах из Азыха являются какими-то знаками. Возможно, это знаки счета или же – изображение тайных представлений об окружающей природе. Но с другой стороны, все насечки являются следами работы. Можно допустить, что они – следы трудовой практики азыхантропов в пиление и расчленении костей каменными орудиями. Трудовая практика давала им опыт в производстве и в быту. Азыхантропы умели резать, рубить, раздроблять, оббивать, обтесывать, прокалывать, добывать и сохранять продукты питания и, возможно, огонь. Также они умели готовить мясную пищу, снимать шкуры, отделять кости. Имея опыт, мастер из Азыха вполне мог при необходимости не дробить, а распиливать кости или же черепа, причем часто именно кости молодняка, поскольку хорошо знал крепость костей в зависимости от возраста. Пиление кости – довольно тонкая работа, но азыхантроп пробовал проделать ее, добавляя к прежнему опыту новые приемы. Создание зубчатых пилообразных орудий труда было результатом требований производства. Но

подобные орудия не были единственными нововведениями в производственной практике среднеашельского обитателя стоянки. Он уже имел специализированные орудия для прокалывания шкур животных, которые использовались для изготовления одежды и укрытия жилья.

Наряду с прокалыванием человек из Азыха научился, видимо, и сверлению кости.

В V слое найдена трубчатая кость мелкого животного, на которой имеется отверстие, сделанное, видимо, путем сверления – вероятно, проверткой или сверлом типа бурава, поскольку под лупой на внутренней поверхности отверстия очень хорошо заметны резьбовидные надрезы. Данный факт – редкое явление для ашельского периода. Также установлено, что сверление производилось каменным

орудием с очень тонким концом. Целая серия таких орудий обнаружена в ашеле Азыха. Обнаружение факта сверления является одним из первых следов применения этой техники для обработки кости. Видимо, навыки такой обработки тогда еще находились на стадии проб.

Исходя из всего вышеизложенного, мы вправе сделать вывод о том, что среднеашельский V слой Азыхской пещеры дает нам явные доказательства достаточно крупных прогрессивных изменений, как в производственно-хозяйственной деятельности, так и в сознании и духовной жизни обитателей стоянки, представителем которых являлся азыхантроп, по сравнению с предшествующим – древнеашельским слоем памятника.

ГЛАВА VII СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ (МУСТЬЕ)

Средний палеолит (мустьерская эпоха) – это качественно новая ступень в развитии первобытного общества. Он характеризуется более развитой, по сравнению с предшествующей ашельской эпохой, техникой изготовления каменных орудий, включающей использование так называемой техники леваллуа, и сложившимся серийным орудийным инвентарем, прежде всего многочисленными и разнообразными типами остроконечников и скребел, проколочек и сверл, наряду с зубчатыми формами орудий, и определяется находками антропологических остатков более прогрессивной формы древнего человека – неандертальцев.

Характеризуя стратиграфию отложений Азыхской пещеры, мы отметили наличие в ней мустьерского слоя, отделенного от среднеашельского V слоя стерильным IV слоем. Такая стратиграфия не совсем обычна и отличает стоянку от других пещерных памятников как Южного Кавказа (пещеры Кударо I и III, Цона в Юго-Осетии), так и Ближнего Востока (пещеры г. Кармел и Уим-Катафа в Палестине) (Любин, 1961, с.468 – 470; Каландадзе, 1965, с.32 – 36; Carrad D., 1937, p.57 – 62), в которых материалы мустьерской эпохи залегают непосредственно на ашельском слое, без заметного стратиграфического и хронологического разрыва. Возможно, что такое строение отложений Азыхской пещеры отражает большую древность ашельского и мустьерского материалов Азыха по сравнению с другими пещерными памятниками Кавказа. Косвенным подтверждением такого предположения служит тот факт, что недалеко от пещеры Азых находится многослойная мустьерская пещерная стоянка Таглар, датированная первой половиной вюрмского (ранневалдайского, валдайского) периода (60 – 40 тыс. лет назад), но содержащая совсем иной по типологическому составу мустьерский инвентарь, чем III слой Азыха. В Газахском районе Азербайджана также встречены мустьерские материалы в пещере Дашсалахлы (Гусейнов,

Джафаров, 1982). Судя по типологическим особенностям каменного инвентаря и стратиграфическим условиям его залегания, мустьерские орудия III слоя Азыхской пещеры являются наиболее ранним комплексом среди всех мустьерских памятников Азербайджана. Это подтверждается и материалами комплексных исследований стоянки, которые показывают, что отложения III слоя накопились в позднехазарское (рисс-вюрмское) время.

Учитывая все доказательства относительной древности имеющихся в нашем распоряжении материалов мустьерской эпохи, мы считаем целесообразным начать изложение материала среднепалеолитического периода Азербайджана именно с характеристики каменных орудий III слоя Азыхской пещеры.

1. Мустьерская эпоха в пещере Азых

Во время археологических раскопок III слоя Азыхской пещеры найдено 3744 каменных изделия, в том числе 2159 экз. отходов производства, 1477 экз. заготовок. Каменные изделия III слоя изготовлены из кремнистого сланца (1786 экз.), кремня (1293 экз.), обсидиана (14 экз.). Отмечено 18 изделий из речных галек.

Первичная обработка. Среди каменных изделий выделено 63 нуклеуса и 33 нуклеидных обломка, что позволяет рассмотреть характер первичного расщепления в раннемустьерскую эпоху. Следует отметить, что нуклеусы в основном являются дисковидными, а большинство заготовок – пластинчатыми.

Из приведенных данных видно, что небольшое количество выявленных нуклеусов не соответствует числу отщепов и разнообразию необработанного материала. Интересно, что нуклеусы, соответствующие по цвету и характеру большинству отщепов, в материалах слоя отсутствуют. Нуклеусы, выявленные здесь, могли дать лишь незначительную в количественном отношении часть

тех отщепов, которыми так богат мустьерский слой стоянки. Видимо, большая часть заготовок и отщепов была изготовлена не на стоянке, а за ее пределами.

Нуклеидные обломки. Изготовлены из кремнистого сланца (20 экз.) и кремня (13 экз.). Некоторые из этих обломков первоначально были использованы как нуклеусы, а впоследствии разбиты, что не позволяет выделить среди них особые типы нуклеусов.

Нуклеусы. Изготовлены из кремнистого сланца (31 экз.) и кремня (24 экз.). Следует отметить, что многие из них являются остаточными нуклеусами. Среди нуклеусов можно выделить следующие типы: дисковидные односторонние (16 экз.), дисковидные двусторонние (30 экз.), одноплощадочные (4 экз.), двуплощадочные (3 экз.), леваллуазские треугольные (1 экз.) и многогранные (9 экз.).

Дисковидные односторонние нуклеусы. Изготовлены из кремнистого сланца (9 экз.) и кремня (7 экз.). Дисковидные односторонние ядрища, скалывание отщепов с которых шло не радиально, а веерообразно (рис.77, 2, 4) или подпараллельно, имеют одну выпуклую, горбообразную сторону, а другую – уплощенную. По периферии нуклеуса вертикальными сколами, идущими "на конус", оформлена круговая площадка. Некоторые экземпляры ядрищ предназначены для снятия единственного отщепка. Многие экземпляры этих нуклеусов являются остаточными (87, 1, 2).

Дисковидные двусторонние нуклеусы. Изготовлены из кремнистого сланца (17 экз.) и кремня (13 экз.). В основном с этих нуклеусов сняты отщепы округлых очертаний и треугольные сколы. Скалывание радиальное – от краев к центру. Многие дисковидные нуклеусы являются остаточными (рис.77, 1, 3).

Одноплощадочные нуклеусы. Основным морфологическим признаком их является наличие одной плоскости удара, которая приурочивается к строго намеченному участку

края нуклеуса. Снятие сколов производилось как с одной плоскости в одном направлении, с рабочей стороны ядрища, так и с двух противоположных плоскостей (рис.87, 4, 6). Из описанных нуклеусов 2 изделия изготовлены из кремня, одно – из кремнистого сланца.

Двуплощадочные нуклеусы. Изготовлены из кремнистого сланца (2 экз.) и кремня (1 экз.). Как видно по негативам нуклеусов, с них сняты отщепы и пластинчатые сколы с подпараллельным ограничением краев (рис.87, 5, 3).

Интересно отметить, что среди ядрищ III слоя отмечен только один леваллуазский треугольный нуклеус, тогда как большинство заготовок являются треугольными и пластинчатыми. Следовательно, основная масса имеющихся на стоянке заготовок была получена вне пещеры.

В типологическом отношении нуклеусы III слоя весьма разнообразны.

Таблицы 11 и 12 показывают следующие технические показатели (индексы): индекс леваллуа – 19, индекс пластин – 40, индекс тонкой подправки – 48, общий индекс подправки – 75.

Типология

Отщепы леваллуа типичные (39 экз.). Изготовлены из кремня. Большинство отщепов пластинчатые с подпараллельным ограничением краев. Ударная площадка очень хорошо выражена и часто (50% изделий) фасетированная.

Отщепы леваллуа атипичные (17 экз.). В отличие от леваллуазских типичных отщепов, большинство атипичных отщепов изготовлено из кремнистого сланца. Среди них 6 экземпляров являются треугольными, а остальные пластинчатыми.

Остроконечники леваллуазские (68 экз.). В том числе 27 фрагментированных, изготовлены из кремнистого сланца (36 экз.) и кремня (32 экз.). По очертанию все леваллуазские остроконечники могут быть подразделены на:

1 – треугольные с прямыми или слабовыпуклыми лезвиями и наибольшей шириной в основании; 2 – стрелчатые (в форме готической стрелчатой арки); 3 – листовидные (сужающиеся к основанию); 4 – удлиненные пластинчатые, имеющие более или менее параллельные края на большей части корпуса.

По пропорциям (соотношению длины и ширины) леваллуазские остроконечники подразделяются на очень короткие (длина меньше ширины), короткие (длина больше ширины в 1,5 – 2 раза), длинные и очень длинные. По длине выделяются мелкие (длина до 5 см), средние (длиной 5 – 7 см) и крупные (более 7 см) остроконечники.

Количественные данные о типах исходного сырья приведены в таблице 13.

В составе фрагментированных неретушированных леваллуазских остроконечников III слоя (как и в других мустьерских памятниках Кавказа) преобладают базальные части.

Длина леваллуазских остроконечников варьирует в пределах 3 – 9 см, наиболее характерны для индустрии формы длиной 4 – 7 см.

Леваллуазские остроконечники представляют собой группу весьма тонких, изящных сколов.

Таблица 16 показывает, что подавляющее большинство (2/3 от общего количества) леваллуазских неретушированных остроконечников III слоя имеет толщину до 1 см.

Подавляющее большинство леваллуазских неретушированных остроконечников III слоя по очертаниям приближается к треугольным. По очертаниям эти остроконечники подразделяются следующим образом: 1 – треугольные (14 экз.), 2 – стрелчатые (4 экз.), 3 – листовидные (11 экз.), 4 – пластинчатые (12 экз.). Остальные остроконечники пластинчатые, с более или менее подпараллельными краями.

Таблица 17 показывает, что большинство леваллуазских остроконечников составляют остроконечники второго снятия (рис. 78, 2, 3, 7 – 11).

Ретушированные леваллуазские остроконечники (36 экз., в том числе 16 фрагментиро-

ванных). Подавляющее большинство заготовок, используемых для изготовления рассматриваемых орудий, также сколото с леваллуазских нуклеусов. Некоторые остроконечники, однако, судя по ограничению спинок заготовок, могли быть получены с менее специализированных нуклеусов (ортогональных, односторонних, одно- и двуплощадочных).

Ретушированные леваллуазские остроконечники – это те же леваллуазские треугольные сколы первого снятия, несколько "улучшенные" вторичной обработкой. Незначительная неглубокая краевая ретушь выравнивает их продольные края посредством срезания выступов, неровностей. Ретушь эта не маскирует исходную треугольную двускатную или трехскатную леваллуазскую заготовку, не изменяет характера спинки изделия. Другими словами, облик этих орудий определяется главным образом их технической основой (леваллуазские треугольные сколы), а не вторичной отделкой. Ретушь, однако, придает этим изделиям более правильные, симметричные контуры, более четкие очертания. Леваллуазские треугольные сколы – заготовки, отбираемые для этих орудий, – были несколько тоньше, уже и короче тех, которые не подвергались ретушной отделке и были помещены нами в леваллуазские неретушированные формы.

Леваллуазские ретушированные остроконечники изготовлены в основном из кремня (21 экз.), кремнистого сланца (14 экз.) и обсидиана (2 экз.). Кремневые изделия имеют главным образом серый и белый цвета.

Краевая ретушь, используемая для оформления этих орудий, выравнивает участки их лезвий, приостряет острие, иногда распространяется по всему периметру изделия (за исключением ударной площадки). Ретушь неизменно является лицевой, неглубокой, полукрутой, как правило, однорядной, чешуйчатой (иногда с небольшими заломами) или подпараллельной. Среди леваллуазских ретушированных остроконечников выделено 16 фрагментированных, представленных

Рис. 75. Пещера Азых. V слой.
Череп пещерного медведя с насечками

базальными (12 экз.), дистальными (3 экз.) и средней частями. Это указывает на преобладание базальных частей орудий.

Таблица 18 показывает, что длина ретушированных леваллуазских остроконечников колеблется в пределах 3 – 8 см, длиннее 7 см здесь лишь 3 изделия, в то время как в группе неретушированных их было 7.

Таблица 19 показывает, что остроконечники данной группы являются более тонкими: толщину менее 1 см здесь имеют 17 орудий (85%).

Таблица 20 показывает, что 40% изделий этой группы имеют удлинённые пропорции (длина превышает ширину более чем в 2 раза).

Таблица 21 показывает, что остроконечники первого снятия значительно уступают по количеству остроконечникам второго снятия, составляющим 70% всех остроконечников.

Среди леваллуазских ретушированных остроконечников большинство составляют пластинчатые заготовки (рис.79, 1 – 5, 7).

Псевдолеваллуазские остроконечники (12 экз.). В большинстве изготовлены из кремня. В

коллекции III слоя эти изделия выражены плохо (рис.78, 5, 9).

Мустьерские остроконечники (16 экз.). Техническую основу этих орудий составляют те же характерные для коллекции III слоя леваллуазские остроконечники и пластины. В то же время, как будет показано далее, мустьерские остроконечники в среднем несколько более коротки и массивны. Интересно отметить, что большинство мустьерских остроконечников очень тщательно ретушировано. Фрагментированные мустьерские остроконечники в III слое не найдены.

Вторичная обработка мустьерских остроконечников характеризуется главным образом ретушью лицевой, краевой, глубокой или полуглубокой и полукрутой. Ретушь является типично мустьерской, чешуевидной (ширина фасеток превышает высоту), однорядной или двухрядной, реже многорядной, с небольшими заломами.

Форма мустьерских остроконечников, в отличие от леваллуазских ретушированных, как правило, predetermined вторичной обработкой: глубокой ретушью, срезавшей значительные участки краев исходных заготовок, а спинка отделана не только краевой, но и распространенной ретушью. Бифасиальная ретушь для оформления рабочих элементов мустьерских остроконечников не применялась.

В группе мустьерских остроконечников, судя по таблице 23, орудия толщиной 1 – 1,4 см. составляют 75% всех заготовок.

В составе мустьерских остроконечников, как видно из таблицы 24, встречаются изделия удлинённых пропорций ($L = 1,5 - 2 l$).

Что касается типологического состава мустьерских остроконечников, то в отличие от

леваллуазских форм, классифицируемых прежде всего по типу заготовок (остроконечники I и II снятия), здесь принимают во внимание не только и не столько исходные заготовки (треугольные, прямоугольные и другие сколы), сколько те формы, которые эти заготовки приобретают в результате разнообразной вторичной обработки.

По очертаниям выделяются треугольные (5 экз.), стрельчатые (2 экз.), листовидные (5 экз.) и пластинчатые (4 экз.) остроконечники. Большинство составляют треугольные и листовидные (рис.79, 6, 8; 80, 1 – 5).

Интересно отметить, что орудий типа лимасов среди каменных изделий III слоя не найдено.

Скребла. Данная группа орудий представляет собой вторую важнейшую часть инвентаря мустьерского слоя стоянки, так как составляет большинство среди найденных изделий.

Скребла прямые простые. Изготовлены из кремня (23 экз.) и кремнистого сланца (11 экз.). У некоторых на спинке сохранилась естественная корка. Ретушь является краевой, лицевой, иногда чешуйчатой, ступенчатой, крутой и полукрутой (рис.85, 5; 88, 1; 89, 3).

Скребла простые выпуклые. Изготовлены из кремня (17 экз.) и кремнистого сланца (8 экз.). Отмечено одно изделие с естественным обушком. Скребла простые вогнутые обработаны в основном крутой, полукрутой и приостряющей ретушью. Один предмет ретуширован зубчатой ретушью (рис.82, 2; 85, 7).

Скребла двойные прямые. Изготовлены из кремня и кремнистого сланца (всего 18 экз.). Они имеют два несходящихся боковых края, превращенных ретушью в рабочие лезвия. Заготовки этих орудий являются пластинчатыми. Описанные орудия обработаны крутой, полукрутой, ступенчатой, иногда тонкой ретушью (рис.81, 7; 88, 11).

Скребла двойные прямовыпуклые (9 экз.). Изготовлены из кремня. Для изготовления этих орудий отбирались главным образом удлиненные пластинчатые заготовки. Орудия обработаны полукрутой, приостряющей, чешуйчато-ступенчатой ретушью (рис.88, 6).

Скребла двойные прямовогнутые (6 экз.). Изготовлены из кремня (4 экз.) и кремнистого сланца. Ретушь крутая, полукрутая и тонкая (рис.88, 2).

Скребла двойные двояковыпуклые (2 экз.). Изготовлены из кремня. Орудия обработаны приостряющей и тонкой ретушью (рис.86, 3; 89, 2).

Скребла двойные выпукло-вогнутые (2 экз.). Изготовлены из кремня и кремнистого сланца. Оформлены на пластинчатых заготовках и обработаны крутой, полукрутой, иногда зубчатой ретушью (рис.88, 4).

Скребла конвергентные. Изготовлены из кремня (2 экз.) и кремнистого сланца (1 экз.). От остроконечников отличаются более широким углом схождения лезвий, тупым дистальным концом и большой массивностью заготовки. Интересно отметить, что среди них выделено единственное изделие, у которого дистальный конец имеет скребковый выступ. Описываемые орудия ретушированы чешуйчатой, ступенчатой и приостряющей ретушью (рис.88, 7, 8).

Скребла конвергентные выпукло-вогнутые (4 экз.). Изготовлены из кремня и ретушированы крутой и полукрутой ретушью.

Скребла угловатые (14 экз.). Изготовлены из кремня (13 экз.) и кремнистого сланца. Это одна из самых многочисленных и интересных в инвентаре III слоя категорий. Скребла с двумя сходящимися лезвиями включает два подтипа: 1) треугольные, удлиненно-скошенные с обоими диагональными лезвиями и 2) удлиненные горбовидные, с одним прямым и вторым – сильно вогнутым лезвием. Среди них можно выделить угловатые скребла и угловатые остроконечники. Образцы этих орудий представлены на рис.81, 1 – 6, 8 – 9.

Скребла поперечные прямые (10 экз.). Изготовлены из кремня (9 экз.) и кремнистого сланца и обработаны крутой, полукрутой и чешуйчато-ступенчатой ретушью (рис.84, 8, 9).

Скребла поперечные вогнутые (2 экз.). Изготовлены из кремня и кремнистого сланца. Ретушь чешуйчато-ступенчатая (рис.84, 6). Одно изделие имеет три рабочих лезвия.

Скребла поперечные выпуклые (4 экз.).

Изготовлены из кремнистого сланца и обработаны чешуйчато-ступенчатой ретушью (рис.84, 11).

Следует отметить, что среди многочисленных изделий III слоя, кроме вышеприведенных, выделены следующие типы орудий:

1 – скребла с ретушью с брюшка (8 экз.) (рис.85, 8; 82, 3; 84, 7)

2 – скребла с противоположащей ретушью (2 экз.) (рис.86, 4)

3 – скребки типичные (6 экз.) (рис.84, 5, 6)

4 – скребки атипичные (3 экз.)

5 – резцы типичные (2 экз.) (рис.83, 1, 3; 84, 10)

6 – ножи со спинкой типичные (3 экз.) (рис.82, 7; 85, 1; 89, 5)

7 – ножи со спинкой атипичные (4 экз.)

8 – ножи со спинкой естественные (7 экз.)

9 – выемчатые орудия (12 экз.) (рис.83, 5, 6, 8)

10 – зубчатые орудия (9 экз.) (рис.76, 1, 3, 4; 86, 6)

Разные орудия (16 экз.). Изготовлены из кремня (11 экз.) и кремнистого сланца. Среди этих изделий довольно трудно выделить отдельные типы.

Среди каменного инвентаря III слоя Азыхской пещеры, кроме вышеописанных орудий, выделены ручные рубила (3 экз.), чоппер (1 экз.) и скребла с утонченным корпусом (7 экз.). Ручные рубила и чоппер изготовлены из кремнистого сланца. В типологическом отношении выделяются листовидные и сердцевидные ручные рубила (рис.76, 2, 5).

Скребла с утонченным корпусом. Изготовлены из кремня и имеют два или три рабочих лезвия (рис.88, 9, 10).

Фрагментированные сколы и орудия (55 экз.). Изготовлены из кремня (39 экз.) и кремнистого сланца. Выделяются естественно фрагментированные (32 экз.) и искусственно фрагментированные. Следует отметить, что некоторые сколы и орудия сломались во время первичной или вторичной обработки. Среди фрагментированных орудий можно выделить остроконечники, скребла простые прямые, скребла двойные, скребла с обушком, ножи (рис.84, 1 – 4).

Техника расщепления и типологический состав орудий показывают, что индустрия III слоя относится к первой половине мустьерского периода и датируется, как было указано выше, началом позднего плейстоцена (поздний хазар, ресс-вюрм).

По ряду типологических особенностей можно предположить наличие генетической и культурной общности между материалами III слоя Азыха и стоянок Таглар и Дашсалахлы. Прежде всего это общие формы специфического орудия – двойного и тройного скребла с утонченным основанием ("скребла тагларского типа"; рис.88, 9, 10). Сходны по пропорциям и форме рабочего края леваллуазские ретушированные (рис.79, 1 – 3) и мустьерские остроконечники Азыха и Таглара, мустьерские остроконечники с прямыми, тонкими и утонченными основаниями (рис.80, 1 – 3), скребла двойные прямые из пластинчатых заготовок (рис.88, 3, 11) и скребла угловатые, двойные и тройные (рис.81, 1 – 6, 8, 9).

Отличает же ранний этап мустьерской культуры Азербайджана от позднего наличие единичных ручных рубил (рис.76, 2, 5), правда, сильно отличающихся по формам, характеру обработки и пропорциям от рубил среднеашельского V слоя и носящих явные признаки деградации.

Другой характерной особенностью индустрии III слоя является большое количество орудий типа скребел и остроконечников со скребковыми закруглениями концов и скребков (рис.88, 5, 6, 8; 81, 3), что вообще свойственно финально-ашельским и ранне-мустьерским комплексам других регионов Кавказа, в частности, Черноморского побережья Кавказа – стоянки Яштух (Замятнин, 1961, с.75 – 83; Коробков, 1965а, с.108 – 110; Коробков, 1965, с.96 – 99; Коробков, 1967, с.201 – 205).

Еще одна особенность индустрии III слоя – многочисленность зубчатых орудий на пластинчатых заготовках, у которых зубчатая ретушь оформляет рабочие углы и клювовидные выступы (рис.76, 4, 3) или просто придает неровный, зубчатый характер обоим

боковым лезвиям крупных пластин (рис.76, 1; 86, 6). В то же самое время присутствие крупных, массивных скребел клиновидного типа, с крутым или полукрутым лезвием, оформленным многорядной чешуйчатой и ступенчатой ретушью, с заострением одного из концов, напоминает прототипы такой формы орудия, имеющиеся в материалах V слоя. Это позволяет связать в одну генетическую культурную линию средний ашель и раннее мустье Азыха, благодаря чему сделать вывод об общих с Азыхом генетических чертах индустрии стоянок Таглар и Дашсалахлы, т.е. высказать предположение об автохтонности возникновения ряда прогрессивных эволюционных изменений, начиная с появления зачатков абстрактных магических представлений у азыхантропа в среднем ашеле и кончая становлением своеобразной культуры неандертальского человека, распространившейся по всей территории Азербайджана к концу мустьерской эпохи.

2. Мустьерская стоянка в пещере Таглар

Многослойная палеолитическая пещерная стоянка Таглар изучена еще не полностью, археологические исследования здесь еще продолжаются. На раскопанном к настоящему времени участке выявлено, как было отмечено в главе III, шесть культурных слоев. Собранный в этих слоях каменный материал насчитывает более 5000 экз.

Следует отметить, что на различных уровнях исследованных слоев отмечены остатки нескольких очажных прослоек. Остатки очагов со стратиграфической точки зрения формировались на протяжении всей последовательности культурных слоев и доходят до кровли верхнего слоя. Как по количеству очажных прослоек, так и по их стратиграфическому расположению этот памятник не имеет себе равных среди мустьерских стоянок Закавказья.

Несмотря на то, что литологические отложения стоянки подразделяются на шесть слоев, материал, обнаруженный в мустьерских отложениях (слои 2 – 6), с типологической точки зрения почти идентичен. Но в каждом слое появлялись новые типы орудий. Заметны

и некоторые изменения и усовершенствования в технике обработки каменных орудий отдельных слоев. Все это свидетельствует, что на протяжении всего периода от нижнего культурного слоя до самого верхнего здесь происходил процесс постепенного, последовательного развития, без заметных скачков и взрывов, о чем свидетельствует как типология орудий, так и технические приемы их изготовления, в целом идентичные во всех мустьерских слоях.

Использованный на стоянке каменный материал в основном представлен кремнем, сланцем, в незначительном количестве – обсидианом, базальтом и фельзитом. Кремнь по качеству и многоцветности отличается от кремневого материала пещеры Азых.

Одним из интересных факторов является, наряду с количественными и качественными характеристиками кремневого материала, его многоцветность. Здесь отмечено более 20 различных по цвету кремневых пород, причем, каждый цвет в свою очередь подразделяется на несколько оттенков. Например, представлено пять-шесть различных оттенков красного цвета, восемь оттенков коричневого кремня, пять оттенков черного, по несколько оттенков белого и серого кремня. Возможно, тагларские древние "минералоги" именно по цвету определяли качество камней? Умение человека различать камни по цвету, возможно, связано с развитием мышления.

Известно, что люди в мустьерскую эпоху пользовались природными красителями (охра). По мере использования этих красителей в быту с целью украшения и определенного эстетического удовлетворения они впервые смогли связать это с производственной деятельностью. Вполне возможно, что для определения качества каменного материала, заготавливаемого для обработки, обитатели Таглара также исходили из его окраски.

Заготовленный для обработки материал имеет местное происхождение, за исключением обсидиана. Источники обсидиана имеются в горах Кяльбаджарского района Азербайджана, однако доставка его к стоянке самими первобытными людьми не представ-

ляется возможным. Можно предположить, что берущие начало с гор Кяльбаджара и впадающие в Аракс реки Базарчай и Акера посредством своих многочисленных мелких притоков доставляли разнообразный материал с гор в бассейн Аракса. Река Аракс протекает в 30 – 40 км от пещеры Таглар (и Азых), и можно предположить, что обитатели стоянки собирали здесь обсидиан во время охоты.

Первичное расщепление камня на стоянке осуществлялось с помощью леваллуазской дисковидно-радиальной и верхнепалеолитической техники. Техника расщепления камня в общем характеризуется следующими средними для всех мустьерских слоев техническими показателями: индекс леваллуа – 47,4, индекс пластин – 34,6, общий индекс подправки ударных площадок сколов – 66,2, индекс тонкой подправки – 34,6 (Джафаров, 1978 а, с.16; 1983, с.56 – 57).

Как видно, индексы леваллуа и пластин в индустрии стоянки довольно высоки, что свидетельствует о тщательной сортировке сырья, а также о первичном расщеплении камня частично вне стоянки. Свидетельством этого также является сравнительно небольшой объем отходов производства (1704 сколов отделки, осколков и нуклеусов из 3794 сделанных находок, что составляет 44,9%) и высокий процент орудий (21,7%). Об этом же говорит и небольшое количество обнаруженных на стоянке нуклеусов (1,3%), в составе которых представлены лишь местные сырьевые материалы, отсутствие среди нуклеусов леваллуазских форм, леваллуазских остроконечников первого снятия и ряд других наблюдений.

Бросается в глаза и то, что самые высокие индексы леваллуа и пластин отмечены в слое 4, особенно насыщенном очажными прослойками и очажными линзами, что принято рассматривать как свидетельство известной оседлости населения. Такое толкование находок слоя 4 придает обосновывает вывод о производстве части операций по заготовке сколов вне пределов стоянки.

Вторичная обработка камня на стоянке выполнялась преимущественно ретушью

краевой, лицевой, пологой и полукрутой, легкой и полуглубокой. Ретушь распространенная применялась сравнительно редко; ретушь сплошная двухсторонняя, брюшковая и противоположная – лишь в единичных случаях. Значительное место в приемах вторичного оформления орудий занимала техника тронкирования изделий и техника утончения их концов (базального, дистального или боих одновременно), а также связанная с последней техника утончения всего корпуса орудия (скребел в частности). Как кажется, техника тронкирования и утончения была призвана оформлять рукояточные части орудий. С ее помощью, как представляется, оформлялись насады остроконечников (черепковые, выемчато-тронкированные, утонченные), выпрямлялись их формы и профили.

Типологический состав орудий Тагларской индустрии представляет таблица 25.

Список выражает следующие полные типологические индексы: индекс леваллуа типологический – 37,5, индекс скребел – 40,3. Более показателен, однако, чрезвычайно высокий индекс скребел – основной – 53,0. Количественная раскладка ретушированных форм говорит об абсолютном преобладании скребел (344 из 630 орудий, или 54,6%) и остроконечников (249 из 630 орудий, или 39,5%). Остальные орудия представлены малыми количествами форм. Образцы изделий индустрии Тагларской пещеры представлены на рис.90 – 95.

Характерные типологические группы выявляют эти же особенности индустрии. Леваллуазская группа (сколы леваллуа, остроконечники леваллуазские и остроконечники леваллуазские ретушированные) составляют 37,5%, мустьерская (остроконечники мустьерские, лимасы, скребла всех типов) – 59,2%, верхнепалеолитическая (скребки, резцы, проколки) – 1,3%, группа зубчатых изделий – 1,2%.

Остроконечники и скребла всех типов (включая леваллуазские) составляют 88,4% всех орудий типологического списка. Среди ретушированных изделий (леваллуазские остроконечники при этом исключаются) их

**Основные технические показатели заготовок
(сколы леваллуа)**

Типы заготовок	Площадки						Всего
	Гладкие	Двугранные	Фасетированные прямые	Фасетированные выпуклые	Поврежденные и неопределенные	Удаленные вторичной обработкой	
Отщепы	13	12	22	11	9	-	66
Треугольные сколы	14	20	18	26	13	2	93
Пластины	16	22	26	33	28	5	130
Итого	43	54	66	70	49	7	289

Всего определяемых ударных площадок: 233

Таблица 12

**Основные технические показатели заготовок
(сколы нелеваллуа)**

Типы заготовок	Площадки						Всего
	Гладкие	Двугранные	Фасетированные прямые	Фасетированные выпуклые	Поврежденные и неопределенные	Удаленные вторичной обработкой	
Отщепы	127	119	125	49	131	64	615
Треугольные сколы	6	12	28	20	15	14	85
Пластины	76	83	94	35	127	49	464
Итого	209	214	247	104	273	127	1164

Всего определяемых ударных площадок: 774

доля возрастает до 94,1%.

3. Мустьерская стоянка в пещере Дашсалахлы

В пещере найдено 626 каменных изделий, в том числе: дисковидные нуклеусы, различные типы скребел (простое выпуклое, угловатое, двойное, скребла с обушком), ножи с обушком, зубчато-выемчатые орудия, скребки, отщепы, пластины. Материалом для изготовления орудий служили яшма, роговик, габбро-диабаз, пелитоморфный известняк, андезит, а также, в небольшом количестве, вулканическое стекло. За исключением обсидиана, все материалы местного происхождения. Обсидиан встречается в руслах рек Кура и Агстафачай, но обитатели стоянки редко пользовались обсидианом

орудия из него составляют всего 5% каменных изделий.

Теперь перейдем к статистико-типологи-

Таблица 13

Сырье	Всего
Кремень	
светло-серый	20
красный	3
коричневый	4
желтый	5
Кремнистый сланец	
черный	4
зеленоватый	30
белый	2
Итого	68

Таблица 14

Длина леваллуазских остроконечников (в см)								
3-4	4-5	5-6	6-7	7-8	8-9	9-10	10-11	Всего
2	9	12	11	5	2	-	-	41

Примечание: в таблице учтены только целые экземпляры.

Таблица 15

Соотношение длины (L) и ширины (I) леваллуазских остроконечников (в см)				
L > 1-1,5 I	L > 1,5-2 I	L > 2-2,2 I	L > 2,2	Всего
15	14	8	4	41

Примечание: в таблице учтены только целые экземпляры.

Таблица 16

Толщина леваллуазских остроконечников (в см)					
0,4-0,6	0,6-0,8	0,8-1,0	1,0-1,2	1,2-1,4	Всего
2 (4)	12 (6)	11 (4)	12 (3)	4	41 (17)

Примечание: в скобках – число фрагментированных экземпляров. Учтены как древние, так и современные обломки; в число фрагментированных включены лишь те, которые представлены наиболее массивными базальными частями.

ческому анализу каменных орудий стоянки Дашсалахлы. Одним из главных статистических показателей расщепления камня является индекс, фиксирующий количество заготовок, исполненных в технике леваллуа. Во время изучения заготовок выяснилось, что каменные изделия можно разделить на две группы: заготовки типа леваллуа и заготовки нелеваллуазского типа. Заготовки, вошедшие в каждую из названных групп, в свою очередь можно разделить на три категории: отщепы, сколы треугольных очертаний и пластины. Основные технические показатели заготовок леваллуа представлены в таблицах 26 и 27. Приведенный список выражает следующие типологические индексы: индекс леваллуа типологический – 22; индекс скребел общий – 40; индекс шарантский – 8. Более показателен, однако, чрезвычайно высокий индекс скребел. Количество ретушированных форм говорит об абсолютном преобладании в инвентаре скребел (20 из 50 орудий) и остроконечников (14 из 50 орудий). Остальные изделия представлены меньшим количеством.

Среди остроконечников преобладают листовидные и треугольные формы. Ретушь

леваллуазская, краевая. Некоторые остроконечники имеют ударные площадки типа "шляпа жандарма". Некоторые из скребел оформлены пологой ретушью и функционально являются режущими орудиями. Редко встречаются обушковые формы (скребла, ножи с обушком). Образцы каменных орудий стоянки представлены на рис.96. Индустрия стоянки Дашсалахлы имеет некоторые параллели среди мустьерских индустрий Закавказья и Ближнего Востока (стоянки Таглар, Ереван 1, Джуручула, Биситун и Хазар-Мерд) (Ерицян, 1970; Coon, 1951; Carrod D., 1930).

Индексы леваллуа и пластин очень высокие, что свидетельствует об известной сортировке материала древним человеком и о первичном расщеплении отщепов вне пещеры.

Наличие вторичной обработки отщепов, незначительное количество нуклеусов по сравнению с большим числом заготовленных отщепов, мелкие осколки, являющиеся отходами производства, и другие данные также свидетельствуют о том, что отщепы изготовлялись вне стоянки и затем приносились в пещеру. Последующая обработка производи-

Таблица 17

**Типологическое расчленение
леваллуазских острокопечников**

Острокопечники	Всего
Первого снятия	
1 вариант	7
2 вариант	5
Второго снятия	
1 вариант	10
2 вариант	7
3 вариант	12

Примечание: в таблице учтены только целые экземпляры.

лась уже на стоянке; следовательно, пещера Дашсалахлы являлась постоянным местом жизни палеолитических охотников.

Касаясь техники получения отщепов, отметим, что основное место занимают подтреугольные, треугольные и пластинчатые отщепы, как правило, тонкие и удлиненные. На 44 изделиях хорошо сохранилась ударная площадка; на 18 она повреждена, но форма орудия ясно прослеживается. На 41 предмете ударная площадка удалена вторичной обработкой или сработана в результате, видимо, длительного употребления.

В целом отщепы и пластины этого типа, составляющие большую часть собранного материала, изготовлены в леваллуа-мустьерской технике.

Примечательно, что в коллекции стоянки отсутствуют ручные рубила и зубчатые орудия. В этом смысле комплекс орудий пещеры Дашсалахлы отличается от комплекса Азыхской стоянки и грота Дамджылы. Орудия в основном изготовлены из четких по форме отщепов и пластин, обработаны ступенчатой и отжимной ретушью. На стоянке отсутствуют грубые, бесформенные и краевые сколы, что еще раз подтверждает вывод о первичной обработке камня вне пещеры.

Одной из самых существенных находок является вскрытый на стоянке очаг. Очаг имел в диаметре 2 м и расположен у северной стены пещеры, на скальном основании, в выемке. Очаг с трех сторон был обложен скальными

блоками. Высота скального ограждения 30 – 40 см. Характер и размеры этих блоков показывают, что они специально подбирались для придания очагу определенной формы. При исследовании очага в нем были обнаружены острокопечник и обгоревшие кости.

Как было отмечено выше, при описании пещеры, ее входная сторона и северная часть пострадали в результате обвалов и примыкают к глубокому оврагу вблизи пещеры. Однако сохранились довольно крупные скалы, которые окружали пещеру с трех сторон, надежно защищая от ветра. Пространство между двумя скалами на северо-западе пещеры было завалено обломками известняка и напоминает сложную искусственную стенку.

Интересно отметить, что ни в очаге, ни в других местах стоянки не найдено обломков известняка, упавших с потолка. Этот еще раз показывает, что, возможно, стоянка возникла в пещере уже после его разрушения. Можно предположить, что обитатели пещеры, прежде чем заселить ее, очистили от скальных обломков, а затем с северной стороны, откуда в основном дуют ветры, все образовавшиеся отверстия и даже широкие проходы между скалами заложили блоками. Имеющийся с северной стороны проход по направлению к оврагу был заложен обломками, что привело к образованию стены шириной 2,5 м, высотой 1,5 м. Однако в верхней части этой стены было оставлено отверстие, напоминающее дымоход. Эти факты, бесспорно, свидетельствуют о том, что стена возводилась с целью защиты от ветра как самого очага, расположенного на этом участке, так и всей стоянки. Большая часть каменной стены сохранилась и в настоящее время.

В пещере Дашсалахлы найдено большое количество расколотых и обгоревших костей ископаемых животных, являвшихся объектами охоты жителей стоянки. Большое количество обгорелых костей и наличие в пещере очага свидетельствует о широком использовании огня ее обитателями.

На стоянке также обнаружено два примитивных костяных шила подтреугольной

Таблица 18

Длина леваллуазских ретушированных остроконечников в см.

3-4	4-5	5-6	6-7	7-8	8-9	Всего
1	3	7	6	3	-	20

Примечание: в таблице учтены только целые экземпляры.

Таблица 19

Толщина леваллуазских остроконечников в см.

0,4-0,6	0,6-0,8	0,8-1	1-1,2	1,2-1,4	1,4-1,6	Всего
1 (1)	10 (5)	6 (7)	2 (2)	1 (1)	-	20

Примечание: в скобках дано количество фрагментированных экземпляров.

Таблица 20

Соотношение длины (L) и ширины (l) леваллуазских ретушированных остроконечников

L < 1,0 l	L > 1,0-1,5 l	L > 1,5-2 l	L > 2-2,5 l	L > 2,5-3 l	Всего
1	5	6	7	1	20

Примечание: в таблице учтены только целые экземпляры.

формы. Среди других костей интерес представляет целая трубчатая кость хищника, поверхность которой по всей длине как бы орнаментирована прорезными линиями. Они имеют разные размеры, порой прорезаны вдоль всей окружности кости, напоминая широкие кольца. Такая обработка кости могла быть связана с эстетическими потребностями обитателей стоянки, а возможно,

имла и культовое значение.

4. Каменная индустрия грота Дамджылы

Сравнительный анализ каменных изделий показывает, что пещера являлась стоянкой эпохи позднего палеолита и мезолит-неолита (Замятнин, 1957). Однако среди выявленного каменного материала представлены изделия и среднего палеолита (около 20 экз.). Незначительное количество изделий не позволяет провести их статистическое изложение (История Азербайджана, 1958).

Основным сырьем для изготовления мустьерских орудий служили базальт и кремль. Основная масса орудий изготовлена на треугольных отщепах и лишь незначительная часть – из других форм отщепов. Найдено всего два дисковидных нуклеуса. На всех отщепах прослеживаются ударный бугорок и ударная площадка – как правило, широкая, скошенная и ровная, лишь в редких случаях чуть выпуклая и не перпендикулярная к верхнему концу. Отщепы типа леваллуа здесь отсутствуют. Пластинчатые отщепы также не обнаружены. Однако типы отщепов и

Таблица 21

Типологическое расчленение леваллуазских ретушированных остроконечников

Остроконечники	Всего
Первого снятия:	
1 вариант	4
2 вариант	2
Второго снятия:	
1 вариант	6
2 вариант	3
3 вариант	3
Другие разновидности	2
Итого	20

Длина мустьерских остроконечников (в см)

3-4	4-5	5-6	6-7	7-8	8-9	Всего
-	3	4	3	4	2	16

Äèí à ì óñòüáðñèèõ î òððí êî í à-í èêî â èçì áí ýáðñý â ï ðáááèäõ 4 – 9 ì , í î ï ðáí áèááàð ò èçááèèý äèèí î é 5 – 8 ì (11 ýç.).

Таблица 23

Толщина мустьерских остроконечников (в см)

0,4-0,6	0,6-0,8	0,8-1	1-1,2	1,2-1,4	1,4-1,6	Всего
-	-	1	8	5	2	16

Таблица 24

Соотношение длины (L) и ширины (l) мустьерских остроконечников (в см)

L > 0,5-1,1	L > 1,5-2,1	L > 2-2,5	L > 2,5-3,1	Всего
1	9	3	3	16

характер ударной площадки на них свидетельствуют, что сколоты они в основном с дисковидных нуклеусов мустьерского типа. Формы отщепов и сохранившиеся на них негативы соответствуют дисковидным нуклеусам.

Мустьерские орудия в основном представлены скреблами и остроконечниками.

Скребловидные орудия. Составляют большую часть коллекции. Орудия выполнены на длинных, широких и толстых отщепах. С типологической точки зрения они состоят из круглых, полукруглых, удлиненных и заостренных, зубчатых и выемчатых отщепов.

Ввиду того, что выявленный материал не составляет полного комплекса, остается неясным, какой тип орудия был наиболее характерным и, следовательно, наиболее употребимым у обитателей пещеры. Однако можно отметить некоторое преобладание выемчатых орудий.

Остроконечники (8 экз.). В количественном отношении составляют меньшинство. Орудия изготовлены на коротких треугольных кремневых отщепах. Ударная площадка на орудиях широкая и ровная, только на одном предмете выпуклая и трехгранная. У

некоторых орудий рабочие края по всей длине обработаны ретушью, выполненной в типично мустьерской технике. Отмечены орудия, у которых вторичной обработке подвергалась только верхняя часть рабочего края.

Среди коллекции имеется одно пилообразное орудие, которое изготовлено из типично мустьерского отщепа с широкой и гладкой ударной площадкой, но с зубчатой обработкой обоих краев.

Орудия мустьерского комплекса стоянки Дамджылы по техническим и типологическим характеристикам более или менее приближаются к мустьерским изделиям Азыхской пещеры. Можно предположить, что по времени возникновения и развитию они идентичны или близки друг к другу, т.е. они древнее мустьерского комплекса стоянки Дашсалахлы. В морфологическом плане некоторые из них напоминают материалы открытой стоянки Шиш-Гузей, также расположенной в Газахском районе (Замятнин, 1950).

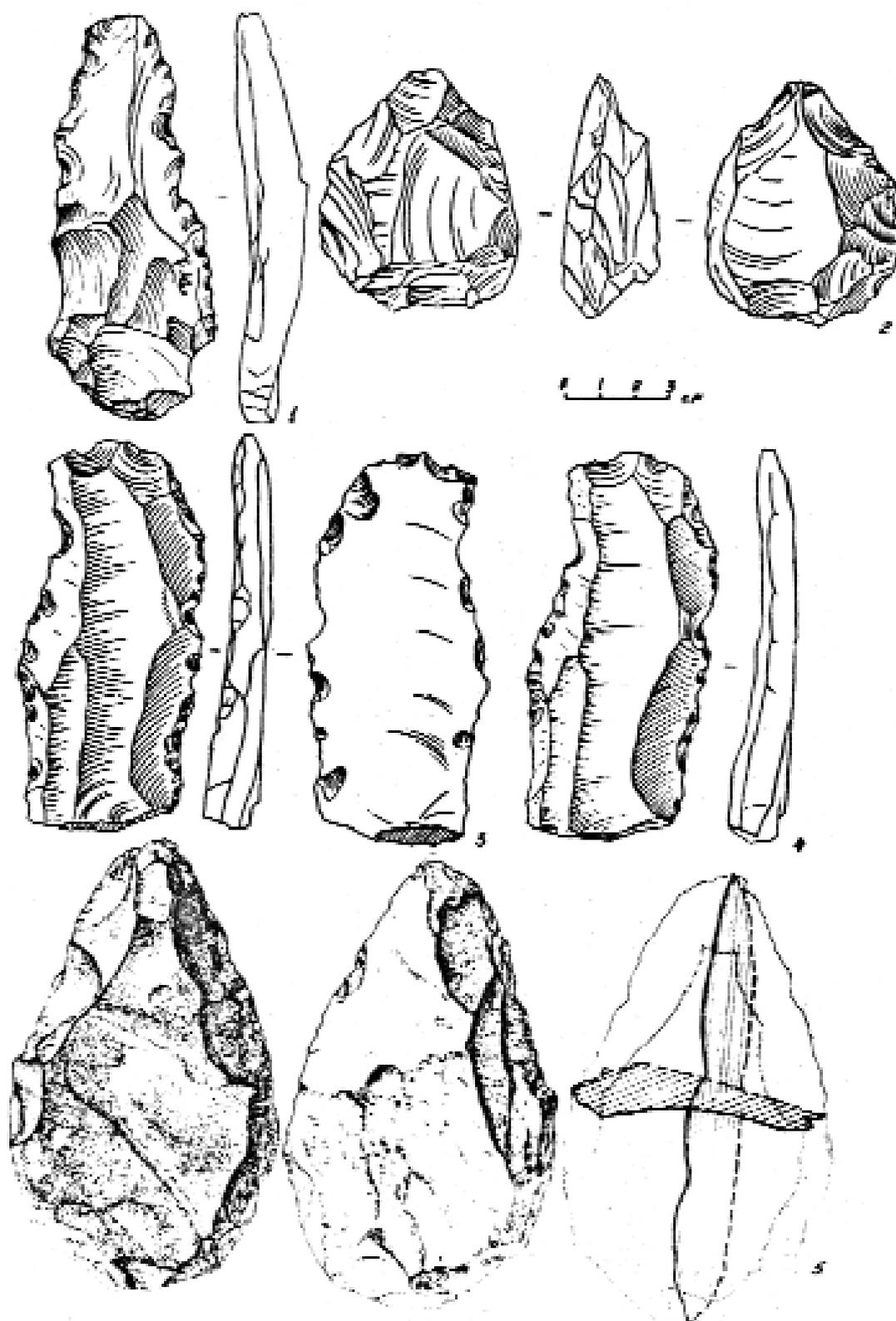

Рис. 76. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. III слой. 1, 3, 4 – зубчатые орудия; 2 – сердцевидное ручное рубило; 5 – миндалевидное ручное рубило

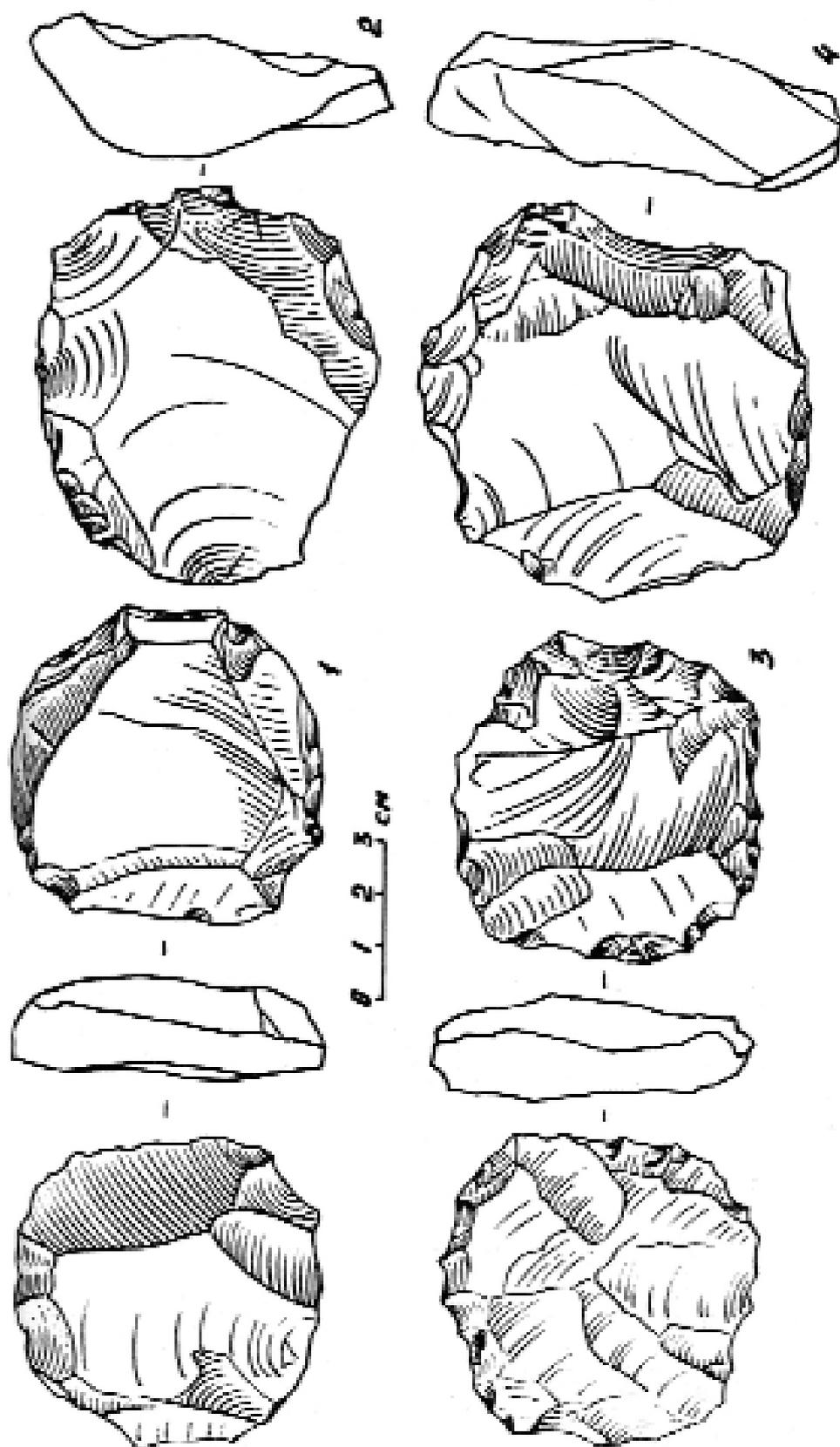

Рис. 77. Пещера Азых. Образцы нуклеусов. III слой. 1, 3 – дисковидные двусторонние нуклеусы; 2, 4 – односторонние дисковидные нуклеусы

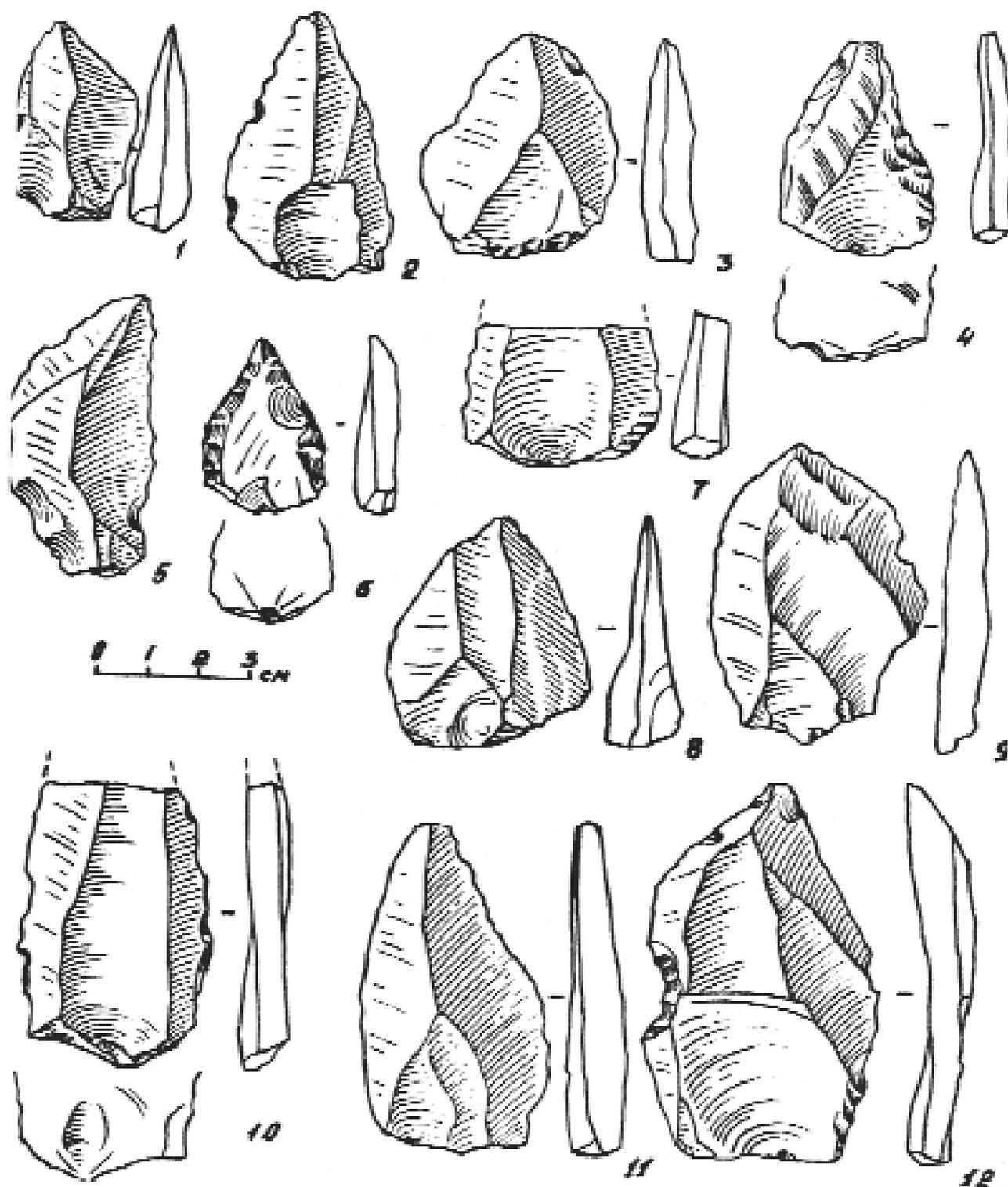

Рис. 78. Пещера Азых. Образцы леваллуазских остроконечников. III слой. 1 – 3, 7 – 12 – леваллуазские остроконечники; 4, 6 – леваллуазские ретушированные остроконечники; 5 – треугольный отщеп

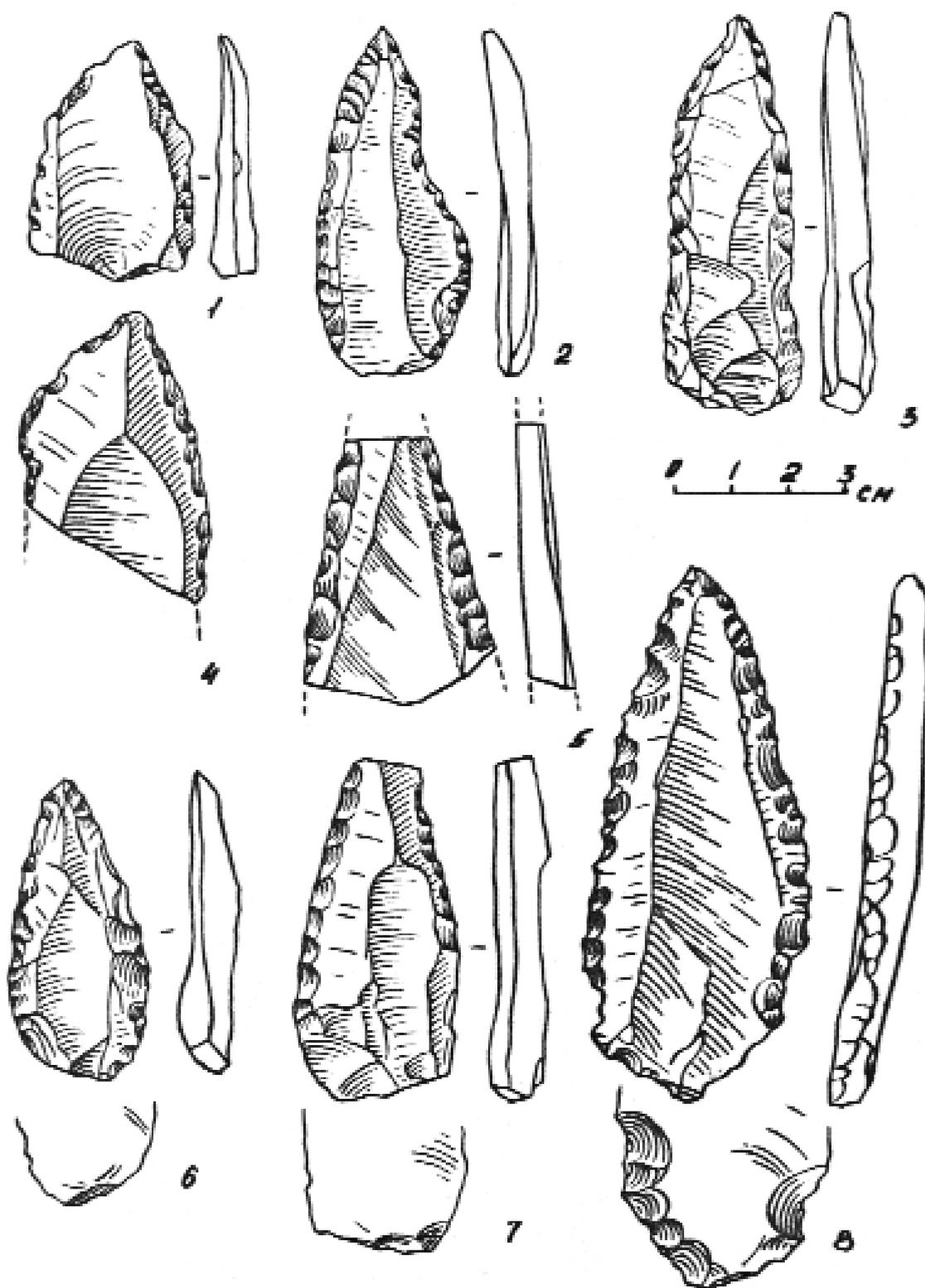

Рис. 79. Пещера Азых. Образцы остроконечников. III слой. 1 – 5 – леваллуазские ретушированные остроконечники; 6 – 8 – мустьерские остроконечники

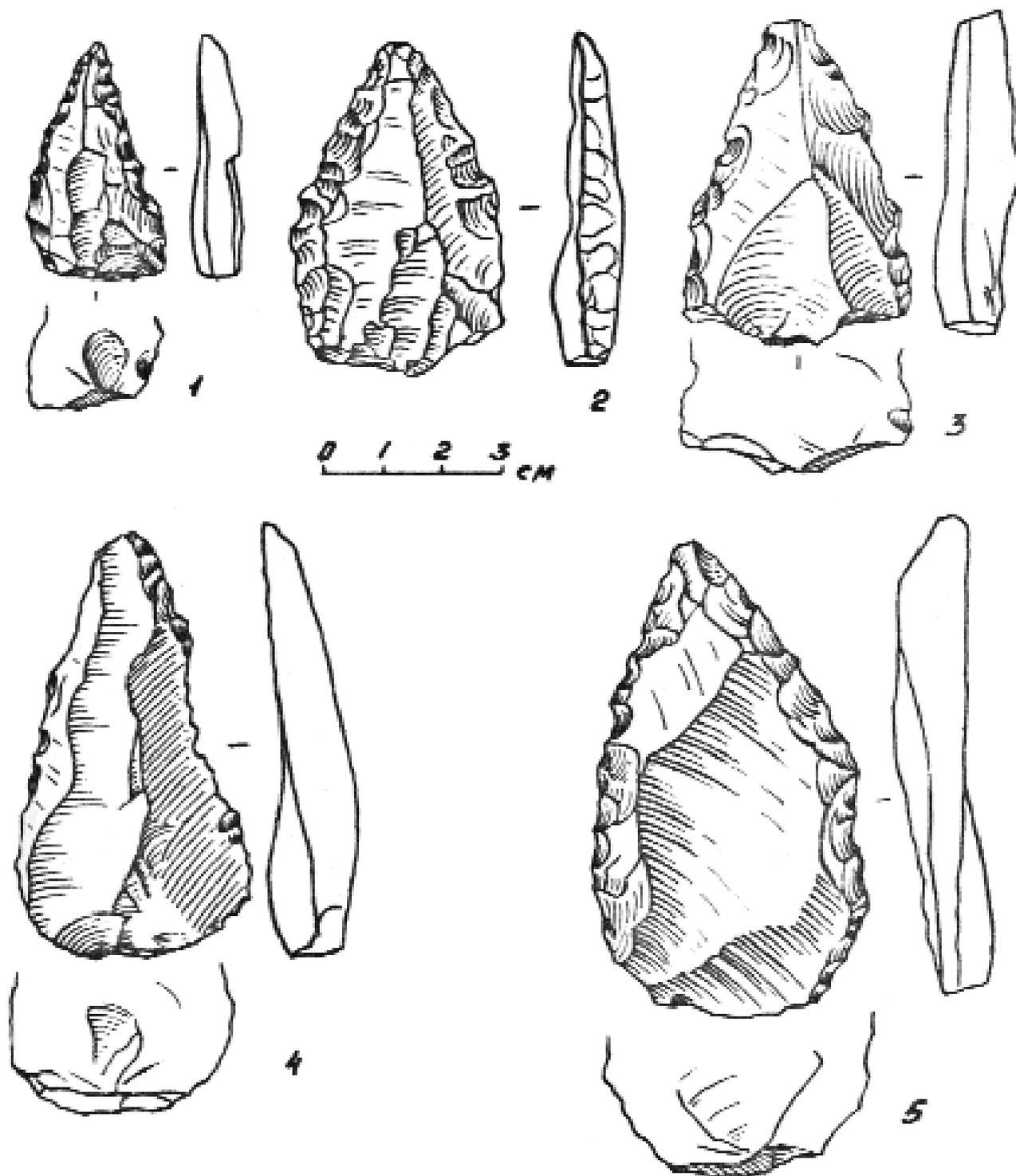

Рис. 80. Пещера Азых. III слой. Мустьерские остроконечники

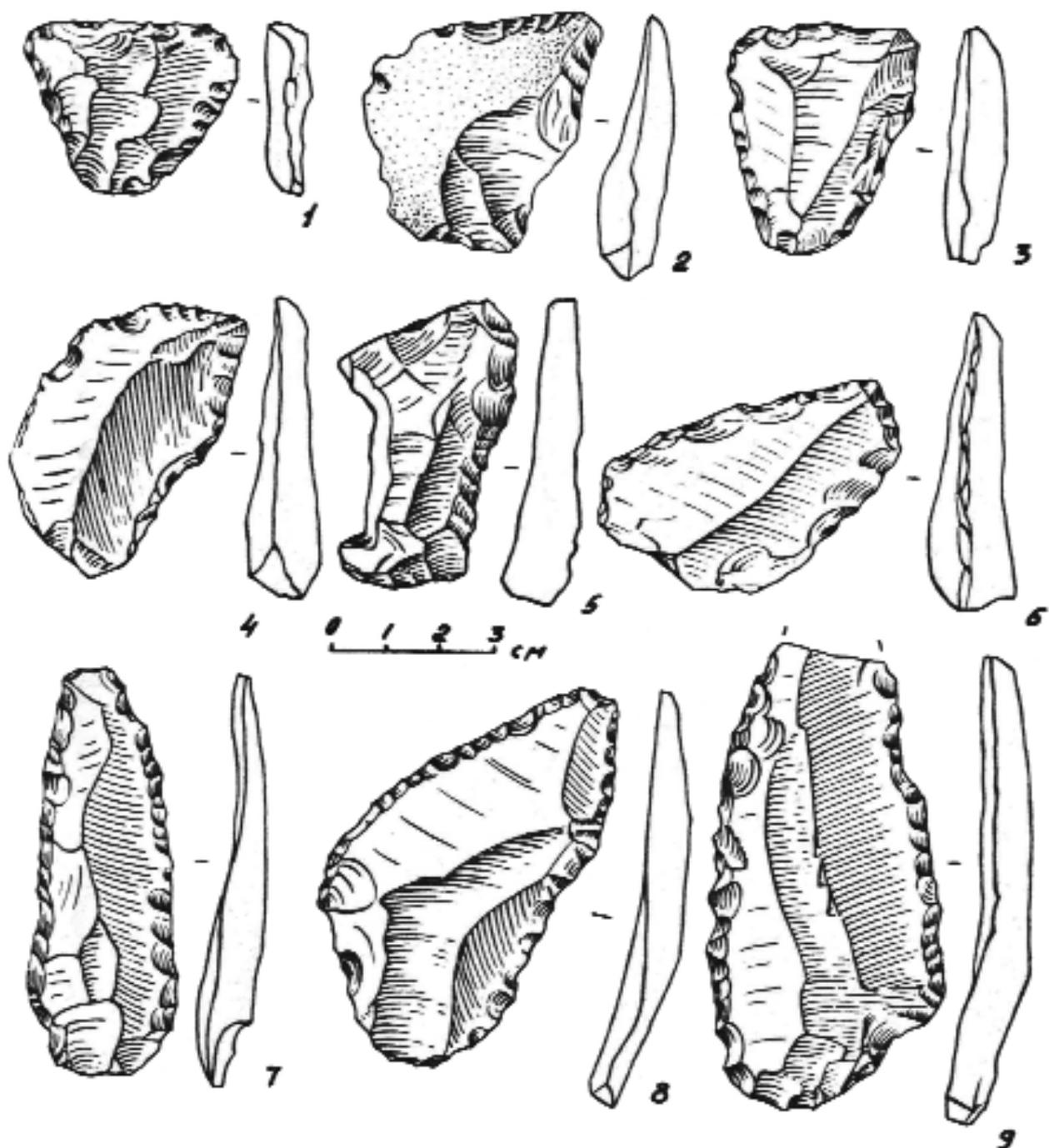

Рис. 81. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. III слой. 1 – 4, 6, 8, 9 – угловатые скребла; 5 – простое прямое скребло; 7 – двойное прямое скребло

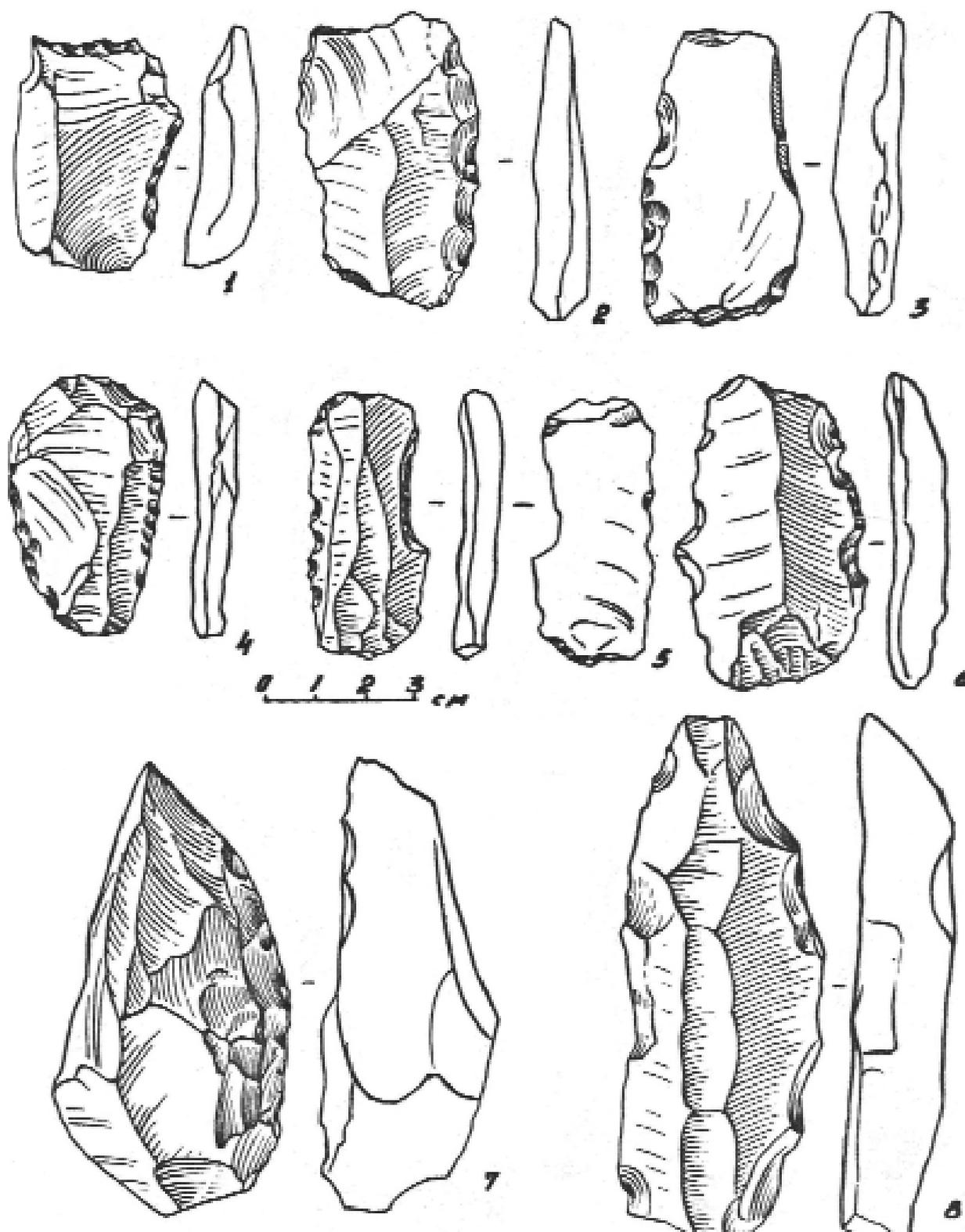

Рис. 82. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. III слой. 1, 4 – скребки; 2 – простое выпуклое скребло; 3 – скребло с брюшковой ретушью; 5 – пластина с зубчатой и выемчатой ретушью; 6 – зубчатое орудие; 7 – нож с обушком; 8 – пластинка с частичной обработкой

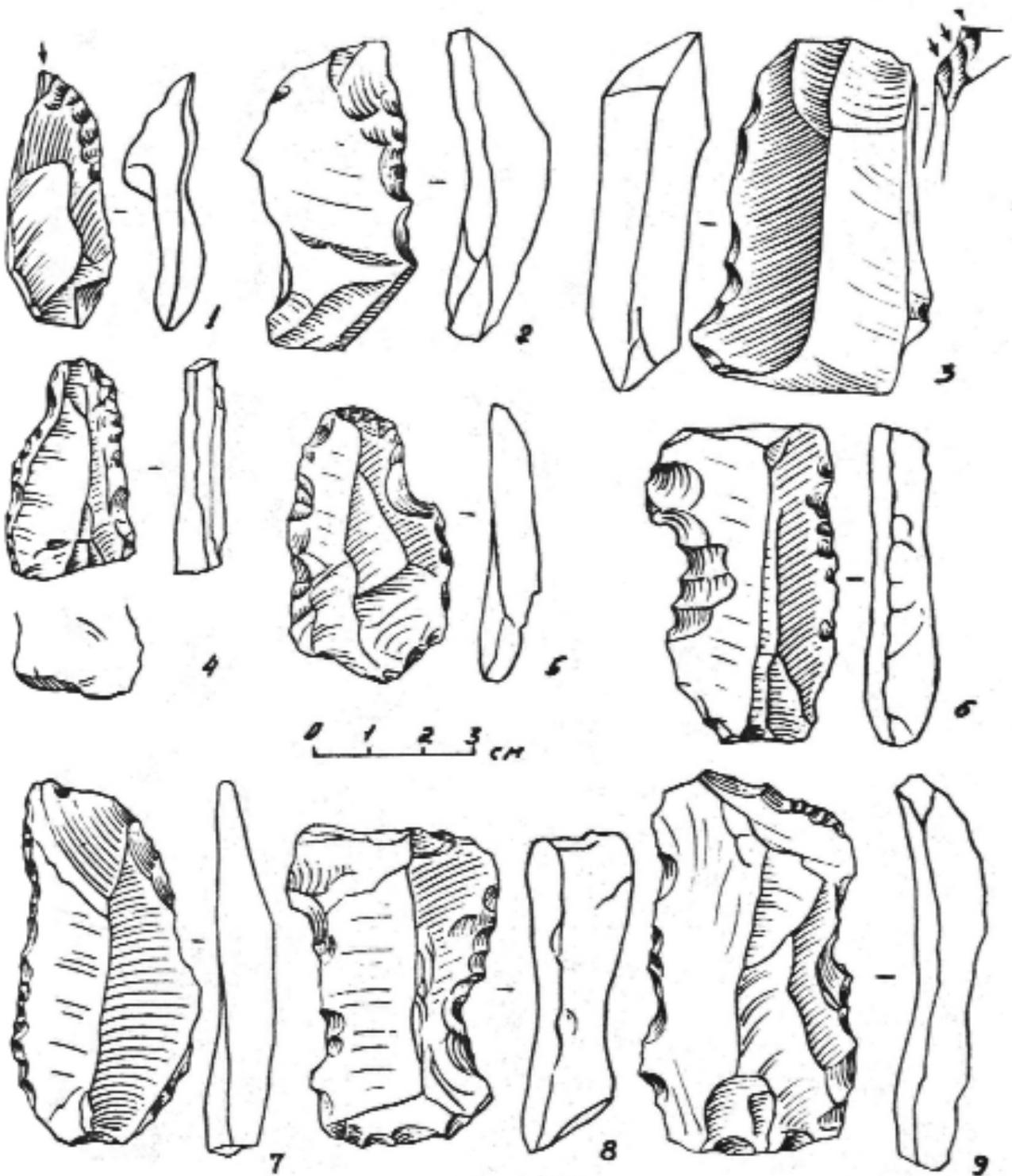

Рис. 83. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. III слой. 1, 3 – резец; 2 – скребло-нож с брюшковой ретушью; 4, 5 – скребла – скребки; 6, 8, 9 – зубчато – выемчатые орудия; 7 – простое вогнутое скребло

Рис. 84. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. III слой. 1 – 6 – фрагментированные орудия; 7 – скребло с брюшковой ретушью; 8, 9, 11 – поперечные скребла; 10 – резец

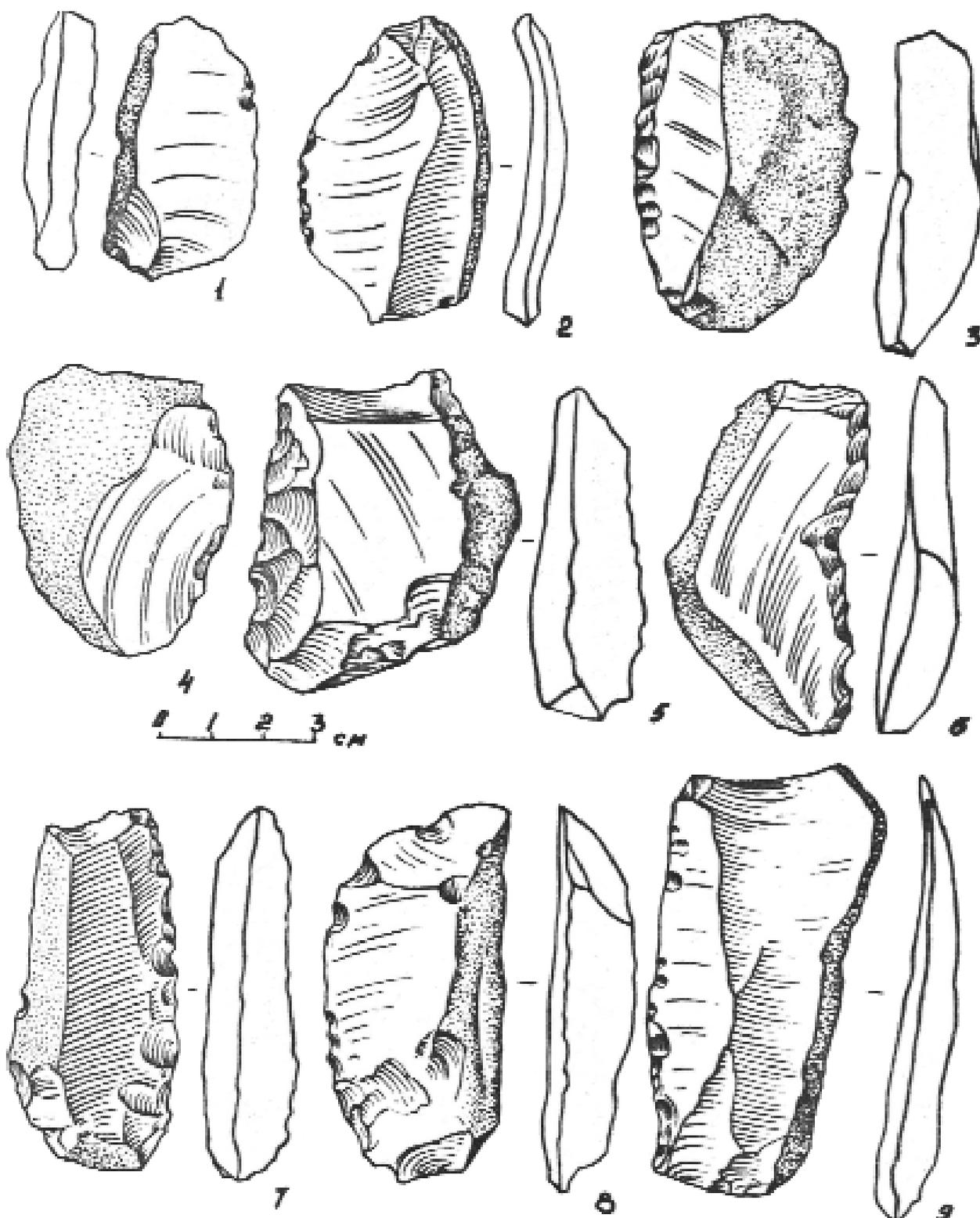

Рис. 85. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. III слой. 1, 2, 8, 9 – нож с обушком; 3, 7 – скребло с натуральным обушком

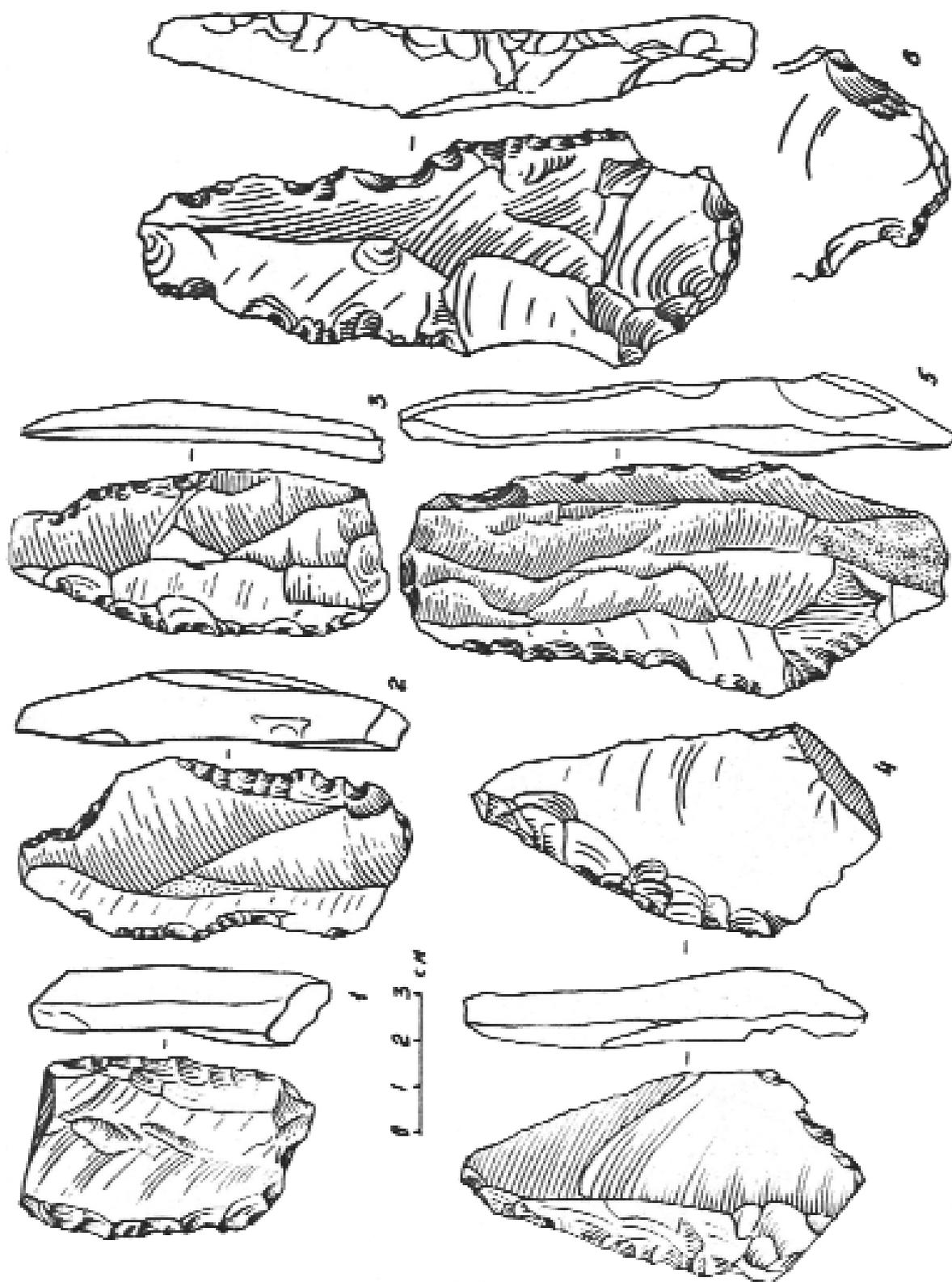

Рис. 86. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. III слой. 1 – двойное прямо – выпуклое скребло; 2 – двойное вогнутое скребло; 3 – двойное двояковыпуклое скребло; 4 – скребло с противолежачей ретушью;

5 – двойное прямоогнутое скребло; 6 – зубчатое орудие

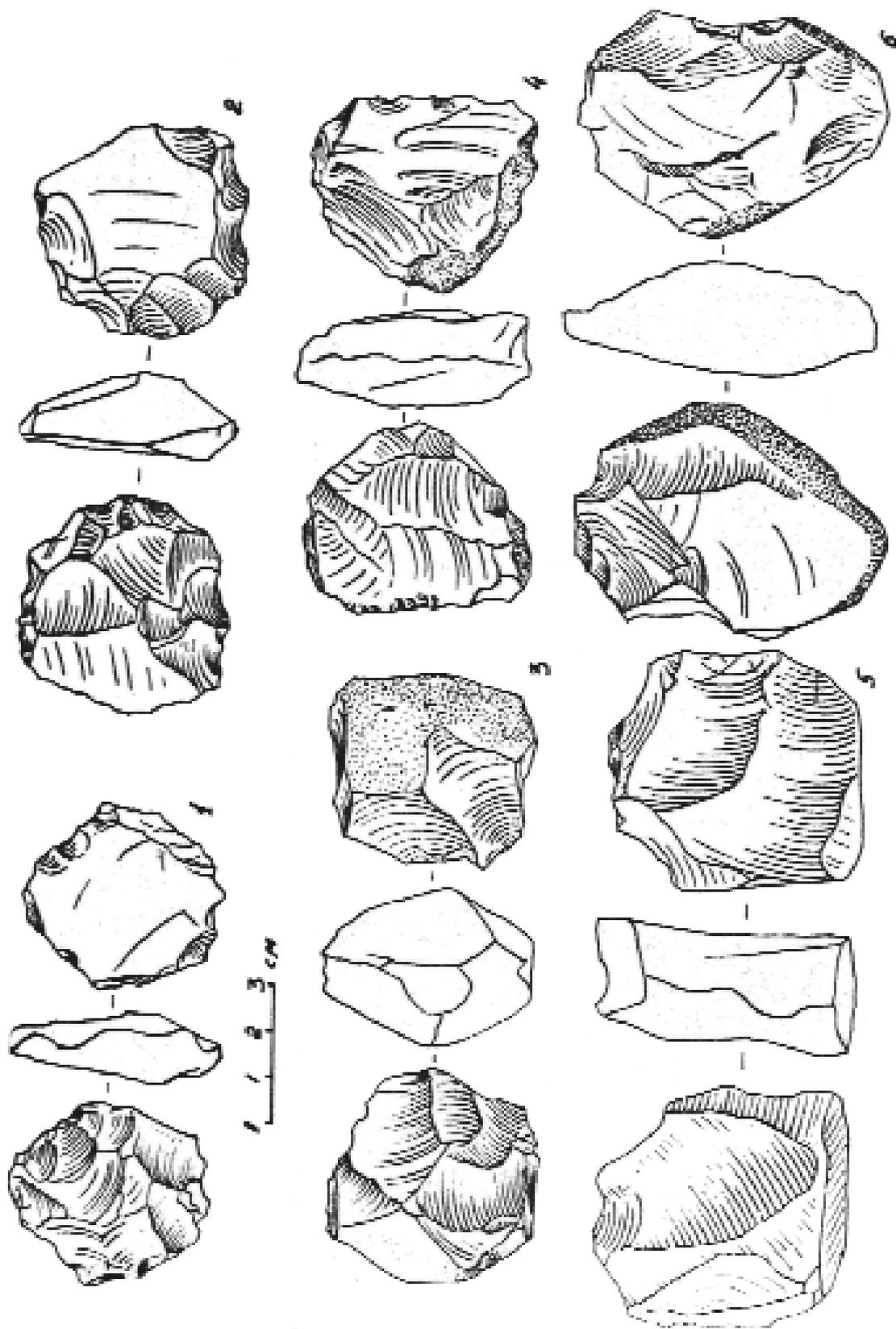

Рис. 87. Пещера Азых. Образцы нуклеусов. III слой. 1 – 3, 5 – дисковидные нуклеусы; 4, 6 – одноплощадочные нуклеусы

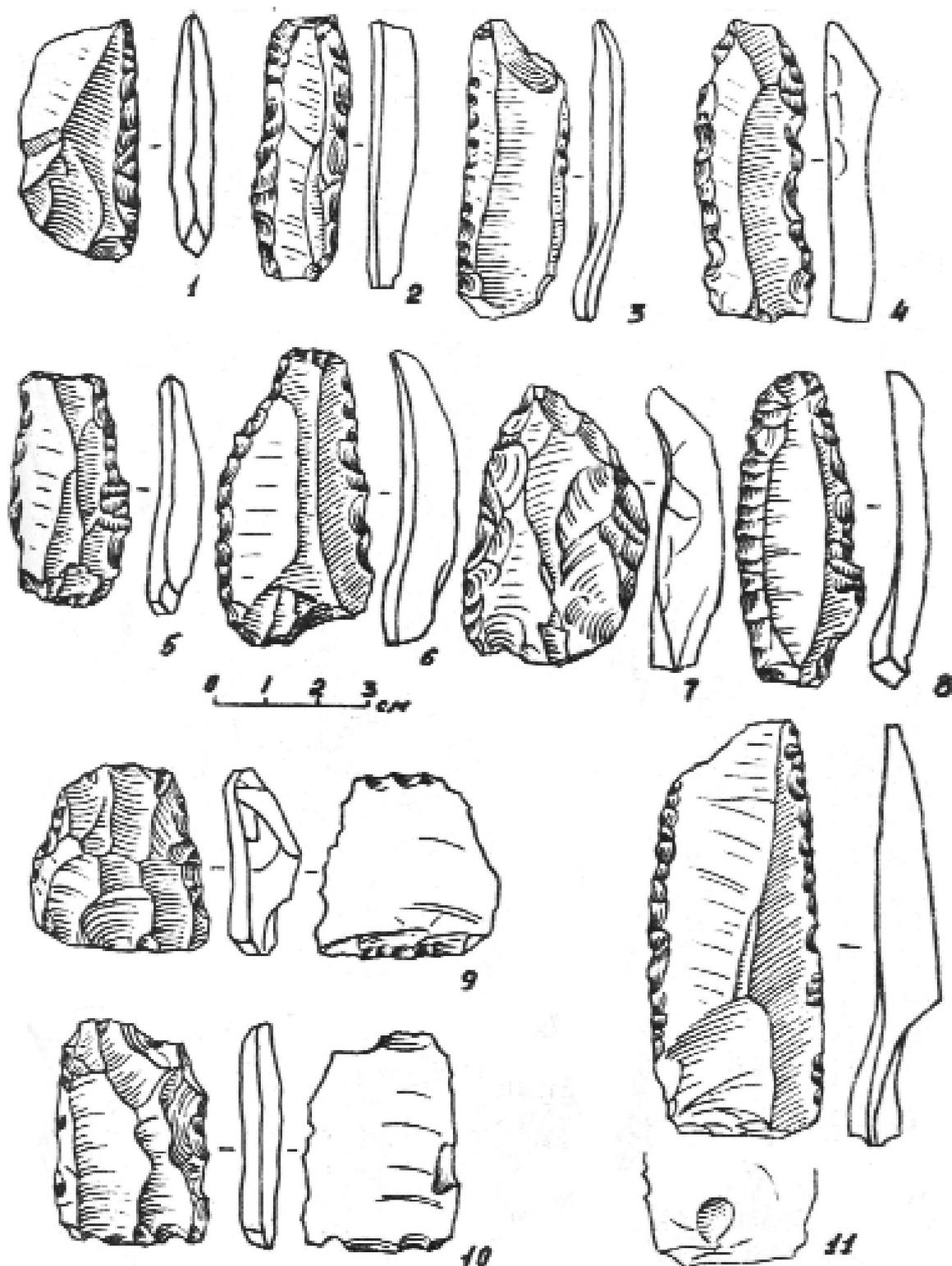

Рис. 88. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. III слой. 1 – простое прямое скребло; 2 – скребло двойное прямоугнутое; 3 – пластина с ретушью; 4 – двойное выпукло вогнутое скребло; 5, 9, 10 – скребла с утонченным основанием; 6 – двойное прямовыпуклое скребло; 7, 8 – конвергентное скребло; 11 – двойное прямое скребла

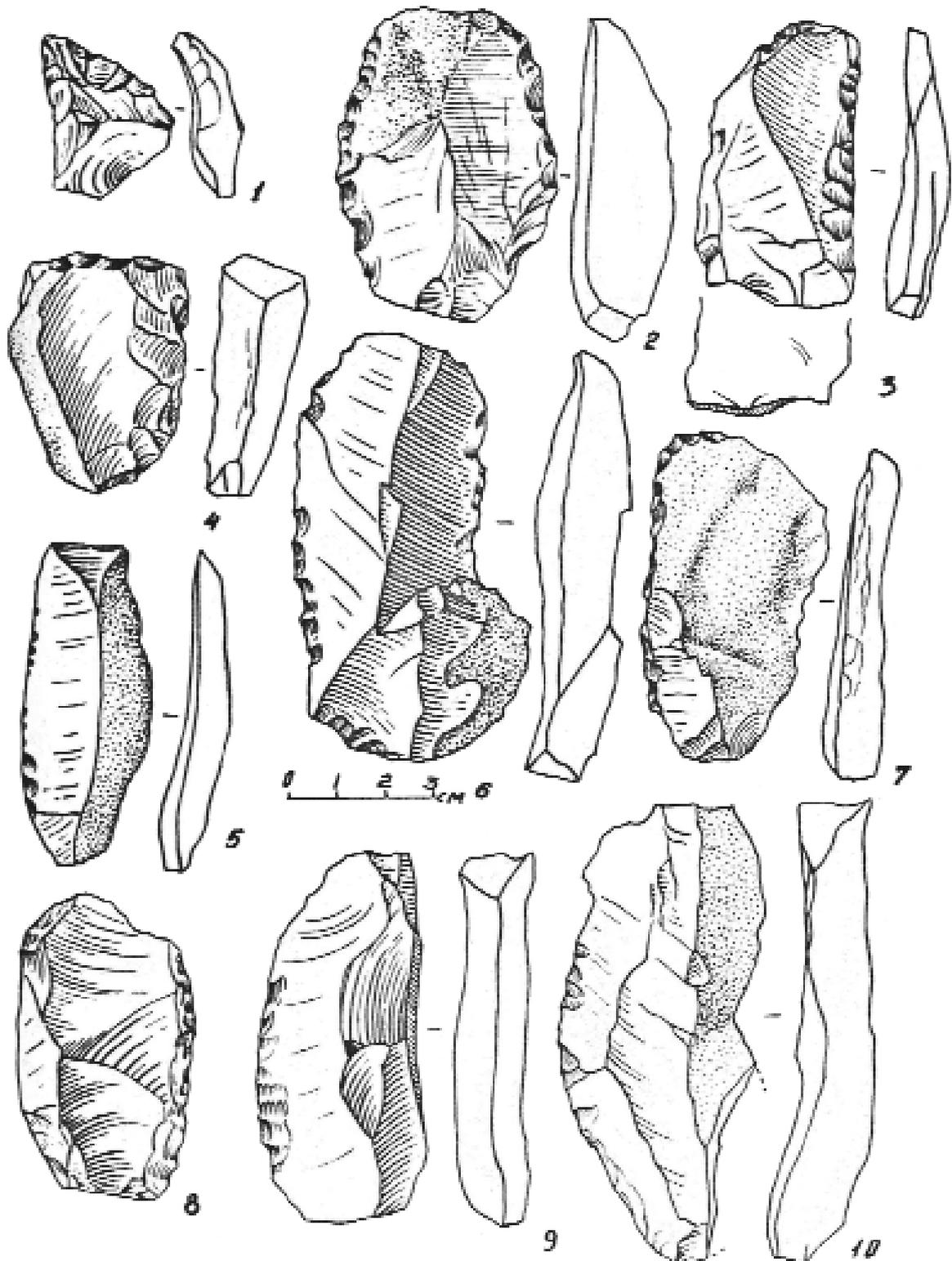

Рис. 89. Пещера Азых. Образцы каменных орудий. III слой. 1 – угловатое скребло; 2 – двойное выпуклое скребло; 3, 7 – простое прямое скребло; 4, 5, 9, 10 – нож с обушком; 6 – пластина с ретушью; 8 – простое выпуклое скребло

ГЛАВА VIII ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНИХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР АЗЫХСКОЙ ПЕЩЕРЫ

Палеолитические артефакты, собранные в нижних (VII – X) слоях Азыха, сильно отличаются от изделий, обнаруженных в древнеашельском VI слое: крупными размерами, преобладанием галечных форм орудий, отсутствием бифасов, грубостью и примитивностью приемов вторичной обработки. Все это и послужило основанием для объединения индустрии четырех слоев нижней толщи Азыхской пещеры в особую, более древнюю, чем ашельская, галечную культуру, получившую название куручайской.

Последующее привлечение к работам экспедиции сотрудников институтов географии АН Азербайджана и АН СССР, проведенные ими комплексные естественнонаучные исследования отложений пещеры, вмещающих культурные слои стоянки, позволили установить возраст этих отложений и время первоначального заселения пещеры. Было установлено, что отложения, содержащие индустрию куручайской, культуры датируются зоплейстоценовым (абшеронским) временем.

1. Некоторые предварительные итоги изучения индустриальных комплексов куручайской культуры (VII – X слои).

Типологический состав изделий куручайской культуры уже в самом нижнем – X слое Азыха, несмотря на малочисленность собранных здесь предметов, обнаруживает морфологически четко выраженные формы изделий с вполне сложившимися принципами вторичной обработки. Имеются среди них и отщепы с четко выраженными признаками намеренного скалывания – ударным бугорком и ударной площадкой, а также ясно очерченным негативом предыдущего скола на спинке (рис.30, 2; слой X).

Отмечено присутствие в слое предметов, хотя и не носящих следов воздействия человека, но явно принесенных им сюда намеренно. В индустрии куручайской культуры это исключительно речные гальки, подобранные обитателями Азыха в русле р. Куручай и

принесенные в пещеру, возможно, в качестве сырья для изготовления орудий.

Среди типологически наиболее выраженных форм надо в первую очередь отметить присутствие в X слое однокраевого чоппера с прямым лезвием (рис.30, 4), а среди приемов оформления – конвергентный принцип ориентации лезвий. Двухлезвийный чоппинг (рис.31, 3) представлен здесь в его архаичном, полукрутом, крупном, противолежаще оформленном варианте, который встречается даже в индустрии V слоя (рис.61, 1).

Очень характерна находка в X слое орудия не галечного характера, с полностью обработанными краями и гранями, орудия названного нами "протолимасом". Это высокое двугранное орудие с двумя заостренными концами, имеющими подработку сходящихся граней ретушью и стес с тыла острия (рис.31, 2), по принципам обработки можно рассматривать не только как прототип одинарных и двойных конвергентных скребел с острием, хорошо представленных в материалах VI слоя и (в более архаичном варианте) в IX слое (рис.33, 3). В нем можно видеть выраженный принцип ориентации высокой гранью вверх, а плоской поверхностью – к тылу орудия, т.е. зарождение формы плосковыпуклого скребущего орудия типа "утюжка", хорошо представленного в VI слое (например, рис.42, б). Одновременно это изделие отличается тем, что не носит характера галечного орудия, а обнаруживает принципы обработки и заострение краев, которые затем широко использовались обитателями VI слоя при изготовлении бифасов. По этому принципу полного отсутствия галечной поверхности мы и объединяем эту и другие формы массивных неотщеповых орудий куручайской культуры как варианты кубовидной формы изделий.

Среди орудий из отщепов обращает на себя внимание скребло с выпуклым лезвием и округленным ретушью концом, асимметричность которого получена противолежащей

выемкой – анкошем (рис.30, 2). Такая форма скребла на отщепе затем встречается и в материале IX слоя (рис.33, 2). В дальнейшем принцип подобного оформления закругленного асимметричного загнутого конца, выделенного выемкой, широко используется в древнеашельской индустрии VI слоя как для оформления скребел, так и для формирования ручных рубил удлинненно-овального типа. Можно отметить также, что прием стесывания скребкового лезвия двумя сколами с тыла, отмеченный у скребка из X слоя (рис.30, 1), прослежен и на орудии со скребковой функцией из VII слоя (рис.40, 1) и также достаточно широко применялся при оформлении скребущих орудий в индустрии VI слоя.

Вышележащий – IX слой дает наибольшее количество артефактов по сравнению с другими слоями, содержащими изделия куручайской культуры. Соответственно увеличивается и разнообразие представленных в индустрии этого слоя артефактов, форм изделий и приемов обработки. Учитывая, что в X слое артефактов было встречено гораздо меньше (видимо, из-за небольшой площади вскрытых отложений) и что отдельные типы орудий повторяются в IX слое почти в неизменной форме (рис.30, 2 и 33, 2; 30, 4 и 34, 1), можно предположить, что в дальнейшем, при увеличении площади раскопок X слоя, многие из форм орудий, пока там не отмеченных, но имеющих в инвентаре IX слоя, будут найдены и в X слое. Как нам кажется, на данном этапе исследований Азыха можно предварительнo объединить индустрии двух самых нижних слоев в один этап развития куручайской культуры. С увеличением общего числа находок в IX слое, видимо, можно связать и большее число галечных сырьевых запасов (галек без обработки), а также увеличении количества изделий кубовидных форм. Последнее доказывает, что наряду с обработкой галечного сырья уже на раннем этапе заселения Азыха ее обитатели свободно пользовались и приемами обработки обычного сырья, что, несомненно, наложило отпечаток на общий облик, традиции и

характер развития индустрии куручайской культуры, но наиболее полно нашло выражение в индустрии древнеашельского слоя.

Рассматривая индустрию IX слоя с этих позиций, отметим прежде всего, что на этом первом этапе куручайской культуры среди галечных форм (чопперов и чоппингов) полностью доминируют формы однокраевого орудия удлинненных пропорций, с прямым, односторонне (рис.32, 8) или двусторонне обработанным (рис.34, 1; 33, 5, 6) нешироким лезвием. Однако наряду с такой формой галечных орудий здесь имеются и поперечные формы изделий из гальки, когда обработке подвергался не узкий конец, а наиболее длинный ее край. В результате получалось орудие с широким поперечным лезвием, которому противостоит длинная галечная пятка. Подобные поперечные формы чопперов и чоппингов встречены и в ряде других древних галечных индустрий, например, в типологически наиболее ранних комплексах галечного палеолита хребта Каратау в Южном Казахстане (стоянки Борыказган и Тапарказган) (Алпысбаев, 1961, с.132 – 136; 1959, с.60 – 69; 1968, с.64 – 70; 1969). Причем именно поперечные формы таких орудий соответствуют типологически наиболее древним из стоянок галечного палеолита хребта Каратау. К сожалению, галечные индустрии Южного Казахстана не могут быть сколько-нибудь надежно датированы естественнонаучными методами. Поэтому именно находки сходных форм в пещере Азых и общая тенденция их развития подтверждают мнение покойного исследователя этих памятников Х.А.Алпысбаева, что в Южном Казахстане представлена галечная индустрия, относящаяся к олдувайской эпохе времени эоплейстоцена (абшерона).

Интересно, что в IX слое у поперечных форм чоппера и чоппинга обработка уже захватывает углы поперечного лезвия и заходит на короткие боковые края (рис.34, 2 и 32, 4). Этот прием, постепенно совершенствуясь, встречается в VI слое уже в идее поперечного чоппера с выпуклым лезвием и заостренными

концами (рис.44, 2) – прототипа скребел сходных форм на отщеповых заготовках, столь широко представленных в индустрии VI слоя. Впрочем, такие скребла из отщепов встречены уже и в VII слое (рис.40, 4), что еще больше сближает традицию куручайской культуры с традицией раннего ашеля VI слоя Азыха.

Другой особенностью индустрии IX слоя (или первого этапа куручайской культуры в целом) можно считать изготовление форм еще на массивных кусках и обломках сырьевой породы или на плоских гальках, в дальнейшем встречающихся лишь на отщеповых заготовках. Из встреченных в IX слое групп орудий не на отщеповых заготовках отметим форму клювовидного орудия с заостренным рабочим элементом, дополнительно обработанным диагональными фасками (рис.32, 7), и архаичную форму конвергентного асимметричного скребла с прямыми краями и острием (рис.33, 3), очень близкого к "протолимасу" из X слоя, но имеющего лишь один острый конец.

Среди орудий из отщепов следует упомянуть, в дополнение к тем формам, которые уже были найдены в X слое, форму трехлезвийного поперечного угловатого скребла с обработкой углов стыка (рис.33, 4); усовершенствованная форма такого орудия хорошо представлена в индустрии VI слоя. Присутствие долотовидного орудия уже на первом этапе куручайской культуры (долотовидное орудие на отщепе, с желобчатой подработкой лезвия, рис.33, 1), наряду с конвергентными и угловатыми скреблами, клювовидными орудиями и скребками, показывает, что традиции разграничения основных форм и групп орудий в основном сложилась уже на первом этапе заселения Азыхской пещеры и в дальнейшем лишь совершенствовалась, дойдя до кульминации в раннеашельской индустрии VI слоя.

VIII слой Азыха, несмотря на меньшее, чем в IX слое, количество материала, обнаруживает существенные изменения в облике индустрии. Наряду с преобладанием, как и в двух нижележащих слоях, чопперов и

чоппингов удлинённых пропорций, с узким рабочим лезвием, здесь впервые появляются чопперы с узкой пяткой, требующие особого подбора и ориентации галечной заготовки. Второе нововведение – это появление так называемых "гигантолитов", крупных чоппингов с длинной пяткой и поперечным лезвием, но выделенным выемками с боков в центре поперечного длинного края широкого асимметричного выступа, являющегося основным рабочим элементом (рис.35, 3; 36; 37, 4).

Впервые в этом слое появляются орудия в виде чопперов с острым выступом, в двух его разновидностях. Первая – поперечное орудие на расколотой гальке с обработанным основанием и выделенными в центре поперечного края ретушированными выемками с обеих сторон широкого острия-провертки или сверла (рис.35, 2). Такое орудие является прототипом острия-провертки на середине бокового края отщеповой заготовки, встреченного в VII слое уже в отщеповом варианте и хорошо известного также в инвентаре VI слоя (рис.40, 6; 50, 3). Вторая разновидность чоппера с острием – не на галечной, а на кубовидной заготовке (рис.37, 2). Он характеризуется обработкой острого выступа крупными сколами, идущими диагонально от краев к центру спинки, образуя срединное ребро-грань в верхней трети изделия. Такой прием хорошо представлен при оформлении острия расширенных пропорций в VI слое (рис.49, 8). И там, и в слое VIII центральный короткий выступ имеет дополнительный стес-фаску со спинки по центру острия, что подтверждает его основную роль в рабочей функции данной формы орудия.

Появляется в VIII слое и чоппер на пирамидальной заготовке с прямым поперечным лезвием, представляющим собой пологую грань, обработанную краевой ретушью. Эту форму можно рассматривать как прообраз долотовидного орудия с прямой гранью, встречаемого в VII и особенно в VI слое уже на отщеповых заготовках (рис.37, 3). В то же время, многочисленные в этом слое орудия из отщепов включают те же скребла, что и ниже, и среди них поперечное клювовидное орудие с

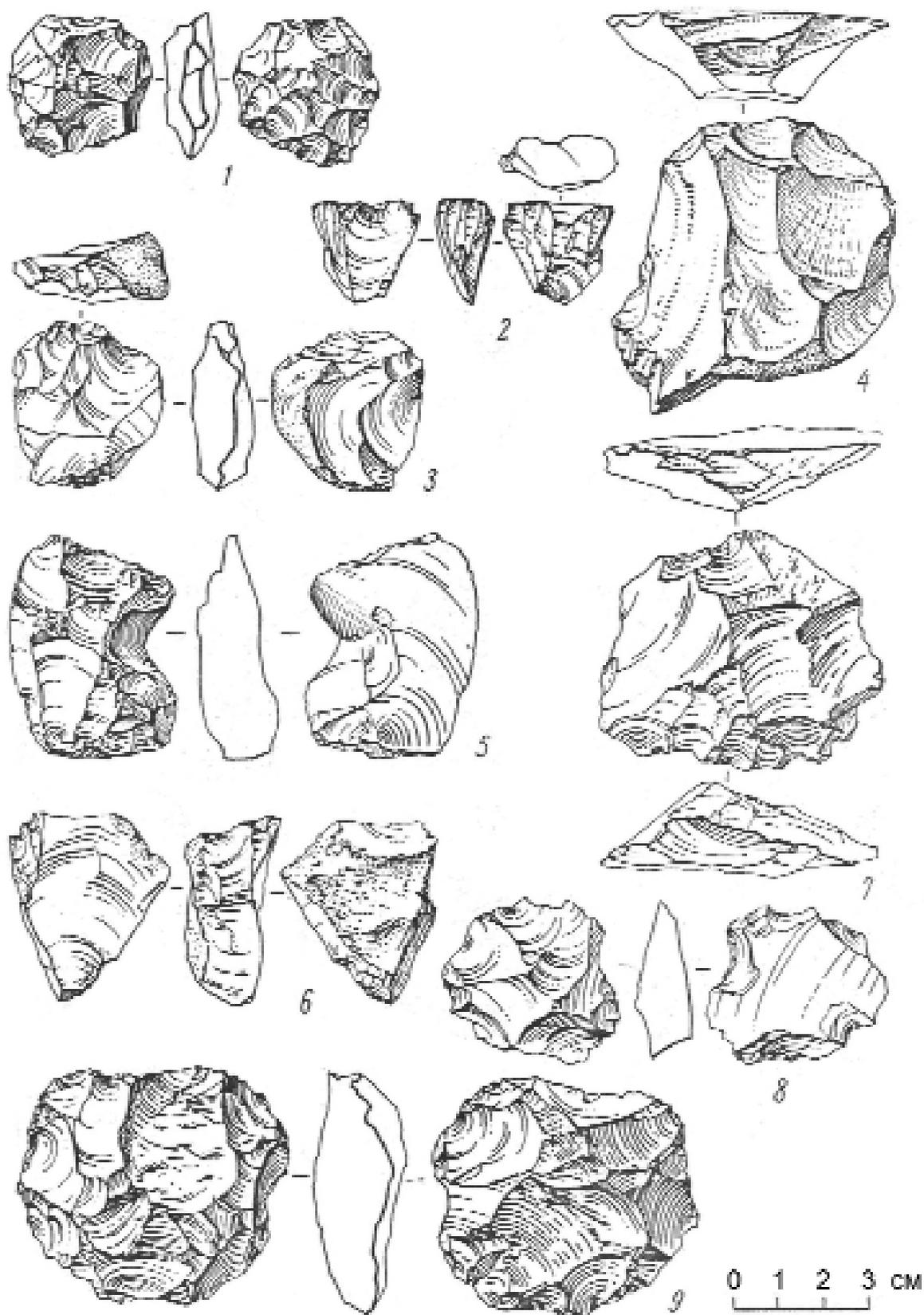

Рис. 90. Пещера Таглар. II слой. Образцы нуклеусов

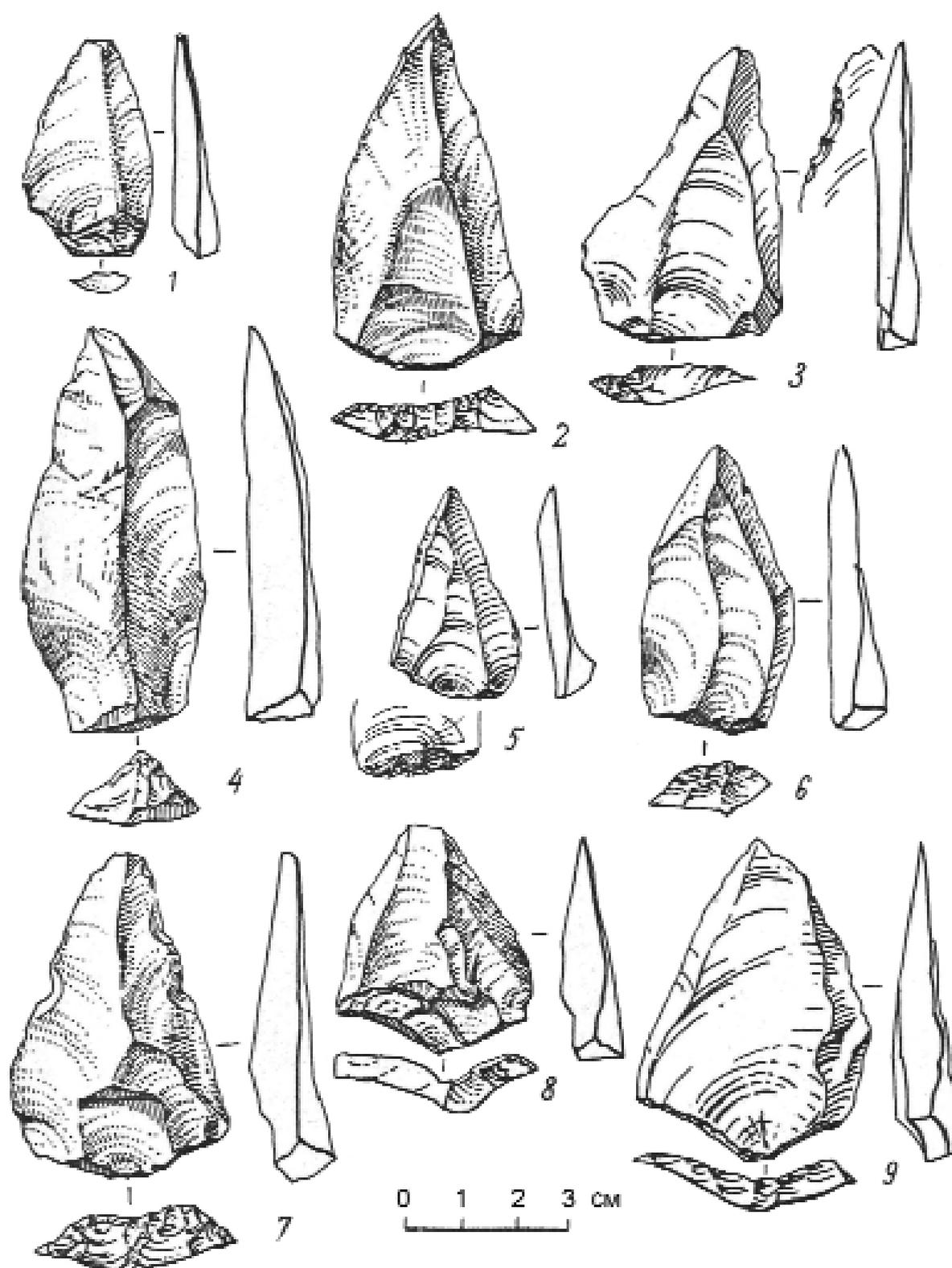

Рис. 91. Пещера Таглар. Образцы леваллуазских остроконечников

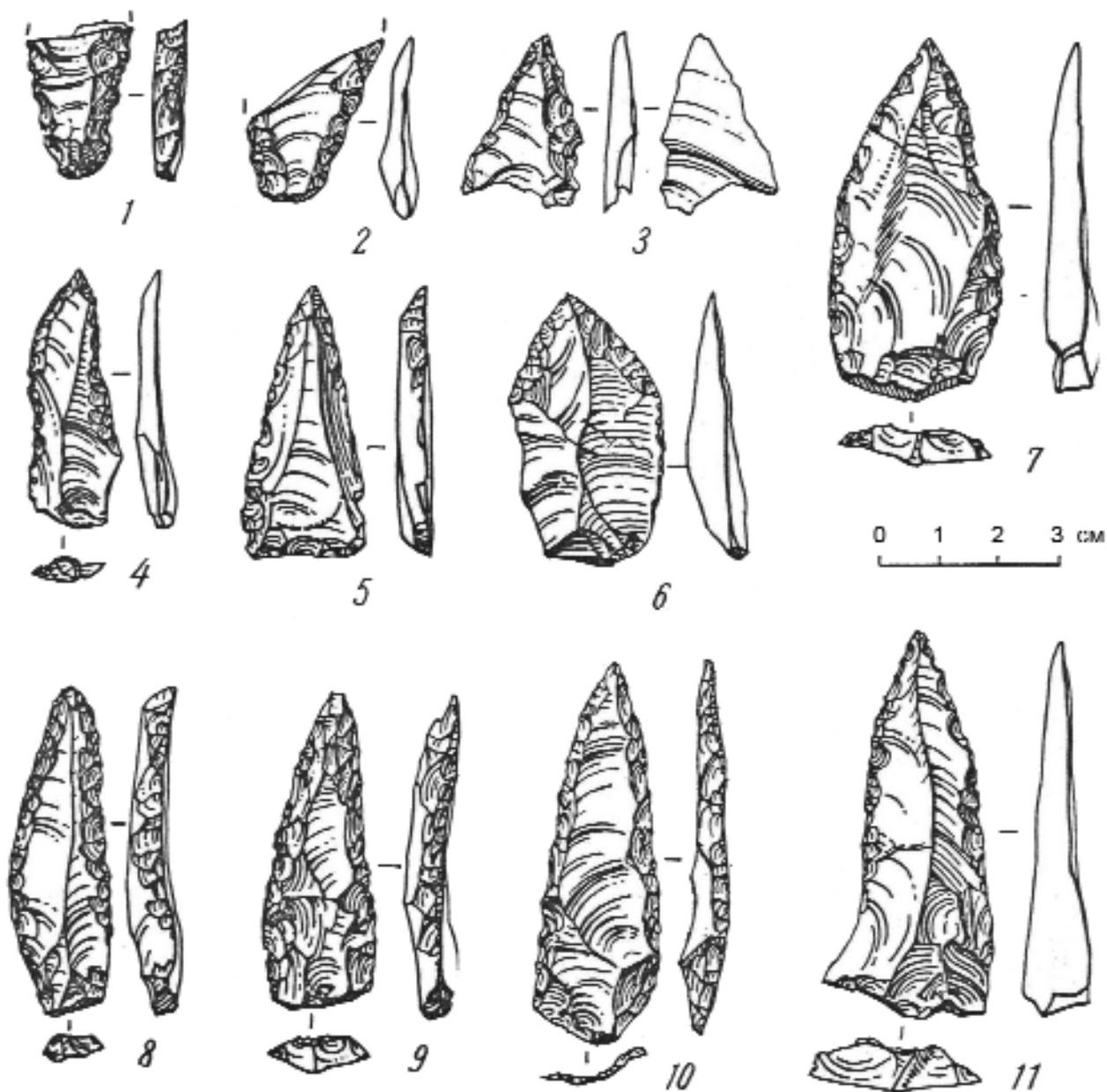

Рис. 92. Пещера Таглар. Образцы каменных орудий. II слой. 1 – 3 – фрагментированные орудия; 4 – 6 – острия; 8, 9 – мустьерские остроконечники; 7, 10, 11 – леваллуазские ретушированные остроконечники

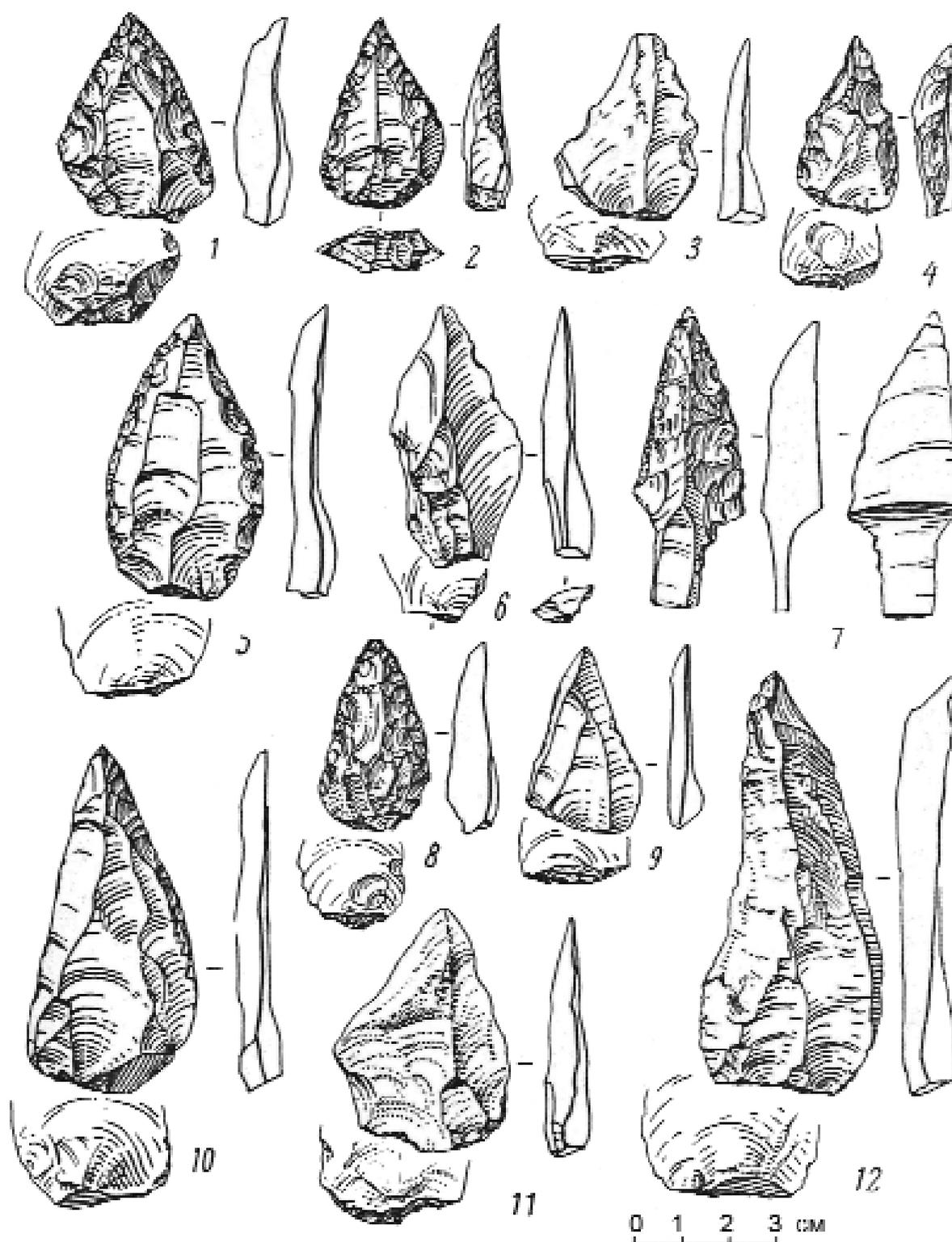

Рис. 93. Пещера Таглар. Образцы каменных орудий. 1, 2, 4, 7, 8 – мустьерские остроконечники; 3, 6, 9, 11 – леваллуазские остроконечники; 5, 10 – леваллуазские ретушированные остроконечники; 12 – треугольный отщеп

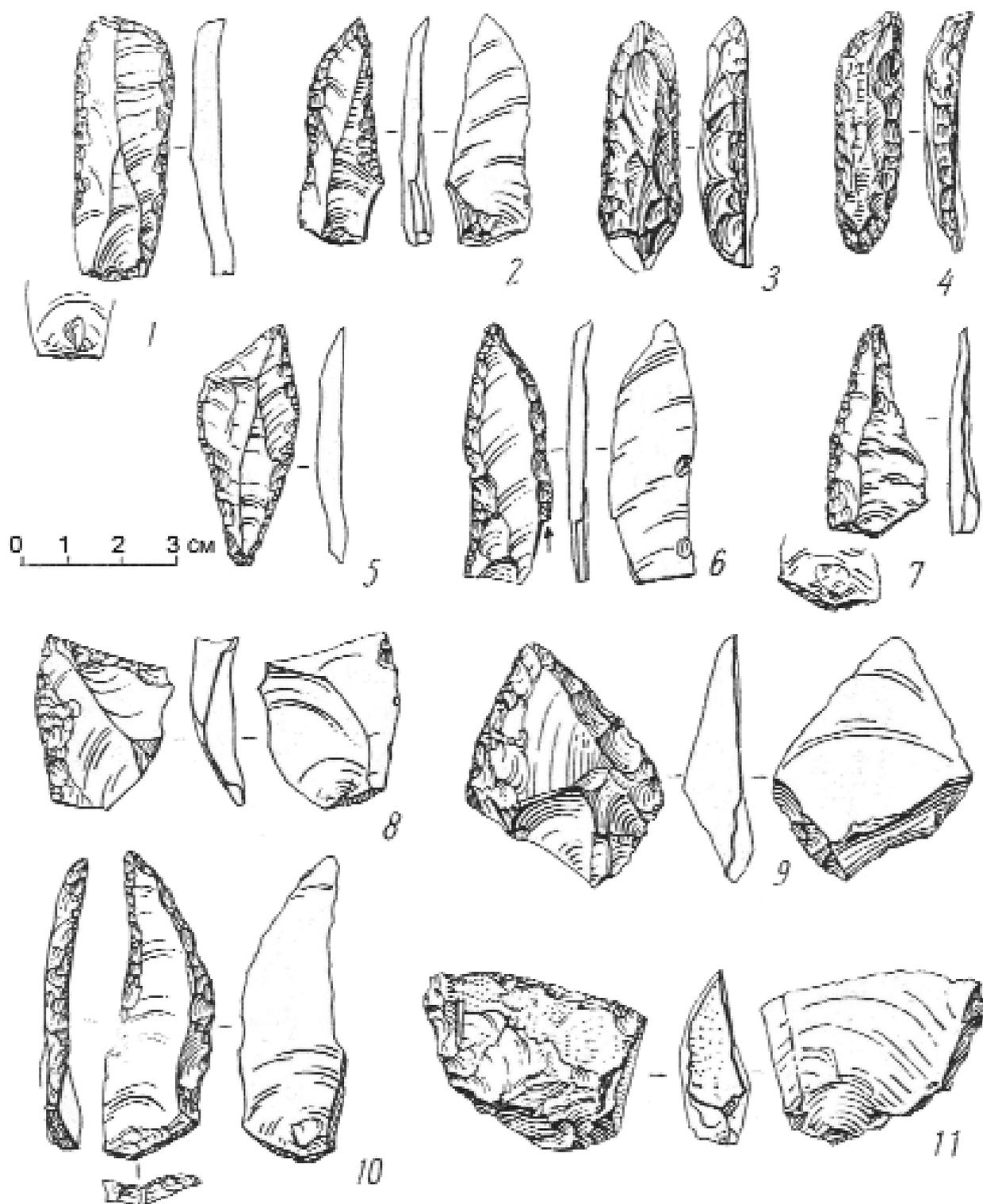

Рис. 94. Пещера Таглар. Образцы каменных орудий. 1 – концевой скребок; 2, 5, 6, 7, 10 – остря; 3, 4 – лимасы; 8, 9, 11 – угловатые скребла

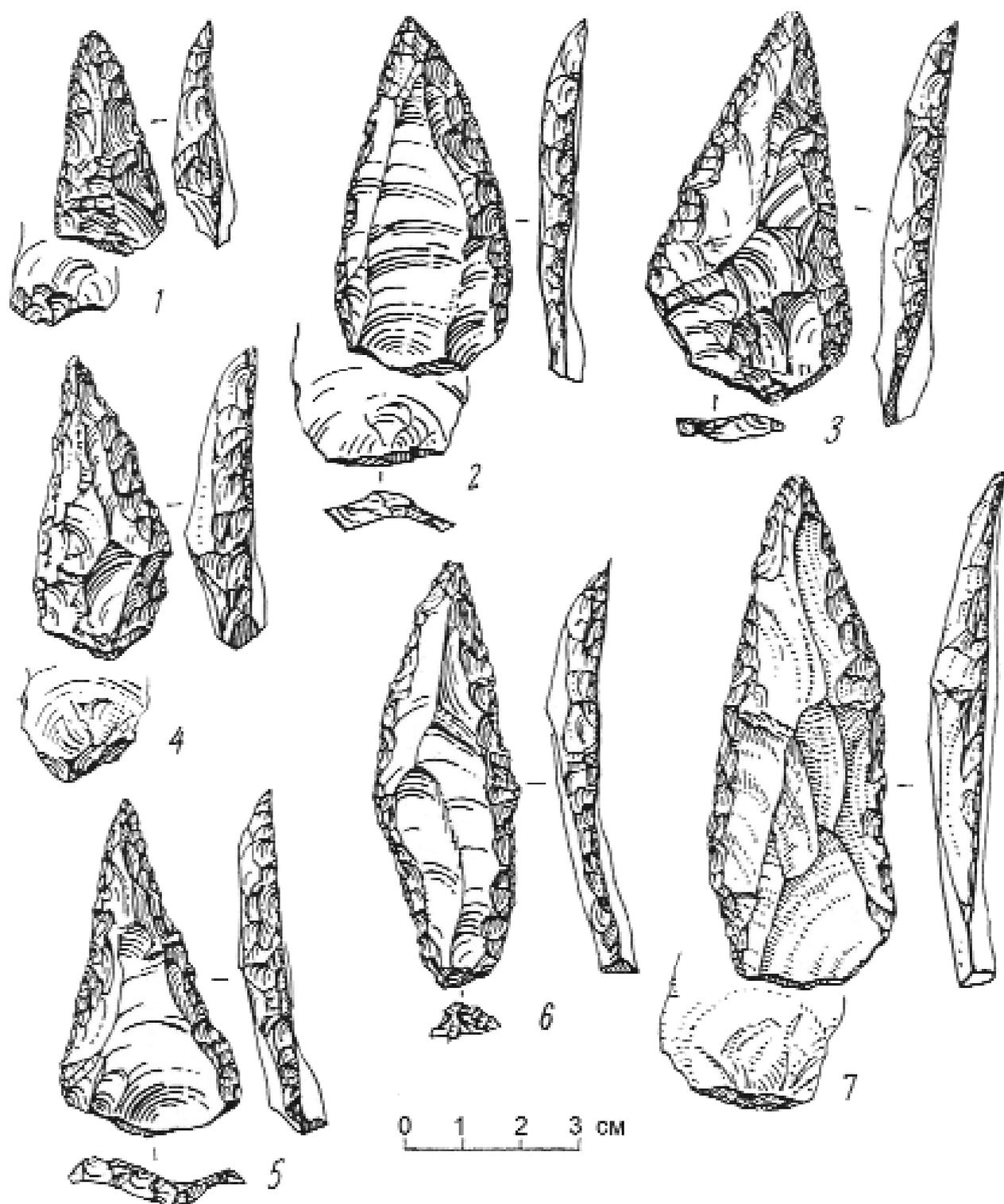

Рис. 95. Пещера Таглар. Образцы леваллуазских ретушированных и мустьерских остроконечников

выступом – "утиным носиком". На предыдущем этапе клювовидная форма встречалась, но не на отщепе, а на расколотой гальке.

В VII слое, наряду с уже известными, описанными выше, формами орудий, встречаемых уже здесь только в отщеповых вариантах (за исключением чопперов и чоппингов), новой формой является частично бифасальное орудие с горизонтальным обушком – прообраз бифасального ножа с обушком, формы, получившей развитие уже в ашеле и встреченной вместе с бифасами в VI и V слоях. В то же время орудия из отщепов VII слоя по многим признакам (как по типологии, так и по правильности оформления) близки к орудиям VI слоя. Здесь есть и типичный клювовидный резчик с обушком, и скребло-нож с упором на угол, и поперечное скребло с коротким выпуклым обушком и заострением лезвия, и скребущее орудие со снятиями с тыла и острие-провертка на середине бокового края (рис.40, 2, 6; 41, 1, 2), и долотовидное орудие на крупном отщепе, с ретушированным прямым лезвием (рис.41, 3; 54, 6). Да и поперечные формы чоппера (рис.47, 7, VI слой) уже полностью напоминают по характеру обработки рабочего края скребла с заостренными концами лезвия, о чем уже говорилось.

Учитывая все вышеприведенные аргументы о характере изменений в индустрии куручайской культуры на протяжении ее существования в Азыхе (от X до VII слоя), мы подразделяем ее на три этапа. Критериями при разграничении этапов служат в основном два показателя: 1 – появление новой группы или типа орудий и 2 – замена кубовидной или плитчатой заготовки на отщеповую.

Второй показатель требует некоторого разъяснения. Нами прослежено, что новая форма орудия первоначально оформляется не на отщеповой, а на кусковой или галечной заготовке и лишь впоследствии заменяется отщеповой формой. Но рядом с такой отщеповой формой появляются новые группы и формы орудий, которые первоначально также оформляются на галечных заготовках и лишь

Типологический состав орудий Тагларской индустрии

Типы орудий	Количество
Сколы леваллуа типичные и атипичные	58
Остроконечники:	
леваллуазские	139
леваллуазские ретушированные	112
мустьерские	139
Лимасы	9
Скребла:	
боковые одинарные	162
боковые двойные	97
конвергентные	19
угловатые	49
поперечные	4
с ретушью с брюшка	1
с противоположной ретушью	1
с утонченным корпусом	12
Скребки	8
Резцы	1
Проколки	3
Ножи с естественным обушком и обушком-гранью	12
Выемчатые орудия	4
Зубчатые орудия	10
Разное	6
Всего	834

впоследствии (в VI слое) проявляются в отщеповом варианте.

Этапы развития куручайской культуры

1-й этап (X и IX слои). Имеются формы однокреугового и поперечного чоппера на отщеповых заготовках – "протолимас" (прототип двойного конвергентного скребла и орудия "утюжка"), конвергентное прямое скребло с острием, клювовидные орудия на отщеповых заготовках, скребла, в том числе с закругляющимися лезвиями, и долотовидно-желобчатые формы.

2-й этап (VIII слой). Преобладание галечных форм и кубовидных над отщеповыми. Среди галечных форм чопперов и чоппингов заметно усложнение обработки, появляются так называемые "гигантолиты" (поперечные

чопперы с широким основным рабочим выступом в центре поперечного края), форма чоппера с узкой пяткой, требующая подбора особых галечных заготовок. Орудия, которые на первом этапе оформлялись на кусках породы, здесь встречаются в отщеповом варианте (клювовидная форма скребла). Но появляются новые группы и разновидности серийных групп орудий, оформленные не на отщеповых, а на кубовидных заготовках.

3-й этап (VII слой). Все перечисленные выше формы неотщеповых орудий на этом этапе встречаются в отщеповом варианте. Отмечаются новые разновидности скребел (скребло с упором на угол, поперечное скребло с острием и выпуклым обушком) и долотовидных форм (долото с поперечным прямым лезвием на крупном отщепе). Формы отщеповых орудий уже полностью типологически соответствуют сходным типам орудий, встреченным в VI слое.

Новой формой служит орудие с прямым горизонтальным обушком и частично бифасальной обработкой острого края – прототип бифасального ножа с подработанным обушком, получившим развитие, наряду с бифасами, в индустрии VI и V слоев. В то же время индустрия VII слоя характеризуется тем, что новые, отщеповые формы орудий существуют совместно со старыми типами галечных орудий (чопперов и чоппингов), а более прогрессивная форма рубящего орудия – бифас еще не возник, он появится только в древнеашельской индустрии VI слоя.

Все отмеченные детали оформления орудий куручайской культуры позволяют сделать вывод, что в Азыхе в X – IX слоях мы сталкиваемся с уже полностью сложившимися основными принципами и приемами вторичной обработки, которые затем используются и совершенствуются в вышележащих слоях куручайской культуры и применяются даже в ашеле VI слоя. Это позволяет сделать существенное заключение о том, что в Азыхскую пещеру представители куручайской культуры пришли не со случайно и спонтанно возникшими, а с уже выработанными на протяжении тысячелетий приемами изготовления

орудий, которые затем передавали в качестве традиционных последующим поколениям наследников. А такой вывод логически приводит к предположению о том, что носители куручайской культуры еще задолго до первого посещения пещеры Азых существовали и развивали свои традиции и культуру, обитая на открытых пространствах Тугской котловины и долины р. Куручай (а возможно, и всего Южного Азербайджана, включая Тальш). Это вселяет в нас немалую уверенность, что в дальнейшем, возможно, удастся обнаружить открытые поселения (или следы орудийной деятельности) предков обитателей Азыхской пещеры, по абсолютному возрасту отстоящих от азыхцев на несколько сотен тысяч лет и обитавших в этих районах Азербайджана не менее чем 1,5 млн лет назад.

2. Техничко-типологические особенности древнеашельской индустрии VI слоя

Коллекция орудий VI слоя стоянки – одна из наиболее представительных в археологических материалах Азыха. Поэтому, задавшись целью сопоставить между собой индустрии куручайской культуры VII – X слоев с одной стороны и V среднеашельского слоя – с другой, выяснить их основные типологические особенности, необходимо прежде всего уяснить технико-типологическую характеристику материалов именно VI слоя, являющихся и в стратиграфическом, и в культурном отношении связующим звеном между разными эпохами палеолита в Азыхе.

Наиболее бросающейся в глаза особенностью индустрии VI слоя, отличающей ее как от нижележащих, так и от вышележащего V слоя, является обилие мелких орудий – и прежде всего орудий, оформленных на отщеповых заготовках. Среди них преобладают отщепы самых разнообразных очертаний, но в основном массивные (толщина их в среднем составляет не менее 1,5 см, а во многих случаях превышает 2 см). Причем большую долю среди них составляют отщепы разновеликие и поперечные, а у удлиненных заготовок очень редко длина превышает двойную ширину, чаще всего ширина составляет от 2/3 до 3/4 длины заготовок. Очень часто встречаются

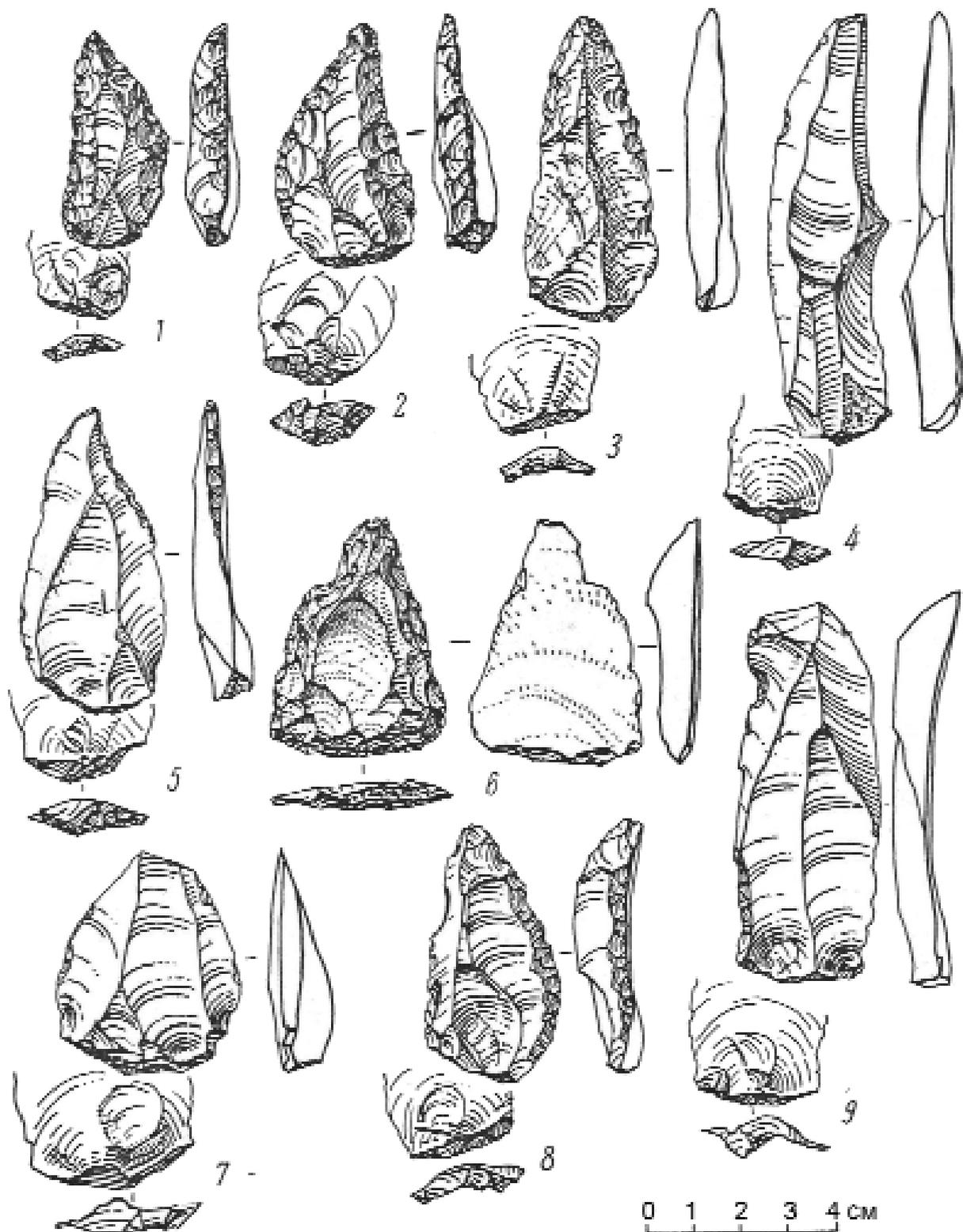

Рис. 96. Пещера Дашсалахлы. Образцы каменных орудий. 1, 2 – угловатые скребла; 3, 6 – мустьерские остроконечники; 4 – нож с обушком; 5, 7 – леваллуазские остроконечники; 8 – простое выпуклое скребло с обушком; 9 – пластина

**Основные типологические показатели заготовок
(сколы леваллуа)**

Тип заготовки	ПЛОЩАДКИ						Всего
	Гладкие	Двугранные	Фасетированные прямые	Фасетированные выпуклые	Поврежденные и неопределимые	Удаленные вторичной обработкой	
Отщепы	2	4	4	1	3	-	14
Треугольные сколы	1	7	4	3	-	2	17
Пластины	5	4	6	3	15	2	35
Итого	8	15	14	7	18	4	66

Таблица 27

**Основные типологические показатели заготовок
(сколы пелеваллуа)**

Тип заготовки	ПЛОЩАДКИ						Всего
	Гладкие	Двугранные	Фасетированные прямые	Фасетированные выпуклые	Поврежденные и неопределимые	Удаленные вторичной обработкой	
Отщепы	5	6	5	2	13	4	35
Треугольные сколы	2	1	5	1	3	2	14
Пластины	2	5	5	2	8	-	22
Итого	9	12	15	5	24	6	71

заготовки, у которых ось отщепа не совпадает с осью изделия. Другой особенностью является четкое разделение отщеповых заготовок, из которых изготавливались орудия, на основные категории: крупные, мелкие и средние. При оформлении на них различного рода орудий сохраняются все основные признаки первичного расщепления (ударный бугорок и гладкая скошенная площадка) и фрагментированных заготовок. В индустрии VI слоя техника намеренного членения заготовок перед изготовлением из них орудий, видимо, применялась довольно широко. Во всяком случае, в коллекции орудий присутствует значительное число изделий, изготовленных не из целых отщепов, а из их частей. Чаще всего фрагментированными заготовками представлено кремневое сырье, что позволяет сделать предположение, что оно особенно ценилось обитателями Азыха.

Поэтому изготовленные орудия на фрагментах, с одной стороны, создают впечатление миниатюрности значительной части орудий, а с другой – чрезвычайно высокой степени их оформления различными приемами вторичной обработки. Среди этих приемов первое место занимает крупнофасеточная крутая и полукрутая распространенная ретушь, часто захватывающая всю плоскость спинки таких мелких, но чрезвычайно массивных в сечении орудий. Она создает у обушковых скребел крутую обработанную плоскость, примыкающую к корочному обушку, а у конвергентных угловатых скребел, смыкаясь, несколько таких плоскостей образуют срединное ребро-грань и высокую двухскатную или трехскатную спинку (рис.50, 4 – 7). Благодаря фрагментации заготовок и такой ретушной разновидности вторичной обработки у довольно значительной части

Таблица 28

Типологический состав орудий

Тип орудий	Количество
Отщепы леваллуа типичные	2
Остроконечники:	
леваллуазские ретушированные	4
леваллуазские	5
мустьерские	5
Скребла:	
простые прямые	9
выпуклые	4
угловатые	3
с обушком	4
Асимметричные острия	2
Пожги с обушком	5
Высеченные орудия	2
Зубчатые орудия	3
Разное	2
Всего	50

орудий этого слоя первичные технические признаки снимаются вторичной обработкой, а основные рабочие лезвия и элементы оформляются на проксимальных частях заготовок, в результате чего иногда довольно затруднительно определить первоначальную форму заготовки, ее ударной площадки и бугорка.

Любопытно проследить и то, какие типы и группы орудий изготавливались на отщепах каждой из таких трех категорий заготовок: крупных отщепов, обычных сколов и фрагментов их. Употребление заготовок каждой из этих категорий было не совсем одинаковым.

Из фрагментов заготовок изготавливались главным образом короткие массивные двугранные конвергентные скребла с прямыми краями и острым концом, а также обушковые разновидности скребел. Такие фрагменты использовались для получения различного рода мелких скребел с крутым лезвием и клювовидных орудий. Причем характерно, что большинство таких орудий имеет подработку всех краев основания, что на орудиях сходных форм, изготовленных из целых отщепов, встречается нечасто. В то же время специально выделенных острий, долотовидных изделий,

зубчатых орудий из фрагментированных заготовок почти не изготовлялось – их предпочитали оформлять на целых, более крупных заготовках. Из крупных заготовок, чаще всего скальваемых с галек и имеющих округлую галечную поверхность спинки, предпочитали изготавливать скребла не с крутыми лезвиями и обушками (что, казалось бы, более удобно), а режущие орудия типа ножей с обушками, скребел-ножей с упором на угол, с краями, приостренными чередующейся ретушью, а также клювовидные режущие формы, в том числе двойные и тройные. Охотно использовали обитатели VI слоя и поперечные прямые края крупных отщепов, преобразуя их в долотовидные орудия или скребковые лезвия. Наиболее массивные крупные отщепы или расколотые гальки использовались для изготовления крупных скребущих орудий с прямыми или конвергентно сходящимися отвесно обработанными краями и плоским галечным основанием.

Наиболее разнообразная гамма орудий изготавливалась из обычных отщепов, сохраняющих все признаки первичного расщепления и имеющих средние пропорции. Однако эти первичные технические характеристики заготовок интересовали изготовителей орудий VI слоя не в первую очередь. Зачастую требующееся рабочее лезвие оформлялось на бугорковой или площадочной части отщепа. Точно так же для древнего обитателя Азыха было не столь существенно, какая заготовка попала ему в руки – продольная или поперечная, важно было то, что он из нее хотел изготовить. Так, обушковые, конвергентные и угловатые скребла встречаются как в продольном, так и в поперечном варианте, то же самое можно сказать и о двойных конвергентных скреблах (лимасах), и о клювовидных режущих орудиях. Особенно хорошо это заметно на поперечных скреблах с обушком и на угловатых скреблах. Основным здесь было, по-видимому, оформление угла стыка лезвий, а где этот стык образовался – на дистальной части заготовки или на углах поперечного края, или на площадке, не имело большого

Рис. 97. Пещера Дамджылы. Образцы каменных орудий

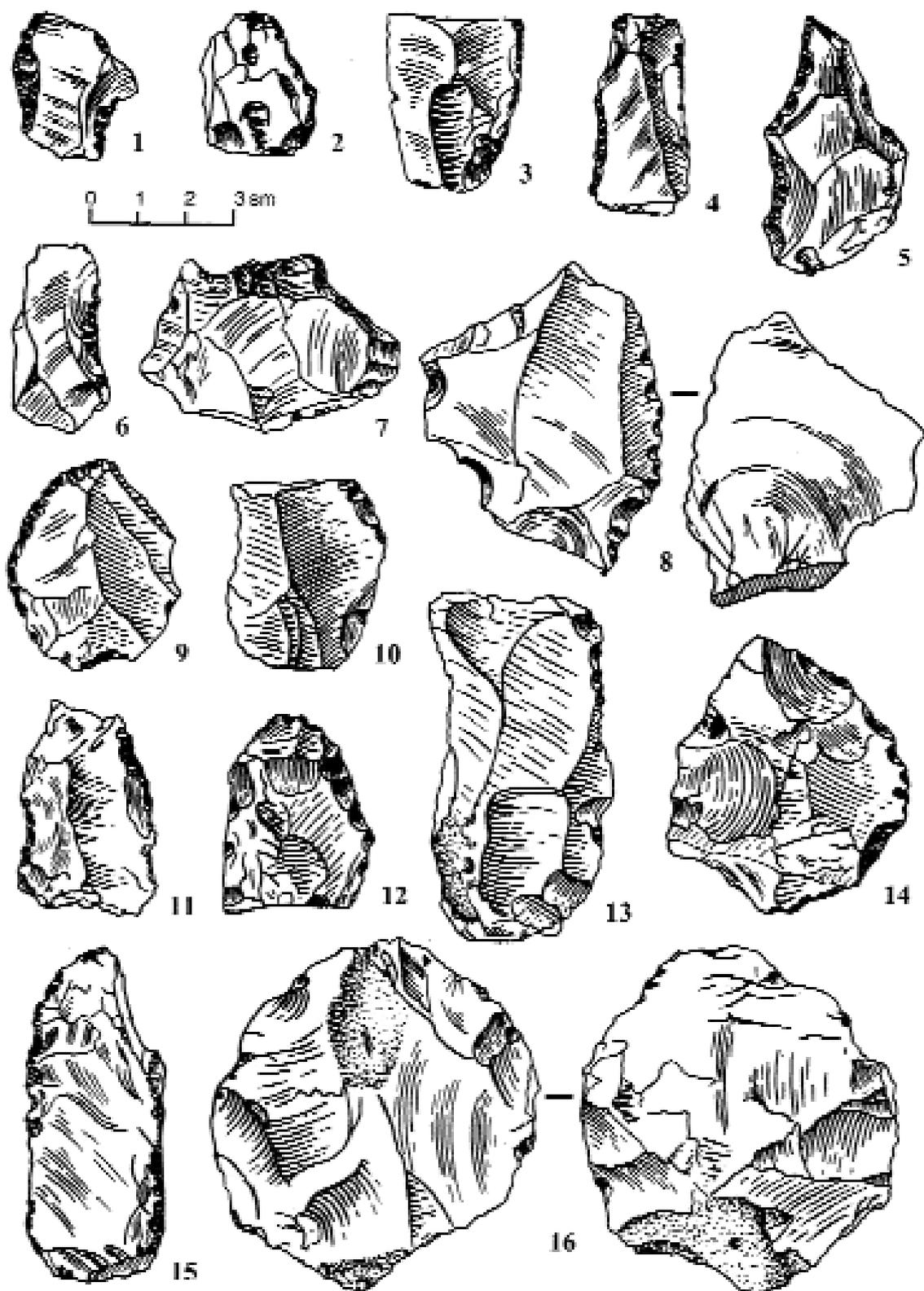

Рис. 98. Пещера Дамджылы. Образцы каменных орудий

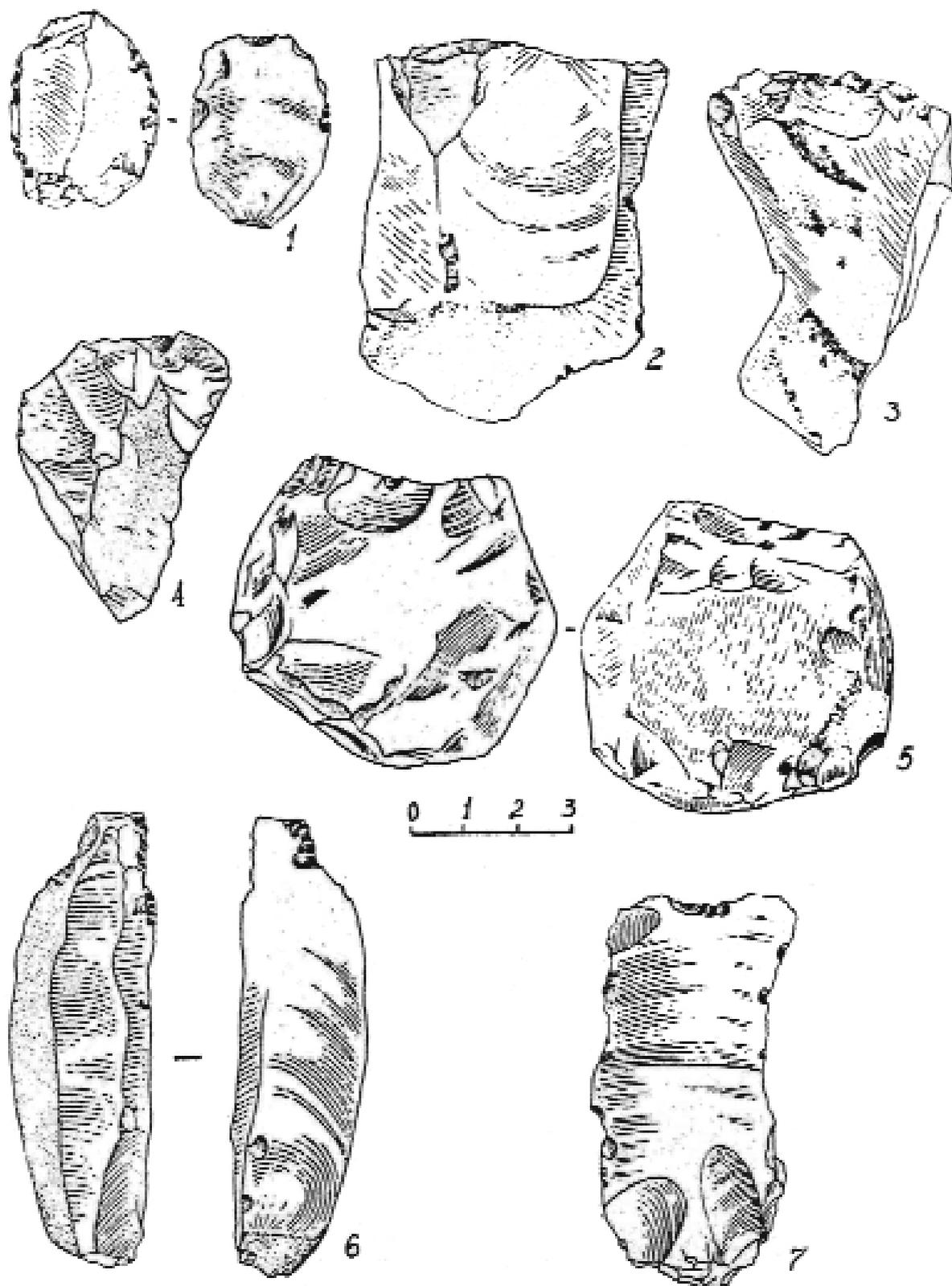

Рис. 99. Пещера Дамджылы. Образцы каменных орудий

значения для азыхцев. Отсюда чрезвычайное разнообразие форм и вариантов обушковых скребел, остроконечных конвергентных угловатых скребел, прослеживаемое в инвентаре VI слоя, отсюда же и совмещение рабочих краев различного функционального назначения на одном изделии.

Что касается технической характеристики изделий VI слоя, как она видна на основе имеющихся в коллекции нуклеусов, то налицо качественное и количественное несоответствие между числом и характером имеющихся в коллекции заготовок и встреченными в слое ядрищами.

Основную массу нуклеусов и нуклевидных изделий VI слоя составляют полностью сработанные, небольших размеров неопределенные остаточные нуклеусы, обнаруживающие систему снятий, близкую к ортогональной. Классификацию таких остаточных ядрищ по типам провести трудно, однако следует отметить, что ни один из негативов на них не соответствует характеру сколов, встреченных в слое: негативы значительно меньше. В коллекции представлен лишь один крупный нуклеус-многогранник (рис.42, б), да и то преобразованный в орудие типа "утюжка". Имеется один экземпляр укороченно-пирамидального нуклеуса, с которого скалывались крупные отщепы.

Два крупных ядрища обнаруживают систему уплощающего скалывания подготовленной скошенной площадки (рис.43, 2). Но наиболее хорошо типологически выражены нуклеусы дисковидные двусторонние, скалывание с которых проводилось ударами от краев к центру, в сечении они чечевицеобразны (рис.43, 1 и 57, 3). Имеются два маловыразительных дисковидных нуклеуса одностороннего скалывания.

Перечисленными формами ядрищ исчерпывается состав нуклеусов VI слоя. Следует, видимо, предположить, что часть отщепов, послуживших заготовками для орудий, была получена не со специализированных ядрищ, а при обработке галечных орудий типа чопперов и чоппингов, а также при оформлении краев крупных массивных орудий-"утюжков".

В специальной литературе, главным образом англоязычной, посвященной описанию наиболее древних палеолитических коллекций, часто вся гамма орудий стоянки подразделяется на три большие категории. В первую категорию включают бифасы, бифасальные ножи и кливеры; чопперы, чоппинги и скребуще-рубящие орудия из массивных отщепов составляют вторую категорию, а орудия из отщепов (скребла, скребки, остря, зубчатые и долотовидные формы) входят в третью. Коллекция VI слоя также легко поддается членению на такие категории. Что касается бифасов, то в VI слое представлены лишь две их формы: ручные рубила и бифасальные ножи; кливеров здесь нет совсем. Бифасы VI слоя многочисленны и разнообразны, но не составляют сколько-либо выраженных серий – общими для них являются лишь повторяющиеся приемы обработки. Основным таким приемом является обязательная обработка и приострение сколами пяточной части. Другим характерным приемом, используемым при оформлении ручных рубил из галечного сырья, было оставление на одной из плоскостей бифаса значительного участка неснятой галечной поверхности в той части, которая примыкает к острому концу (рис.46, 1, 2). Точно таким же приемом пользовались иногда и при изготовлении остроконечников из первичных отщепов с галечной коркой: заготовка ориентировалась гладкой галечной спинкой вниз, а обработка наносилась на шероховатую крупнозернистую поверхность брюшка. Этот прием очень характерен для ряда древнеашельских индустрий, опиравшихся исключительно на галечное сырье, в частности, для ашеля стоянки Каратау I и Лахути в Таджикистане (Ранов, 1965; Несмеянов, 1973; Додонов и др., 1978). Видимо, галечная поверхность, более гладкая, чем брюшко отщепы из крупнозернистой породы камня, была удобнее при работах прокалывающего характера. Для бифасов, форма которых менее стабильна (таких в коллекции 10 экз.), применялся еще один специфический прием. Одна из плоскостей удлиненной заготовки

обрабатывается двумя крупными поперечными сколами, снятыми бок о бок ударами по круто обработанному краю (принцип "ашельского поперечного нуклеуса"); другой край с этой плоскостью обрабатывался крупными сколами, с него в противоположной плоскости также делались уплощающие снятия. Получившийся бифас как бы имеет противолежащую обработку обоих краев плоскими сколами.

Другой вариант обработки бифаса представлен на рис.45, 1. В одной плоскости бифас обрабатывался двумя-четырьмя мелкими пологими сколами, а противоположный край приострялся одним широким поперечным сколом. При этом наиболее тщательно, двусторонне, обрабатывался лишь определенный конец рубила. Сочетание двух таких приемов на одном бифасе приводит к образованию разномассивных бифасов с обушком – прототипа бифасиальных ножей с обушком.

Интересно, что оба эти приема применялись обитателями VI слоя не только при изготовлении бифасов, но и для утоньшения массивных лезвий конвергентных скребел (прием двух параллельных снятий плоскости брюшка), и для приострения бокового края остроконечника (прием поперечного приостряющего скола) (рис.48, 3).

В коллекции VI слоя имеется и совершенный экземпляр бифасиального ножа с горизонтальным прямым обушком, край которого с одной стороны выпрямлен вертикальными уплощающими сколами, идущими в основной плоскости бифаса (рис.58, 5). Таким же приемом иногда подправлялся и обушок скребел-ножей с упором на угол (рис.58, 1).

Среди бифасов, тип которых хорошо выражен, следует отметить форму миндалевидного ручного рубила расширенных пропорций. Другая разновидность такого рубила, также с обработанной пяткой и с наиболее массивной частью орудия чечевицеобразного сечения в нижней трети показана на рис.46, 2.

Представлена в коллекции VI слоя и копьевидная форма бифаса, напоминающая

аббевильские ручные рубила с сильно зигзагообразным профилем, но отличающаяся полностью обработанной пяткой.

Хорошо выражена в коллекции VI слоя форма удлинено-овального рубила, иногда со специально выделенным выемкой асимметричным овальным концом, продолжающим приостренное лезвие; противолежащий острый край бифаса более массивный и мог использоваться в качестве обушка. Таких бифасов в коллекции два. По манере оформления кончика они напоминают скребла с обушком и скребковым закруглением – овально режущей кромкой (рис.58, 5).

Еще одну специфическую форму бифасов Азыха можно определить как "бифас-скребло". Такое орудие высокое в сечении, имеет бифасиальную обработку лишь на части одного края, а верхняя часть дистального конца имеет правильную крутую обработку удлиненными узкими пластинчатыми сколами, образуя высокое выпуклое лезвие скребла. В коллекции VI слоя отмечено два таких изделия.

Категория "орудий для грубой работы" представлена в VI слое чопперами, чоппингами, грубыми рубящими орудиями и орудиями-"утюжками" скребущего назначения. Сфероидов, часто встречающихся в древнеашельских коллекциях ближневосточных стоянок, в Азыхе нет совсем.

Среди чопперов (хотя и незначительных количественно) встречены типологически довольно четко выраженные формы. Это одинарные чопперы укороченного типа с длинным, прямым, полукрутым поперечным краем (рис.42, 1), одинарные чопперы из массивных галек, с очень крутым прямым краем (рис.44, 4). Характерно наличие чопперов с двумя прямыми краями, сходящимися под углом, близким к 90° (от 80° до 90°). Обработка у этих форм чопперов наносится так, что стык лезвий, зачастую имеющий дополнительную подправку (приострение), ориентирован по одной оси с наиболее узкой частью галечной заготовки. Узкая пятка орудия была более удобна для охвата ладонью, а сама форма такого чоппера с двумя сходящимися краями

может рассматриваться как один из прототипов конвергентных скребел, так хорошо представленных в индустрии VI слоя (рис.44, 3).

Имеются в коллекции и чоппинги, но они представлены мелкими разновидностями. Трехкраевой чоппер и грубое рубящее орудие (рис.44, 1) характером обработки краев, плоско-выпуклыми пропорциями, наличием рабочего выступа со стесом с тыла и выбором плоской галечной поверхности в качестве основания можно рассматривать как прототипы специфической формы скребуще-рубящего орудия Азыха – так называемых "утюжков". Этот тип изделия очень распространен в VI слое и представлен целой серией близких форм. Всего здесь насчитывается 20 изделий такого рода.

Характерной деталью, выделяющей этот тип изделий из общей группы крупных скребуще-режущих орудий, является то, что они изготовлены из массивных плоско-выпуклых галек или осколков камня. При этом прямые параллельные или конвергентно сходящиеся края орудий обрабатываются крутыми отвесными сколами, причем скалывающие удары наносятся по горизонтальной галечной поверхности, ориентированной таким образом, что она составляет плоское основание орудия. Выделяются два основных варианта такого орудия: с конвергентно сходящимися краями, иногда подработанными с тыла их стыков, и скребковым овальным лезвием, и подчетыреугольные формы с прямым или слегка вогнутым поперечным скребковым краем (рис.58, 5). Модификацией этого типа орудия можно считать высокие скребла-скребки, изготовленные на отщеповых заготовках. При этом первая разновидность "утюжков" перерастает в конвергентное высокое скребло со скребковым овальным лезвием (рис.54, 5), вторая – в подчетыреугольные трехкраевые скребла-скребки с прямыми краями (рис.50, 2; 54, 2).

Остановимся теперь на типологической характеристике основных групп орудий из отщепов и опишем некоторые оригинальные

их формы, позволяющие увидеть специфику культуры ашельского населения Азыха.

Абсолютно преобладающей группой орудий VI слоя являются скребла, которые могут быть подразделены на простые с прямым и выпуклым лезвием, обушковые с прямым или выпуклым обушком, двойные, конвергентные и угловатые. По характеру обработки выделяются скребла с крутым лезвием, обработанные крутой и полукрутой распространенной ретушью, и скребла с оформлением лезвий только краевой ретушью. Однако основным различающим признаком трех типов скребел VI слоя служит наличие или отсутствие острого конца, специально выделенного острия или острого выступа. Этот рабочий элемент был чрезвычайно популярен у обитателей VI слоя – видимо, он наиболее соответствовал характеру их хозяйственной деятельности. Скребла с упором на угол, острым выступом или острием на стыке лезвий конвергентных и угловатых типов составляют большинство в коллекции орудий VI слоя. Среди них можно выделить скребла-ножи с обушком и заострением, служащим продолжением лезвия (рис.53, 3; 52, 8; 49, 1; 55, 3, 4; 49, 7; 58, 1), скребла-резчики со скошенным обушком и упором на угол (рис.42, 3; 56, 2), скребла-острия, у которых острие специально выделено дополнительной ретушью (рис.57, 2; 50, 2; 52, 6). Конвергентные скребла, как правило, высокие, массивные в сечении, с прямыми, сходящимися в острых концах краями. Именно эта форма конвергентного скребла чаще всего имела подработку основания (либо приостряющую, либо крутую, скребковую). Именно такие скребла обитатели VI слоя предпочитали изготавливать на фрагментах заготовок, и именно у них чаще всего оказываются снятыми вторичной обработкой первичные технические признаки заготовок (рис.49, 3; 53, 5; 57, 5; 52, 4). По характеру и, видимо, по назначению такие скребла близки к остроконечникам. Но мы предпочитаем относить к остроконечникам лишь орудия с приостряющей ретушью краев, тонкие в сечении (рис.47, 6).

Понимаемые таким образом остроконечники в VI слое немногочисленны. По своим пропорциям они подразделяются на удлиненные с овальными краями, средних пропорций, листовидные и остроконечники укороченных, расширенных пропорций (рис.49, 8). Точно такие же разновидности и у конвергентных скребел, что затрудняет провести между ними резкую грань. Мы проводим эту грань, с одной стороны, по отсутствию острого конца – тогда эти орудия относятся к конвергентным скреблам (рис.47, 1; 50, 4, 5); с другой стороны, при наличии специально выделенного острия они относятся не к остроконечникам, а к остриям-скреблам (рис.57, 1; 54, 3). Что касается конвергентных скребел с высокими лезвиями и острием, то их логичнее относить к скреблам потому, что они иногда образуют двойные формы орудий типа лимасов (рис.49, 5; 47, 2) со сплошной обработкой краев. Интересно отметить, что как у лимасов, так и у конвергентных скребел с острием существуют формы продольные и поперечные. То же можно сказать и про обушковые формы скребел.

Еще одна форма скребел с острием – это скребла угловатые и поперечные. Угловатые скребла мы отличаем от сходных поперечных скребел с острием по наличию двух или трех сходящихся под углом лезвий (рис.51, 2 и 57, 5), в то время как поперечные скребла, даже с двумя выделенными острыми углами (рис.51, 1), всегда однолезвийны. По характеру и числу лезвий можно выделить варианты двойных и тройных угловатых скребел с прямыми краями, прямовыпуклыми и вогнуто-выпуклыми сходящимися лезвиями. Те же формы конвергентных и угловатых скребел встречаются в коллекции VI слоя и без заостренных стыков лезвий, но они составляют меньший процент от общего числа скребловидных форм. Среди них представлены укороченные формы с крутыми краями (рис.49, 2; 57, 4), конвергентные и угловатые формы с закругляющимся концом (рис.55, 6), конвергентные скребла с вогнутыми лезвиями, тройные и четверные угловатые скребла (рис.50, 5, 4).

К скреблам с острием примыкают собственно острия. Практически это те же конвергентные или поперечные формы скребел и зубчатых орудий, у которых дополнительной ретушью или двусторонними выемками подчеркнута острие. В коллекции выявлены два типа специально выделенных острий. Короткие, типа "шипов" (рис.57, 1; 52, 6), либо располагаются симметрично, либо выделяются на оконечности сходящихся лезвий угловатых скребел (рис.48, 1). Они, по-видимому, служили проколками. Второй тип острия – длинные выступы, оформленные сходящимися вогнутыми лезвиями, они не заострены, а остаются слегка затупленными. Они могли служить сверлами или провертками; встречаются всегда в комбинации – либо в поперечном варианте, на углу площадки зубчатого орудия с обушком (рис.49, 6), либо на середине бокового края скребла (рис.50, 3) с краевой ретушью, либо конвергентного скребла (рис.55, 6).

Группа зубчатых орудий в целом представлена бедно и в количественном, и в типологическом отношении. Типологически это в основном повторение уже известных типов орудий, оформленных правильной ретушью, но только в зубчатом варианте. Присутствуют в целом те же формы остроконечника – острия с зубчатыми краями (рис.54, 3) или острия на пластине с зубчатой ретушью, зубчатые скребла-ножи с острием (рис.56, 2) и без острия (рис.57, 10), с прямым или выпуклым обушком, скребла угловатые и поперечные с остриями на стыке лезвий (рис.51, 3) и клювовидные формы с зубчатой обработкой (рис.56, 1, 5), пластины и треугольные сколы с чередующейся приостряющей обработкой, также придающей зубчатый характер рабочему краю.

Из специфических форм, встреченных только в зубчатом варианте, следует отметить массивные в сечении формы типа архаичных тейякских остроконечников, трехгранное острие с подработкой тыла, форму крупнозубчатого орудия с обушком, лезвие которого оформлено клектонскими и тейякскими анкошами с зубцом на стыке, а на углу

выделено округленное полукрутое лезвие, асимметричное по отношению к оси орудия (рис.52, 3, 7). Таких орудий в коллекции насчитывается пять т.е. они являются не случайной формой, а составляют серию. Одиночных клетонских анкошей в коллекции немного – вообще техника обработки рабочих краев орудий с помощью клетонских анкошей в индустрии VI слоя выражена слабо, что отличает ее от ряда ашельских памятников с тейяско-зубчатым характером инвентаря.

К зубчатым орудиям примыкает группа клювовидных. Типологически они иногда рассматриваются как варианты скребел с вогнутым лезвием, но их следует выделить в особую группу орудий, поскольку основным рабочим элементом у них является не вогнутое лезвие, а выделенный намеренно, специальной обработкой, выступ или клюв на одном или нескольких углах. Выступы могут быть разных конфигураций: в виде клювовидного острия, выделенного выемкой снизу (рис.56, 2; 50, 1); острия, выделенного с поперечного края и снизу; широкие выступы с фасками дополнительной подработкой по диагонали (рис.56, 5), с подработкой выступа в тыльной части (рис.51, 6) либо просто с вертикальным стесом угла. Подобные орудия получили в специальной литературе название "клювовидный резчик". Клювовидные формы достаточно хорошо представлены в коллекции VI слоя, изготавливались на крупных и средних отщеповых заготовках, часто в зубчатом варианте, но иногда с правильной ретушной обработкой. У определенных экземпляров клювовидный рабочий элемент оформлен на углу площадки, а сама гладкая площадка служит обушком для упора пальцем (рис.53, 1).

Скребковая и долотовидная группа орудий выражена в индустрии VI слоя Азыха достаточно слабо и в количественном, и в качественном отношении. Среди орудий со скребковыми рабочими краями серийность типов почти отсутствует. Как указывалось выше, ряд массивных скребел из отщепов, являющихся модификацией скребуще-рубящих орудий, имеет поперечные края, преоб-

разованные в лезвия прямых или овальных скребков (рис.54, 2, 5). Но представлены также конвергентные скребла из пластин, тоже имеющие слегка скошенное скребковое закругление. Единичными формами представлены: скребок с "рыльцем", двойное орудие – скребок-острие на фрагменте заготовки, двойное орудие – скребок-конвергентное скребло (рис.57, 5), зубчатый скребок с выпуклым лезвием и скребла боковые прямые с параллельными краями и скребковым прямым лезвием (3 экз.). Отмечаются узкие скребковые выступы, оформленные вместо острия на поперечных обушковых скреблах. Более или менее серийно (5 экз.) выражены лишь скребла на тонких пластинчатых отщепах с закругляющимся продолжением лезвия, заходящим на часть поперечного края пластины. По характеру скребкового закругления конца этот тип орудия идентичен сходным зубчатым формам, но боковые лезвия скребел здесь обработаны правильной ретушью (рис.50, 6, ср. рис.52, 3). Небольшой серией представлены двойные и одинарные прямые скребла с косо тронкированным (усеченным отвесной ретушью) поперечным концом, тонким в сечении. Скошенный ретушью поперечный край таких орудий мог иметь и скребковую функцию (рис.50, 2).

Что касается долотовидных форм, то и они, хотя и весьма разнообразны, не составляют выраженных серий. Встречены двойные скребла с параллельными прямыми лезвиями, у которых дистальный конец приострен либо одним тонким косым сколом, либо тремя-четырьмя ламеллярными снятиями, либо мелкой поперечной подтеской (рис.55, 8). Роль долотовидных лезвий могли играть и приостренные основания остроконечников, и прямые конвергентные скребла с острием (рис.47, 1).

На пластинах с зубчатой обработкой боковых краев чаще встречается тонкозубчатая обработка поперечного края, создающая тонкое овальное зубчатое лезвие (5 экз.), являющееся, видимо, зубчатой разновидностью овального долотовидного края. Такой край в правильной ретушной обработке также

представлен в коллекции, причем орудие изготовлено из плоской удлинено-овальной гальки (рис.58, 4). Имеются и более тонкие, узкие округленные концы конвергентных заготовок с частичной ретушью (рис.54, 1). Помимо этого, представлены остроконечники с узким усеченным ламеллярным плоским снятием (отмечено 2 экз.). Такие потесанные участки также могли выполнять роль узких долотовидных орудий для тонкой работы. Наряду с такими мелкими долотовидными рабочими элементами, в качестве долотовидных орудий могли использоваться и крупные отщепы с ретушью прямого поперечного края и поперечной пологой гранью (рис.54, 6), а также более массивные отщепы, у которых долотовидная грань (рис.48, 8; 55, 2) делалась специально, одним пологим снятием, с дополнительной подретушировкой обрабатывавшегося слегка вогнутого края (рис.48, 8).

Возможно, долотовидную функцию несли и своеобразная форма орудия, которую мы отнесли к категории "разные", хотя она серийно достаточно хорошо выражена (4 экз. одинаково оформленных изделий). Короткий массивный осколок несколькими глубокими последовательными стесами в одном направлении утончается с одного конца, образуя тонкое лезвие, несколькими ступенями повышающееся к центру массивной спинки изделия. Мы затрудняемся точно определить тип подобного изделия, хотя ясно, что принципы оформления рабочей части перешли по наследству к обитателям VI слоя, по-видимому, от носителей куручайской культуры, поскольку такой прием широко отмечен нами в инвентаре VIII и VII слоев, где с его помощью оформлялись концы чопперовидных орудий.

Остальную часть изделий со вторичной обработкой, встреченных в инвентаре VI слоя Азыха, составляют пластины с частичной краевой и чередующейся ретушью, крупные сколы с галек с частичной ретушью, различного рода пластинчатые и конвергентные сколы, у которых обработка краев не является сплошной и правильной (рис.55, 7; 57, 11), а также обушковые формы с разнообразной, в том числе и выемчатой, ретушью (рис.56, 7) и

прочие не до конца оформленные изделия.

3. Техничко-типологическая оценка среднеашельской индустрии V слоя

На первый взгляд индустрия V слоя достаточно резко отличается от предшествующего ей древнеашельского комплекса VI слоя. Бросается в глаза прежде всего немногочисленность изделий, найденных в V слое: несмотря на значительную мощность отложений, превышающую VI слой втрое (V слой – около 3 м, VI слой – в среднем около 1 м), обнаружено всего 289 предметов, против 1890 артефактов, найденных в VI слое. В то же время доля готовых орудий среди всех артефактов в V слое, наоборот, почти вдвое выше, чем в VI слое: 42% против 22,6%. Поэтому важно провести детальный анализ техники и типологии той и другой индустрии, сопоставить отдельные формы орудий и приемы их обработки, чтобы выяснить, что же стоит за столь серьезными расхождениями в количественном и процентном составе инвентаря, чем можно объяснить подобные "ножницы".

Может существовать два альтернативных ответа на заданный вопрос.

1-й ответ. Комплекс изделий V слоя отражает появление в Азыхской пещере нового населения, с новой культурой, генетически не связанного с обитателями VI слоя. Этот ответ будет приемлем, если технико-типологический анализ покажет полную несхожесть как приемов первичной и вторичной обработки каменных изделий, так и орудий обоих слоев.

2-й ответ. В V слое обитало население, генетически связанное с древнеашельским населением Азыха, развившее на новом, среднеашельском этапе традиции и культурные особенности своих древнеашельских предков. Но природно-климатические перемены, столь явственно наступившие в период накопления V слоя, которые хорошо прослеживаются по данным комплексных исследований, повлекли за собой существенные сдвиги в структуре производственно-экономической деятельности, разделение прежде единого охотничьего лагеря на ряд локаль-

ных, территориально друг с другом не связанных производственных центров различного назначения. Такой ответ станет обоснованным, если удастся проследить сходство, и не в количественном соотношении одинаковых форм изделий, а в качественных техникоморфологических показателях, отражающих развитие культуры генетически единого населения, на протяжении десятков тысяч лет сохранявшего свои традиции в приемах оформления орудий.

Как можно заметить из сопоставления основных метрических показателей сколов V и VI слоев, приведенных в главах VI и V, наибольшее число заготовок, найденных в этих слоях, располагается в пределах следующих метрических параметров.

По длине. VI слой: в пределах от 3 до 6 см – 70% всех заготовок. V слой: в этих же пределах – 57,5% всех заготовок. Зато в пределах от 3 до 4 см в VI слое 22%, а в V слое – 12,5%. В то же время, доля заготовок, располагающихся в пределах от 6 до 7 см, в обоих слоях одинакова и составляет около 15%. Как видим, налицо тенденция общего увеличения доли более длинных заготовок в V слое, но не за счет роста абсолютных показателей удлинённости, а за счет прибавления количества заготовок средних (4 – 6 см) размеров и уменьшения числа сколов укороченных пропорций.

По ширине. VI слой: в пределах от 2,5 до 4 см – 58% заготовок. V слой: в этих же пределах – 44%. Но в пределах от 4 до 5,5 см количество заготовок VI слоя резко сокращается, составляя лишь 23,5%, в то время как в V слое на этот размер приходится вдвое больше – 50% заготовок. Таким образом, вырисовывается явная тенденция общего увеличения ширины заготовок в V слое, при заметном сокращении количества сколов той же ширины, что и в VI слое.

По массивности. VI слой: от 1 до 2 см – 70% всех заготовок; V слой: в этих же пределах – 57%. Однако в пределах от 1,5 до 2 см в VI слое 35%, а в V – всего 17%. Наоборот, сколы массивностью от 0,5 до 1 см составляют довольно незначительную долю (11,5%) среди

сколов VI слоя, а в V слое их процент увеличивается вдвое – до 22%. Отсюда более чем очевидна тенденция к получению в V слое более тонких в сечении сколов.

Таким образом, можно сказать, что общая тенденция совершенствования техники первичного расщепления в Азыхе при переходе от древнего ашеля к среднему претерпевает лишь незначительную модернизацию. Общее развитие идет в направлении увеличения средней удлинённости и процента заготовок, уменьшения их массивности, но увеличения ширины сколов. Это не позволяет нам говорить о развитии техники пластинчатого скола в индустрии V слоя, но дает возможность сказать, что индустрия V слоя была несколько более крупногабаритна по сравнению с индустрией VI слоя и использовала в целом более уплощенные заготовки.

В этом отношении любопытно сопоставить с метрическими параметрами заготовок V и VI слоев процентные соотношения гладких и фасетированных площадок у сколов из обоих слоев: VI слой дает 54,5% гладких площадок, 31% двугранных и 14% фасетированных. В V слое соответственно 70%, 11,4% и 18,6%. Как видим, и в этом техническом показателе не заметно особых сдвигов в развитии первичного скалывания. От VI к V слою происходит небольшое увеличение фасетажа ударных площадок, при более значительном росте числа гладких площадок – за счет четкой поляризации крайних разновидностей ударных площадок (а возможно, и приемов скалывания), что и выражается в уменьшении процента двугранных площадок.

Известно, что фасетированные площадки не обязательно свидетельствуют о появлении техники леваллуа – они прекрасно могли получаться и при снятии отщепов с дисковидного нуклеуса, особенно односторонне-дисковидного с круговой площадкой). А вот уменьшение доли площадок двугранных говорит о большей тщательности, большей умелости в подготовке площадки к скалыванию. В то же время увеличение процента гладких площадок в V слое свидетель-

ствуется о развитии ортогональной, подпризматической системы скалывания.

Чтобы убедительнее проиллюстрировать высказанный тезис рассмотрим ядрища V слоя.

Во-первых, количество ядрищ по отношению ко всем найденным в V слое артефактам значительно превышает этот показатель для VI слоя. В обоих слоях их найдено по 18 экземпляров, но в VI слое это всего лишь около 1% общего числа предметов, а для V слоя это же количество составляет 6% всей коллекции.

Во-вторых, если в VI слое преобладают обработанные ядрища из галечной заготовки, с плоскостной системой скалывания, то в V слое начальные формы ядрищ составляют около 1/3 всех нуклеусов. Следует отметить, что начальные формы ядрищ на галечной основе бывает трудно отличить от форм собственно галечных орудий, особенно чоппингов. Выделение таких форм возможно лишь при учете системы наложения сколов на галечную основу и угла стыка негативов этих сколов. Начальная форма двухстороннего диска отличается острым углом негатива сколов, его центростремительной направленностью, чередующимся характером попеременных снятий в обеих плоскостях и в целом равновелико-поперечным характером негативов снятых отщепов. Начальная форма одностороннего диска отличается от чоппингов круговой периферийной обработкой края галечной заготовки, оставлением выпуклой галечной корки в центре одной из плоскостей и снятием основного отщепа в уплощающей системе с противоположной плоскости.

Наиболее трудно различить начальные формы леваллуазского одноплощадочного и подпризматического ядрища с ортогональным скалыванием. Здесь галечная заготовка ориентируется так, что отщепы снимаются "от лезвия". Отличия могут быть прослежены лишь по углам стыка и по длине негативов: у подпризматического ядрища негатив, оформляющий площадку, снимается в горизонтальной плоскости и стык негативов плос-

кости скалывания и площадки имеет угол, близкий к 90°, а у начальных ядрищ они стыкуются под углом менее 90°, поскольку в этой системе скалывания площадка должна быть скошена; негатив ее всегда меньше, чем негатив основной плоскости скалывания. Последняя форма начального нуклеуса иногда очень близка к чоппингам удлинённых пропорций с узким лезвием (ср. рис.59, 4), но отличается от них асимметрично расположенной гранью стыка обработанных плоскостей: у чоппингов она всегда симметрична и расположена почти по продольной оси заготовки, а у начального ядрища с плоскостным скалыванием угол стыка плоскостей всегда сдвинут от основной оси несколько вбок, если смотреть на предмет в профиль.

Видимо, большое количество начальных форм ядрищ в V слое в какой-то степени соответствует большому количеству найденных в нем крупных первичных заготовок с галечной коркой, из которых оформлялись орудия.

В-третьих, среди форм ядрищ V слоя четко выделяются уже типично леваллуазские и примыкающие к ним плоско-выпуклые ядрища с круговой площадкой для одного отщепа. Выделяются следующие типы таких ядрищ: двуплощадочные ядрища с уплощающим скалыванием по длинной оси (леваллуазские четырехугольные – 3 экз.); леваллуазские с вееровидным скалыванием (укорочено-треугольные – 2 экз.); нуклеусы с круговой площадкой и горбообразной спинкой: с веерообразным скалыванием (1 экз.) и для одного отщепа (1 экз.). Каждому из этих выраженных, сработанных экземпляров (кроме треугольного леваллуазского) соответствует и начальная форма ядрища на галечной заготовке.

Другие системы скалывания представлены дисковидными двусторонними (рис.64, 8) и односторонними (с горбообразной спинкой и центростремительными сколами) ядрищами (3 экз.+1 экз.), а также начальными галечными формами (по 1 экз.).

Кроме того, как и в VI слое, по-прежнему

достаточно полно представлена техника ортогонального подпризматического скалывания: от начальной галечной формы, до конечной стадии сработанности (сильно сработанной шаровидной формы). Представлена и поперечно укороченная разновидность подпризматической системы скалывания (2 экз. + 1 экз. в начальной стадии).

Как видим, данные по ударным площадкам заготовок V слоя полностью соответствуют прослеженным по ядрищам системам первичного скалывания отщепов, применявшихся жителями стоянки в древнем ашеле. Увеличение процента гладких площадок, видимо, связано с большой долей начальных нуклеусов на стоянке, а небольшое увеличение доли фасетированных и выпукло-фасетированных ударных площадок объясняется большим, чем в VI слое, развитием односторонне-дисковидных систем скалывания, в ущерб системам ортогонального и уплощенного скалывания.

Перейдем к рассмотрению форм орудий, представленных в V слое.

Галечные формы орудий в среднеашельской индустрии по-прежнему представлены достаточно хорошо, причем классическими типами чопперов и чоппингов, уже встречавшихся нам и в индустрии VI слоя и даже в комплексах куручайской культуры. В коллекции имеется три экземпляра однолезвийного чоппера с прямым поперечным, полукрутым краем (рис.59, 3). Встречен и прекрасный экземпляр двухкраевого конвергентного чоппера с углом схождения лезвий от 90° до 100° и острой пяткой – полный аналог изделия из VI слоя (ср. рис.59, 2 и рис.44, 4). В этой же системе обработки выполнен миниатюрный чоппинг с противолежащим оформлением лезвий, из которых поперечное имеет двухстороннюю стеску (рис.59, 1).

Однако в индустрии V слоя налицо и нововведения в приемах обработки галечных орудий: чаще применяется раскалывание массивных галечных заготовок на две половины, вдоль профиля, либо очистка плоской галечной заготовки от корки полностью с одной плоскости, оставляя

противоположную плоскость, полностью нетронутую, с подработкой дополнительными сколами лишь основного рабочего лезвия. В V слое таким способом оформлялись поперечные формы чопперовидных орудий (рис.59, 5). Из расколотых вдоль галек изготавливались уже типологически более четко и совершенно оформленные орудия. Прежде всего – чопперовидные скребла с округлым лезвием (2 экз.), модификацией которых являются скребла с круговой неровной обработкой участками на крупных отщепах с галечной коркой или на плитчатых заготовках (2 экз., рис.61, 2). Такие скребла в незначительном количестве представлены и в материалах VI слоя. Из расколотой вдоль гальки приготовлено и одно из самых совершенных галечных орудий – трехкраевой чоппинг с поперечным выступом-острием (рис.61, 3). По системе обработки и выделения острого поперечного выступа он сходен с кубовидным чоппером-острием из VIII слоя (ср. рис.37, 2, VIII слой). Наконец, из расколотой вдоль гальки изготовлен и поперечный чоппинг (рис.63, 1), который правильнее отнести к бифасиальным ножам с обушком в галечном варианте. По системе обработки он полностью сходен с экземплярами бифасиальных ножей, встреченных в VI слое. Как и экземпляр на рис.62, 2, он имеет не заостренный, а поперечно срезанный при-остряющими сколами бифасиально обработанный узкий поперечный конец и горизонтальный обушок, выровненный в основной плоскости с одного края правильными сколами, направленными вертикально вниз от обушка (ср. рис.62, 1 и 62, 2). Только у экземпляра на рис.62, 1 горизонтальный прямой обушок представляет собой вертикальную плоскость слома заготовки, а у изделия на рис.62, 2 обушок галечный. Вообще же такая форма бифасиального ножа – с горизонтальным прямым обушком, подработанным и выровненным вертикальными сколами в одной из плоскостей орудия и с поперечным (прямым или скошенным) двусторонне обработанным коротким лезвием – чрезвычайно характерна для традиции

азыхского ашеля и встречалась еще в VI слое. К этой форме бифасиального ножа следует отнести и более тщательно бифасиально оформленный экземпляр орудия, традиционно рассматривавшегося ранее как ручное рубило (рис.63, 1).

Собственно ручные рубила V слоя (всего их в коллекции пять, включая и 1 экз. бифасиального ножа) представлены двумя основными типами, выделенными еще на материалах VI слоя. Только отличаются они более тщательной обработкой, создающей прямые, выровненные лезвия орудий, в то время как у ручных рубил сходных типов из VI слоя лезвия в профиль зигзагообразны.

Первый тип – удлиненно-овальное рубило со слегка скошенным и выделенным выемкой овальным асимметричным концом. В V слое экземпляр такого рубила – плоско-выпуклый в сечении, а овальный конец дополнительно приострен крупным сколом с тыла, что придает дистальной части совковидный характер (рис.62, 1).

Второй тип – удлиненно-миндалевидная форма ручного рубила с острым концом и прямыми лезвиями – представлена двумя экземплярами, один из которых наиболее совершенен по обработке в V слое (рис.62, 2), однако в центре одной плоскости имеет, по-видимому, намеренно оставленный выпуклый участок с неснятой галечной коркой. Бифас разномассивен и имеет часть корки на массивном краю. Второй экземпляр миндалевидной формы рубила не закончен обработкой. Он изготовлен из плоской гальки, имеет не полностью обработанное с одной плоскости лезвие и лишь приостренный более тщательно дистальный конец (рис.63, 2). По существу, оба миндалевидных бифаса, имея в виду более тщательное продольное оформление лишь одного лезвия и их разномассивность, можно рассматривать как еще одну разновидность бифасиальных ножей, только с острым концом. Форма бифасиального ножа хорошо известна по материалам палеолитического памятника Латамна в Сирии, имеющего, как и V слой Азыха, миндель-рисский возраст и во многих деталях сходный по

основным типологическим параметрам инвентаря (Clark, 1967, 1969).

Таким образом, и среди бифасов прослеживается все та же тенденция, зародившаяся в недрах древнего ашеля, – изготавливать овальные рубила с выделенным выемкой овальным концом или миндалевидные формы с полностью обработанным основанием. Но в индустрии V слоя уже явно оказывается предпочтение обушковой форме бифасиальных ножей, также зародившейся еще в недрах VI слоя.

Что касается орудий из отщепов V слоя, то среди них абсолютно преобладают различные типы скребел. К тем скреблам из галечных отщепов с неровными краями и с обработкой по всей периферии, которые описаны выше (рис.60, 3), примыкает крупная форма поперечного скребла с обушком-площадкой, также изготовленная из крупного первичного галечного отщепа (рис.61, 3). Таких крупных скребел в VI слое не было встречено, хотя сама система оформления поперечного лезвия с закруглением углов здесь хорошо представлена.

Другая форма скребла – угловато-конвергентная с острием и утончением основания путем стесывания бугорка – является позднейшей, более крупной и более утонченной модификацией формы конвергентного скребла с острием из VI слоя. Вообще следует заметить, что ни одной новой формы скребел, принципиально отличающейся от встреченных в VI слое, в индустрии V слоя не отмечается. Здесь, как и в VI слое, имеются высокие однолезвийные прямые скребла с острием на фрагментах заготовок (рис.64, 2), поперечное скребло с выделенным на углу коротким острием (рис.64, 1), удлиненно-овальное скребло с обработкой всей периферии заготовки – прототип скребел-лимасов более расширенных пропорций, но конвергентных (рис.64, 5), двойное конвергентно-угловатое скребло с острием, прямо-выпуклое, на коротком отщепе, острие-остроконечник листовидной формы, средних пропорций, с овальными краями и срезанными обработкой долотовидными

кончиками, шириной 0,8 – 1 см (рис.64, 3, 5). Однако столь широко и серийно представленные в индустрии VI слоя скребла с обушком (с острием и без острия) в коллекции V слоя представлены лишь единичными экземплярами поперечных скребел с коротким обушком.

В небольшом количестве представлены в V слое также скребки (2 экз.), долотовидные и клювовидные формы.

Интересно отметить и форму высокого двойного скребла с прямыми краями, обработанными многорядной отвесной ступенчатой ретушью (2 экз.). Оба изделия изготовлены из массивных в сечении, но сравнительно нешироких кусков камня, причем организация формы орудия происходит так, чтобы высокой массивной спинке противостояла плоская, даже слегка вогнутая тыльная часть, отвесными ударами по которой и происходит оформление рабочих лезвий. По такой системе обработки эти орудия можно сопоставить с грубыми скребловидными орудиями-"утюжками", столь хорошо представленными в коллекции VI слоя. Но галечной формы "утюжка" с плоским галечным основанием в V слое уже не встречено: ко времени его существования эта форма грубого скребловидного орудия уже изжила себя.

Помимо сходных форм орудий и приемов оформления рабочих лезвий, в индустрии V слоя сохраняется ряд аккомодационных приемов, отмеченных в VI слое, прежде всего – прием утончения основания конвергентных скребел и остроконечников путем стесывания бугорковой части заготовки (рис.64, 3).

Таким образом, как видим из сопоставления коллекций V и VI слоев Азыха, несмотря на их кажущуюся несхожесть, индустрия среднего ашеля во всем – от техники получения сколов и до приемов оформления орудий – продолжает развиваться, несколько модернизируя традиции, заложенные их предками еще в древнем ашеле (а возможно и, "куручайцами").

Возвращаясь к началу этого раздела, мы с полным правом из двух альтернативных ответов на поставленный вопрос можем избрать второй и сказать, что в V слое жили прямые

потомки древнеашельских обитателей стоянки, развивавшие ту же технико-типологическую традицию оформления орудий, т.е. древнеашельцам они не только были родственниками по крови, но и развивали и совершенствовали одну культуру. Что же касается несовпадения количественных показателей индустрий V и VI слоев и большей относительной доли орудий в индустрии V слоя, то это логичнее всего объяснить тем, что среднеашельцам, в условиях изменившихся природно-климатических условий, пещера Азых стала служить лишь временным прибежищем, своего рода охотничьим лагерем, а основное их поселение было расположено где-то на открытых пространствах долины р.Куручай.

4. Основные типологические черты среднепалеолитических индустрий Азербайджана

Между отложениями V слоя Азыха, содержащего индустрию среднего ашеля, и встреченной в этой же пещере в III слое среднепалеолитической индустрией имеется значительный стратиграфический разрыв: III слой отделен от V слоя стерильным IV слоем, мощностью 1,3 м, заполненным щебнем. Поэтому говорить о прямой преемственности между ашелем и мустье Азыхской пещеры нельзя. Как уже отмечалось, III слой датируется рисс-вюрмским периодом, т.е. мустьерская индустрия Азыха является наиболее ранней среди мустьерских комплексов других пещерных стоянок Азербайджана. В этой связи интересно сопоставить некоторые технико-типологические черты индустрии III слоя Азыха с соответствующими показателями мустье Таглара, относящегося к началу и середине вюрмского периода (Джафаров, 1983; Сулейманов, 1982).

Прежде всего сопоставим некоторые количественные показатели этих коллекций. В индустрии Таглара отмечается сравнительно небольшой процент отходов производства (нуклеусов, кусков, осколков и обломков сырьевой породы) – 45%; в III слое Азыха этот показатель значительно выше – 60%. С другой стороны, и доля готовых орудий в Тагларе по

отношению ко всем артефактам очень весома – 21,7%, в III слое Азыха она почти наполовину меньше – 12,3%. Это указывает на несколько иной характер поселения III слоя по сравнению с мустьерской стоянкой Таглар: видимо, поселение в Азыхе более соответствует производственному центру, а в Тагларе – охотничьему лагерю. Однако количество нуклеусов в Азыхе в процентах ко всей индустрии, так же как и в Тагларе, очень велико – в коллекции III слоя отмечено 63 экз. (1,67%) типологически хорошо выраженных ядрищ и 33 нуклевидных обломка, и в целом этот показатель сходен с показателем для Тагларского мустье (1,3%). В Азыхе, как и в Тагларе, представлены формы одностороннего дисковидного нуклеуса (рис.87, 1, 2), двухстороннего диска (рис.77, 3; 87, 3), дисковидного нуклеуса для одного ядрища (черепаховидного леваллуазского, рис.77, 1, 2), одностороннего и двухстороннего одно- и двуплощадочного нуклеусов (рис.77, 3, 4; 87, 5, 6). В то же время нуклеусы подпризматического скалывания в Азыхе представлены единичными, маловыразительными экземплярами, в индустрии Таглара же они составляют определенную, четко выраженную часть (11%). И в Тагларе, и в Азыхе абсолютно преобладают дисковидные формы ядрищ; однако если в Тагларе более распространены односторонние диски, то в индустрии Азыха доминируют двухсторонние дисковидные формы, составляя почти половину всех нуклеусов (30 из 63 экз.), а дисковидные односторонние составляют всего 1/4 часть, зато среди них есть четко выраженные леваллуазские черепаховидные ядрища, отсутствующие в Тагларе (рис.77, 2). Имеются и одноплощадочные нуклеусы для треугольных отщепов – еще одна форма, отсутствующая в Тагларе. С другой стороны, как и в Тагларе, наблюдается значительное несоответствие между характером нуклеусов и сколов-заготовок, встреченных в коллекции. Если дисковидные формы III слоя редко превышают 6 – 7 см в диаметре и при этом обнаруживают негативы сколов, хотя и

пластинчатых, но небольших (3 x 1,5; 3,5 x 1; 6 x 4,5 – у черепаховидного ядрища), то среди сколов-заготовок, использованных для изготовления орудий, очень четко выражены и преобладают сильно удлиненные пластинчатые сколы (12 x 5; 12 x 4; 12,5 x 3,5) или конвергентные, с прямыми или слегка выпуклыми краями (8 x 4, 7 x 4). Это свидетельствует о том, что первоначальные формы ядрищ III слоя были достаточно крупными и носили в основном полюсный характер (одноплощадочные и двуплощадочные леваллуазские ядрища) и лишь по мере срабатывания превращались в односторонние дисковидные формы. Эта же черта отмечена и у заготовок Таглара, что позволило сделать такое же предположение об изменении формы ядрищ по мере их срабатывания и считать большинство нуклеусов Таглара сработанными экземплярами (Джафаров, 1983, с.56 – 57). Однако, ядрища III слоя Азыха вряд ли можно назвать полностью остаточными, так как они еще пригодны для получения заготовок. Но отсутствие крупных леваллуазских нуклеусов в этой индустрии позволяет считать встреченные ядрища Азыха уже переоформленными.

Что касается заготовок обеих индустрий, то уже при беглом осмотре мустьерских коллекций Азыха и Таглара бросается в глаза резкое несходство в величине заготовок и, несмотря на это, наличие многих сходных по пропорциям форм – прежде всего пластин с параллельным ограничением, конвергентных и удлиненно-треугольных сколов, пластинчатых отщепов с обушком и леваллуазских острий (рис.79, 2, 7; 78, 10; 89, 3, 5; 88, 1; 80, 5; 85, 9; 76, 4). Но по абсолютным размерам и массивности сечения они сильно отличаются от тагларских заготовок, особенно верхних (4 – 2) слоев Таглара.

В качестве иллюстрации сравним метрические показатели отдельных изделий мустье Азыха и Таглара, взяв для примера леваллуазские и мустьерские остроконечники.

Орудий длиной:

- от 3 до 4 см в Азыхе нет совсем, в Тагларе только мустьерские – 7,7%;

- от 4 до 5 см в Азыхе по 20% среди обеих групп, в Тагларе – 27,5% леваллуазских и 36% мустьерских;

- от 5 до 6 см в Азыхе соответственно 31% и 25%, в Тагларе – 31,5% и 30%;

- от 6 до 7 см в Азыхе 15% и 25%, в Тагларе – 25% и 13%;

- от 7 до 8 см в Азыхе 15% и 25%, в Тагларе – 12% и 7,7%;

- орудий длиной свыше 8 см в Азыхе 10%, в Тагларе – 3,3%.

Как видим, по длине орудия Азыха и Таглара различаются не очень значительно: основная масса остроконечников и в Азыхе, и в Тагларе имеет длину от 4 до 6 см (48% в Азыхе и 62,5% в Тагларе). Только в Азыхе отсутствуют более мелкие (меньше 4 см) формы, в незначительном количестве представленные в Тагларе, а в Тагларе гораздо меньше, чем в Азыхе, удлинённых (свыше 8 см) форм остроконечников.

Если же сравнить показатели массивности этих же типов орудий, то разница между остроконечниками из обеих пещер окажется еще более значительной.

Остроконечников массивностью:

- от 0,4 до 0,6 см в Азыхе нет совсем, в Тагларе 24% леваллуазских и 12% мустьерских;

- от 0,6 до 0,8 см – в Азыхе 50%, только леваллуазских, в Тагларе 40% и 33% соответственно;

- от 0,8 до 1 см – в Азыхе 30%, только леваллуазских, в Тагларе – 23% и 30%;

- от 1 до 1,2 см – в Азыхе 25% и 50%, в Тагларе – 12% и 16%;

- от 1,2 до 1,5 см – в Азыхе 31%, только мустьерских, в Тагларе только 10%, и тоже мустьерских;

- массивность свыше 1,5 см в Азыхе составляет 15% среди мустьерских форм, а в Тагларе не представлена совсем.

Таким образом, мы видим большую разницу в массивности заготовок между обеими пещерами, с одной стороны, и расхождения в массивности леваллуазских и мустьерских остроконечников обеих пещер – с другой. Среди леваллуазских остроконеч-

ников Азыха нет ни одного массивностью меньше 0,5 см, а в Тагларе их 24% леваллуазских и 12% мустьерских. Однако уже в пределах 0,6 – 1 см леваллуазские орудия обеих индустрий сходны по массивности. В Азыхе нет мустьерских остроконечников сечением меньше 1 см, а в Тагларе их 63%. В Азыхе 50% мустьерских остроконечников имеют массивность от 1 до 1,2 см и еще 31% – от 1,2 до 1,5 см (всего 81%), в Тагларе остроконечников обоих типов такой массивности только 26%. Налицо большая степень расхождения в массивности леваллуазских и мустьерских остроконечников двух мустьерских индустрий, при сравнительно одинаковой длине заготовок.

Сравним еще показатели пропорций (соотношение длины и ширины) этих орудий в обеих пещерах.

1. Длина равна ширине или превышает ее в не более чем 1,5 раза: в Азыхе – 36% леваллуазских и 1 экз. мустьерского; в Тагларе – только 10% мустьерских.

2. Длина в 1,5 – 2 раза превышает ширину (непластинчатые заготовки): в Азыхе – 34% и 56%, в Тагларе – 36% и 31%.

3. Длина превышает ширину в 2 – 2,5 раза (пластинчатые заготовки): в Азыхе – 34% и 56%, в Тагларе – 37,5% и 34%.

4. Длина превышает ширину в 2,5 – 3 раза и более: в Азыхе – 10% и 18,7%, в Тагларе – 14% и 24%.

Как видим, укороченные формы, у которых длина превышает ширину не более чем в 1,5 раза, т.е. заготовки, которые не являются пластинчатыми, в Азыхе составляют 70% леваллуазских и 60% мустьерских остроконечников, а в Тагларе – только 36% и 41%. Зато в Тагларе пластинчатые формы остроконечников удлинённых пропорций составляют 41% и 58%, в то время как в Азыхе – 30% и 37%.

Оценивая приведенные данные, мы можем сказать, что, несмотря на существенные расхождения в массивности и пропорциях остроконечников Азыха и Таглара, достаточно большая группа орудий (от 60% до

40%) все же сходна по тем или иным параметрам метрическим показателям в обеих индустриях. Это несомненно доказывает, что в обеих индустриях существовали общие традиционные приемы получения заготовок, и что расхождения в метрических показателях – скорее временного, хронологического плана, чем культурного.

Приведем еще некоторые технико-типологические индексы обеих индустрий.

Индекс леваллуа технический: в Азыхе – 20, в Тагларе – 47,4. Индекс леваллуа типологический: в Азыхе – 22,6, в Тагларе – 37,5.

Индекс фасетажа ударных площадок общий: – в Азыхе – 77,2, в Тагларе – 66,2.

Индекс тонкой подправки ударных площадок: в Азыхе – 54,6, в Тагларе – 34,6.

Индекс скребел: в Азыхе – 40, в Тагларе – 53.

Основные группы индустрий Азыха: I (леваллуазская) – 35, II (мустьерская) – 42; в Тагларе: I – 37,3, II – 59,2.

Таким образом, мустьерская индустрия Азыха в целом рассматривается как нелеваллуазская, но фасетированная, с высокой степенью подправки ударных площадок. Учитывая большое количество в индустрии III слоя Азыха обушковых форм и разного рода скребков-скребел на пластинах, а также присутствие в коллекции двух бифасов, мы определяем тип этой индустрии как мустье с ашельской традицией, обогащенное скреблами. Мустье Таглара – индустрия леваллуазская пластинчатая, фасетированная, относящаяся к группе мустье типичного в его типологически леваллуазской фации (Джафаров, 1983).

Как видим, расхождения между индустриями Азыха и Таглара по техническим и метрическим параметрам довольно значительны.

Рассмотрим теперь типологически наиболее показательные формы мустьерской индустрии Азыха и приемы их оформления, чтобы решить вопрос – что же стоит за этим расхождением в типе индустрий: различия генетического, культурного плана или же виной этому хронологическая дистанция

между мустье Азыха и Таглара?

В индустрии III слоя Азыха встречено два бифаса. Один из них, миндалевидной формы, размерами 14 x 8 x 1,5 см, изготовлен из расколотой гальки и имеет плитчатое сечение. Обработан он только краевой оббивкой, причем бифасиально – только однолезвийно. Пятка также округлена приостряющей обработкой. Но значительная доля корочной поверхности гальки (со спинки) и плоскости раскола (с брюшка) остается не затронутой обработкой, что является определенным свидетельством деградации техники бифасиальной обработки. По пропорциям рубило полностью соответствует одной из разновидностей бифасов V слоя (рис.76, 5).

Второй бифас сердцевидный, плоско-выпуклый в сечении, с узким обушком, горизонтальной плоскостью раскола, имеет размеры 7 x 5,5 x 2,7см. Он также обработан лишь краевой стеской, бифасиально только по одному лезвию, которому противостоит обушок, не захватывающий большую часть обеих плоскостей орудия. Пятка прямая, приострена бифасиально-ступенчатыми короткими многорядными снятиями с обеих плоскостей. Двумя стыкующимися сколами с краев выделен короткий выступ на дистальном конце, имеющий пластинчатый стес с тыла. Как видно из описания, этот бифас имеет другие пропорции (сердцевидные рубила не были представлены в ашельских индустриях Азыха), но основные приемы его вторичной обработки сходны с приемами обработки миндалевидного бифаса III слоя. Наличие желобчатого стеса с тыла и обушка, приострение пятки сближают бифас III слоя с ашельскими бифасами V слоя. В то же время деградация обработки (краевая бифасиальная стеска), изменение пропорций, формы и размеров орудия позволяет думать, что оно вполне гомогенно в индустрии раннего мустье III слоя Азыха.

Среди орудий из отщеповых заготовок в III слое прежде всего обращает на себя внимание большое количество разного рода скребел. Большинство изготовлено из правильных удлиненных пластин с параллельным ограничением или конвергентных, а также много

обушковых скребел-ножей с естественным обушком. Можно выделить следующие характерные типы скребел:

1 – Скребла одинарные и двойные на пластинах с прямыми краями, обработанными краевой приостряющей ретушью (рис.88, 3, 11; 81, 7). Эта форма ближе всего стоит к скреблам Таглара.

2 – Скребла одинарные и двойные с обработкой лезвий лицевой крупнофасеточной полукрутой ретушью (рис.88, 2, 4; 89, 8; 86, 1). Такая ретушь также один из ведущих приемов вторичной обработки орудий из Таглара.

3 – Скребла-скребки и тройные скребла со скребковыми лезвиями (чаще всего вогнутыми) на дистальных концах пластин или расширяющихся отщепов (рис.82, 4; 81, 3), а также скребковые закругления на углу скребел (рис.83, 9; 89, 7). Скребковые выступы на концах пластинчатых скребел, как правило, выделены с одного края выемками, отчего сами скребки можно назвать "скребками с плечиком" (рис.83, 4, 5; 81, 9; 88, 6); представлены формы со скребковыми закруглениями и на конвергентных и угловатых скреблах (рис.81, 6; 88, 8). Замечено по другим палеолитическим коллекциям, что наличие скребков на пластинах и, в частности, плечиковых форм вообще свойственно финально-ашельским индустриям и мустье с ашельской традицией. В Закавказье следует отметить прежде всего Яштухское местонахождение близ Сухуми в Абхазии (Коробков, 1965, 1965а). Представлены и скребла-скребки на искусственно фрагментированных заготовках (рис.84, 4, 5).

4 – Единичные формы одинарных и двойных скребел с упором на угол (рис.88, 7), в том числе и с обработкой с брющка (рис.83, 2).

5 – Большой серией представлены скребла угловатые, как поперечных форм, свойственных еще ашельским индустриям VI и V слоев: тройные (рис.81, 4) и двойные (рис.84, 6, 8, 9) поперечно-угловатые, – так и обычных угловатых с острием и прямыми краями (рис.81, 1, 4). Характерен большой процент угловатых удлиненных форм, как отщеповых

угловато-конвергентных (рис.86, 4) с противолежащим оформлением, свойственных еще индустрии V слоя Азыха, так и пластинчатых, так называемых угловатых остроконечников, среди которых отмечаются горбовидные и стрельчатые формы (рис.81, 4, 8), представленные в мустье Таглара.

6 – Продольные и поперечные крутые скребла с выпуклым лезвием и острием (типа кина и полукина – рис.84, 11; 82, 7) – форма, наиболее полно характеризующая в Азыхе ашельскую индустрию VI и V слоев.

В III слое превосходной серией представлены скребла-ножи с прямым или выпуклым, частично или полностью ретушированным лезвием и корочным обушком (рис.89, 4, 5; 85, 1 – 5, 8 – 9; 89, 9, 10). Следует отметить еще один характерный прием оформления таких орудий. Большинство обушковых орудий III слоя имеет стес или подработку дистального поперечного конца, создающую как бы скошенное разрезающее лезвие, стыкующееся с основным боковым лезвием орудия. Вспомним, что обушковые формы – это наиболее характерная черта ашельских индустрий Азыха. Но у бифасов из V слоя, отнесенных нами к обушковым формам бифасиальных ножей, подобное поперечно-скошенное лезвие, смыкающееся с основным, тоже тщательно оформлялось, но бифасиальной стеской. Можно с большой долей уверенности сделать заключение, что создание скашивающего лезвия на дистальном конце обушковых форм бифасов является традиционным приемом оформления, встречающимся еще в ашеле, и замена бифасиальной его обработки стесом при оформлении обушковых форм скребел в индустрии III слоя – лишь упрощенная, серийная модификация его, то есть продолжение традиции, выработанной еще ашельским населением Азыха, на новом – раннемустьерском этапе.

Еще одним характерным приемом, сохранившимся в Азыхе со времен ашеля, является прием долотовидной подтески поперечных концов крупных пластинчатых скребел и зубчатых орудий, или образование узких стесанных дистальных лезвий у

конвергентных форм и мелких пропорций остроконечников (рис.76, 1, 3; 86, 5; 82, 3, 8). Вероятно, именно с этой традицией можно связать отмеченную в Тагларе форму двойного скребла с дистальным неретушированным поперечным лезвием (Джафаров, 1983, с.43 – 49). Тем более что отдельные экземпляры таких скребел отмечаются и в индустрии III слоя Азыха (рис.86, 3). Они вполне могли использоваться в той же функции долотовидного орудия типа стамески. Это тем более вероятно, что в индустрии III слоя, кроме того, встречается еще ряд аккомодационных приемов оформления орудий, получивших дальнейшее развитие в мустье Таглара и Дашсалахлы. Прежде всего следует отметить "площадочный тип" утончения – он применялся главным образом для оформления орудий из фрагментированных заготовок, но использовался и для утончения оснований остроконечников и скребел (рис.79, 7). С помощью площадочного приема получалась специфическая форма орудия – скребло с утончением корпуса, известная нам и в мустье Таглара как "скребло тагларского типа" (рис.88, 9, 10) (Джафаров, 1983, с.52 – 55). Подобный способ утончения оснований орудий встречен и в материалах стоянки Дашсалахлы, что позволяет и мустье этой пещеры в культурном отношении сопоставить с тагларским мустье и предположить, что истоки этой культуры зародились в недрах раннего мустье Азыха, поскольку здесь встречено уже семь скребел тагларского типа.

В индустрии III слоя встречен и прием утончения основания путем стесывания бугорковой части орудия (с брюшка). Этот прием известен в Азыхе еще в ашеле.

Но лучше всего и целой серией в коллекции III слоя представлен прием утончения основания орудий путем приостряющих стесов со спинки (рис.80, 2; 82, 6; 83, 9; 86, 3). Есть видоизменения такого приема: наложение на основание лишь правильной ретуши или мелких поперечных стесов (рис.78, 3) или заострение проксимального конца орудия скашивающей край ретушью, наложенной с брюшка (рис.79, 8).

Из прочих форм орудий большой серией в

азыхском мустье представлены леваллуазские и мустьерские остроконечники. Леваллуазские остроконечники – это либо просто треугольные острия, либо с частично подправленными ретушью краями (рис.78, 4; 79, 1; 80, 4), либо удлиненной формы, с прямыми краями, обработанными краевой (рис.79, 5) или крупнофасеточной неровной ретушью (рис.80, 3). Мустьерские остроконечники по типам, пропорциям и очертаниям более разнообразны. В коллекции представлены удлиненные формы со слегка выпуклыми краями (рис.79, 8), крупные остроконечники расширенно-листовидной формы с овальными краями (рис.80, 5), узкие листовидные остроконечники средних пропорций (рис.79, 2). Отмечаются также высокие остроконечники с прямыми краями и утончением основания, напоминающие тагларские (рис.80, 1, 2), и укороченных форм, с овальными краями (рис.78, 6).

Небольшая серия клювовидных форм на крупных пластинах с зубчатой обработкой краев обнаруживает форму рабочего элемента, выделенного выемкой снизу, в виде так называемого "утинового носика", с прямой режущей ретушью, но оформление этого орудия в индустрии мустье Азыха специфично. Специфичны и не составляют сколько-либо выраженных серий и резцы с одним (рис.83, 1) или двумя (рис.84, 10) плоскими резцовыми сколами, либо специфическая форма долотовидного орудия со стесами на поперечном краю, дополненная плоским резцом, образующим скашивающее по отношению к долотовидному краю лезвие (рис.83, 3). Создается впечатление случайности, невыраженности орудий с резцовым сколом в индустрии мустье Азыха.

В заключение мы должны еще раз подчеркнуть, что, судя по материалам III слоя Азыха, в этом наиболее раннем на территории Азербайджана мустьерском комплексе сочетаются как типологические признаки и приемы оформления орудий, выработанные еще в ашеле, так и новые формы изделий, получившие дальнейшее развитие в более поздних мустьерских комплексах, известных по материалам пещер Таглар и Дашсалахлы.

Перечислим еще раз кратко те и другие.

I. Традиционные черты обработки орудий, зародившиеся в ашельском периоде, но еще встречающиеся в индустрии III слоя Азыха

1. Преобладающее использование дисковидно-двусторонних ядрищ (50% всех нуклеусов III слоя).

2. Сохранение миндалевидной формы ручного рубила, традиции приострения и округления пяточной части рубил, а также получение обушковых форм бифасов.

3. Широкое использование обушковых форм орудий (в III слое – исключительно скребел), оформление поперечно-скошенных лезвий, полученных с помощью стеса, как модернизация приема получения скошенного лезвия у бифасиальных ножей V слоя.

4. Широкое развитие долотовидных рабочих краев, оформленных подтеской поперечного края скребла.

5. Присутствие скребел с острием и крутым лезвием (скребел типа кина), с обушком и без, но с заострением конца лезвия, а также поперечных форм угловатого скребла с заострением концов.

6. Интенсивное использование техники утончения основания орудий путем стесывания ударного бугорка (утончение с брюшка) или длинными сколами со спинки.

II. Новые черты, получающие развитие в более поздних мустьерских индустриях пещер Таглар и Дашсалахлы

1. Развитие форм односторонне-дисковидного нуклеуса как переоформленного варианта более крупных леваллуазских ядрищ для пластинчатых заготовок.

2. Удлиненные пропорции пластинчатых заготовок (длина превышает ширину в 2,5 – 3 раза и более).

3. Все большее значение, приобретает удлиненно-заостренная разновидность угловатых скребел – угловатые остроконечники. Зарождение горбообразной формы угловатого остроконечника.

4. Появление формы двойного скребла с прямыми краями и необработанным дистальным концом (модификация скребловидных орудий с долотовидными лезвиями, обработанными стесами).

5. Появление новой формы скребла из фрагментированных заготовок – так называемого "скребла тагларского типа". Широкое использование "площадочного типа" утончения не только для основания орудия, но и для всего корпуса.

6. Использование техники утончения основания не только с помощью приострения его стесами со спинки, но и простым наложением приостряющей ретуши.

7. Появление скребел и остроконечников с прямыми краями и острием (а часто – и с утончением основания) средних и мелких пропорций.

Многие из перечисленных нововведений, отмеченные в индустрии III слоя Азыха, продолжают широко бытовать не только в позднем мустье Таглара и Дашсалахлы, но и в мустье сопредельных территорий: пещеры Ереванская и Лускарет в Армении, пещеры Биситун и Гари-Хар в Иране, Хазар-Мерд в Ираке (Ерицян, 1970; Ранов, 1978; Coon, 1951).

Это расширение ойкумены азыхских нововведений заметно и на территории Азербайджана. Принципы оформления орудий и специфические формы, зародившиеся в период образования III слоя Азыха, т.е. в рисс-вюрмское время, продолжают существовать и развиваться не только в Тугской котловине, но и распространяются к северу, в Газахский район (позднее мустье пещеры Дашсалахлы).

Что касается мустьерского материала пещеры Дамджылы, то он ближе к позднеашельским или раннемустьерским памятникам Газахского района открытого типа: Гадыр-дере, Гаялы, Шиш-Гузей (Мансуров, 1978), истоки индустрии которых пока еще не совсем ясны.

С другой стороны, на основе изучения материалов Азыхской пещеры сейчас уже отчетливо видно, что именно первые обитатели ее дали тот импульс развитию культуры и интеллекта, который не иссяк и через тысячелетия и воплотился в весьма высокой культуре неандертальского человека на территории Азербайджана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты исследований палеолита Азербайджана позволяют сделать следующие основные выводы.

1. На территории Азербайджана открыты и исследуются палеолитические пещерные стоянки Азых, Таглар, Дашсалахлы и Дамджылы. Выявленные в них богатейшие археологические материалы подразделены на древний (олдувай – эпоха галечной культуры, ранний и средний ашель) и средний палеолит (мустье).

Многослойная пещерная стоянка Азых по периодизации палеолита занимает особое место среди пещерных памятников Закавказья. Стоянка Азых благодаря стратиграфической полноте древнейших палеолитических культур, палеоантропологической находке, богатству палеонтологического материала является уникальным пещерным памятником и представляет огромный научный интерес. Комплексные исследования этой стоянки позволили сделать заключение о том, что первобытные люди обитали на территории Азербайджана начиная с эоплейстоцена (абшерона).

2. Результаты комплексных исследований (археологических, геолого-геоморфологических, палеонтологических, палинологических, палеомагнитных, палеогеографических и др.) показывают, что по геологическому возрасту наиболее древних культурных слоев пещера Азых является одной из наиболее интересных стоянок древнего человека и не имеет аналогов на постсоветском пространстве, а по хронологическому диапазону культурных слоев, охватывающих большую часть первобытной истории человечества – от эпохи галечной культуры (олдувай) до первой половины мустье включительно – пещера эта является единственной в мире.

3. Каменные изделия самых древних слоев Азыха, относящихся к абшеронской эпохе, сильно отличаются от древнеашельских крупными размерами, грубостью и примитивностью приемов вторичной обра-

ботки, преобладанием галечных форм орудий, отсутствием бифасов, что послужило основанием для объединения индустрии нижней толщи (VII – X слоев) Азыха в особую галечную культуру, названную нами "культурой куручай".

Детали оформления орудий культуры куручай позволяют сделать вывод, что в IX – X слоях мы сталкиваемся с полностью сложившимися принципами и основными приемами вторичной обработки, которые затем используются и совершенствуются в вышележащих (VII – VIII) слоях этой культуры и применяются даже в древнем ашеле VI слоя. Следовательно, представители культуры куручай пришли в пещеру Азых не со случайно и спонтанно возникшими, а с выработанными на протяжении тысячелетий приемами изготовления орудий, которые передавали затем в качестве традиционных последующим поколениям. Такой вывод логически приводит к предположению, что носители культуры куручай развивали свои традиции и культуру еще задолго до первого своего посещения пещеры, обитая на открытых пространствах долины реки Куручай (а возможно, и всего Южного Азербайджана). Это вселяет в нас уверенность, что в дальнейшем возможно обнаружение открытых поселений (или следов орудийной деятельности) предков обитателей пещеры Азых, отстоящих от азыхцев по абсолютному возрасту на несколько сотен тысяч лет и обитавших в этих районах Азербайджана не менее чем 1,5 – 2 млн лет назад.

4. В Азыхской пещере, согласно стратиграфической последовательности, после завершения развития культуры куручай начинается древнеашельская культура, представленная материалами VI слоя. Эта совершенно новая культура развивается на основе предшествующей – культуры куручай.

С археологической точки зрения материалы древнеашельской культуры приобретают особое значение. Коллекция орудий из VI слоя стоянки – одна из наиболее представительных в археологических материалах. Сравнительный анализ изделий этого слоя с индустрией культуры куручай, с одной стороны, и V слоя – с другой показал, что технико-типологически материал VI слоя является связующим звеном между разными эпохами древнего палеолита Азыха.

Сравнительный анализ показал, что прослеживается генетическая связь между археологическими материалами культуры куручай и древнеашельского слоя. Характерными признаками этой связи являются бытование в древнеашельском слое определенного процента необработанных и частично обработанных галек, груборубящих, кубовидных, выемчатых изделий, значительное количество бесформенных грубых отщепов и т.д. Такая преемственность в индустрии роднит археологические культуры столь разновременных слоев стоянки Азых в генетическом отношении, и дает возможность предположить, что древнеашельская культура является продолжением культуры куручай.

В древнеашельском VI слое, наряду с грубыми рубящими орудиями, ручными рубилами, скреблами, лимасами и фрагментированными орудиями выявлены многочисленные костные остатки ископаемой фауны, позволяющие датировать слой миндельским возрастом.

5. Среднеашельская культура, представленная материалами V слоя, развивалась довольно продолжительное время.

Детальный технико-типологический анализ показывает, что в среднеашельском V слое обитало население, генетически связанное с древнеашельским населением Азыха и развивавшееся на новом – среднеашельском этапе традиции и культурные особенности своих древнеашельских предков. Помимо сходства форм орудий и приемов оформления рабочих лезвий, в индустрии V слоя отмечается сокращение аккомодационных приемов, отмеченных в VI слое. Прежде всего

это прием утончения основания конвергентных скребел и остроконечников путем стесывания основания бугорковой части заготовки. Но в целом индустрия среднего ашеля, несмотря на ее кажущуюся несхожесть с коллекцией VI слоя, во всем, начиная с техники получения сколов и кончая приемами оформления орудий, продолжает развиваться, модернизируя традиции, заложенные их предками в древнем ашеле (а возможно, еще "куручайцами").

В среднеашельскую эпоху пещера Азых служила временным убежищем, своего рода охотничьим лагерем, а основное поселение располагалось где-то на открытых пространствах долины реки Куручай.

6. Палеоантропологическая находка из среднеашельского слоя, представленная фрагментом челюсти (женской), показала, что по физическому типу ашельский человек из Азыха (азыхантроп) относится к группе гоминид, выделяемых в Европе под названием пренеандертальцев и занимающие в стадии антропогенеза промежуточное положение между питекантропами и неандертальцами. Челюсть пренеандертальца из Азыха имеет очень большое сходство с антропологическими находками со стоянки Тотавель на западе Франции, что позволяет сделать вывод о существовании обширной области обитания пренеандертальцев на территории Европы.

Остатки ископаемого человека из Азыха, датируемые миндель-риссом, являются самой древней находкой гоминида, в пределах постсоветского пространства.

7. Мустьерская индустрия Азыха является наиболее ранней среди мустьерских комплексов других пещерных стоянок Азербайджана и датируется первой половиной позднего плейстоцена (рисс-вюрм, поздний хазар).

В мустьерском комплексе Азыха типологические признаки и приемы оформления орудий, выработанные еще в ашеле сочетаются с новыми формами изделий, получившими дальнейшее развитие в более поздних мустьерских комплексах, известных по материалам пещер Дашсалахлы и Таглар.

Хорошо выражены традиционные черты обработки орудий, зародившиеся в ашельском комплексе: например, использование дисковидно-двусторонней формы ядрища, сохранение миндалевидной формы орудий, оформление поперечно-скошенных лезвий, полученных с помощью стеса, как модернизация приема получения скошенного лезвия у бифасиальных ножей V слоя, широкое развитие долотовидных рабочих краев, оформленных подтеской поперечного края скребла, присутствие скребел с острым и крупным лезвием, интенсивное использование техники утончения основания орудий путем стесывания ударного бугорка или длинными сколами со спинки.

Мустьерская индустрия Азыха в целом рассматривается как нелеваллуазская, но фасетированная, с высокой степенью тонкой подправки ударных площадок. Тип этой индустрии определяется как мустье с ашельской традицией.

8. Первобытные обитатели Азыхской пещеры охотились в основном на пещерных медведей, оленей. Охота на таких крупных животных обеспечивала их мясом, жиром, шкурами, костями. Азыхантропы знали их хозяйственно-экономическое значение и потому предпочитали охотиться на указанных животных.

9. В ашельских слоях пещеры Азых впервые в нашей стране обнаружены остатки очагов. Возможно, уже в древнеашельское время, к которому относятся остатки наиболее древнего очага, возникло искусственное добывание огня. Наиболее ценной находкой являются крупинки древесного угля из отложений галечной куручайской культуры, возможно, было связанные с использованием огня уже в это время.

10. В среднеашельском слое Азыха выявлены остатки каменной кладки, видимо, служившие фундаментом жилища. Подобные находки известны на стоянках Терра-Амата, Лазаре (Франция) и Латамна (Сирия); на постсоветском пространстве элементы жилой конструкции ашельского времени впервые фиксируются в пещере Азых.

11. Обнаружение "тайника" с черепами пещерных медведей позволяет говорить о зарождении религиозных представлений у ашельских обитателей стоянки Азых. На основании этих находок можно сделать предварительный вывод о появлении культа зверей, а также об абстрактном мышлении, выразившемся в нанесении линейных изображений (насечек) на черепную коробку медведя.

12. Каменные изделия, выявленные в мустьерских слоях стоянки Таглар, генетически едины и представляют собой развитие во времени набора каменных орудий, относящихся к одной и той же группе населения. Это удостоверяет близость технико-типологических показателей коллекции всех уровней, преемственность в развитии способов первичной и вторичной обработки камней. Техничко-типологические показатели индустрии позволяют отнести ее к группе мустье типичного в его леваллуазской фации.

Мустьерская индустрия Тагларской стоянки имеет некоторые параллели среди пластинчатых индустрий Закавказья, относимых к так называемой типично мустьерской линии развития. Таковы индустрии джуручула-кударской мустьерской культуры (пещеры Джуручула, Цона, Кударо в Грузии), а также пещер Дашсалахлы (запад Азербайджана) и Ереванской (в Армении). Так же весьма близкими аналогами Тагларской стоянки являются стоянки Биситун в Иране, Хазар-Мерд, Шанидар в Ираке.

13. Пещерные памятники Авейдага представлены стоянками Дашсалахлы и Дамджылы. Археологические материалы пещеры Дашсалахлы датируются второй половиной мустьерского времени. Индустрия Дашсалахлы имеет некоторые параллели среди пластинчатых индустрий Закавказья и Ближнего Востока, относимых к типично мустьерской линии развития.

В гроте Дамджылы археологические материалы сильно перемешаны и отражают культуру древнего человека с эпохи раннего мустье (возможно – позднего ашеля) до самого мезолит-неолита включительно.

- Абибуллаев С.А. Археологические раскопки на холме Кюль-тепе. Баку, 1959.
- Абрамова З.А. Галечные орудия в палеолите Енисея. ПИН, 1972, т.7 (МИА № 185).
- Авдусин Д.А. Археология СССР. М., 1977.
- Азизбеков Ш.А. Геология Нахичеванской АССР. Баку, 1961.
- Алиев С.Д. Материалы к изучению фауны пещерных палеолитических стоянок Азербайджана. Материалы конференции молодых ученых Азгосмединститута. Баку, 1965, вып.4.
- Алиев С.Д. Материалы к изучению копытных палеолита Азыхской пещеры. Материалы юбилейной конференции молодых научных работников Азгосмединститута. Баку, 1966.
- Алиев С.Д. Фауна Азыхской палеолитической стоянки. Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. Баку, 1969.
- Ализаде Г.А. Акчагыльский ярус Азербайджана. Баку, 1954.
- Алиман А. Доисторическая Африка. М., 1960.
- Алпысбаев Х.А. Нижнепалеолитическое местонахождение в Малом Каратау. Вестник АН Каз. ССР, 1959, № 2.
- Алпысбаев Х.А. Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане. Сов. археология, 1961, № 1.
- Алпысбаев Х.А. Открытия нижнего палеолита в Казахстане. Вестник АН Каз. ССР, 1969, № 5.
- Алпысбаев Х.А., Костенко Н.Н. Геолого-исторические условия хребта Каратау в эпоху палеолита. В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.
- Антонов Б.А. Малый Кавказ. В кн.: Геоморфология Азербайджана. Баку, 1959.
- Антонов Б.А. Геоморфология Юго-Восточного Закавказья. Автореф. дисс. ... докт. геогр. наук. Баку, 1963.
- Антонов Б.А. Поверхности выравнивания и вопросы истории развития и возраста рельефа юго-восточной части Малого Кавказа. В кн.: Вопросы геоморфологии и ландшафтоведения Азербайджана. Баку, 1966.
- Антонов Б.А. Геоморфология и вопросы новейшей тектоники юго-восточной части Малого Кавказа. Баку, 1971.
- Антонов Б.А. Геоморфология юго-восточного Закавказья. Баку, 1972.
- Антонов Б.А. История развития рельефа юго-восточной части Малого Кавказа и Талыша. Труды Ин-та геогр. АН Азерб. ССР. Баку, 1976, т. XVI.
- Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. Древний Мингечаур. Баку, 1959.
- Бибииков С.Н., Любин В.П. Распространение памятников раннего палеолита Крыма и Кавказа и история их исследования. В кн.: Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа (Путеводитель). М., 1978.
- Богачев В.В. Палеонтологические заметки о фауне Эльдара. ИООИА, 1924, № 5.
- Богачев В.В. Геологический очерк Азербайджана. Материалы по районированию Азерб. ССР, 1926, т. 1, вып.3.
- Богачев В.В. Урмийское и Ванское озера. Известия Азгосуниверситета, отд. естеств. и медицины, 1927, т. 7.
- Богачев В.В. Картины первобытной природы Абшерона (Бинагады). Баку, 1940.
- Бонч-Осмоловский Г.А. Грот Киик-Коба. В кн.: Палеолит Крыма. М.-Л., 1940, вып.1.
- Борисковский П.И. Первобытное прошлое Вьетнама. М.-Л., 1966.
- Борисковский П.И. Проблемы становления человеческого общества и археологические открытия последних десятилетий. В сб.: Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- Борисковский П.И. Возникновение человеческого общества. В кн.: Палеолит Африки. (серия "Палеолит мира"). Л., 1977.
- Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979.
- Будагов Б.А. Геоморфология южного

склона Большого Кавказа. Баку, 1969.

Бурчак-Абрамович Н.И., Алиев С.Д. К изучению птиц из палеолитических стоянок Азербайджана. Материалы 8-й Всесоюзной орнитологической конференции. Кишинев, 1981.

Бурчак-Абрамович Н.И., Бурчак Д.Н. Плейстоценовые и раннеголоценовые позвоночные карстовых пещер Кавказа. В кн.: Четвертичная система Грузии. Тбилиси, 1982.

Бурчак-Абрамович Н.И., Габашвили Е.Г. Высшая человекообразная обезьяна из верхнетретичных отложений Восточной Грузии. Сообщ.АН Гр.ССР, 1945, т.1, № 6.

Бурчак-Абрамович Н.И., Джафаров Р.Д. Материалы к количественному учету копытных фауны и флоры. Бинагадинское захоронение четвертичной фауны и флоры. Баку, 1953, ч. III.

Варданянц Л.А. Постплиоценовая история. Ереван, 1943.

Величко А.А. Природный процесс в плейстоцене. М., 1973.

Величко А.А., Антонова Г.В., Зеликсон Э.М., Маркова А.К., Моносзон М.Х., Морозова Т.Д., Певзнер М.А., Сулейманов М.Б., Халчева Т.А. Палеогеография стоянки Азых – древнейшего поселения первобытного человека на территории СССР. Известия АН СССР, серия геогр., 1980, № 3.

Величко А.А., Праслов Н.Д. Предисловие к сборнику "Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа" (Путеводитель), М., 1978.

Верещагин Н.К. Охотничьи и промысловые животные Кавказа. Баку, 1947.

Гаджиев Г.В. Бинагадинский ископаемый осел. Труды естественно-исторического музея, т. III, 1953.

Гаджиев Д.В. Новые материалы по Эльдарской гиппарионовой фауне. Известия АН Азерб. ССР, сер. геолог. Геогр., 1959, № 4.

Гаджиев Д.В. Остатки ископаемых позвоночных животных и человека антропогенных отложений Азербайджана. Тезисы докладов Всесоюзное совещание по четвертичному периоду. Ереван, 1973.

Гаджиев Д.В., Алиев С.Д. Ископаемые

остатки рукокрылых из Тагларской пещеры. Ученые записки Азгосмединститута, 1966, т. XIX.

Гаджиев Д.В., Алиев С.Д. Пищуха из мустьерских отложений Тагларской пещеры. Ученые записки Азгосмединститута, 1966а, т. XXIII.

Гаджиев Д.В., Алиев С.Д. Некоторые представители хищных млекопитающих из палеолитических отложений Азыхской пещеры. Ученые записки Азгосмединститута, 1966б, т. XXIII.

Гаджиев Д.В., Ахундов Ф.М., Алиев С.Д. Климатические условия обитания комплексов позвоночной фауны Азербайджана в позднем плиоцене и в плейстоцене. В кн.: Материалы советско-американского симпозиума по природно-климатическим изменениям в плейстоцене и голоцене. Баку, 1976.

Гаджиев Д.В., Гусейнов М.М. Первая для СССР находка ашельского человека (Азербайджан, Азыхская пещера). Ученые записки Азгосмединститута, 1970, т. 31.

Гаджиев Д.В., Гусейнов М.М., Мамедов А.В., Ширинов Н.Ш. Краткие результаты комплексных исследований Азыхской древнепалеолитической стоянки. Известия АН Аз.ССР, серия наук о Земле, 1979, № 3.

Герасимов И.П., Величко А.А., Любин В.П., Праслов Н.Д. Древние люди в Европе и условия их обитания. Первые результаты совместных советско-французских исследований. Вестник АН СССР, 1981, № 10.

Городцов В.А. К истории развития техники первобытных каменных орудий. Советская археология, 1935, № 2.

Григорьев Г.П. Палеолит Африки. В кн.: Возникновение человека. Палеолит Африки. (серия "Палеолит мира"), Л., 1977.

Громов В.И. Научная командировка в Венгрию на симпозиум по культуре селета. БКИЧП, М., 1967, № 34.

Гроссгейм А.А. Анализ флоры Кавказа. М., 1936.

Гроссгейм А.А. Главные очаги растительных реликтов на территории Азербайджана. Известия Азгосуниверситета, отдел естествознания и медицины, 1928, т. VII.

Гроссгейм А.А., Прилипко Л.К. Геоботанический очерк Карабахской степи. Труды геоботанич. обследования пастбищ, Азерб. ССР, 1929.

Гуммель Я.И. Археологическая разведка на Киллик-даге. Известия Аз.ФАН СССР, 1938, № 2.

Гуммель Я.И. Краеведческий музей Ханларского района, Баку, 1939.

Гуммель Я.И. Памятники древности в окрестностях Киллик-дага. Известия Аз.ФАН СССР, 1941, № 2.

Гуммель Я.И. Раскопки поселения I на западе от Ханлара /1939 – 1941 гг./. КСИИМК, 1948, вып. 2.

Гусейнов М.М. О первых находках материалов каменного века в долине Шорсу. АН Азерб.ССР, 1956, т. XI.

Гусейнов М.М. Каменные молоты из Нахичевана. АН Азерб.ССР, 1956, №2.

Гусейнов М.М. История каменного века в Азербайджане. Тезисы докладов и сообщений научной сессии, посвященной экспозиции по истории Азербайджана с древнейших времен до X века. Баку, 1956.

Гусейнов М.М. Кремневый нож из коллекции Музея истории Азербайджана. ТМИА, Баку, 1957, т. I.

Гусейнов М.М. Изучение каменного века в Азербайджане. ТМИА, Баку, 1957а, т. II.

Гусейнов М.М. Пещера каменного века на Авейдаге. ДАН Аз.ССР 1959, т. 15, № 11.

Гусейнов М.М. Мустьерская стоянка в пещере Дашсалахлы. Известия АН Аз.ССР, серия общ.наук, 1959а, № 6.

Гусейнов М.М. Орудия труда каменного века. ТМИА, Баку, 1960, т. III.

Гусейнов М.М. Авейдагские палеолитические пещерные стоянки. Автореферат канд.диссерт. Тбилиси, 1960а.

Гусейнов М.М. Азыхская пещера – крупный карст и древнейшая стоянка Азербайджана. ДАН Азерб. ССР, 1963, т. 19, № 11.

Гусейнов М.М. О результатах археологических раскопок в Азыхской пещере. В кн.: Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1966.

Гусейнов М.М. О палеолитической стоянке в пещере Таглар. МКА, Баку, 1973, т. VII.

Гусейнов М.М. Далекие каменные времена. Баку, 1973 а (на азерб. языке).

Гусейнов М.М. О тайнике азыхантропа в ашеле. Ученые записки АГУ им. С.М.Кирова, серия истории и философии, 1975, № 8.

Гусейнов М.М. Очаги азыхантропов баку-хазарского (миндель-рисс) возраста. Ученые записки АГУ им. С.М.Кирова, серия истории и философии, 1974а, № 1.

Гусейнов М.М. Жилище древнейшего человека в нашей стране. Журнал "Природа", 1974б, № 3.

Гусейнов М.М. Археология Азербайджана – каменный век. Баку, 1975 (на азерб. языке).

Гусейнов М.М. В пещере Азых (на азерб. языке). Журнал "Элм ве Хайят", 1975а, № 6.

Гусейнов М.М. Новые археологические открытия абшеронского возраста в нижних слоях пещеры Азых. АО 1976 г.М., 1977.

Гусейнов М.М. Результаты раскопок в пещере Азых. АО 1976 г. М., 1977.

Гусейнов М.М. Ранние стадии заселения человека в пещере Азых. Ученые записки АГУ им. С.М.Кирова, 1979, № 4.

Гусейнов М.М. Новые археологические данные о куручайской культуре пещеры Азых в Азерб.ССР. Известия АН Азерб.ССР, серия философии и права, 1080, № 3.

Гусейнов М.М. Исследования в Азыхской пещере. АО 1979 г. М., 1980а.

Гусейнов М.М., Гаджиев Д.В. Изучение палеолитических местонахождений в долине р.Куручай. Материалы сессии, посвящ.итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР, Баку, 1965.

Гусейнов М.М., Гаджиев В.М., Мансуров М.М. Раскопки в пещере Азых. АЭИА в 1973 г. Баку, 1974.

Гусейнов М.М., Гаджиев В.М., Мансуров М.М. Раскопки в пещере Азых. АЭИА в 1974 г. Баку, 1975.

Гусейнов М.М., Джафаров А.К. Мустьерская стоянка Дашсалахлы. Известия АН Аз.ССР, серия истории, философии и права,

1982, № 2.

Гусейнов М.М., Рустамов Д.Н., Гаджиев Д.В. Археологические памятники Азербайджана и их взаимосвязь с климатическими изменениями. В кн.: Материалы Советско-Американского симпозиума по природно-климатическим изменениям в плейстоцене и в голоцене. Баку, 1976.

Джабарова Х.С., Касумова Г.М., Ибадов Т.Р. Смена растительного покрова Азербайджана в позднем плиоцене и плейстоцене в связи с изменением климата. В кн.: Материалы советско-американского симпозиума по природно-климатическим изменениям в плейстоцене и в голоцене. Баку, 1976.

Джафарзаде И.М. Обследование циклопических сооружений Азербайджанской ССР. Известия Аз.ФАН СССР, 1939, № 3.

Джафарзаде И.М. Древняя история Азербайджана. Известия Аз.ФАН СССР, 1944, № 9.

Джафарзаде И.М. Следы древнейших культур человека на территории Азербайджана. ССИА, Баку, 1949, вып. I.

Джафарзаде А.К., Алиев И.Г. Очерки по древней истории Азербайджана. Баку, 1956.

Джафаров А.К. Разведочные работы в Шушинской пещере. ИПАЭИА за 1972 г. Баку, 1973.

Джафаров А.К. Мустьерская стоянка Таглар. Известия АН Аз.ССР, серия истории, философии и права, 1977, № 3.

Джафаров А.К. Исследования в Тагларской пещере. АО 1977 г. М., 1978.

Джафаров А.К. Многослойная Тагларская мустьерская стоянка в Азербайджане. Советская археология, 1978а, №4.

Джафаров А.К. Мустьерская культура Азербайджана (по материалам Тагларской пещеры). Автореферат канд.дисс. Л., 1979.

Джафаров А.К. Мустьерская культура Азербайджана (по материалам Тагларской пещеры). Баку, 1983.

Джафаров А.К., Любин В.П. Возобновление исследований Тагларской пещеры. АО 1976 г. М., 1977.

Джафаров А.К., Мансуров М.М. Раскопки в пещере Таглар. АО 1973 г. М., 1974.

Додонов А.Е., Ранов В.А., Пеньков А.В. Находки палеолита в древних погребенных почвах Южного Таджикистана и их геологическая позиция. БКИЧП, М., 1978, № 48.

Думитрашко Н.В. Геологическая история и развитие рельефа. В кн.: Геоморфология Азербайджана. Баку, 1959.

Думитрашко Н.В. Кавказ. В кн.: Горные страны Европейской части СССР и Кавказ. М., 1974.

Думитрашко Н.В., Лилиенберг Б.А., Будагов Б.А. Рельеф и новейшая тектоника юго-восточного Кавказа. М., 1961.

Ерицян Б.Г. Ереванская пещерная стоянка и ее место среди древнейших памятников Кавказа. Автореферат канд.дисс. М., 1970.

Замятнин С.Н. Палеолит Абхазии. Труды Ин-та Абхазской культуры, Сухуми, 1937, вып.Х.

Замятнин С.Н. Изучение палеолитического периода на Кавказе за 1936-1948 гг. Материалы по четвертичному периоду СССР, 1950, вып. 2.

Замятнин С.Н. Палеолит Западного Закавказья. СМАЭ, 1957, т. XVII.

Замятнин С.Н. Разведка по каменному веку в Азербайджане осенью 1953 г. ТИИ АН Аз.ССР, Баку, 1958, т. XIII.

Замятнин С.Н. Очерки по палеолиту. М.-Л., 1961.

Иванова И.К. Геологический возраст ископаемого человека. М., 1965.

Иванова И.К. О следах деятельности ископаемых гоминид в отложениях эоплейстоцена и раннего плейстоцена Европы. В кн.: Геология и фауна нижнего и среднего плейстоцена Европы. М., 1972.

Иванова И.К. Геологические условия нахождения палеолита на территории СССР. БМОИП, отд. геол., 1969, т. XIV /3/.

История Азербайджана. Баку, 1958, т. 1.

Казиев С.М. О некоторых типах орудий из Мингечаура. МКА, Баку, 1951, т. II.

Каландадзе А.Н. Разыскания по археологии доантичной Грузии. Автореферат докт.диссертации, Тбилиси, 1960.

Касумова Г.М. Остатки ископаемых растений в морских майкопских отложениях

северо-восточных предгорий Малого Кавказа и их значение для корреляции. ДАН Аз.ССР, 1955, т. XI, № 12.

Кашкай М.И., Алиев Г.А. Физическая география Азербайджана. Баку, 1945.

Кларк Дж.Д. Доисторическая Африка. М., 1977.

Коробков И.И. Новые палеолитические находки на Яштухе (по результатам работ 1961 г.). Советская археология, 1965, № 3.

Коробков И.И. Нуклеусы Яштуха. В кн.: Палеолит и неолит СССР. М., 1965а, т.5.

Коробков И.И. Итоги пятилетних исследований Яштухской палеолитической стоянки. Советская археология, № 4, 1967.

Коробков И.И. Палеолит Восточного Средиземноморья. В кн.: Палеолит Ближнего и Среднего Востока (серия "Палеолит мира"). Л., 1978.

Любин В.П. Исследования палеолита в Юго-Осетии. КСИМК, 1958, т. 91.

Любин В.П. Каменный век Юго-Осетии. Автореферат канд.диссертации. Л., 1953.

Любин В.П. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I. Известия ВГО, 1959, т. 91.

Любин В.П. К вопросу об изучении древнего палеолита Азербайджана. Вопросы антропологии, 1960, вып. 3.

Любин В.П. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии. ПиН, 1960, т. 4 (МИА № 79).

Любин В.П. О некоторых вопросах, связанных с условиями нахождения палеолита Кавказа. Материалы и сообщения по изучению четвертичного периода. М., 1961, т. 1.

Любин В.П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. ПиН, 1965, т.V (МИА № 131).

Любин В.П. Ранний палеолит Кавказа. В сб.: Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969.

Любин В.П. К методике изучения фрагментированных сколов и орудий в палеолите. Проблемы советской археологии. М., 1978.

Любин В.П. Геолого-стратиграфические условия залегания палеолита в восточной галерее пещеры Кударо I. В кн.: Кударские

пещеры. М., 1980.

Любин В.П. Ранний палеолит Кавказа. В кн.: Палеолит СССР, М., 1984.

Любин В.П., Колбутов А.Д. Древнейшее поселение человека на территории СССР и палеогеография Кавказа. БКИЧП, 1961, № 26.

Мамедов А.В., Алескеров Б.Д., Сулейманов М.А., Сулейманов М.Б. Палеогеография района древнепалеолитической стоянки Азых в эоплейстоцене и в плейстоцене. В сб.: Физгеография и геоморфология. Баку, 1982.

Мамедов А.В., Мусейбов М.А., Алескеров В.Д. Стратиграфия и палеогеография плейстоцена бассейнов рек Шамхорчай и Дзегамчай (Малый Кавказ). Ученые записки АГУ им. С.М.Кирова, серия геол.географическая, 1974, № 3.

Мамедов А.В., Мусейбов М.А., Ширинов Н.Ш. Развитие рельефа Азербайджана в позднем плиоцене и в плейстоцене в связи с изменением климата. В кн.: Материалы советско-американского симпозиума по природно-климатическим изменениям в плейстоцене и в голоцене. Баку, 1976.

Мансуров М.М. О палеолите Западного Азербайджана. ИПАЭНА за 1972 год. Баку, 1973.

Мансуров М.М. Нижний палеолит Западного Азербайджана. Автореферат. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1978.

Милановский Е.Е., Хаин В.Е. Геологическое строение Кавказа, М., 1963.

Мильков Ф.Н., Гвоздецкий Н.А. Физическая география СССР, М., 1958.

Мартилье Г. Доисторическая жизнь: Происхождение и древность человека. СПб, 1903.

Мусейбов М.А. Высотная зональность рельефа междуречья рр.Акстафачай и Шамхорчай. Ученые зап. АГУ, им. С.М.Кирова, 1959, № 2.

Мусейбов М.А. Геоморфология Азербайджана. Баку, 1964 (на азерб. языке).

Мусейбов М.А. Верхнеплиоценовая история развития рельефа центральной части Восточного Закавказья. Ученые записки АГУ им. С.М.Кирова, сер.геол.-геогр., 1968, № 8.

Мусейбов М.А. Ландшафты Азербай-

джанской ССР. Баку, 1981.

Мусейбов М.А., Гусейнов М.М. Азыхская пещера. Ученые записки АГУ им. С.М.Кирова, 1961, № 1.

Мусейбов М.А., Сулейманов М.А. Природные ландшафты Джейранчельского низкогорья (на азерб. языке). Баку, 1975.

Никитин Н.А. Город Нахичевань и Нахичеванский уезд. СМОМПК, Тифлис, 1882, вып. 2.

Ниорадзе Г.К. Палеолит Грузии. Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, 1934, вып. V.

Ниорадзе Г.К. Древний каменный век на Кавказе. Труды Тбилисского Государственного Университета, 1937, т. VI.

Окладников А.П. Улалинка – древнепалеолитический памятник Сибири. ПИН, 1972, т. 7 (МИА № 185).

Паничкина М.З. Палеолит Армении. Л., 1950.

Пахомов Е.А. Памятники старины. Экспедиция АН СССР за 1935 г., М., 1937.

Пахомов Е.А. Об осмотре места находки кремневого ядра у Зыхского озера. Известия АзФАН СССР, 1938, № 6.

Петров В.А. Растительные остатки закированного слоя Бинагадов. Известия АзФАН СССР, 1938, № 6.

Поляков И.С. Из дневника. Протоколы подготовительного комитета V археол. Съезда. Приложение к кн.: "Древности", М., 1882, т. IX, вып. I.

Праслов Н.Д. Время и пути древнейшего заселения территории СССР человеком. В кн.: Палеолит СССР, М., 1974.

Ранов В.А. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965.

Ранов В.А. Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.

Ранов В.А. Палеолит переднеазиатских нагорий. В кн.: Палеолит Ближнего и Среднего Востока (серия "Палеолит мира"), Л., 1978.

Решетов Ю.Г. Природа Земли и происхождение человека. М., 1966.

Рогачев А.Н. Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине. АРПП, 1973.

Сардарян С.А. Палеолит в Армении. Ереван, 1954.

Симонович Д., Сорокин Г. Заметки об остатках мамонта на Кавказе. ИКОР ГО, 1874, вып. I, III, № 1.

Сулейманов М.Б. Современное состояние комплексных исследований в палеолитических пещерах Азых и Таглар (Азербайджанская ССР). Известия АН Азерб. ССР, серия наук о Земле, 1979, № 6.

Сулейманов М.Б. Среда обитания первобытного человека на юго-востоке Малого Кавказа (по данным палеолитических пещер Азых и Таглар). Автореферат дисс. ... канд. геол. наук, М., 1982.

Султанов Р.Д. Геологическое строение Азыхской пещеры в долине р. Куручай. (Материалы сессии, посвящ. итогам археол. и этногр. исслед. 1964 г. в СССР). Тезисы докладов. Баку, 1965.

Султанов Р.Д. Геологическое строение палеолитических карстовых пещер Азых и Таглар в Нагорном Карабахе Азербайджана. МКА, Баку, 1973, т. VII.

Тушабрамишвили Д.М. Пещера Джуручильского ущелья. В кн.: Пещеры Грузии, Тбилиси, 1963, т. 1.

Тушабрамишвили Д.М. Итоги раскопок Джуручильской пещеры за 1960 – 1961 гг. В кн.: Пещеры Грузии, Тбилиси, 1963а, т. 2.

Урысон М.И. У колыбели человеческого рода. Журнал "Природа", 1965, № 2.

Урысон М.И. Люди или животные. Журнал "Природа", 1973, № 1.

Урысон М.И. Неужели человеку 3 миллиона лет? Журнал "Природа", 1974, № 6.

Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

Хаин В.Е. Большой Кавказ. Тектоника, геология Азербайджана, Баку, 1953.

Ширинов Н.Ш. Геоморфологическая датировка возраста Азыхской пещерной стоянки палеолитического человека. Известия АН Азерб. ССР, серия наук о Земле, 1966, № 5.

Ширинов Н.Ш. Геоморфологическое

строение Кура-Араксинской депрессии. Баку, 1973.

Ширинов Н.Ш. Новейшая тектоника и развитие рельефа Кура-Араксинской низменности. Баку, 1975.

Шихалибейли Э.Ш. Геологическое строение и история развития восточной части Малого Кавказа. Баку, 1964, т. I.

Шихалибейли Э.Ш. Геологическое строение и история развития восточной части Малого Кавказа. Баку, 1966.

Bordes F. Principes d'une methode d'etude des techniques de debitage et de la typologie du Paleolithique ancien et moyen. *L'Anthropologie*, 1950, t. 54, # 1-2

Bordes F. Essai de classification des industries "Mousteriennes", 1953, BSPF, t.1 /7-8.

Bordes F. Typologie du paleolithique ancien moyen. Bordeaux, 1961.

Bordes F. et Bourgon M. Le complexe mousterien. Mousterien levalloisien et tagacien. *L'Anthropologie*, 1951, t.55, # 1.

Chardin T. Le sinantropus de peking. *L'Anthropologie*, 1931, t. XLI, # 1-2.

Clark J.D. The middle acheulion occupation site at Latamne, Northern Syria (First paper), *Quaternaria*, IX, Roma, 1967.

Clark J.D. The middle acheulion occupation site at Latamne Northern Syria (First paper), *Quaternaria*, X, Roma, 1969.

Coon C.S. Cave explorations in Iran 1949. The University Museum University of Pennsylvania. – Museum Monographus, Philodelphia, 1951, # 5.

Garrod D.A.E. The stone age of Mont Carmel. Oxford, 1937.

Garrod D.A.E. The paleolithic of Southern Kurdistan. *Bull. of the Am. School of Prehist. Research*, 1930, V. 6.

Gadjiev D., Guseinov M. Les premiers habitants de l'Europe, 1,500,000 – 100,000 ans. Paris, 1981.

Guseinov M. Azykh cave. Results of the 1974 – 1975 work. *Early Man News 1*. Newsletter of the Comission for the Paleoecology of Early man of INGUA, Tubingen, 1976.

Guseinov M. Azykh. Results of the 1976 – 1977 work. *Early Man News 3/4*. Newsletter of

the Comission for Human Paleoecology, Tubingen, 1978.

Kretzoi M., Vertes Z. The Early Paleolithic site of Vertesszillos. Budapest, 1968.

Leakey L.S.B. Olduvai Gorge, 1951 – 1961. Vol. 1, Cambridge, 1965.

Leakey L.S.B. Olduvai Gorge. Cambridge, 1951.

Leakey L.S.B. Olduvai Gorge, Vol. 3. Excavations in Beds 1 and 2, 1960 – 1963, Cambridge, 1971.

Leakey M.A., Martin J.E., Tobias P.V. An Acheulean industry and the discovery of a hominid mandible, lake Baringo, Kenya. "Proc. Prehist. Soc", 1969. Vol. 35.

Lumley H. Le paleolithique inferieur et moyen du midi Meditteraneen donsson cadre geologique. t. 1, Paris, 1969.

Lumley H. Le Vallonet. Les premiers habitants de l'Europe. Paris, 1981.

Lumley H., Lumley M.A. Paleontologie humaine-decouverte de restes humains anteneandertaliens dates du debut du Riss la Arago (Tautavel, Pyrenees orientales). Paris, 29 mars 1971.

Lumley H., Lumley M.A., Miskovsky J.C., Renault-Miskovsky J., Boudin R., Peneaud P. Caune de L'Arago (Tautavel, Pyrenees orientales). IX Congres, livret-guide de l'excursion, A5. Pyrenees, Paris, 1976.

Lumley H. Lumley M.A. et Renault-Miskovsky J. Grotte du Lazaret. IX Congres, livret-guide de l'excursion, B1, Paris, 1976a.

Stekelis M. Archaeological excavations at Ubeidiya. 1960-1963. The Israel Academy of Sciences and Humanities. Jerusalem, 1966.

SUMMARY**Huseynov M. M.****THE LOWER PALEOLITHIC OF AZERBAIJAN**

(following the materials of the site of caves)

The issue of appearance and development of most ancient man and his material culture in the territory of the Caucasus, including Azerbaijan is one of the most complicated tasks of modern science.

In this sense, the discovery and subsequent examination of such multi-layer, fully excavated Stone Age monument as Cave Azykh (with the strict stratigraphic consequence and within considerable chronological frames ranging from the pebble culture to the Mousterian inclusively, i.e. a period covering more than 1 million years) has outstanding scientific significance. As is known, no multi-layer cave monuments have been discovered among sites of caves around the globe so far; and that's why examination of cave Azykh is very important. Archeological data, which have so far been obtained from Cave Azykh, undoubtedly have huge importance from the point of study of the history of appearance of most ancient man and evolution of the material culture from the stage of *Homo habilis* to a Neanderthal human.

Worthy of a note is that such ancient monuments covering the entire Early Paleolithic (Oldowan, Early and Middle Acheulian and Mousterian) with stratigraphic consequence were not known in the territory of either Azerbaijan or the entire Caucasus before the unique discoveries in Cave Azykh were made. Owing to the absence of most ancient sites with stratigraphic documentation, time of the initial appearance and subsequent settlement of most ancient man in the Caucasus was under debate until lately. It was opinioned that the USSR's southern regions, including the Caucasus had been inhabited by the primordial man not earlier than the Old or even Middle Acheulian.

The multi-layer Paleolithic cave site discovered and examined by the author within 20 years had yielded materials, which forced reconsideration of the previous assertions of time of appearance and development of most ancient people in the territory of Azerbaijan. Exactly for this rea-

son, the archeological discoveries in Cave Azykh are either significant or urgent. The initial inhabitants of Azykh, who lived in the valley of River Kuruchay before Cave Azykh was inhabited in the period of Eocene, were the ancestors of carriers of the Kuruchay, Acheulian and Mousterian cultures in this area.

Scientific studies of Paleolithic monuments in Azerbaijan eliminate a considerable gap in the most ancient history of either the Caucasus or the entire Middle East. The territory of Azerbaijan located in the area of large specific hotbeds of Early Paleolithic cultures of the Caucasus and Central Asia played an important role in the most ancient history of our country. Though study of the Paleolithic in the territory of Azerbaijan began only recently (some 30 years ago) as compared to that in the neighboring areas, more than 10 Paleolithic sites and whereabouts have been discovered in Azerbaijan under the author's guidance. Of them, representing an exceptional interest and scientific importance are such excavated sites of Paleolithic caves with unbroken layers as Azykh, Taglar, Dashsalakhly, Shusha, Gazma, etc. This work is based upon the stratigraphy, the chronology and the archeological data of Cave Azykh. Materials obtained from the sites of other caves in Azerbaijan are used only as supplementary data describing the stratigraphic colon of Azykh where there are registered all stages of the Old Paleolithic covering Eopleistocene and the bigger part of Pleistocene. These cave sites chronologically correspond to the second half of the Late Pleistocene. Thus, this work is devoted to one of the most ancient hotbeds of human civilization, something that underscores the work's importance once again. Currently, the combined results of study of Eopleistocene and Pleistocene complex layers with richest archeological and geological documentation in Cave Azykh are recognized in world's science.

Apart from Cave Azykh, only three cave sites with the Acheulian and Mousterian sediments –

Kudaro I, Kudaro III, and Tsona in Georgia – are known in the post-Soviet area. However, the entire most ancient period from the Paleolithic to the Middle Acheulian represented in Cave Azykh is absent in the aforesaid caves. In this regard, all Old Paleolithic sites (either lifting or stratified ones) discovered in the Caucasus so far can be examined in future through comparison of data obtained from these sites to the stratigraphic layers in Azykh, materials of which should be regarded as a specimen for study of other Old Paleolithic monuments.

In addition, the results of the study of site Azykh allow tracking Paleolithic development in the territory of Azerbaijan from the period of the Kuruchay culture up to the Mousterian and, hence, eliminate a considerable gap, which is the absence of stratigraphy of most ancient stages of the Paleolithic. Of no less importance are materials, which have yielded detailed knowledge of the human environment in the territory of Azerbaijan in Eopleistocene and Pleistocene.

The most important discovery in Azykh is (discovered in the Acheulian sediments) the lower jaw of fossil man – *Azykhanthropus* – who lived approximately 350,000 – 400,000 years ago. This is the most ancient and the only discovery of such an early form of a human in the post-Soviet area.

The site of Mousterian-era multi-layer Cave Taglar has become widely known among similar monuments due to richest discoveries of stone tools and strict stratigraphy of mighty cultural sediments in it. The Taglar Mousterian complex, full of effective serial material, allows identifying local peculiarities of development of local Mousterian culture and tracking stages of its temporal evolution. The Taglar Mousterian complex for the first time ever has yielded a reliable material indicative of Caucasus's most ancient cultural links to neighboring areas, something that allows identifying the true ways of early humans' being settled in this area. Materials obtained from the sites of Cave Dashsalakhly and Cave Damjili excavated and examined by the author also represent a great scientific interest.

The first chapter tells about the history of discoveries and studies of Azerbaijan's Paleolithic monuments. Study of Azerbaijan's Stone Age

began comparatively late. The initial Paleolithic studies were conducted only in 1953 when caves in the outskirts of Aveydag were examined under the guidance of S. N. Zamyatnin and with the author's participation. Here, near to settlement Dashsalakhly in the Gazakh region, in Grotto Damjili there were discovered stone tools dating back to the Late Paleolithic and the Mousterian.

A Paleolithic team of the Institute of History of the Academy of Sciences of Azerbaijan and the State University of Azerbaijan has been conducting systematic archeological excavations and search of Paleolithic monuments throughout Azerbaijan since 1956.

In 1956 – 1957, there were excavated and examined sediments in Grotto Damjili where there were discovered partially destructed layers of the Middle and Late Paleolithic as well as of Mesolithic and Neolithic.

In 1958, near to Grotto Damjili, there was discovered and studied the site of Cave Dashsalakhly with a well-preserved Mousterian cultural layer. The existence of the Paleolithic in the territory of Azerbaijan was proven on the basis of these materials.

In 1960, the author of this work discovered the site of Cave Azykh situated in Azerbaijan's Gadrut region. In early years of the study – 1960 – 1964 – there were studied the Early Mousterian layer and the Middle Acheulian layer. Excavations carried out in 1965 – 1967 identified Early Acheulian tools and an abundant osteological material of sediments having the strict stratigraphic consequence and description. In 1968, in the Middle Acheulian Layer V, there was discovered a fragment of the lower jaw of pre-Neanderthal man (*Azykhanthropus*). In 1971 – 1973, in the cave's rocky wall, at the Middle Acheulian layer, there was discovered "a hiding-place" with skulls of cave bears; and in sediments of the Old and Middle Acheulian culture, there were discovered five different-diameter hotbeds and a masonry. Hotbeds and elements of living construction of the Acheulian epoch were discovered in the post-Soviet expanse for the first time ever.

In 1974 – 1975, in sediments located directly under the Early Acheulian layer VI, there were

discovered most primitive labor tools dating back to the epoch of pebble culture (the Kuruchay culture).

Starting from 1961, partaking in field works jointly with the archeologists was member of the Academy of Sciences of the Azerbaijan Republic D. V. Gadjiyev who, together with S. D. Aliyev, examined the site's fauna. In addition, the author of this work, together with D. V. Gadjiyev, gave the first ever stratigraphic substantiation of the age of cultural sediments and identified the exact place of Azykhanthropus among Paleoanthropologic discoveries.

Within 10 years, starting from 1963, A. G. Jafarov, under the author's guidance and in parallel with the studies in Cave Azykh, has been carrying out works in Cave Taglar also discovered by the author near to Cave Azykh. The discoveries at the site revealed numerous Mousterian items, remains of hotbeds and bony remnants of the discovered fauna.

Complex studies have been conducted at the sites of Paleolithic Caves Azykh and Taglar since 1975, with both caves' great scientific importance in consideration. Partaking in these works, apart from archeologists and paleontologists, are geomorphologic scientists, paleographers and other specialists. The results of complex studies carried out by the Institute of Geography of the Academy of Sciences of the USSR led by A. A. Velichko and the Institute of Geography of the Academy of Sciences of Azerbaijan led by A. V. Mamedov are an invaluable material helping to identify the geological age of cultural layers and reconstruct the primordial man environment within the site.

Under the author's guidance, there were identified Paleolithic traces in Cave Shusha (Nagorno Karabakh) and Cave Gazma (the Nakhchivan Autonomous Republic). The Paleolithic archeological team and its divisions (with M. Mansurov as chief of division) discovered and examined numerous whereabouts with lifting materials in the Gazakh region dating back to the Acheulian and Mousterian periods (Gayali, Ajidere, Shishguzey, Gadyrdere, Chakhmagly, etc.).

The second chapter describes natural conditions of the territory of Azerbaijan in the anthropogeny. An analysis of voluminous literature ref-

erences allows assuming that favorable climatic conditions for primordial man's development and being settled had existed in Azerbaijan since the end of the tertiary period (Eopleistocene).

The third chapter, which consists of four parts, deals with the geographic location of and gives complex description of the sites of Paleolithic caves in Azerbaijan. Paleolithic monuments in the territory of the republic are concentrated largely in the Small Caucasus foothills (Fig. 1).

The area of the sites of Cave Azykh and Cave Taglar lies within the boundaries of the southeastern edge of the Caucasus Mountains ridge and its spurs where largely Jurassic and cretaceous rocks appear on the surface. Here, the Karabakh Mountains ridge is represented by that part of the southeastern edge, which is located between the peaks of Mountain Beyuk Kirs and Mountain Ziarat. The Tug hollow (Fig. 2) where Cave Azykh and Cave Taglar are is drained by River Kuruchay and its feeders. Twelve terrace levels developed well at the valley's left slope are tracked in the valley of River Kuruchay. Here, 180 to 200 meters above the terrace level and at the absolute height of 800 meters above sea level, there is situated Cave Azykh (Fig. 3), and at the height of 31 meters above the terrace level, there is situated Cave Taglar (Fig. 19).

Another group of the sites of Paleolithic caves (Cave Dashsalakhly and Cave Damjili) is located in the area of Mountain Aveydag made of cretaceous-era volcanic and sedimentary rocks. At the slopes of Mountain Aveydag, there are numerous caves, grottos, cornices and niches established in either volcanic or sedimentary rocks.

The chapter's second part is devoted to a complex description of Cave Azykh, which is the most complicated, in terms of structure, and the biggest one in the territory of Azerbaijan. It joins the group of horizontal through caves of a corridor type, with total extent of more than 200 meters and an area of around 1,250 square meters. Two entry corridors and five halls are distinguished in the cave (Fig. 6).

Excavations at the site of multi-layer Cave Azykh were carried out at the entry corridor of the southern entryway where there were identified

ten non-contemporaneous layers of sediments. Layer I contains discoveries dating back to the Eneolithic-Bronze Age; Layer II contains no discoveries; Layer III is the Lower Mousterian, Layer IV is sterile; Layer V is the Middle Acheulian; Layer VI is the Lower Acheulian; and Layers VII – X contain pebble culture tools (Fig. 8 – 12).

The entire thickness of cave sediments placing the aforesaid cultural layers is grouped into three main packages, following the complex works' materials. Lithologic studies have produced a detailed description of the substantial composition of and conditions of accumulation of sediments in the cave (Fig. 13 – 16). Paleontologic researches carried out by D. V. Gadjiyev, S. D. Aliyev and A. K. Markova (the definition of rodents) have identified that the fauna of most ancient layers – Layers VII – X – with pebble culture tools is represented by various kinds of remnants. The excavated bones can no way be defined because of being fragmented.

The paleoecological analysis of the fauna has identified that Paleolithic men who inhabited Cave Azykh hunted within a relatively broad area, at different altitudes, and bagged animals in steppes, at foothills and even at high mountains. Within the Lower (Acheulian) and the Middle (Mousterian) Paleolithic, the Cave's inhabitants hunted primarily for the cave bear, the noble deer and the gigantolithic deer.

Palinologic study of sediments carried out by E. M. Zelikson has identified the floristic richness of sporadic-pollen of spectra, with a high content of pollens of birches and hop hornbeams as a peculiarity (Fig. 17). Mesophyllic kinds of trees are represented by an alder-tree, an oak, a hornbeam, a chestnut-tree, a walnut-tree, a wing-nut tree, etc. In most ancient sediments (Layers VII – X), there is fir-tree pollen; in Layer VII, there is plane-tree pollen; and in Layers IX and X, there is engelhardia pollen. In all the layers, there is pollen of Alpine and sub-Alpine and meadow-forest plants. No representatives of steppe formations have been discovered at the site.

The geochronology of Cave Azykh is based upon fauna and flora data and the results of paleomagnetic analysis applied to cave sediments for

the first time ever in the USSR.

The paleomagnetic studies make us think the bigger part of Azykh section was formed in the Brunnes epoch, beginning of which, according to the absolute geochronological scale, dates back to the Lower Pleistocene (0.78 million years ago), while Layer VIII, which lies in the section's lower part, is negatively magnetized, something that allows dating it back to the Matuyama epoch (Eopleistocene-Absheron) (Fig. 18). Thus, the lower deposits with the pebble culture date back to Eopleistocene because only in these sediments there has been identified the presence of fir-tree, plane-tree and engelhardia, which did not grow in the territory of Azerbaijan in Pleistocene.

Following the results of study of mammals' fauna, it is identified that the Lower Acheulian Layer VI has the Baku age (Mindel), the Middle Acheulian Layer has the Middle Pleistocene age (Lower Khazar, Mindel-Riss), and the Lower Mousterian Layer III has the Upper Pleistocene age (Upper Khazar, Riss-Wurm).

So, the results of complex examination of the sediments of Cave Azykh allow determining, with the sufficient degree of confidence, the chronological frames of the epoch of primordial man's inhabiting the site. Initially, most ancient people, carriers of the pebble culture, inhabited the Cave yet in Eopleistocene (Absheron). The Cave remained inhabited, with some breaks, till the Upper Pleistocene. The cave was inhabited by carriers of the Lower Acheulian culture at lower Pleistocene stages (Baku, Mindel); by carriers of Middle Acheulian Culture at Middle Pleistocene (Mindel-Riss); and by carriers of Lower Mousterian culture at Upper Pleistocene (Riss-Wurm).

The paleographic analysis of materials obtained from the site of Cave Azykh have yielded reconstruction of the primordial man's environment within the Cave at different stages of the Lower and Middle Paleolithic.

The chapter's third part gives a detailed description of Cave Taglar (Fig. 19). Excavations in the Cave have been carried out only in its eastern hall where the 6-meter thickness of Mousterian sediments has been preserved. The Cave's sediments consist of 6 layers, with Layer I

as a modern one and Layers II – VI as Mousterian ones. On the whole, the entire thickness of Mousterian sediments is represented by light loam with an insignificant content of limestone, color of which varies insignificantly on the vertical depending on the volume of organic remnants, primarily that of anthropogenic origin (Fig. 20 – 24).

The studies have identified that the Cave was settled most intensively at the period of accumulation of the upper part of Layer IVb and upper part of Layer V. Strongest hotbeds and accumulations of bones, coals and flints are observed exactly in these layers.

The work gives a brief description of the results of lithologic studies. The excavated fauna of the site of Cave Taglar examined by D. V. Gadjiyev, S. D. Aliyev and A. K. Markova consists of more than 6,000 osseous remnants of vertebrates. In terms of its ecological composition, this fauna is rather diversified and includes animals of plain forests, forest-steppes, steppes and semi-deserts.

It appears from the data of palinologic studies conducted by E. M. Zelikson that the Mousterian layers are very poor with pollens and spores. The section's lower part – Layers V and VI – contains pollens of birches and hop hornbeams and single grains of such Mesophyllic deciduous trees as lime-tree and hornbeam, while the section's middle part (the lower part of Layer IV) is distinguished for its impoverished composition. Hop hornbeam pollen disappears in the section's upper part (in the upper part of Layer IV and in Layers II and III).

It is to conclude from the analysis of a complex of geomorphologic, archeological and paleographic data that Cave Taglar was settled mostly in the first half of the Khvalyn (Wurm, Valdai) epoch.

The chapter's fourth part is devoted to the sites of Paleolithic Cave Dashsalakhly and Cave Damjili located at Aveydag (Fig. 25 – 29). Grotto Damjili is located 2 kilometers southwest of settlement Dashsalakhly at the foothills of Mountain Aveydag. Cultural layers were mixed strongly throughout the area under excavation; and that's why no stratigraphy of the layers has been identi-

fied. Cave Dashsalakhly is located at the southwestern foothill of Mountain Aveydag. Excavations have identified that here, there is only one 30 – 35-centimeter Mousterian layer covered by 1.5 meter-thick later sediments. Ecologically, the fauna of the both sites represents forest, mountain and steppe kinds of animals.

The fourth chapter is devoted to the Lower Paleolithic, the culture of Kuruchay or the pebble culture. The whole set of data indicates that the valley of River Kuruchay and adjacent areas of the Arax lowland from ancient times had been the focus of either natural riches necessary for animals to live or favorable conditions for a primordial man's inhabitation.

Stone tools discovered in Cave Azykh have no parallels with that found at Lower Paleolithic sites in the post-Soviet area from either chronological or technical-typological point. According to some signs and chronologically, tools discovered in the lower layers of Cave Azykh more or less resemble that of the Oldowan culture of East Africa. With the peculiar nature of stone tools discovered in the lower layers (Layers VII – X) of Azykh and the importance of this discovery in mind, we think it is possible to call this most ancient complex "the culture of Kuruchay", a special local culture of primordial man.

Archeologically, stone tools of Layer X (17 specimens) (Fig. 30 – 31) represent a great scientific interest because they have direct relation to the initial stage of the Cave's being settled and are the earliest evidence of productive activity of the Cave's inhabitants.

Stone tools are very rough and morphologically can hardly be specified even in comparison to stone tools of a higher Layer IX. Chopper and chopping tool are made of whole river pebbles accompanied by scrapers made on primitive flakes. Only quartz pebbles or quartz rock pebbles served as a material for the making of such tools. Technically, stone tools are classified well. They consist of a chopper (1), a chopping tool (1), a nucleus limaciform item (1) (Fig. 31, 2), scrapers (3), flakes (3), production waste (4), and unprocessed pebbles (3). It is known that the size of natural pebbles is similar to that of big chopper-form tools.

Stone tools of Layer IX (80 specimens) (Fig. 32 – 34) have a more complex typology. These tools consist of choppers (3 specimens), pebble choppers (5), cubiform items (5), scrapers (8), flakes (11), production waste (8), and natural pebbles (27).

All these chopper-form tools are made largely of rolled pebbles of different forms and sizes. One narrow tip or one longitudinal edge was primarily bound here. Nucleus items represent cubiform polyhedrons. Racloirs are made of mass, wide flakes with the striking platform on the lower tip and with the bulb of percussion on the abdomen's side. Typologically, the racloirs have largely the straight or concave working blade, sometimes with additionally processed semicircular cutting or wedge-shaped working ledge at the racloir's corner.

Stone tools of Layer VIII (56 specimens) (Fig. 35 – 39) typologically consist of the following: choppers with transversal edge (3 specimens), gigantolithic chopping tool (3), chopping tool with transversal straight or round blade (4) and with pointed end (5), nucleus items (3), racloirs (3), flakes (9), production waste (11), and natural pebbles (15).

Though the number of choppers here is similar to that in Layer IX, the quality of design and the size and composition of rock of half-finished things vary essentially. Choppers having the form of a widening tip and a narrow heel appear here for the first time ever (Fig. 37, 3). The size of half-finished choppers is smaller than that of half-finished choppers in Layer IX. There is identified the traditional form of chopper having three short pointed blades across a long axis of a half-finished pebble.

The weight of a "gigantolithic" chopping tool reaches to 4.5 kilograms. It seems that such tools were used in work by two hands only (the two-handed gigantolithic chopping tool). It is typical that the main working blade of such big chopping tools is located along a long axis of a half-finished item, sometimes with the item's entering one or both short edges, thus forming supplementary lateral short edges (either straight or pointed ones) (Fig. 36; 37, 4).

There is strictly distinguished one more typological

subgroup of cutting tools that is not serially represented in the lower layers. They are pointed chopping tools (Fig. 36; 38, 1; 39, 2). There is also a modification of a cubiform chopping tool.

Racloirs are made of different-form flakes. Of them, 2 specimens are represented in the form of racloirs with one working blade with a stepped flaking (Fig. 35, 1; 39, 1, 4).

Stone tools of Layer VII (47 specimens) (Fig. 40 – 41) are of particular interest because this layer is the ending one in a series of lower thickness sediments. In this layer, there were discovered choppers (2), chopping tools (8), including 2 cubiform ones, 2 pointed ones, 2 ones with consequent sinuous blades and 2 ones with transversal straight blade, nucleus items (8), racloirs (4), flakes (8), production wastes (9), and natural pebbles (8).

The choppers are made of rectangular flat river pebbles. At the chopper's transversal edge, there are seen traces of processing with small, shortened scaly chips (Fig. 40, 8).

Backed racloirs is the type of racloirs represented best of all (Fig. 40, 1, 2, 4). There is either longitudinal or transversal option of backed racloir. There is discovered a combined-type tool: a racloir-scraper with a gutter on the scraper blade's rear (Fig. 40, 3). These tools resemble similar forms of the Lower Acheulian Layer VI. Among racloirs in Layer VII, there are also met notched specimens and notched flakes (Fig. 40, 2). Among tools of Layer VII, there are met separate specimens of an improved form, as compared to tools in Layers X – VIII.

Similar progressive features are represented most brightly in the forms of chopping tools (Fig. 40, 7; 41, 1, 4). The working edges of chopping tools are strongly broken and have the form of zigzag similar to the blades of rough choppers dating back to the initial period of development of the Lower Acheulian.

The fifth chapter is devoted to the Old (Lower) Acheulian. The excavations at Layer VI revealed 1,890 specimens of stone tools morphologically subdivided into the following three groups: 1. Production wastes. 2. Natural pebbles. 3. Labor tools.

Raw materials. Unlike the lower layers, the

main mass of stone artifacts is made of flint slates (1,089) and flint (790). There are also discovered few specimens of items made of sandstone, quartzite and basalt.

Primary refining. Tools of Layer VI are made of big flakes, with very big, massive chips. Among chips, there are several specimens (2.25% of total number) whose length exceeds 9 centimeters. However, the biggest percent of flakes (some 70%) is 3 to 6 centimeters long, 2.5 to 4 centimeters wide (54%) and 1 to 2 centimeters thick (67%).

River pebbles in the collection of Layer VI consist of 37 specimens, including some refined in the notched form. All they are big, spherical.

Cores. There is identified a total of 9 specimens, including 4 flint cores, 3 flint slate cores and 2 basalt cores. All they have the form of a remnant of nucleus. Typologically, the cores are subdivided into the following three types: single-platform ones (2) (Fig. 43, 3), discus-form-unilateral ones (5) and discus-form-bilateral ones (2) (Fig. 43, 1, 2).

Core breaks (17) can hardly be specified. Series, the exact expression of initial form and full traces of chip negatives are absent. It is to conclude from the nature of negatives that some of the breaks initially served as nucleuses of a certain form. Among them, there are discovered two fabricators with well detectable traces in the form of small star.

Typological description of stone tools is as follows. In Layer VI, there was discovered a total of 427 stone tools, including (as the initial appearance of) numerous tools made not of whole pebbles but specially chopped flakes. Here, there are classical choppers, chopping tools, bifaces, cleavers, pointers, limaces, racloirs, scrapers, picks, knives, notched tools, and denticulate and fragmented kinds of tools.

More primitive prototypes of the aforesaid kinds of tools are discovered in the Cave's Lower Layers VII – X.

Choppers (14 specimens) (Fig. 42, 1, 5; 44, 3, 4; 45, 2) are made largely of rounded pebbles. They are subdivided into the following three groups: large-size ones (3 specimens), middle-size ones (9) and small-size ones (4). Their working blades are sharper and harder. The basalt parts

are very easy to be covered by hand.

Chopping tools (5 specimens) (Fig. 42, 2; 44, 1, 2) are made largely of river pebbles bound from both sides. Dimensions of a chopper and a chopping tool are largely 17/10/17 centimeters, with the average size of 12.5/7/2.5 centimeters and the smallest size of 6/4.5/2.5 centimeters.

Handaxes (8 specimens) were made largely of felsites and similar river pebbles. Types of the handaxes are as follows: elongated-oval ones (3) (Fig. 45, 1), fully refined almond-shaped ones (2) (Fig. 46, 2), a lancet one (1), a rounded-oval one (1) (Fig. 46, 1), and a nucleus one (1). The handaxes have the following dimensions: 11.4/7.5/3.8 centimeters, 13.5/10.5/4.5 centimeters, and 18/10/7 centimeters.

Discus-like tools (3 specimens) are refined from both sides. The working blade is convex.

Cleavers (3 specimens) are made of basalt and flint slate. One of them was split (yet in the ancient time, perhaps when it was being refined) into two slated parts, which were situated at different parts of the site, as identified by the excavations.

In Layer VI, there are discovered a lot of tools made of flakes only. In terms of being made, they are subdivided into the following types: pointers of different kinds, racloirs, denticulate-notched tools, beak-like tools with ledges, chisel-like tools, multi-blade (trapezium-like) convergent tools, drills, borers, awls, knives, etc.

Pointers (7 specimens) are of the following two categories: pointers with short, widened proportions (3) and elongated pointers (4). Both categories vary strongly in terms of dimensions and thus, can be subdivided into the following three groups, depending on dimension and proportion: small ones (3.5/2.7/0.9 centimeters), middle-size ones (1.5/3.5/2 centimeters) and large-size ones (6/4.1/2.2 centimeters). The majority of pointers are middle-size ones. In some cases, the flaking spreads over 2/3 of the tools' edges. There is no two-sided flaking in the collection of pointers. Owing to the blades being notched and the massive section, the pointers resemble ones of the Tayacian type.

Limaces (6 specimens) are made of flint. They can be subdivided into two groups: ones with no thorough flaking of the edges (4) (Fig. 47, 2) and

classical ones (2) (Fig. 49, 5). The flaking is spread far over the tool's back part. Most archaic prototypes of this form were discovered yet among the materials of the Kuruchay culture (Fig. 31, 2).

Ra cloirs are represented in Layer VI rather richly:

1. Straight ra cloirs with a sloped axis (48 specimens) are made largely of flint and flint slate (27). Almost all ra cloirs are made of flakes and only few of them are made of blades and triangular chips. The principal typological sign of this type of tools is that it has one straight working blade in its form (Fig. 53, 6, 7; 55, 4, 5; 57, 9, 11). In terms of dimensions, the ra cloirs are subdivided into three groups: large-size ones, middle-size ones and small-size ones. The flaking is sloped, semi-sloped, scaly, stepped, or sometimes sub-parallel. Of one-blade ra cloirs, there is serially outlined a group of natural backed tools (32 specimens) (Fig. 53, 2, 6, 8; 56, 1 – 5; 57, 9), something that allows identifying them as ra cloirs-knives.

2. Simple convex ra cloirs (33 specimens) are made of flint (21 specimens) and flint slate. The principal typological distinction of these tools is the nature of working blade having a convex form. The majority of ra cloirs are made of blades. There are simple ra cloirs and convex ra cloirs with no striking platform. The flaking is deep, sloped, semicircular, scaly-stepped and sub-parallel (Fig. 51, 4; 54, 4; 57, 6; 56, 3, 4).

3. Simple concave ra cloirs (16 specimens) are made of flint (6 specimens) and flint slate. These tools have one-sided, concave blade with a semicircular retouching (Fig. 56, 5).

4. Double straight ra cloirs (16 specimens) (Fig. 42, 3; 48, 6, 7; 52, 6; 55, 7) are made of flint (9 specimens) and flint slate. The majority of them are made of big flakes. The principal typological distinction of these tools is the presence of two straight working blades. The flaking is sloped, semicircular, scaly, stepped, and sometimes sub-parallel. Some of the ra cloirs have a specially thinned foundation.

5. Double straight convex ra cloirs (4 specimens) (Fig. 48, 5) are made of flint and refined with sloped and semi-sloped flaking. Double straight-concave ra cloirs (2 specimens) are made of flint. One of them has the form of a flake while

the other one has the form of a blade. The principal typological distinction of these tools is the presence of two blades: a straight one and a concave one. They are deeply retouched.

6. Double convexo-convex ra cloirs (3 specimens) (Fig. 47, 2, 3; 48, 1) are made of flint. The striking platform is preserved well. They are refined with stepped, sloped or semi-sloped flaking. One specimen has a partial two-sided refining.

7. Double concavo-concave ra cloirs (4 specimens) (Fig. 55, 8; 58, 2) are made of flint flakes. The typological distinction is the presence of two concave working blades. They are refined with a sharpening, deep retouching; however, some of the specimens have semi-sloped, notched retouching as well.

8. Double convexo-concave ra cloirs (6 specimens) are made of flint (4 specimens) and flint slate. The principal typological distinction of these tools is the double convexo-concave working blade. The tools are refined with sloped, semi-sloped and scaly-stepped retouching (Fig. 50, 7).

9. Convergent straight ra cloirs with coinciding blades (8 specimens) (Fig. 47, 1; 48, 3; 49, 4) are made of flint (5 specimens) and flint slate on triangle flakes. Some of them are refined with a spread retouching (Fig. 47, 1; 49, 4). Sometimes, they are called limaces in literature references. In terms of technique of refining and typology, convergent ra cloirs should be separated from typical limaces as tools having a weaker strength in section and refined with edge retouching only.

10. Convergent convex ra cloirs (4 specimens) are made of flint. They have a well-preserved striking platform. They are refined with a spread retouching (Fig. 57, 7).

11. Convergent concave ra cloir (1 specimen) (Fig. 47, 5) is refined with a sloped retouching. From its basalt part there are taken several small chips, something that helps identify that this tool is a ra cloir with a thinned foundation.

12. Angular ra cloirs (20 specimens) (Fig. 50, 1 – 6) are made of triangular flakes. All they have well-preserved striking platforms and bulbs of percussion. They are refined with a sloped, semi-sloped, sub-parallel or stepped retouching. In literature references, they sometimes are described

as angular pointers. They have flake axis not coinciding with the tool's axis. Angular pointers are met for the first time ever in Layer VI while in Layer III (the Lower Mousterian) such type of tools was rather numerous. Of tools, 16 specimens are typical angular racloirs, i.e. are expressed serially, thus allowing regarding them as a special subtype later.

13. Transversal straight racloirs (11 specimens) (Fig. 48, 8; 51, 1) are refined with sloped, semi-sloped, sub-parallel and scaly-stepped retouching. All they are made of flint and slate flakes.

14. Transversal convex racloirs (8 specimens) are refined in the way transversal straight racloirs are (Fig. 51, 3, 5).

15. Transversal concave racloirs (2 specimens) are refined with sub-parallel retouching. Apart from the main working blade, other parts of such tools have a supplementary partial retouching on (Fig. 51, 2, 6).

16. Racloirs retouched from the abdomen's side (15 specimens) are refined with sloped, semi-sloped, sub-parallel and stepped retouching (Fig. 52, 3; 54, 1; 53, 1; 56, 6).

17. Racloirs with sloped retouching (2 specimens) are made in the form of massive flakes and are refined with a sloped retouching that spreads over the entire working part (Fig. 54, 3).

18. Racloirs with a thinned back (2 specimens) are refined with a parallel retouching.

19. Racloirs with two-sided retouching (2 specimens) (Fig. 47, 4) are made in the form of flint slate blades and are refined with a sub-parallel retouching from both sides.

20. Racloirs with the opposite retouching (2 specimens) (Fig. 52, 7) have sub-parallel retouching from the back and scaly stepped retouching from the abdomen's side. In the upper part, the racloirs have a special hollow, both sides of which are retouched as well.

Scrapers are: a) typical (13 specimens) (Fig. 57, 2, 3, 5) ones in Layer VI that differ from scrapers in higher layers in terms of technique of making; here, they are very rough and primitive; b) atypical (9 specimens) (Fig. 57, 7) ones made of flint flakes and refined with a thin fine-faceted scraper retouching.

Picks are: a) typical (2 specimens) (Fig. 49, 6) ones, which are very primitive and appear for the first time ever among Layer VI materials; b) atypical (2 specimens) ones (Fig. 49, 1), which are made in a more primitive manner than typical picks are.

Typical backed knife (1 specimen). The working blade is extremely sharp. The back is made with a blunting retouching (Fig. 49, 7).

Mousterian type scrapers (2 specimens) (Fig. 52, 8) are made of blades with the use of fine retouching. They are typical for the Upper Mousterian period and are met seldom in the Acheulian period.

Notched tools (15 specimens) are made of flakes (11 specimens) and blades. All they have a hollow situated in the middle of one of the edges not reaching the edge's end, i.e. such tools are typical encoches (Fig. 51, 6; 56, 7). There is distinguished a tool with two-sided hollow, with both sides used in work. Sometimes, a hollow is made on the abdomen's side.

Denticulate tools (18 specimens) (Fig. 52, 3; 56, 1, 5) are made of flint flakes, and only one specimen is made of blade. The working blade is refined with a denticulate retouching.

Cutting tools with notched edges (Fig. 53, 3) are subdivided into the following 2 types: one-bladed (31 specimens) and two-bladed (13 specimens). Some of the two-bladed tools have both blades notched along the entire length of the edge of the semi-finished tool. Some others have one blade notched along the entire longitudinal edge with the opposite blade notched only partially.

Apart from clearly expressed notched racloirs, there are also discovered flakes with traces indicative of use of the racloirs' lateral edges. This illustrates that the ancient inhabitants of Azykh used unprocessed flakes with sharp cutting edges as tools as well.

The collection consists of different tools, including denticulate-notched tools (Fig. 52, 3; 56, 1), high-form scrapers (Fig. 42, 3 ?), and a double pointer (Fig. 52, 6).

Lower Acheulian-dated fragmented chips and tools (112 specimens) (Fig. 48, 3; 52, 1, 2, 4, 5; 57, 1) in the post-Soviet territory were discovered in Cave Azykh for the first time ever. An over-

whelming majority of them are fragmented artificially. Here, there are often met breaks of racloirs, pointers, retouched flakes and other kinds of tools.

The sixth chapter deals with peculiarities of the Middle Acheulian complex discovered in Layer V of Cave Azykh. Layer V is very rich with different archeological materials, on the basis of which it is possible either to examine tools of labor or to receive understanding of the physical type of Acheulian-era man, structure of Acheulian man's hunting economy, way of life and ideological outlooks.

In Layer V, considerable improvement of the technique of making of tools seems evident; the character of half-finished items for tools changes essentially: such items become bigger. An insignificant number – 289 specimens – of stone tools was discovered in Layer V.

Primary refining. Chips have bigger sizes than cores while cores have smaller negatives than chips.

Cores (6 specimens) are made of flint slate (4 specimens) and flint. Typologically, the cores are subdivided into the following groups: one-platform ones (1) (Fig. 59, 2), two-platform ones (1), discus-like two-sided ones (3) (Fig. 64, 8), and multi-platform ones (1).

Core breaks (7 specimens) are made of flint (5) and flint slate.

Of the breaks, there were identified fabricators (2 specimens) made of basalt and andesite. Traces of small chips are detected well on the fabricators.

There are identified 3 specimens of Levallois flakes, an indication of that the Azykh inhabitants started exploring the Levallois method. Among cores, there are no Levalloisian ones, an indication of an unintended receipt of the Levalloisian flakes.

Mousterian-type pointers (2 specimens) (Fig. 64, 4) are made of flint and flint slate.

Racloirs deserve particular attention:

1. Simple straight racloirs (5 specimens) are made of flakes (3) and triangular flakes (2). The retouching is primarily sloped, semi-sloped and sometimes sharpening one (Fig. 64, 2).

2. Simple convex racloirs (3 specimens) are

made of blades (2) and a flake. The retouching is semi-sloped and sharpening.

3. Double straight racloirs (2 specimens) (Fig. 64, 5) are made of big flint slate blades. The striking platforms and the bulbs of percussion have preserved well. One of them is refined with sub-parallel retouching while the other one is refined with semicircular retouching.

4. Double straight-convex racloirs (1 specimen) are made of flint slate blade (Fig. 64, 6). The striking platform is dihedral one and has two working blades with the sloped retouching.

5. Double straight-concave racloirs (3 specimens) (Fig. 64, 3) are made of flint (2) and obsidian. The obsidian racloir has its striking platform eliminated due to secondary refining because traces of the foundation's being refined are detectable. All the racloirs are refined with the sloped and semi-sloped retouching.

6. Angular racloirs (6 specimens) (Fig. 60, 1; 64, 7) are made of flint triangular flakes. Typologically, the racloirs can be subdivided into two groups: typical angular ones (4) and angular ones of the type of elongated pointers with no coinciding axis (2). They are refined with the spreading, scaly and semi-sloped retouching.

7. Transversal straight racloirs (1 specimen) (Fig. 60, 3) are made of flint slate flake and are refined with scaly-stepped retouching.

In addition, there have been identified the following racloirs: transversal convex ones (2 specimens) (Fig. 64, 1); racloirs retouched from the abdomen's side (3 specimens); typical scrapers (2 specimens) and atypical scrapers (2 specimens); typical knives with back (3 specimens) (Fig. 60, 2; 63, 1), and notched tools (3 specimens). All they are made of flint and flint slate. All they have the sloped, semi-sloped and sometimes sharpening retouching.

Fragmented tools (14 specimens) (Fig. 64, 2, 7) are made of flint slate (9) and flint. They represent the following two groups: intentionally fragmented ones (9) and unintentionally fragmented ones.

Choppers (6 specimens) in Layer V are made in a more classical form than that in Layer VI. The choppers have transversal and sometimes transversal-longitudinal working blades (Fig. 59,

1, 3).

Chopping tools (6 specimens) (Fig. 59, 5) are made of flint slate (4) and basalt. The tools have transversal working blades with apparent traces of utilization.

Handaxes (7 specimens) (Fig. 62, 1, 2; 63, 1, 2) are made of flint slate and are very thoroughly refined. Typologically, the handaxes are heart-shaped (1), lancet-shaped (3) and almond-shaped (3).

A chisel-shaped tool (1 specimen) is made of a big flint slate blade and has a sharp transversal working blade (Fig. 60, 2).

The paleoanthropological discovery is *Azykhanthropus*. Following the 1968 excavation in the Middle Acheulian Layer V, the author discovered the remains of *Azykhanthropus*, including a fragment of the right branch of the lower jaw where there have been preserved the back part of the body and the lower part of the ascending branch (Fig. 65).

A comparative analysis has demonstrated that this discovery belongs to the group of Neanderthal men where the paleoanthropological discoveries in *Toutavel* (France) are also referred to.

This paleoanthropological discovery is the most ancient one of all those known in the post-Soviet area. The *Azykhanthropus* lived in the first half of the Middle Acheulian period, in the beginning of *mindal-riss* (around 350,000 – 400,000 years ago).

Remains of the hearths of the Acheulian period hunters. The 1972 – 1974 excavations at a corridor part equidistant from the entrance (24 to 30 meters) revealed a whole series of different-size hearths at different depths of the section in Layer V and Layer VI (Fig. 68, 69). In our country, remains of the Acheulian-dated hearths for the first time ever were identified in *Cave Azykh*.

Masonry traces are put on the fourth hearth's level. The masonry's height at one part is 20 to 30 centimeters. The slabs have the following dimensions: 35/40/10 centimeters and 20/30/5 centimeters. There has been preserved the lowest part of a rounded masonry, proceeding from which it is possible to identify the initial form of the circle. The masonry is 4 meters long. It stretches along

the large hearth (the third one) toward the small hearth (the fourth one) (Fig. 72 – 74). Masonry remains were also known in the Middle Acheulian site of *Latamna* (Syria), Lower Acheulian site of *Terra-Amata* and Upper Acheulian *Grotto Lazare* (France).

About spiritual life of the Acheulian hunters. Remains of the skulls of cave bear were discovered in Layer V, at a crack that emerged in the southern rocky wall of the corridor ("the hiding-place") and was situated at the level of the boundary between the third horizon and the fourth horizon in Layer V. It is identified that the skulls were put into "the hiding-place" intentionally and placed in a special order.

At one of the discovered skulls, there are 8 slanting notches made by stone saw. The skulls have different lengths and similar widths and depths (Fig. 75).

The seventh chapter is devoted to the Middle Paleolithic (*Mousterian*). Azerbaijan's *Mousterian* in the work is represented by four chapters; nevertheless, description of *Azykh's Mousterian* occupies the main place in the work.

1. *Mousterian* period in *Cave Azykh*.

Archeological excavations in the Lower *Mousterian* Layer III discovered 3,744 stone tools, including 2,159 specimens as production wastes, 1,477 specimens as semi-finished tools, 63 specimens as cores and 33 specimens as core breaks.

The stone tools are made of flint slate (1,786 specimens), flint (1,293 specimens) and obsidian (14 specimens). The number of pebble tools is only 18.

Primary refining. The cores are largely disc-shaped while the majority of semi-finished tools are blade-shaped. The number of discovered cores does not correspond to either the number of flakes or the diversity of the composition of unprocessed material. Perhaps, the bigger part of semi-finished tools and flakes was made beyond the site's boundaries.

Cores (63 specimens) are made of flint slate (31 specimens) and flint. The majority of them are broken ones. The cores can be subdivided into the following types: disc-shaped one-sided ones (16) (Fig. 77, 2, 4; 87, 1, 2), disc-shaped two-sided

ones (30) (Fig. 77, 1, 3), one-platform ones (4) (Fig. 87, 4, 6), two-platform ones (3) (Fig. 87, 5, 3), triangular one (1), and polyhedral ones (9).

Core breaks (33 specimens) are made of flint slate and flint. It is not possible to identify particular types of cores among them.

Chips. The Levalloisian semi-finished tools overwhelmingly are blades and also triangular chips and flakes. As to the striking platforms, there are 43 specimens of smooth platforms, 54 specimens of dihedral platforms and 136 specimens of faceted platforms. Out of 289 Levalloisian chips, no striking platforms were identified only at 56 specimens.

Of non-Levalloisian chips, flakes are 615 specimens, blades are 464 specimens and triangular chips are 85 specimens. As to the striking platforms, there are 209 specimens of smooth platforms, 214 specimens of dihedral platforms and 351 specimens of faceted platforms. Out of 1,164 Levalloisian chops, only 390 have no striking platforms. Of 1,453 chips, more than 80% are non-Levalloisian ones and more than 13% are Levalloisian ones.

The typological description. In the collection of Layer III, there have been identified Levalloisian typical flakes (39 specimens) and atypical flakes (17 specimens). The typical ones are made of flint and overwhelmingly are bladed while the atypical ones are made overwhelmingly of bladed flint slate.

Levalloisian pointers (68 specimens), including fragmented ones (27 specimens) are made of flint slate (36 specimens) and flint (32 specimens). They can be subdivided into triangular ones with straight or poorly convex blades and the biggest width in the foundation (14 specimens), pointed ones (4 specimens) in the form of gothic pointed arch, leaf-shaped ones (11 specimens) narrowing toward the foundation, and elongated bladed ones (12 specimens) having more or less parallel edges on the bigger part of the body.

Levalloisian non-retouched pointers are 3 to 9 centimeters long, with pointers 4 to 7 centimeters long as most typical ones. The pointers overwhelmingly are up to 1 centimeter thick and only few of them are more than 1-centimeter thick. The shapes of the majority of non-retouched pointers

resemble that of triangular ones.

Levalloisian retouched pointers (36 specimens) (Fig. 79, 1 – 5, 7), including 16 specimens of fragmented ones are bounded largely of Levalloisian cores. Nevertheless, a number of them, as it appears from facets of backs-semi-finished tools, could be obtained from less specialized cores such as orthogonal, one-sided, one-platform and two-platform ones.

The edge retouching used for the shaping of tools equalizes smaller or larger parts of the tools' blades, adjusts the blades and sometimes is spread over the entire perimeter of the tools except for the striking platform. The retouching is permanently faceted, not deep, semi-sloped and, as a rule, one-row and scaly (sometimes with small fractures) or sub-parallel.

Levalloisian retouched pointers are 3 to 8 centimeters long; only 3 specimens are longer than 7 centimeters as compared to 7 specimens of non-retouched pointers, which are longer than 7 centimeters. As to thickness, retouched pointers are thinner than non-retouched ones, i.e. are less than 1 centimeter thick (16 tools or 78% of total). Tools of this group are marked by elongated proportion: the length is more than a double increase against the width (40% of tools). The share of pointers in the first excavation substantially lags behind that in the second excavation, which make up 70% of total number of pointers.

Pseudo-Levalloisian pointers (12 specimens) in the collection of Layer III are expressed very poorly (Fig. 78, 5, 9).

Mousterian pointers (16 specimens). These tools are technically based upon the very Levalloisian pointers and blades typical for Azykh. At the same time, Mousterian pointers in Layer III, on average, are a bit shorter and more massive. They are made largely of flint (11 specimens), flint slate (4 specimens) and obsidian (1 specimen) and are very thoroughly retouched. The Mousterian pointers have triangular shape (5 specimens), pointed shape (2 specimens), leaf shape (5 specimens) and blade shape (4 specimens). The majority of them are triangular and leaf-shaped pointer (Fig. 79, 6, 8; 80, 1 – 5).

The second important part of the stock of Layer III consists of racloirs. Typologically, they

are as follows:

1. Simple convex racloirs (25 specimens) (Fig. 82, 2; 85, 7) overwhelmingly are bladed. Some of them have natural back.

2. Simple concave racloirs (19 specimens), which include 1 specimen in the form of natural back and another specimen refined with notched retouching.

3. Double straight racloirs (18 specimens) (Fig. 81, 7; 88, 11) have 2 non-coinciding lateral edges converted into racloir due to retouching. Semi-finished items of these tools are bladed.

4. Double straight-convex racloirs (9 specimens) (Fig. 88, 6) and double convexo-convex racloirs (2 specimens) (Fig. 86, 3; 89, 2) are refined with sharpening fine retouching.

5. Double convexo-concave racloirs (2 specimens) are bladed semi-finished items (Fig. 88, 4).

6. Convergent racloirs (2 specimens) differ from pointers by a wider angle of coincidence of blades, obtuse distal edge and a bigger mass of semi-finished item (Fig. 88, 7, 8).

7. Convergent convexo-concave racloirs (4 specimens) are made of flint.

8. Angular racloirs (14 specimens) (Fig. 81, 1 – 6, 8 – 9) are the most interesting ones in the stock of Layer III. They have two coinciding blades. They are subdivided into two subtypes: a) triangular, elongated-sloped ones with both distal blades, and b) elongated, hump-shaped ones with one straight blade and another strongly concave blade.

9. Transversal straight racloirs (4 specimens) (Fig. 84, 8, 9), including one racloir having three-sided working blade.

Worthy of a note is that all tools mentioned above are refined, regardless from typological distinctions, with edge, faceted and sometimes scaly-stepped, sloped, semi-sloped and sharpening retouching.

In addition, the following kinds of tools were discovered in Layer III: racloirs with retouched abdomen (8 specimens) (Fig. 85, 8; 82, 8; 84, 7), racloirs with two opposite retouching (2 specimens) (Fig. 86, 4), typical racloirs (6 specimens), atypical racloirs (3 specimens), typical burins (2 specimens) (Fig. 83, 1, 3; 84, 10), typical knives with back (3 specimens) (Fig. 82, 7; 85, 1; 89, 5),

atypical knives with back (4 specimens), natural knives with back (7 specimens), notched tools (12 specimens) (Fig. 83, 5, 6, 8) and denticulate tools (9 specimens) (Fig. 76, 1, 3, 4; 86, 6).

Different tools (16 specimens) overwhelmingly can not be identified; some of them are large.

There are also a chopper (1 specimen) and handaxes (3 specimens) (Fig. 76, 2, 5). The latter are leaf-shaped and heart-shaped.

Racloirs with a refined body (7 specimens) have two-sided and three-sided working blade (Fig. 88, 9, 10).

Fragmented chips and tools (55 specimens) consist of two groups: a) naturally fragmented ones (32 specimens) and b) artificially fragmented ones (23). Of them, there are distinguished pointers, simple straight racloirs, double racloirs, backed racloirs as well as knives (Fig. 84, 1 – 4).

2. The Mousterian site in Cave Taglar

Inhabitants of the Cave used a great variety of sedimentary rocks (slates and different-value flints) and volcanic rocks (obsidian and andesite) for the making of tools. The collection consists largely of slates and flints.

The primary splitting of stone was carried out with the help of Levalloisian, discus-radial and Upper Paleolithic technique. On the whole, the technique of stone splitting is described by the following technical indicators common for all layers: Levallois index – 46.4; blades' index – 34.6, general index of adjusting of chips' striking platforms – 66.2, and fine adjusting index – 34.6.

The secondary splitting of stone was carried out advantageously by means of edged, faceted, sloped and semi-sloped, light and semi-deep retouching. Spread retouching was used rather seldom while continuous and two-sided, abdominal and opposite retouching was used only in single cases. Playing a considerable role in the secondary splitting was the technique of truncation of tools and the technique of refining of their edges (either basalt or distal one or both simultaneously).

Typologically, the composition of tools is described primarily by high Levallois index of 37.5 and racloir index of 53.0 (Fig. 90 – 95). The following typological groups are typical: Levalloisian (Levallois chips and pointers of all

types) ones (37.3); Mousterian (pointers, limaces and racloirs of all types) ones (59.2); Upper Paleolithic (scrapers, burins and picks) ones (1.3); and denticulate tools (1.2).

Pointers and racloirs of all types (including Levalloisian ones) make up 88.4% of total number of all tools on the typological list. The share of these tools in the retouched ones (with the exception for Levalloisian pointers) is 94.1%.

3. The Mousterian site in Cave Dashsalakhly

A total of 326 stone tools were discovered in the Cave. The tools were made of jasper, hornfels, pelitomorphic limestone, andesite and an insignificant volume of obsidian.

As to the technique of making of flakes, we have to note that single discoveries of cores (as compared to numerous finished flakes), discoveries of small breaks, which the waste of production of tools, and other data indicate that flakes were made outside the site. Later on, the flakes were refined at the site, a factor, which allows regarding the Cave as the permanent place of residence of Paleolithic hunters.

Semi-finished items largely are triangular, sub-triangular and bladed flakes, which are, as a rule, thin and elongated (Fig. 96).

4. Stone tools in Grotto Damjili

Comparative analysis of stone tools has illustrated that an overwhelming majority of the material date back to the Upper Paleolithic and Mesolithic-Neolithic period. Of the discovered stone material, only an insignificant number (some 20 items) dates back to the Mousterian period, something that does not allow describing them statistically.

Pointers (8 specimens) are made of short triangular flint flakes. Racloir-shaped tools (12 specimens) are made of elongated, wide and more massive flakes. Typologically, they are subdivided into rounded, elongated, pointed, denticulate and notched ones.

The eighth chapter deals with the industrial peculiarities of Lower Paleolithic cultures in Cave Azykh. This chapter consists of four parts, each of which gives a comparative analysis concerning the periods of Old Paleolithic and Middle Paleolithic in Azerbaijan.

The first part tells about some preliminary

results of examination of the industrial complexes of the Kuruchay culture (Layers VII – X of Azykh). Of typologically most favorably expressed forms, there should first of all be noted the presence of one-edged chopper with straight blade (Fig. 30, 4) in Layer X and, in terms of the technique of making, there should be outlined the convergent principles of blade orientation of two-bladed chopping tool (Fig. 31, 3), which is represented here in its archaic, semi-sloped, large, opposite-bladed option, which is met even in the industry of Layer V (Fig. 61, 1).

The discovery of a non-pebble tool, with fully refined edges and facets, which we call "a proto-dent", in Layer X is a very typical one. This is a high dihedral tool with two pointed edges having the retouched coinciding facets and trimmed retouching from the blade's rear (Fig. 31, 2). In terms of principles of refining, it can be regarded as a prototype of one-sided and two-sided convergent racloirs with a pointer presented in considerable amount in the materials of Layer VI and (in a more archaic option) in Layer IX (Fig. 33, 3).

Probably, under the making of this tool, it was suggested putting the high facet upwards and putting the flat surface on the tool's rear, i.e. that was the birth of form of a flat-convex racloir tool of "iron" type presented well in Layer VI (Fig. 42, 6). Simultaneously, this tool is interesting for that it is a non-pebble one and reveals principles of refining and sharpening of edges, which later were used widely by inhabitants of Layer VI for the making of bifaces.

Of tools made of flakes, there should be emphasized a racloir with convex blade and retouched tip, asymmetry of which is stressed by the opposite encoche hollow (Fig. 30, 2). Such form of flaked racloirs is later met in the materials in Layer IX (Fig. 33, 2). Further, the principle of such making of rounded asymmetrically concave notched edge is used wide for either the refining of racloirs or the making of handaxes of elongated-oval type in the Lower Acheulian industry in Azykh's Layer VI. It can also be noticed that the technique of trimming of racloir blade by two chips from the rear side, identified on the example of a miniature racloir in Layer X (Fig. 30, 1), is also detectable on a tool of scraping function in

Layer VII (Fig. 40, 1) and was used rather widely for the refining of scraping tools in the industry of Layer VI.

A higher located Layer IX yielded a small number of artifacts, as compared to that in other Layers, containing Kuruchay culture tools. Correspondingly, the diversity of forms of tools represented in this layer and techniques of their refining increases. Given that the number of artifacts discovered in Layer X is much smaller than that in other Layers and that separate types of tools in Layer IX are repeated in an unchanged form (Fig. 30, 2 and 33, 2; 30, 4 and 34, 1), it is possible, at this stage of studies in Cave Azykh, to unite preliminarily the industries of the two lowest layers into one stage of Kuruchay culture development. A larger number raw-material pebbles and an increase of the number of cubiform tools are probably due to an increase of the total number of discoveries in Layer IX as compared to that in Layer X. The latter illustrates that, apart from refining of raw-material pebbles, Azykh Cave inhabitants, yet at the initial stage of settlement, freely used the techniques of refining of ordinary raw materials as well; such undoubtedly left its mark on general image, traditions and the nature of development of Kuruchay culture industry but was reflected more comprehensively in the industry of Layer VI, which is dated back to the Lower Acheulian period.

If we regard the Layer IX industry from the aforesaid position, we first of all would like to notice that forms of tools with one working blade (either elongated or straight or one-sided (Fig. 32, 8) or two-sided (Fig. 34, 1; 33, 5, 6) fully dominate among pebble forms (such as choppers and chopping tools) at this initial stage of the Kuruchay culture. However, apart from such form of pebble tools, here there are also transversal forms of pebble tools with not the narrow tip but the longest edge retouched. As a result, there was made a tool with a broad transversal blade with a long pebble heel on the opposite side.

It is interesting that the retouching of transversal choppers and chopping tools in Layer IX covers right the angles of transversal blades and goes onto short lateral edges (Fig. 34, 2; 32, 4). This method, after being improved gradually, is

met in Layer VI this time in the specimens of transversal chopper with a convex blade and sharpened tips (Fig. 44, 2) – a prototype of similar-form racloirs made of flaked materials, which are presented so widely in the Layer VI industry. It is known that such flaked racloirs are also met in Layer VII (Fig. 40, 4), something that makes the Kuruchay culture tradition closer to the tradition of the Lower Acheulian in Azykh's Layer VI.

Another peculiarity of the Layer IX industry (or the initial stage of the whole Kuruchay culture) should be considered appearance of shapes, which later appear only in the form of flaked items representing massive pieces and breaks of appropriate rocks or flat pebbles.

As to flaked tools, there should be mentioned, in addition to forms, which were discovered in Layer X, a three-blade transversal angular racloir with junction angles retouched (Fig. 33, 4). Also, we'd like to mention a flaked chisel-shaped tool with blade's fluted retouching (Fig. 33, 1). The existence of such a tool in the Kuruchay culture yet at its initial stage of development in Azykh, along with convergent and angular racloirs and wedge-shaped tools and scrapers, illustrates that the tradition of delimitation of principal groups of tools and their forms had been established primarily at the initial stage of Cave Azykh's being settled and further was only improving and finally culminated in the Lower Acheulian industry of Layer VI.

Azykh's Layer VIII, despite having a smaller number of materials than that in Layer IX, nevertheless, reveals substantial changes in the industry's image. Along with the prevalence, like that in lower Layers, of elongated choppers and chopping tools with a narrow working blade, here there initially appear choppers with a narrow heel, which requires special selection and application of the pebble raw material (Fig. 39, 1). The second innovation is the appearance of the so-called gigantolithic chopping tools with a long heel and transversal blade notched on both flanks in the center of transversal long edge from a wide asymmetric ledge, which is the main working element (Fig. 35, 3; 36; 37, 4).

This Layer marks the initial appearance of tools in the form of pointed ledge choppers of two

kinds. The first kind is transversal tool on spilt pebble (Fig. 35, 2), which is the prototype of blade-borer located in the middle of lateral edge of flaked material met in Layer VII this time in the option of flake and also known well in the stock of Layer VI (Fig. 40, 6; 50, 3). The chopper's second kind is a chopper with blade of not pebble but cubiform material (Fig. 37, 2). Such a chopper is distinctive for that its pointed ledge is retouched by big chips, which go diagonally from the edges to the center of the back, thus forming a middle edge-facet in the tool's upper 1/3 part. Such a technique is presented widely in the retouching of extended-proportion choppers' blade in Layer VI (Fig. 49, 8).

Pyramidal choppers with straight sloped transversal blade, which represents a sloped facet retouched on the edge's side, also appear in Layer VIII (Fig. 37, 3). At the same time, flaked tools, which are not numerous in this Layer, are inclusive of racloirs similar to that in a lower layer, including a transversal wedge-shaped tool with a ledge called "duck nose". At the previous stage, this form was not a flaked one but a split pebbled one.

In Layer VII, along with the already known and described above forms of tools discovered here only in the flaked options (except for chopper and chopping tools), a new form is a partially bifacial tool with horizontal back – a prototype of a bifacial backed knife – the form that developed yet in the Acheulian period and was discovered alongside with bifaces in Azykh's Layers VI and V. At the same time, flaked tools in Layer VII resemble in much that in Layer VI either typologically or from the point of correctness of being made. Here, there are typical beak-shaped burin with back, angular scraping knife, transversal racloir with a short convex back and sharp blade, a rear scraping tool, a blade with borer in the middle of lateral edge (Fig. 40, 2, 6; 41, 1, 2), and a chisel-shaped tool of big flake with a retouched straight blade (Fig. 54, 6).

By taking into consideration all aforesaid arguments about the nature of change in the Kuruchay culture industry within the period of its existence in Azykh (from Layer X to Layer VII), we think it is essential to subdivide it into three

stages. Criteria for the delimitation of stages are two principal indicators: 1) appearance of a new group or a new type of tools, 2) replacement of a cubiform or slab item by a flaked one. The second indicator requires certain explanation. We have identified that a new form of tools initially is formed of not flaked but fragmental or pebble item and only then is replaced by a flaked one; however, appearing near to the latter are also new groups and forms of tools, which initially also are formed from the primary rock pieces and only then (Layer VI) are displayed in the form of flaked tool.

Stages of development of the Kuruchay culture.

Stage I (Azykh's Layers X and IX). There are forms of one-edged and transversal chopper of non-flaked material ("protodent", a prototype of ancient convergent racloir and "iron"-type tool), convergent straight racloir with a blade, a beak-shaped tool of flaked material (racloirs including that with a rounded blade), and chisel-shaped fluted forms.

Stage II (Azykh's Layer VIII). Here, pebble and cubiform tools prevail over flaked ones. As to pebble forms, there are choppers and chopping tools of a considerably complicated nature: appearing here are the so-called "gigantolithic" (transversal choppers with the main working wide ledge in the center of transversal edge) and a kind of chopper with narrow heel, which requires selection of special pebble material. Those tools, which had had the form of rock pieces at stage I, are met here in the flaked option (a beak-shaped form and racloirs. Appearing here also are new groups and kinds of serial tools made of not flaked but cubiform or slab material. They are blade-chopper retouched in the middle of long edge (this tool served as a borer), a short cubiform blade-chopper, and a chisel-shaped tool with straight blade and sloped pyramidal facet.

Stage III (Azykh's Layer VII). All forms of non-flaked tools mentioned above are met in the option of flaked tools in this layer. Appearing here are new kinds of racloirs (angular racloir and transversal racloir with a blade and convex back) and chisel-shaped forms (chisel with big flaked transversal blade). Here, the forms of flaked tools

typologically fully correspond to the forms of similar tools in Layer VI.

A new form here is a tool with straight horizontal back and partially bifacial retouching of sharp edge, a prototype of bifacial knife with retouched back, which developed along with bifaces in the industries of Azykh's Layers VI and V. At the same time, the Layer VII industry is distinctive for that new flaked forms of tools exist in parallel with the old types of pebble tools (choppers and chopping tools) while a more progressive form of a chopping tool – biface – had not emerged here yet and did appear only in the Lower Acheulian industry of Layer VI.

It is to conclude from all above-mentioned details of forming of Kuruchay culture tools that in Azykh's Layers X and IX we face the already fully established main principles and techniques of secondary refining, which later are used and improved in Kuruchay culture's higher layers and are applied even in the Lower Acheulian of Azykh's Layer VI. This allows making substantial conclusion that Kuruchay culture representatives came to Cave Azykh with not spontaneous techniques but techniques of making of tools, which had been worked out over hundreds of thousands of years and subsequently passed to the next generations as traditional ones. Such a conclusion logically makes us think Kuruchay culture representatives, long before they visited Cave Azykh for the first time, existed and developed their traditions and culture inhabiting open-air expanses in the Tug Hollow and in the valley of River Kuruchay.

The second part is devoted to technical-typological peculiarities of the Lower Acheulian industry of Cave Azykh's Layer VI. The collection of tools in Layer VI is one of most numerous ones in the site's archeological materials. Therefore, in order to compare the industry of Kuruchay pebble culture in this layer to that in the Middle Acheulian Layer V and identify main typological peculiarities, it is essential first of all to identify technical-typological description of the materials of Layer VI, which is either stratigraphically or culturally a link between different periods of Paleolithic in Cave Azykh.

The brightest peculiarity of the Layer VI

industry, which differs it from either lower layers or the higher Layer V, is that it is full of small tools, largely flaked ones. Prevailing among them are flakes of most different shapes; however, flakes consist overwhelmingly of mighty ones no less than 1.5 centimeters thick and often more than 2 centimeters thick. Among them, there are largely different-size and transversal flakes while elongated workouts very seldom exceed the double width (most often it is equivalent to 2/3 to 3/4 of a workout's length). There are very often met workouts whose splitting does not coincide with a tool's core axis. Another peculiarity is a strict division of flaked workouts, of which tools were made. The workouts were divided into a category of large flakes of flint slate and pebble green-stone rocks (such as felsite, etc.) and a category of small and middle flakes, which, even after having become different kinds of tools, keep all principal signs of the primary flaking (such as bulb of percussion and smooth sloped platform) and fragmented workouts.

In the Layer VI industry, the technique of intentional dismembering of workouts before they were used for the making of tools was applied, probably, relatively broadly. Anyway, the collection of tools is full of a significant number of tools made of not whole flakes but parts of flakes. Fragmented workouts most often are represented in the form of flint raw materials: this is to conclude that Azykh inhabitants valued it most of all. Of fragmented workouts there were made largely short mighty dihedral convergent racloirs with straight edges and pointed tip as well as backed racloirs. Such fragments were used for the making of different-kind small racloirs with rounded blade and of beak-shaped tools. It is typical that the majority of such tools had all edges and foundation retouched, something that is met not often at similar-form tools made of whole flakes. At the same time, special blades, chisel-shaped blades and denticulate tools made of fragmented workouts almost were not used because they were preferred being made of whole, larger workouts. Vice versa, large workouts, most often scraped from pebbles and having a rounded pebbled surface of the back, were preferred as the material for the making of not racloirs with sharp blades and

backs (something that would have seemed more convenient) but cutting tools like backed knives, angular racloirs-knives with edges sharpened by alternating retouching, and beak-shaped chopping forms, including double and triple ones.

As to technical description of the Layer VI industry, certain qualitative and quantitative discrepancy between the number and nature of workouts in the collection and cores met in the Layer is apparent.

Cores and core-shaped tools in Layer VI consist largely of fully processed small-size uncertain core breaks revealing the system of takings out close to orthogonal one. It is difficult to classify such core breaks into types; nevertheless, it should be noted that neither of the core negatives corresponds to the nature of chips discovered in the Layer because the negatives have a much smaller size.

The collection consists of only one large-size polyhedral core (Fig. 42, 6) not to mention that it is converted into an "iron-type" tool. There is one specimen of a shortened pyramidal core, from which large flakes were split. Discus-shaped two-sided cores typologically are expressed best of all. The splitting of such cores was conducted through hits going from the edges to the center, they were lentil-shaped in the section (Fig. 43, 1; 57, 3). There are two expressionless discus-shaped cores of one-sided splitting. The composition of cores in Layer VI is exhausted by the above-listed forms of cores. It should, however, be assumed that part of flakes, which served as a material for the making of tools, was obtained not from specialized cores but during the splitting of pebble tools such like choppers and chopping tools and during the forming of edges of large mighty tools – "irons".

In the Layer VI collection, there are very well presented bifaces, choppers, chopping tools and different flaked tools. Bifaces in Layer VI have two forms only: handaxes and bifacial knives. Bifaces are numerous and diverse but do not represent any particularly expressed series: only the recurring techniques of making are common. The principal technique is a compulsory processing and sharpening of the heel part by chips. Another typical feature in the forming of pebbled handaxes was that a considerable section of non-split

pebble surface (in the part that is adjacent to the sharp tip) was left at one of a biface's surfaces (Fig. 46, 1, 2). The same technique sometimes was used for the making of pointers from primary flakes with pebbled crust: a workout was oriented with a smooth pebble back downwards while retouching was put onto rough grainy surface of the abdomen. Such a technique is very typical for Lower Acheulian industries, which were based solely upon pebble raw materials, in particular, industry of the Karatakuy culture in Tajikistan.

The collection of Layer VI also consists of perfect specimen of a bifacial knife with horizontal straight back, one edge of which is straightened by vertical flattening chips stretching along the main plane of biface (Fig. 58, 5). The same technique sometimes was used for the retouching of backs of angular racloirs-knives (Fig. 58, 1).

Among bifaces, the form of almond-shaped handaxe of an extended proportion should be outlined. Another tool having a processed heel with lentil-shaped section is mighty and lance-shaped (Fig. 46, 2). It resembles the Abbevillian handaxe with a strong zigzag-shaped profile but is distinguished for its fully processed heel. In addition, Layer VI contains elongated oval handaxes, sometimes with special asymmetric oval tip. Such handaxes resemble a racloir with rubber. Among the bifaces, there is one specific form: "biface-racloir".

In the Layer VI collection, the category of "tools for rough work" is represented by choppers, chopping tools, rough chopping tools and scraping "iron-type" tools. There are no spheroids in Azykh. Choppers consist of one-sided shortened choppers with long straight semi-sloped transversal edge (Fig. 42, 1) and choppers made of strong pebbles with a very sloped straight edge (Fig. 44, 4).

The collection also consists of chopping tools, which, however, are presented in the form of small-sized specimens. A three-edge chopper and a rough chopping tool resemble (Fig. 44, 1), in the sense of the nature of making of edges, flat convex proportions, the existence of working ledge trimmed from the rear, and choice of flat pebble surface as the foundation, the prototype of specific-form scraping-chopping tool of Azykh-the so-

called "irons". They are presented by a whole series of similar forms. Here, an absolutely prevailing group of tools are racloirs, which can be subdivided into simple straight and convex ones, backed ones with straight or convex back, double ones, convergent ones, and angular ones.

Pointers in the Layer VI collection are not numerous. In terms of proportions, they are subdivided into elongated pointers with oval edges, middle-size pointers, leaf-shaped pointers, shortened pointers, and extended-size pointers.

The group of denticulate tools is represented poorly either quantitatively or typologically.

Of specific forms discovered in the denticulate option only, there should be outlined mighty-section forms of archaic Tayacian pointers (with no distal tip retouched—the so-called "obtuse pointers", a trihedral blade with retouched rear, and a large denticulate backed tool, whose blade is retouched by Clactonian and Tayacian encoches with a dent at the junction, and with the corner distinguished for a rounded semi-sloped blade asymmetric to the tool's axis (Fig. 52, 3, 7). Such tools comprise a series; the collection encounters 5 such specimens. There are few single Clactonian encoches. The technique of retouching of tools' working edges with the help of Clactonian encoches in the Layer VI industry is expressionless, something that differs it from a series of Acheulian monuments containing Tayacian-denticulate tools.

Scraping and chisel-shaped group of tools in the Layer VI industry is expressionless either quantitatively or qualitatively. Serial nature of types is almost fully absent among tools with scraping working edges. Having single form are a scraper with "mug", double tool-scraper, convergent scraper, denticulate scraper with a convex blade, etc.

Chisel-shaped racloirs serially are presented rather well. It is only difficult to identify type of such tools though it is evident that the principles of forming of the working part were inherited by Layer VI inhabitants from Kuruchay culture carriers because such a technique is met widely in the stock of Azykh's Layers VII – VIII where tips of chopper-like tools were formed using this technique.

The third part is devoted to technical-typological estimate of the Middle Acheulian industry of Cave Azykh's Layer V. At first look, the industry of this layer differs rather sharply from that in the preceding Lower Acheulian Layer VI.

First of all, it is remarkable that the tools of *Homo habilis* discovered in Layer V are not numerous though the thickness of sediments in the layer is a triple increase against that in Layer VI. Here, there were discovered only 289 artifacts against 1,890 in Layer VI. At the same time, the share of readymade tools in all artifacts in Layer V is a double increase against that in Layer VI: 42% against 22.6%, respectively.

It is interesting to compare metrical parameters of workouts and percent content of smooth faceted platforms of chips in Layer V to that in Layer VI. Layer VI yields 54.5% of smooth platforms, 31% of dihedral platforms and 14% of faceted platforms. In Layer V, the figures are equivalent to 70%, 11.4% and 18.6%, respectively. Evidently, there is no considerable shift in primary splitting development, in terms of this technical indicator. As compared to Layer VI, Layer V sees an insignificant increase of faceted area of the striking platforms and a bit stricter polarization of kinds of these platforms (and possibly, different techniques of splitting), which is expressed through a decrease of the percent number of dihedral platforms.

Pebble tools still are presented rather well in the Middle Acheulian industry in the form of classical types of choppers and chopping tools. The collection contains one-bladed choppers, choppers with straight transversal semi-sloped edge (Fig. 59, 3), and two-edged convergent choppers with blades coincidence angle ranging within 90° and 100° and pointed heel, which are quite similar to the specimen in Layer VI. The same technique was applied for the making of miniature chopping tool with two opposite blades, including the transversal one having a two-sided trimming (Fig. 59, 1).

However, innovations in the techniques of making of pebble tools in the Layer V industry are evident. Here, there is applied the splitting of massive pebble raw materials into two halves along the profile, or the full trimming of a flat pebble

workout from the crust from one plan, with the flaking of supplementary chips of main working blade only. In Layer V, that was the way of forming of transversal chopping tools (Fig. 59, 5); pebbles split lengthwise were used for the making of typologically more strictly and more perfectly formed tools. They are primarily a chopper-shaped racloir with a rounded blade (2 specimens) whose modification are racloirs with rounded roughly retouched sections of large flakes with pebble crust or slab items (Fig. 61, 2). Single specimens of such racloirs are presented in the materials of Layer VI. In terms of system of the making and given that such racloirs have sharp transversal ledge, it is similar to cubiform chopper-blade in Layer VIII (Fig. 37, 2). At last, of pebbles split lengthwise there was also made transversal chopping tool (Fig. 63, 1), which more correctly should be regarded as a bifacial knife with back (in its pebble option) discovered in Layer VI.

Handaxes in Layer V are presented in the form of two main types identified yet among the materials in Layer VI. In Layer V, they are finer (straightened profiles of blades of tools) as compared to zigzag blades and profile of similar type handaxes in Layer VI. The first type is elongated-oval handaxe with a slightly sloped hollowed oval asymmetric tip (Fig. 62, 1). The second type is elongated almond-shaped handaxe with pointed tip and straight blades (Fig. 62, 2).

Thus, bifaces continue to keep the tendency that was born yet during the Lower Acheulian—the making of oval axes with notched oval tip or almond-shaped axes with the fully refined foundation. Nevertheless, the Layer V industry apparently gives preference to backed bifacial knives, which also take beginning from the Layer VI industry.

Of flaked tools, there is absolute prevalence of racloirs of different kinds. In particular, there is the form of transversal racloir with back-platform made of a big primary pebble flake (Fig. 61, 3). No such large racloirs were discovered in Layer VI though the very system of making of transversal scraping blade with rounded corners was known well in the Layer VI industry.

Another big racloir also made of primary pebble flake is angular-convergent form of racloir

with blade and foundation thinned through bulb's trimming, a type of tool, which is the latest, bigger and improved modification of the form of convergent racloir with blade from Layer VI. Here, like in Layer VI, there are high one-blade straight racloirs with its raw material fragment pointed, transversal racloir with a short blade hollowed in the corner, elongated-oval racloir with its raw material's whole periphery retouched (a prototype of racloirs-limaces but of more extended proportions) non-convergent racloirs, double racloir, convergent-angular racloir with blade, and straight-convex short flaked racloir. However, racloirs with back (either with or without blade) presented so widely and serially in the Layer VI industry are presented in the Layer V collection only by single specimens of transversal short backed racloir.

In the Middle Acheulian period, Cave Azykh started serving only as a place of temporary residence, a kind of hunting camp of *Homo habilis* while the principal settlements of the ancient people were located somewhere in open-air places in the valley of River Kuruchay.

The fourth part highlights main typological features of Middle Paleolithic industry in Azerbaijan.

It is just right to regard Azykh's Mousterian industry wholly as not Levalloisian one but a faceted one, with the high degree of fine retouching of striking platforms. Given that the Layer III industry contains a great number of backed forms and different kinds of scrapers and bladed racloirs and that the collection contains two bifaces, we'd like to specify this industry's type as Mousterian with the Acheulian tradition enriched by racloirs. Taglar's Mousterian is Levalloisian, bladed faceted industry referred to the typical Mousterian group in its typologically Levalloisian faction.

Conclusion

Stratigraphically exactly documented Paleolithic sites of the Caves of Azykh, Taglar, Dashsalakhly, etc. were identified within 30-year field archeological excavations in the territory of Azerbaijan under the author's guidance. Here, there were discovered unique (for Azerbaijan) archeological, Paleontologic and anthropologic

materials of global scientific importance of the history of the man's initial settlement in the territory of our country, ethnical genesis, social and spiritual life of our ancestors in Azerbaijan.

There is identified the chronological succession of Paleolithic periodization ranging from the period of pebble Kuruchay culture (resembling Oldowan) to the beginning of Upper Paleolithic, for the territory of Azerbaijan. Moreover, Paleolithic of pre-mindel (Absheron) and mindel (Baku) age in the entire Caucasus's Paleolithic stratigraphy was absent before Cave Azykh was excavated.

The results of complex studies illustrate that, in terms of geological age of the most ancient cultural layers, Cave Azykh is one of the most interesting sites of the ancient man and unique one in the post-Soviet territory and, in terms of chronological range of cultural layers covering the bigger part of the humankind primordial history (from pebble culture to the Mousterian period inclusively), is the only one of such kind in the world. The area of Cave Azykh, i.e. southeast of the Small Caucasus is one of the most ancient hearths of human civilization on the planet.

Artifacts, which were obtained from the most ancient layers – VII – X – dating back to the Absheron epoch (Eopleistocene), strongly differed from the Lower Acheulian Layer VI tools by big dimensions, prevalence of pebble tools, absence of bifaces, and roughness and primitiveness of secondary refining techniques. All this served as a ground to unite the industry of Azykh's Lower (VII – X) Layers into particular one, more ancient than the Lower Acheulian pebble culture we call Kuruchay culture. This culture emerged and developed in a very favorable geographical area, at a junction of three great continents. This geographical area may yield new, still unknown archeological monuments of origin of humankind's material culture. The typological composition of pebble tools of the Kuruchay culture illustrates that the tools were the prototypes of materials of Lower Acheulian, Middle Acheulian and Mousterian layers of the site.

It is possible to conclude from all details of forming of the tools, an increase of typological composition, secondary refining techniques and

technical-typological indicators that Kuruchay culture inhabitants entered the Cave with techniques of making of tools, which had been developed within several hundreds of thousands of years and then passed to the next generations as a tradition.

Thus, Kuruchay culture carriers, long before they settled the Cave for the first time, existed and developed their traditions and culture inhabiting open-air expanses of the valley of River Kuruchay approximately 1.5 million – 2 million years ago.

In Azykh's Lower Pleistocene (Baku-Mindel), there were already identified Lower Acheulian forms, which are represented in the form of Layer VI materials and developed on the basis of Kuruchay culture. Such succession of the industry either genetically or ethnically makes the archeological cultures of the site's such non-contemporaneous geological periods related and allows concluding that Cave Azykh's Lower Acheulian culture is the continuation of Kuruchay culture.

Inhabiting Azykh in the Middle Acheulian period were hominids like pre-Neanderthal man dating back to Middle Pleistocene (the Lower Khazar, Mindel-Riss).

The Paleoanthropologic discovery in Azykh is the most ancient one of all discoveries known in the post-Soviet area. It allowed identifying the physical type of Acheulian man who inhabited here approximately 350,000 – 400,000 years ago. In terms of physical type, Azykh's

Acheulian man – Azykhanthropus – occupied an intermediate position in the stage of anthropogenesis between Archanthropuses and Paleoanthropuses. A pre-Neanderthal man's jaw discovered in Azykh is very similar to the anthropologic discovery at the site of Toutavel, France, an indication of existence of a wide area of inhabitation of pre-Neanderthal men in the territory of Europe.

Remains of hearths and masonry were discovered in the Cave Azykh's Acheulian Layers for the first time ever in the post-Soviet area.

The discovery of "a hiding-place" with skulls of cave bears allows asserting the birth of religious notions/the cult of animals of Acheulian

inhabitants of the site of Azykh.

Archeological materials in Azykh's Layer III have the earliest age (Upper Khazar, Riss-Wurm) of Mousterian complexes in Azerbaijan. The Azykh's Mousterian industry combines typological distinctions and techniques of making of tools of either Acheulian or new forms of tools.

Technical-typological indicators of the industry of the site of Taglar put it into the group of typical Mousterian, in its Levalloisian faction.

The archeological discoveries in Cave Azykh and at other sites in Azerbaijan enable to restore the first historical pages of the Caucasus's being settled by man starting from the Absheron period.

Оглавление

Предисловие	3
Введение	5
ГЛАВА I. История изучения палеолита в Азербайджане	7
ГЛАВА II. Природные условия Азербайджана в антропогене	13
ГЛАВА III. Географическое положение и комплексная характеристика палеолитических стоянок Азербайджана	17
1. Географическое положение палеолитических стоянок Азербайджана	17
2. Комплексная характеристика пещеры Азых и ее отложений	20
3. Комплексная характеристика пещеры Таглар и ее отложений	47
4. Пещерные палеолитические стоянки на горе Авейдаг	53
ГЛАВА IV. Культура куручай (олдувай)	60
ГЛАВА V. Древний	81
ГЛАВА VI. Средний ашель	114
ГЛАВА VII. Средний палеолит (мустье)	140
1. Мустьерская эпоха в пещере Азых	140
2. Мустьерская стоянка в пещере Таглар	146
3. Мустьерская стоянка в Дашсалахлы	148
4. Каменная индустрия грота Дамджылы	151
ГЛАВА VIII. Индустриальные особенности древнепалеолитических культур азыхской пещеры	167
1. Некоторые предварительные итоги изучения индустриальных комплексов куручайской культуры (VII - X слои)	167
2. Техничко-типологические особенности древнеашельской индустрии VI слоя	177
3. Техничко-типологическая оценка среднеашельской индустрии V слоя	189
4. Основные типологические черты среднепалеолитических индустрий Азербайджана	194
Заключение	201
Литература	204
Summary	211

Корректор:	И.А.Гинсбург
Компьютерный наборщик:	М.М.Гусейнова Ф.А.Алиева
Дизайнер обложки и графика:	С.Т.Кязимова
Графика:	К.М.Алиева


~~~~~  
Подписано в печать: 07.09.2010.  
Формат: 60x84 1/8 Объем: 31 п.б.  
Заказ 23. Тираж 500.

Отпечатано из готовых диапозитивов  
в типографии ООО "Текнур"

~~~~~  
Директор типографии: Алекпер Мамедов
~~~~~

За содержание книги типография
не несет никакой ответственности!

~~~~~
Адрес: г. Баку, пр. Г. Джавида, 31
Телефон: 497-59-64